

Фредерик Форсайт Кобра

Scan: niksi

«Форсайт Ф.» «Кобра»:
Эксмо; М.; 2011; ISBN 978-5-699-47685-5
Перевод: Сергей Саксин

Аннотация

Президент задает вопрос: можно ли победить наркомафию? Уничтожить на корню гигантскую империю по производству смертельного зелья? Перекрыть каналы доставки кокаина из Колумбии в США и Европу? Да, отвечает Поль Деверо, бывший агент ЦРУ по прозвищу Кобра, если ему предоставят полномочия, деньги, людей и ответственность. А когда на его условия соглашаются, берется за дело. Рискованное, безумно опасное и чреватое колоссальными последствиями. Оценить масштаб которых на момент запуска проекта не взялся бы и самый искушенный политик...

Фредерик Форсайт

Кобра

Посвящается Джастин и всем молодым агентам, британским и американским, кто с огромным риском для жизни ведет тайную войну с наркотиками.

Часть первая

Кольца

Глава 01

Мальчишка умирал в полном одиночестве. И никто об этом не знал, потому что ни одному человеку на всем свете не было до парня дела. Он лежал на зловонной подстилке в углу грязной комнаты заброшенного многоквартирного дома в Анакостии, том районе Вашингтона, которым не гордятся власти и который не показывают туристам, и даже не подозревал, что его смерть развяжет войну. Но даже если бы он и услышал об этом, все равно ничего не понял бы и никак к этому не отнесся. Потому что парень был наркоманом, и наркотики сначала уничтожили его сознание, а теперь убили и его самого.

Ужин в Белом доме в конце лета по меркам президентского гостеприимства был скромным. Всего двадцать гостей – десять супружеских пар – сидели с коктейлями в гостиной, и из них восемнадцать человек были в восторге от того, что находились здесь.

Девять гостей были ответственными сотрудниками Ассоциации ветеранов ВС, общенациональной организации, которая заботилась о благополучии тех, кто в прошлом носил военную форму. За девять предшествующих 2010 году лет появилось огромное количество мужчин и некоторое число женщин, вернувшихся из Ирака, Афганистана и других стран, где принимали участие в военных действиях, ранеными, искалеченными, травмированными. И вот сейчас президент как верховный главнокомандующий выражал свою благодарность девяти гостям из АВ за то, что организация смогла сделать для этих людей. Сотрудников ассоциации вместе с супругами пригласили поужинать там, где когда-то трапезничал сам легендарный Авраам Линкольн. Предварительно первая леди лично провела их с экскурсией по Белому дому, после чего усадила за стол, и теперь они под бдительным оком мажордома ждали, когда начнут разливать суп. Поэтому, когда официантка вдруг расплакалась, произошло некоторое замешательство.

Она не издала ни звука, но супница у нее в руках задрожала. Стол был круглый, и первая леди находилась как раз напротив. Подняв взгляд от гостя, которого обслуживали, она увидела слезы, беззвучно текущие по щекам уже не очень молодой женщины.

Мажордом, от взгляда которого не укрывалось ничего такого, что могло бы побеспокоить президента, проследил за ее взглядом и бесшумно, но быстро двинулся вокруг стола. Он выразительно кивнул стоящему рядом официанту, показывая, чтобы тот забрал супницу до того, как произойдет катастрофа, а сам повел женщину через вращающиеся двери на кухню. Когда они скрылись, первая леди вытерла салфеткой губы, пробормотала извинение генералу в отставке, сидящему слева от нее, поднялась из-за стола и последовала за ними.

Официантка сидела на кухне. Плечи у нее тряслись, и она повторяла: «Извините, извините». Выражение лица мажордома говорило о том, что он не в настроении прощать такое. Подобные нервные срывы в присутствии главы законодательной власти недопустимы.

Первая леди знаком показала ему возвращаться в зал и следить за обедом. После чего склонилась к плачущей женщине, которая, не переставая извиняться, поспешно промокнула глаза краем фартука.

В ответ на пару ласковых вопросов официантка Мэйбл объяснила причину своего необычного срыва. Полиция только что обнаружила тело ее единственного внука, которого она воспитывала с тех пор, как его отец умер девять лет назад.

Убитой горем женщине назвали причину смерти, установленную при вскрытии, и сообщили, что труп внука находится в городском морге.

Так что весь обед первая леди Соединенных Штатов просидела в углу кухни, успокаивая

плачущую официантку, в то время как в нескольких шагах от них ведущие деятели АВ вели высокопарные разговоры за супом с гренками.

Только когда президент два часа спустя снял в своих личных покоях смокинг, он задал очевидный вопрос.

Через пять часов после этого в темноте спальни, освещенной лишь тонкой полоской света, пробивающейся сквозь щель в шторах, которыми были завешаны пуленепробиваемые окна, первая леди заметила, что лежащий рядом с ней мужчина не спит.

В воспитании президента большое участие принимала его бабушка. Их отношения навсегда остались в памяти мальчика. Так что, несмотря на привычку вставать рано, он сейчас не мог заснуть. Лежал в темноте и размышлял.

Президент уже решил, что умерший пятнадцатилетний мальчишка, кем бы он ни был, упокоится не в безымянной могиле для нищих, а на приличном кладбище. Однако его беспокоила причина смерти полного сил подростка из бедной, но порядочной семьи.

В три часа ночи президент спустил свои длинные худые ноги с кровати и потянулся за халатом. Рядом послышалось сонное: «Ты куда?»

– Я ненадолго, – ответил президент, завязывая пояс и шлепая босиком в соседнюю комнату.

Когда он снял трубку, ответа пришлось ждать всего две секунды. Если дежурному оператору и хотелось спать в этот ночной час, она этого никак не показала. Ее ответ был бодрым и жизнерадостным.

– Да, господин президент?

Лампочка на консоли сообщила ей, кто звонит.

Даже после трех лет, проведенных в этом примечательном здании, выходцу из бедного района Чикаго приходилось напоминать себе, что он может получить все, что только ему заблагорассудится, в любое время дня и ночи.

– Вы не могли бы разыскать директора УБН, у него дома или где он сейчас? – смущенно попросил президент.

Оператор не выразила никакого удивления. Когда ты «тот самый» человек, даже если тебе захочется просто обменяться любезностями с президентом Монголии, это может быть устроено.

– Я тотчас же с ним свяжусь, – ответила девушка, сидевшая в центре связи.

Она быстро застучала по клавишам компьютера. Крохотные микросхемы сделали свое дело, и на экране высветилось имя. Запрос личного номера телефона выдал десять цифр. Этот телефон был установлен в симпатичном особняке в Джорджтауне. После десятого звонка ответил бесцветный голос.

– Сэр, соединяю вас с президентом, – сказала оператор.

Государственный чиновник средних лет тотчас же проснулся. После чего оператор переключила главу федерального ведомства, официально известного как Управление по борьбе с наркотиками, на линию в кабинет наверху. О чем говорили президент и директор УБН, она не слушала. Загоревшаяся лампочка сообщит ей, что разговор закончился, и тогда она отключит связь.

– Прошу прощения за то, что беспокою вас в столь поздний час, – начал президент. Его тотчас же заверили в том, что все в порядке. – Мне нужна кое-какая информация, быть может, совет. Вы не могли бы встретиться со мной сегодня утром, в девять часов, в Западном крыле?

Лишь правила вежливости превратили это в вопрос. Президенты не спрашивают, они отдают распоряжения. Директор УБН заверил первое лицо государства в том, что ровно в девять утра будет в Овальном кабинете. Положив трубку, президент отправился в постель. Наконец ему удалось заснуть.

В особняке из красного кирпича в Джорджтауне в спальне продолжал гореть свет. Директор УБН спросил ничего не понимающую спростонья даму в бигуди, какого черта все это значит? Государственным служащим, которых в три часа ночи будит высшее начальство, притом лично, не остается ничего другого, кроме как гадать, где они ошиблись. Причем, скорее всего, по-крупному. Директор УБН больше не лег спать, а отправился на кухню варить кофе и ломать голову по поводу того, что же все-таки случилось.

А на противоположном берегу Атлантики уже светало. На унылых серых волнах, полива-

емых дождем, к северу от немецкого порта Куксхафен качалось судно «Сан-Кристоваль». Капитан Хосе-Мария Варгас стоял у штурвала, а лоцман давал ему указания. Они говорили на английском, едином языке для воздуха и моря. Сделав поворот, «Сан-Кристоваль» вошел на внешний рейд эстуария Эльбы. Через шестьдесят миль он окажется в Гамбурге, крупнейшем речном порту Европы.

При водоизмещении тридцать тысяч тонн «Сан-Кристоваль» был торговым судном общего назначения, бороздившим моря под панамским флагом. Перед мостиком, на котором стояли капитан и лоцман, всматриваясь в туман в поисках бакенов, обозначающих фарватер, тянулись ряды стальных контейнеров.

Они стояли в восемь «этажей» в трюме и в четыре на палубе. В каждом ряду от носа до мостика помещалось по четырнадцать контейнеров, а ширина судна позволяла ставить контейнеры в восемь рядов.

Из судовых бумаг следовало, и совершенно справедливо, что «Сан-Кристоваль» начал свое плавание в венесуэльском порту Маракайбо; оттуда он продолжил путь на восток, где пополнил свой груз еще восьмьюдесятью контейнерами бананов в Парамарибо, столице и единственном порту Суринама. Но вот чего в бумагах не было, так это того, что из новых контейнеров один был особенным, поскольку помимо бананов содержал еще один товар.

Этот товар прилетел на усталом старом транспортном самолете, купленном за очень небольшие деньги, из уединенного поместья в глухом районе Колумбии, через воздушное пространство Венесуэлы и Гайаны, и приземлился на такой же уединенной банановой плантации в Суринаме.

Груз, доставленный на этом самолете, был уложен, брикет к брикету, в самом дальнем углу стального контейнера. Брикеты были плотно утрамбованы от одной боковой стенки до другой, от пола до потолка. После того как они были уложены в семь слоев в глубину, в контейнер была вварена фальшивая задняя стенка. Лишь после этого контейнер был заполнен твердыми, зелеными, незрелыми бананами, которым предстояло оставаться в холоде, но не замороженными до самой Европы.

Грузовики-контейнеровозы с ревом проехали по джунглям до побережья, доставляя экспортный товар. «Сан-Кристоваль» принял контейнеры на борт, разместил их на палубе и вышел в море, взяв курс на Европу.

Капитан Варгас, безукоризненно честный моряк, понятия не имеющий о дополнительном грузе на своем судне, уже бывал в гамбургском порту, но не переставал восторгаться его размерами и эффективностью. Старый ганзейский порт представлял собой не один, а целых два города. В одном городе вокруг Внешнего и Внутреннего каналов Альстер, как им и положено, жили люди, но имелся еще один город, в котором находится крупнейший на континенте центр разгрузки морских контейнеров.

Ежегодно в порт Гамбурга заходит около тринадцати тысяч кораблей, которые встают у трехсот двадцати причалов и выгружают и загружают сто сорок миллионов тонн всевозможных грузов. Один только контейнерный порт имеет четыре терминала, и «Сан-Кристоваль» направили в Альтенвердер.

Пока судно на скорости пять узлов проходило мимо Гамбурга, следуя вдоль западного берега, капитану и лоцману подали на мостик крепкий колумбийский кофе. Немецкий моряк, понюхав напиток, одобрительно покачал головой. Дождь прекратился, сквозь тучи пробилось солнце, команда начала готовиться к увольнению на берег.

Было уже около полудня, когда «Сан-Кристоваль» плавно подошел к выделенному причалу, и почти сразу же один из пятнадцати порталных кранов Альтенвердера выдвинулся вперед и принялся сгружать контейнеры на пристань.

Капитан Варгас попрощался с лоцманом, и тот, поскольку у него закончилась смена, отправился к себе домой в Альтону. Судно заглушило двигатели, все системы жизнеобеспечения были подключены к резервному источнику питания, и моряки, захватив паспорта, сошли на берег и отправились в бары Репербана. На «Сан-Кристовале» воцарилась тишина. Капитан Варгас, для которого судно было и работой, и домом, любил такие минуты.

Он не мог знать, что в четвертом ряду от мостика, на втором сверху уровне, в третьем ряду считая от правого борта находился контейнер с необычной маленькой эмблемой на боку. Для того чтобы ее разглядеть, нужно было хорошенько присмотреться, поскольку контейнеры по-

крыты всевозможными царапинами, пятнами, идентификационными кодами и фамилиями владельцев. В данном случае эмблема имела вид двух концентрических окружностей, одна внутри другой, а в меньшую был вписан мальтийский крест. Это был тайный знак «Эрмандада», Братства, преступной организации, стоящей за девяноста процентами колумбийского кокаина. А на пристани ждала ровно одна пара глаз, готовая узнать эмблему.

Кран поднимал контейнеры с палубы и переносил их к суевающейся армии управляемых компьютером колесных погрузчиков. Эти погрузчики, подчиняясь командам из высокой башни над причалом, перевозили контейнеры от крана к складу. И тут один сотрудник порта, незаметно проходя мимо снующих погрузчиков, заметил эмблему с двумя концентрическими окружностями. Достав сотовый телефон, он сделал один звонок и поспешил обратно в свой кабинет. За много миль от порта грузовик-контейнеровоз покати́л в сторону Гамбурга.

Как раз в это время директора УБН проводили в Овальный кабинет.

Чиновник уже бывал здесь несколько раз, но массивный старинный письменный стол, флаги на стенах и государственная печать не переставали его поражать. Директор УБН восхищался властью, а это место было буквально пропитано властью.

Президент, сделав зарядку, приняв душ, позавтракав и буднично одевшись, пребывал в хорошем настроении. Пригласив гостя сесть на диван, он устроился напротив.

– Кокаин, – начал президент. – Я хочу знать все о кокаине. У вас должен быть огромный материал на эту тему.

– Целые горы материала, господин президент. Дела толщиной в несколько футов, если сложить все папки одна на другую.

– Это уже слишком, – усмехнулся президент. – Мне достаточно всего десяти тысяч слов. Не бесчисленные страницы статистик. Только факты. И общий анализ. Что это такое, откуда это берется (как будто я не знаю), кто это изготавливает, кто переправляет, кто покупает, кто использует, сколько это стоит, куда идет прибыль, кому это выгодно, кто в проигрыше, что нам делать по этому поводу.

– Только кокаин, господин президент? Больше вас ничего не интересует? Героин, «ангельская пыль», фенилциклидин, метамфетамин, вездесущая марихуана?

– Только кокаин. Материал будет предназначаться лично для меня. Я хочу знать основные факты.

– Я прикажу подготовить новый доклад, сэр. Десять тысяч слов. Понятный язык. Совершенно секретно. Через шесть дней, господин президент?

Верховный главнокомандующий встал, улыбнулся, протянул руку. Встреча была окончена. Дверь уже открылась.

– Я знал, что могу на вас рассчитывать. Доклад должен быть у меня через три дня.

«Краун» директора УБН ждал на стоянке. По команде водитель подогнал машину к крыльцу Западного крыла. Через сорок минут директор УБН уже был на противоположном берегу Потوماка в Арлингтоне, в своем кабинете на последнем этаже в здании по адресу дом 700, Арми-Нейви-драйв.

Он поручил задание главе оперативного отдела Бобу Берригану. Его помощник, сделавший карьеру не в кабинете, а на оперативной работе, угрюмо кивнул и пробормотал:

– Через три дня?

Директор кивнул.

– Не ешь, не спи. Живи на одном только кофе. И, Боб, не приукрашивай. Выдай все так, как есть на самом деле. Быть может, нас ждет солидная прибавка к бюджету.

Бывший оперативник прошел к себе в кабинет и попросил своего пресс-секретаря на ближайшие три дня отменить все встречи, интервью и заседания. «Вот они, канцелярские крысы, – подумал он. – Передать дело другому, попросить сделать невозможное, отправиться на ужин и ждать денег».

К заходу солнца весь груз «Сан-Кристовалея» был уже на берегу, однако оставался на территории порта. Грузовики толкались у трех мостов, по которым им приходилось проезжать, чтобы забрать импортный товар. В длинной очереди, вытянувшейся вдоль канала Нидернфельде, ждал и грузовик из Дармштадта, за рулем которого сидел смуглый водитель. По документам он

значился гражданином Германии турецкого происхождения, представителем крупнейшей национальной диаспоры. Но в документах не было ни слова о том, что он принадлежал к турецкой мафии.

Водитель знал, что как только его грузовик окажется на территории порта, дальше никаких заминок не будет. Растаможивание определенного контейнера из Суринама пройдет без проблем.

Такое огромное количество грузов попадает в Европу через гамбургский порт, что придирчивое изучение каждого контейнера просто физически невозможно. Германская таможенная служба ЦКА делает все, что в ее силах. Приблизительно пять процентов ввозимых грузов проходит тщательный досмотр. В некоторых случаях партия товара выбирается наугад, но в основном это делается по наводке, из-за несоответствия характера груза и порта отправки (бананы не привозят из Мавритании) или просто вследствие неправильно оформленных документов.

В ходе проверки могут быть вскрыты пломбы, которыми опечатан контейнер, могут быть измерены его размеры на предмет наличия тайников, в собственной лаборатории проводятся химические анализы, к работе привлекаются служебные собаки, контейнер просвечивается рентгеновскими лучами. За один день рентгенографии подвергается в среднем около двухсот пятидесяти контейнеров. Однако у этого контейнера с бананами таких проблем не должно было быть.

Этот контейнер не отправили в овощехранилище, поскольку по документам ему предстояло немедленно покинуть порт, так что тащить его в холодильник не имело смысла. На гамбургской таможне разрешение выдается электронной системой АТЛАС. Кто-то ввел в компьютер ЦКА двадцатиодноразрядный регистрационный номер груза, и разрешение было получено еще до того, как «Сан-Кристобаль» покинул устье Эльбы.

К тому времени как грузовик с водителем-турком наконец дополз до начала очереди у ворот порта, все необходимые документы на отгрузку контейнера уже были получены. Водитель предъявил их сотруднику ЦКА в будке у ворот, тот ввел в компьютер данные о поставке небольшой партии бананов скромной торговой компании из Дармштадта и кивком показал, что можно ехать. Через тридцать минут водитель-турок уже вернулся на разветвленную сеть немецких автобанов.

Позади него ехала целая тонна чистого колумбийского кокаина. Перед тем как попасть к конечному потребителю, кокаин будет «разбавлен» в шесть-семь раз по сравнению с первоначальным объемом такими химическими веществами, как бензокаин, креатин, эфедрин или даже кетамин, транквилизатор, применяющийся для ухода за лошадьми. Все это делается для того, чтобы убедить потребителя, что он получит больший кайф, чем если бы просто вдохнул носом аналогичную дозу чистого наркотика. Еще больше увеличить объем можно с помощью таких безобидных белых порошков, как пищевая сода и сахарная пудра.

Каждый килограмм, тысяча граммов, распухнет до семи тысяч, а поскольку «нюхачи» выкладывают до десяти американских долларов за грамм, в итоге каждый килограмм чистого кокаина принесет семьдесят тысяч долларов. За спиной у водителя таких килограммов была тысяча, и рыночная их стоимость составляла семьдесят миллионов долларов. Поскольку исходная «паста» закупалась у колумбийских крестьян по тысяче долларов за килограмм, разницы хватало на аренду транспортного самолета до Суринама, на щедрый гонорар владельцам банановых плантаций и на мизерную стоимость фрахта «Сан-Кристобалья», и еще пятьдесят тысяч долларов сливались на счет в банке на Каймановых островах, открытый на имя продажного таможенного чиновника в Гамбурге.

Европейские гангстеры возьмут на себя задачу измельчения твердых брикетов в похожий на тальк порошок, добавления примесей с целью увеличения объема и розничной продажи потребителям. Но если накладные расходы на переправку товара из джунглей в гамбургский порт составляли пять процентов и еще пять процентов уходило на накладные расходы в Европе, оставалась прибыль в девяносто процентов, которую делили между собой колумбийский наркокартель и преступные группировки Европы и Соединенных Штатов.

Американскому президенту предстояло узнать все это из отчета Берригана, который лег к нему на стол через три дня, как и было обещано.

В то время как президент читал отчет после ужина, еще две тонны чистого колумбийского кокаина в кузове пикапа тайно пересекли границу штата Техас неподалеку от маленького город-

ка Нуэво-Ларедо и исчезли на бескрайних просторах Америки.

Уважаемый господин президент!

Мне выпала честь представить вам доклад обо всем, что связано с производством, распространением и употреблением кокаина.

ИСХОДНОЕ СЫРЬЕ: кокаин получается исключительно из коки, неказистого кустарника, с незапамятных времен произрастающего в джунглях в горах северо-западной части Южной Америки.

Местные жители испокон веку жевали листья коки, обнаружив, что это помогает заглушить постоянное чувство голода и улучшить настроение. Кока редко цветет и дает плоды; отвердевшие ствол и ветви растения не содержат наркотик, он находится только в листьях.

Но даже так кокаин составляет значительно меньше одного весового процента лиственной массы. Требуется 375 килограммов свежих листьев коки – достаточно, чтобы заполнить кузов пикапа, – для производства 2,5 килограммов пасты коки, промежуточного сырья, из которого в свою очередь получается один килограмм чистого кокаина в форме белого порошка.

ГЕОГРАФИЯ: в настоящий момент приблизительно 10 процентов мирового производства кокаина приходится на Боливию, 29 процентов на Перу и 61 процент на Колумбию.

Однако колумбийские банды полностью забирают продукцию мелких производителей еще на этапе производства пасты, перерабатывают ее и выдают практически сто процентов готового наркотика.

ХИМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: для превращения свежих листьев коки в готовый продукт требуется всего два химических процесса, и оба они являются дешевыми. Вот почему, учитывая отчаянную нищету крестьян, которые выращивают по сути дела неприхотливый сорняк, искоренить посадки коки пока что никак не удается.

Собранные листья насыпаются в старую бочку и заливаются кислотой – подойдет дешевая серная кислота из автомобильных аккумуляторов, – которая растворяет кокаин. Затем размокшие листья вытаскиваются и выбрасываются, после чего остается что-то вроде густого бурого бульона. Раствор разбавляется спиртом или даже керосином, что приводит к выпадению в осадок алкалоидов.

Осадок снимается и обрабатывается такой сильной щелочью, как углекислый натрий. В результате получается пенистая белесая слизь, которая называется «пастой». Паста является основным объектом торговли наркотиками в Южной Америке. Именно ее покупают у крестьян гангстеры. Приблизительно 150 килограммов листьев дает 1 килограмм пасты. Все химические реактивы являются дешевыми и доступными, а готовый продукт легко транспортировать от плантаций к месту дальнейшей переработки.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕРАБОТКА: в тайных лабораториях, как правило, спрятанных в глухих джунглях, паста превращается в белоснежный порошкообразный гидрохлорид кокаина (полное название) посредством добавления таких химических реактивов, как соляная кислота, марганцовокислый калий, ацетон, эфир, аммиак, углекислый кальций, углекислый натрий, серная кислота и снова керосин. Затем раствор «восстанавливается», осадок высушивается, и получается белый порошок. Все химические реактивы являются дешевыми, а поскольку они применяются во многих легальных видах деятельности, они также доступны.

СТОИМОСТЬ: крестьянин, выращивающий коку, или «кокалоро», работая круглый год как вол, собирает со своей делянки до шести урожаев в год; каждый урожай дает ему по 125 килограммов свежих листьев. Итого он выращивает в год 750 килограммов листьев коки, что позволяет получить пять килограммов пасты. За вычетом накладных расходов кокалоро зарабатывает около 5000 долларов в год. Даже после переработки в порошок за килограмм кокаина можно выручить около 4000 долларов.

ПРИБЫЛЬ: таким прибыльным не является ни одно производство в мире. Стоимость одного килограмма «чистого» колумбийского кокаина возрастает с 4000 долларов до 60 000-70 000 долларов, преодолев три тысячи миль от побережья Колумбии до США или пять тысяч миль до Европы. И это еще не предел. Этот килограмм, перед тем как попасть к конечному потребителю, будет разбавлен в шесть-семь раз по весу и объему, нисколько не потеряв в цене за грамм. В конечном счете потребителю придется выложить розничному торговцу около 70 000 долларов за килограмм кокаина, который покидал побережье Колумбии, имея стоимость всего 4000 долларов.

РЕЗУЛЬТАТЫ: такая высокая норма прибыли гарантирует то, что крупные игроки могут позволить себе новейшие технологии, оборудование, оружие и научные разработки. Они могут нанимать ученых мирового уровня, подкупать государственных чиновников – в некоторых случаях вплоть до президентов суверенных государств. При этом у них буквально нет отбоя от желающих помочь с транспортировкой и распространением продукции в обмен на кусок прибыли. И сколько бы простых «ишаков» ни отправлялось за решетку, всегда найдутся тысячи отчаявшихся глупцов, готовых пойти на риск.

СТРУКТУРЫ: после убийства Пабло Эскобара, главы Медельинского картеля, и отхода от дел братьев Очоа из Кали колумбийские гангстеры разделились на сотню мелких картелей. Однако в последние три года образовался новый гигантский картель, объединивший их под своим господством.

Двое независимых игроков, пытавшихся удержать свои позиции, были обнаружены убитыми, причем перед смертью их подвергли изощренным пыткам; после этого сопротивление новым объединителям прекратилось. Мега-картель именуется себя «Эрмандадом», Братством, и действует как крупная промышленная корпорация, которая к тому же имеет в своем распоряжении личную армию, защищающую ее собственность, а также карательный отряд для поддержания внутренней дисциплины.

Братство не производит кокаин. Оно скупает всю продукцию мини-картелей в виде готового белого порошка, предлагая «справедливую» (по собственным меркам) цену не по принципу «соглашайся или уходи», а по принципу «соглашайся или умри». Затем кокаин распространяет по всему миру.

ОБЪЕМЫ: общее производство кокаина составляет приблизительно 600 тонн в год, и этот объем делится на две примерно равные части по 300 тонн, которые отправляются в США и Европу, по сути дела, единственные два континента, где употребляется кокаин. Принимая в расчет норму прибыли, указанную выше, общие доходы измеряются даже не в сотнях миллионов долларов, а в десятках миллиардов.

ТРУДНОСТИ: вследствие высоких прибылей между Картелем и конечным потребителем может быть до двадцати посредников. Эти посредники обеспечивают транспортировку наркотика, его распространение и розничную продажу. Вот почему ПОО (правоохранительным органам) всех стран чрезвычайно трудно выходить на крупных игроков. Они надежно защищены, без колебаний прибегают к насилию, запугивая своих врагов, и никогда не имеют личного контакта с товаром. Мелкая рыбешка постоянно попадает в сети, предстает перед судом и отправляется за решетку, однако ей тотчас же находится замена.

ПЕРЕХВАТ: американские и европейские ПОО непрерывно ведут войну с кокаиновой индустрией; постоянно происходит перехват партий товара и захват складов. Но на обоих континентах ПОО удается перекрыть всего от десяти до пятнадцати процентов рынка кокаина, и, учитывая огромную норму прибыли, этого явно недостаточно. Для того чтобы подорвать кокаиновую индустрию, необходимо поднять процент «перехвата» и «конфискации» как минимум до восьмидесяти процентов. Если картели начнут терять девяносто процентов товара, они развалятся, и кокаиновая индустрия будет наконец уничтожена.

ПОСЛЕДСТВИЯ: всего тридцать лет назад кокаин считался не более чем «карамелю для носа» великосветских персон, биржевых магнатов и воротил «улицы

дребезжащих жестянок».¹ Сегодня он превратился в национальное бедствие, которое оказывает катастрофическое воздействие на общество. По оценкам ПОО, на обоих континентах до семидесяти процентов уличной преступности (угон машин, грабежи, разбои и т. п.) совершается ради того, чтобы добыть деньги на очередную дозу. В тех случаях, когда преступник находится под воздействием особенного сильного побочного продукта кокаина под названием «крэк», грабеж, как правило, сопровождается неоправданным насилием.

Помимо того, прибыль от торговли кокаином после отмывания используется для финансирования других видов преступной деятельности, в первую очередь незаконной торговли оружием (которое применяется в преступном мире и террористами), а также торговли людьми, в особенности нелегальными иммигрантами и похищенными девушками, которых вынуждают заниматься проституцией.

ВЫВОДЫ: наша страна была потрясена осенью 2001 года разрушением башен Всемирного торгового центра и атакой на Пентагон, в результате чего погибло больше 3000 человек. С тех пор ни один американский гражданин не погиб у себя на родине в результате организованного извне терроризма, однако война с терроризмом продолжается и должна продолжаться дальше. Но в это же самое десятилетие, по самым скромным оценкам, количество жизней, загубленных из-за наркотиков, в десять раз превосходит число жертв трагедии 11 сентября, и больше половины из них приходится на химическое соединение под названием «кокаин».

Доклад подготовил РОБЕРТ БЕРРИГАН, заместитель директора Управления по борьбе с наркотиками, начальник оперативного отдела

Приблизительно в то же самое время, когда доклад Берригана был доставлен курьером в Белый дом, бывший сотрудник британской таможни сидел в убогой конторе лиссабонского порта, отрешенно уставившись на фотографию старого потрепанного траулера.

Всю свою взрослую жизнь Тим Мэнхайр проработал в налоговом управлении. Профессия эта не пользуется особой популярностью, однако считается крайне важной. И пусть сбор налогов с несчастного туриста для алчного правительства не заставляет кровь быстрее течь по жилам; Мэнхайр, вынужденный трудиться на пыльных задворках портового района Лиссабона, был доволен своей жизнью, и полному его счастью мешали только козни старого знакомого врага: недостаток средств.

Он возглавлял небольшое ведомство АЦМО-Н, еще одну аббревиатуру в мире закона и правопорядка. За этой аббревиатурой скрывается Аналитический центр морских операций, связанных с наркотиками, в котором работают бок о бок специалисты из семи стран. Шестью партнерами Великобритании являются Португалия, Испания, Ирландия, Франция, Италия и Нидерланды. Португалия гостеприимно предоставила место для штаб-квартиры организации, а возглавил ее англичанин, с этой целью переведенный из СНТС (Службы налогов и таможенных сборов Ее Величества) в АБОП (Агентство по борьбе с организованной преступностью).

АЦМО старается координировать действия ПОО европейских стран и военно-морских сил в борьбе с контрабандой кокаина из стран Карибского бассейна через Атлантику на побережья Западной Европы и ее соседа Западной Африки.

Причина отчаяния Тима Мэнхайра в то солнечное утро заключалась в том, что он видел, как еще одна крупная рыба вот-вот выскользнет из сетей.

Фотография была сделана с воздуха, но патрульный самолет был бессилен предпринять что-либо помимо получения красивых снимков. Он просто передал в считанные секунды изображение в АЦМО, находящийся на удалении многих миль.

На фотографии был изображен убогий толстозадый траулер, на носу которого красовалась надпись «Эсмеральда-Г». Корабль был обнаружен по чистой случайности в восточной части Ат-

---

¹ «Улица дребезжащих жестянок» — квартал Манхэттена, где в конце XIX века были сосредоточены музыкальные магазины, нотные издательства и студии грамзаписи. Впоследствии название распространилось на всю индустрию популярной музыки. (Здесь и далее примеч. пер.)

лантики, в первые предрассветные минуты. Отсутствие бурунов говорило о том, что траулер лег в дрейф после того, как невидимым шел всю ночь. Разрешение снимка было настолько хорошим, что Мэнхайр в увеличительное стекло рассмотрел, как команда готовится накрыть судно от носа до кормы синим брезентом. Это была обычная уловка морских контрабандистов кокаином, стремящихся любыми средствами избежать обнаружения.

Ночью корабль идет полным ходом, затем весь день беззвучно качается на волнах, накрытый брезентом, сливающийся с окружающим морем. Заметить такое судно с воздуха крайне трудно. После захода солнца команда скатывает брезент, убирает его, и корабль идет дальше. Разумеется, такой способ отнимает много времени, но зато так гораздо безопаснее. И то, что экипаж на рассвете был застигнут врасплох раскатывающим брезент, выдавало траулер с головой. О ловле рыбы не было и речи; груз уже находился в трюме, до тонны белого порошка, уложенного в герметичные пакеты, чтобы избежать пагубного воздействия соленой воды.

Скорее всего, «Эсмеральда-Г» направлялась из укромной бухты на побережье Венесуэлы к западным берегам Африки, в Гвинею-Бисау, государство, живущее торговлей наркотиками. «Эх, – мысленно простонал Мэнхайр, – если бы судно находилось чуть дальше на север, вблизи принадлежащих Испании Канарских островов или португальских Мадейры или Азорских островов!» Береговая охрана этих стран отправила бы в море быстроходный катер на перехват контрабандистов.

Но судно пребывало гораздо южнее, всего в сотне миль к северу от Островов Зеленого мыса – а это государство ничем помочь не могло. Необходимой техники нет. И не было никакого смысла обращаться за помощью к цепочке стран-неудачниц, изогнувшихся дугой от Сенегала до Либерии. Они сами являлись не решением проблемы, а ее частью.

Поэтому Тим Мэнхайр попросил о помощи военно-морские флоты шести европейских держав и Соединенных Штатов, однако ни у кого в данном районе в настоящий момент не было ни фрегата, ни эсминца, ни крейсера. На борту «Эсмеральды-Г», заметив сфотографировавший судно самолет, поймут, что корабль обнаружен, и, отбросив фокусы с брезентом, на полных парах устремятся к берегу. До земли им всего двести морских миль, и даже если выжимать убогих десять узлов, уже к завтрашнему утру корабль затеряется в мангровых зарослях побережья Гвинеи-Бисау.

Но даже если судно и удастся перехватить в море, неприятности на этом не закончатся. Совсем недавно по счастливой случайности фрегат французского ВМФ, откликнувшись на призыв АЦМО, по наводке центра обнаружил находившийся от него в четырехстах милях траулер с грузом кокаина. Однако французы были буквально одержимы стремлением соблюсти все юридические формальности. Согласно их правилам, контрабандистов доставили на буксире в ближайший «дружеский» порт. Каковым оказался Конакри, столица Гвинеи, еще одной страны-неудачницы.

Затем из Парижа на захваченный корабль вылетел магистрат для соблюдения «*les formalités*».² Что-то связанное с правами человека – *les droits de l'homme*.

– *Droits de mon cul*, – в сердцах пробормотал Жан-Луи, французский коллега Мэнхайра.

Даже англичанин смог понять, что речь идет о «правах моей задницы».

Итак, корабль был задержан, команда привлечена к суду, а груз кокаина конфискован. Через неделю траулер ускользнул из порта и скрылся в открытом море. Судно управлялось его собственной командой, которая была выпущена под залог судьей, пересевшим с разбитого «Пежо» на новенький «Мерседес», ну а конфискованные тюки – они, скажем так, исчезли.

Директор АЦМО, вздохнув, сохранил на компьютере название корабля и его фотографию. Если «Эсмеральду-Г» заметят еще раз... Однако этого не случится. Предупрежденная, она перед новым выходом в Атлантику сменит название и превратится в судно, ведущее лов тунца. А если это произойдет, какова будет вероятность того, что по счастливой случайности еще один самолет военно-морского флота одной из европейских держав пролетит над ним как раз в тот момент, когда команда будет раскатывать брезент? Одна тысячная.

И в этом, подумал Мэнхайр, и заключается главная проблема. Скучные ресурсы и безнаказанность контрабандистов, которым ничего не грозит даже в том случае, если они попадутся.

² Формальностей (*фр.*).

Неделю спустя президент Соединенных Штатов вызвал к себе главу Министерства внутренней безопасности, сверхведомства, которое стравливало друг с другом и подминало под себя тринадцать разведывательных служб США. Директор МВБ, выслушав своего главнокомандующего, изумленно уставился на него.

– Господин президент, вы это серьезно?

– Да, думаю, серьезно. Что вы посоветуете?

– Ну, если вы намереваетесь уничтожить кокаиновую индустрию, вам придется иметь дело с самыми злобными, жестокими и безжалостными людьми в мире.

– В таком случае, полагаю, нам потребуется кто-то еще лучше.

– Кажется, сэр, вы хотели сказать, еще хуже.

– У нас есть такой человек?

– Ну, на ум приходит одно имя, точнее, репутация. На протяжении нескольких лет этот человек был главой контрразведки ЦРУ. Сыграл большую роль в разоблачении и задержании Олдрича Эймса,³ когда ему наконец позволили заняться этим делом. Затем возглавлял отдел специальных операций. Едва не заманил в ловушку и не уничтожил Усаму бен Ладена, и это было еще до событий одиннадцатого сентября. Освобожден от должности два года назад.

– Освобожден от должности?

– Выгнан с работы.

– Почему?

– Чересчур беспощаден.

– По отношению к коллегам?

– Нет, сэр. Насколько я понял, по отношению к нашим врагам.

– Нельзя быть чрезмерно беспощадным по отношению к врагу. Я хочу вернуть этого человека на службу. Как его фамилия?

– Забыл, сэр. В Лэнгли все называли его исключительно по прозвищу, «Коброй».

Глава 02

Человека, которого искал президент, звали Поль Деверо, и, когда его в конце концов разыскали, он молился. Он считал молитву очень важным занятием.

Поль Деверо происходил из одной из тех семей, которые в Массачусетсе считались аристократией. С молодых лет он уже имел собственное состояние, что, однако же, не помешало ему усердно учиться и много работать.

Он поступил в школу при Бостонском колледже, главном поставщике абитуриентов для одного из ведущих иезуитских университетов Соединенных Штатов. И там показал себя птицей высокого полета. Его религиозность не уступала тяге к знаниям, и одно время он серьезно подумывал о том, чтобы сделаться священником-иезуитом. Однако затем принял приглашение стать членом другого клуба для избранных, Центрального разведывательного управления.

Для двадцатилетнего юноши, который на экзаменах отвечал на любые, самые каверзные вопросы и за год в совершенстве овладевал иностранным языком, это был выбор служения родине и богу через борьбу с коммунизмом и атеизмом. Просто Поль предпочел светский путь духовному.

В управлении он быстро поднимался по служебной лестнице благодаря таланту и неудержимости. И если из-за независимого характера Деверо не стал самым популярным человеком в Лэнгли, ему было на это по большому счету наплевать. Ему довелось поработать в трех отделах: оперативном, разведывательно-аналитическом и контрразведке (внутренней безопасности). В 1991 году Поль попрощался с «холодной войной», завершившейся развалом СССР, – чего он упорно добивался двадцать лет, – но оставался на службе вплоть до 1998 года, когда «Аль-Каида» взорвала два посольства Соединенных Штатов: в Найроби и Дар-эс-Саламе.

К тому времени Деверо уже стал опытным арабистом, рассудив, что советское направление

---

³ Эймс, Олдрич Хейзен — бывший начальник контрразведывательного подразделения ЦРУ, в 1985 году завербован советской разведкой, в 1994 году арестован и приговорен к пожизненному заключению.

– это слишком просто, и к тому же там и без него народу полно. Овладевший в совершенстве несколькими диалектами арабского языка, он оказался как раз тем человеком, которому предстояло возглавить новое подразделение в составе Управления, отдел специальных операций, чья деятельность была направлена на борьбу с новой угрозой – исламским фундаментализмом и порожденным им международным терроризмом.

Уход Поля в отставку в 2008 году вызвал извечный вопрос: он ушел сам или его «ушли»? Естественно, Деверо настаивал на первом. Благожелательный наблюдатель назвал бы решение о «разводе» взаимным. Деверо принадлежал к старой школе. Он мог цитировать по памяти Коран лучше большинства мусульманских богословов и проглотил по меньшей мере тысячу комментариев к нему. Однако его окружали молодые дарования, чьи уши были словно припаяны котовым телефонам – устройству, которое Деверо презирал.

Он ненавидел политкорректность, предпочитая обращаться вежливо и любезно со всеми, за исключением тех, кто безусловно являлся врагом единственного истинного бога и Соединенных Штатов. С ними он расправлялся без колебаний. Его окончательное расставание с Лэнгли произошло после того, как директор ЦРУ строго указал на то, что в современном мире сомнение в собственной правоте является обязательным качеством.

Поэтому Деверо ушел, устроив на прощание тихую неискреннюю вечеринку – еще одна условность, которую он терпеть не мог, – и удалился на покой в свой великолепный особняк в исторической части Александрии. Там он смог полностью отдаться своей внушительной библиотеке и собранию редких произведений исламского искусства.

Деверо не был «голубым», но не был он и женат, что в свое время вызывало множество пересудов у кофейных автоматов в коридорах старого корпуса в Лэнгли – Деверо наотрез отказался переехать в новое здание. В конце концов сплетники были вынуждены признать очевидное. Воспитанного иезуитами интеллектуала, бостонского аскета-аристократа эти вопросы просто не интересовали. Именно тогда какой-то остряк заметил, что Деверо обладает обаянием кобры. И прозвище закрепилось.

Молодой сотрудник аппарата Белого дома отправился сначала в особняк на пересечении Саут-Ли-стрит и Саут-Фэрфакс-стрит. Домработница Мейзи, сияя, ответила, что хозяйин в церкви, и объяснила, как туда проехать. Вернувшись к своей машине, молодой человек обернулся и подумал, что вернулся назад в прошлое на два столетия.

И в этом была своя доля истины. Александрия была основана английскими купцами в 1749 году. Этот город был «довоенным» не только в том смысле, что он существовал до Гражданской войны; он существовал еще до Войны за независимость. В прошлом порт на реке Потомак, Александрия процветала за счет торговли сахаром и рабами. Корабли, груженные сахаром, которые ползли вверх по реке от Чесапикского залива, оставляя позади Атлантику, в качестве балласта использовали старый английский кирпич. Именно из этого кирпича купцы и строили свои замечательные дома. В результате получилась скорее старушка Европа, чем Новый свет.

Человек из Белого дома уселся в машину позади водителя и дал указания, как доехать до Саут-Ройял-стрит и найти католическую церковь Святой Марии. Открыв дверь, он оставил позади шум улицы и оказался в безмолвном спокойствии неффа. Оглядевшись вокруг, молодой человек увидел одинокую фигуру, стоящую на коленях перед алтарем.

Ступая бесшумно, он пересек неф, пройдя мимо восьми витражей, через которые только и проникал свет. Сам баптист, он, удивляясь слабому аромату благовоний и воска зажженных поминальных свечей, приблизился к коленопреклоненному седовласому человеку, молившемуся перед закрытым белой тканью алтарем, на котором стоял простой позолоченный крест.

Вошедшему казалось, он двигался беззвучно, однако мужчина поднял руку, призывая его не нарушать тишину. Закончив молитву, он поднялся с колен, склонил голову, перекрестился и обернулся. Человек с Пенсильвания-авеню попытался было заговорить, но седовласый мужчина снова поднял руку и направился через неф обратно к коридору перед дверью, ведущей на улицу. Лишь там он обернулся и улыбнулся. Открыв дверь, он увидел перед входом лимузин.

– Я из Белого дома, сэр, – сказал сотрудник президентской администрации.

Деверо кивнул.

– Многое меняется в этой жизни, мой юный друг, но только не прически и не машины.

Если сотрудник президентской администрации полагал, что слова «Белый дом», которые он произносил с наслаждением, произведут свое обычное действие, его ждало разочарование.

– И что нужно Белому дому от ушедшего на покой старика?

Молодой человек был озадачен. В обществе, помешанном на молодости, никто не называет себя стариком, даже в семьдесят лет. Он не знал, что в арабском мире старость пользуется уважением.

– Сэр, с вами хочет встретиться президент Соединенных Штатов.

Деверо молчал, словно обдумывая услышанное.

– Прямо сейчас, сэр.

– В таком случае, полагаю, мне нужно будет надеть темный костюм и галстук, то есть нужно будет заскочить ко мне домой. И поскольку машину я не вожу, машины у меня нет. Надеюсь, вы отвезете меня туда и обратно?

– Да, сэр. Разумеется.

– В таком случае, поехали. Ваш водитель знает, где я живу. Насколько я понял, вы заезжали ко мне и говорили с Мейзи.

Встреча в Западном крыле была короткой. Она состоялась в кабинете главы президентской администрации, Джонатана Сильвера, конгрессмена от штата Иллинойс, уже много лет работавшего в команде президента.

Пожав Деверо руку, президент представил ему своего самого преданного соратника.

– Мистер Деверо, у меня есть к вам одно предложение, – начал разговор глава законодательной власти. – В каком-то смысле, просьба. Да, просьба во всех отношениях. Как раз сейчас у меня должна состояться одна встреча, от которой я никак не могу отбрыкаться. Но это неважно. Мистер Сильвер вам все объяснит. Мне бы очень хотелось услышать ваш ответ, как только вы сможете его дать.

Улыбнувшись и снова пожав Деверо руку, президент ушел. Мистер Сильвер не улыбался. У него не было такой привычки. Улыбался он крайне редко и только тогда, когда узнавал, что у одного из противников президента большие неприятности. Взяв со стола папку, Джонатан Сильвер протянул ее своему собеседнику.

– Президент будет очень признателен, если вы сначала ознакомитесь вот с этим. Здесь. Сейчас.

Он указал на кожаное кресло в дальнем углу кабинета. Поль Деверо взял папку, сел, скрестил ноги, облаченные в ладно скроенные брюки, и прочитал доклад Берригана. Через десять минут, закончив читать, он поднял голову.

Джонатан Сильвер работал с бумагами. Поймав на себе взгляд старого агента спецслужб, отложил ручку.

– Что думаете на этот счет?

– Довольно любопытно, но ничего нового. Что вам нужно от меня?

– Президент хочет узнать вот что. Возможно ли, используя нашу новейшую технику и силы специального назначения, уничтожить кокаиновую индустрию?

Деверо уставился в потолок.

– Ответ, данный после пятисекундного размышления, не будет ничего стоить. И мы оба это понимаем. Мне понадобится время, чтобы провести то, что французы называют «projet d'etude».⁴

– Мне начхать с высокой колокольни на то, как это называют французы, – последовал ответ.

Джонатан Сильвер редко покидал Соединенные Штаты, если не считать поездок в свой любимый Израиль, а к Европе и в первую очередь к Франции относился более чем негативно.

– Вам нужно время, чтобы изучить вопрос, так? Сколько?

– Минимум две недели. И еще мне понадобится доверительное письмо, требующее от всех государственных органов отвечать на мои вопросы честно и правдиво. В противном случае ответ по-прежнему не будет ничего стоить. Полагаю, ни вы, ни президент не хотите тратить время и деньги на проект, обреченный на неудачу?

Глава президентской администрации какое-то время молча разглядывал своего собеседника, затем встал и вышел из кабинета. Вернулся он через пять минут с письмом. Пробежав письмо

⁴ Предварительные изыскания (фр.).

взглядом, Деверо кивнул. Этого листка бумаги, который он держал в руках, было достаточно, чтобы преодолеть любые бюрократические барьеры в стране. Джонатан Сильвер также протянул визитную карточку.

– Мои личные номера телефонов. Домашний, рабочий и сотовый. Все защищены. Абсолютно надежны. Звоните в любое время, но только если у вас будут веские причины. Отныне президент остается в стороне. Доклад Берригана вам будет нужен?

– Нет, – мягко ответил Деверо. – Я запомнил его наизусть. Как и номера ваших телефонов.

Он вернул карточку, мысленно насмехаясь над похвальбой относительно «абсолютной надежности». Несколько лет назад один английский хакер, страдающий легким психическим расстройством, с легкостью взломал все защитные системы баз данных НАСА и Пентагона. Причем сделал это с помощью дешевого персонального компьютера, из маленькой квартиры в Северном Лондоне. Кобра как никто другой разбирался в проблемах секретности; он знал, что три человека могут сохранить что-то в тайне только тогда, когда двое из них мертвы, знал, что единственный способ сделать дело и остаться в живых заключается в том, чтобы прийти и уйти до того, как плохие ребята проснутся.

Через неделю после встречи Деверо и Сильвера президент приехал в Лондон. Не с государственным визитом, а просто с официальным. Однако президента и первую леди приняла в Виндзорском замке королева, освежая давнишнюю и искреннюю дружбу.

Помимо этого, состоялось несколько рабочих дискуссий с упором на текущее положение в Афганистане, экономику двух стран, ситуацию в ЕС, глобальное потепление и связанные с ним изменения климата и взаимную торговлю. В выходные президент с супругой согласились отдохнуть с новым британским премьером в официальной загородной резиденции, величественном особняке эпохи Тюдоров под названием Чекерс. Вечером в воскресенье обе пары после ужина пили кофе в Длинной галерее. Поскольку было холодно, в камине с треском горели поленья, отбрасывая дрожащие отсветы на книжные шкафы со старинными книгами в кожаных переплетах ручной работы, расставленные вдоль стен.

Никогда невозможно предсказать, как сложатся отношения между главами двух стран: останутся они лишь просто знакомыми, или их свяжет истинная дружба. Бывает и так, и эдак. История свидетельствует о том, что Франклин Д. Рузвельт и Уинстон Черчилль, хотя у них и были некоторые разногласия, относились друг к другу тепло. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер были настоящими друзьями, несмотря на непоколебимые убеждения «железной леди» и простой народный юмор уроженца Калифорнии.

Отношения между британскими и европейскими лидерами высшего уровня редко выходят за рамки официальной вежливости, но часто не бывает даже и этого. В этой связи характерен один случай, когда германский канцлер Гельмут Шмидт привез с собой такую грозную жену, что британский премьер Гарольд Вильсон, отправляясь на ужин, отпустил одну из редких острот, заметив своему окружению: «Так, обмен женами отменяется».

Гарольд Макмиллан терпеть не мог Шарля де Голля (взаимно), однако при том питал симпатию к гораздо более молодому Джону Ф. Кеннеди. Возможно, все дело было в общем языке, но необязательно.

Если учесть пропасть между прошлым двух мужчин, этим осенним вечером наслаждавшихся теплом камина, в то время как в сгущающейся темноте вокруг особняка патрулировали сотрудники секретной службы и английские десантники, вероятно, покажется странным, что всего за три встречи, в Вашингтоне, на Генеральной ассамблее ООН и вот теперь в Чекерсе, между ними возникла личная дружба.

Американский лидер не мог похвастаться своим прошлым: отец-книжник, мать, уроженка Канзаса, детство на Гавайях и в Индонезии, с ранних лет борьба против расизма. Английский премьер происходил из семьи биржевого маклера, женатого на дочери сельского судьи; в детстве гувернантка, затем обучение в двух самых дорогих и престижных частных школах страны. Подобное прошлое дает непринужденное обаяние, за которым может скрываться внутренняя сталь. У кого-то это так, у других – нет.

На более поверхностном уровне у двух лидеров было гораздо больше общего. Обоим еще не было и пятидесяти, оба были женаты на красивых женщинах, у обоих дети еще учились в школе, оба получили дипломы с отличием и всю свою взрослую жизнь провели в политике. И

оба были обеспокоены, даже одержимы проблемами изменения климата, нищеты в странах третьего мира, национальной безопасности и бедственного положения тех соотечественников, которых Франц Фанон⁵ называл «презренными изгоями».

Пока супруга премьер-министра показывала первой леди редкие книги собрания, президент вполголоса спросил своего британского коллегу:

– У вас было время взглянуть на доклад, который я вам передал?

– Разумеется. Впечатляюще... и очень тревожно. У нас на руках серьезная проблема. Наша страна является крупнейшим в Европе потребителем кокаина. Два месяца назад Агентство по борьбе с организованной преступностью представило мне доклад о растущем количестве преступлений, связанных с наркотиками. А что?

Президент уставился на огонь, подбирая слова.

– В настоящий момент один человек по моей просьбе изучает вопрос чисто теоретической осуществимости одного плана: возможно ли, при всех наших высоких технологиях и мастерстве сил специального назначения, уничтожить кокаиновую индустрию?

Премьер-министр такого явно не ожидал. Он посмотрел на американского лидера.

– Этот ваш человек, он уже вам докладывал?

– Нет. Я ожидаю его вердикта в самое ближайшее время.

– И его совет. Вы к нему прислушаетесь?

– Думаю, да.

– А если он скажет, что это осуществимо?

– В таком случае, полагаю, Соединенные Штаты пойдут на это.

– Наши страны расходуют огромные средства, пытаюсь бороться с наркотиками. Все мои эксперты утверждают, что о полном уничтожении индустрии не может быть и речи. Мы перехватываем партии груза, ловим мелких торговцев и бандитов и отправляем их за решетку на длительные сроки. Однако это ничего не меняет. Поток наркотиков не иссякает. Тех, кто садится в тюрьму, заменяют новые добровольцы. Аппетит общества к наркотикам только растет.

– Но если мой человек скажет, что это можно сделать, Великобритания пойдет вместе с нами?

Ни одному политику не нравится, когда его бьют ниже пояса, даже если это делает друг. Даже если это делает президент США. Премьер-министр постарался выиграть время.

– Это должен быть реальный план. Который нужно будет профинансировать.

– План будет. И деньги тоже будут. Но мне бы хотелось привлечь к делу ваши силы специального назначения. Ваши правоохранительные ведомства. Вашу опытную разведку.

– Мне нужно будет посоветоваться со своими людьми, – сказал премьер.

– Посоветуйтесь, – сказал президент. – Я дам вам знать, как только мой человек скажет свое слово и станет ясно, беремся ли мы за дело.

Все четверо начали готовиться ко сну. Утром им предстояло присутствовать на службе в местной церкви.

Всю ночь охране предстояло наблюдать, проверять, осматривать и снова проверять. Вооруженные, одетые в бронежилеты бойцы, оснащенные очками ночного видения, инфракрасными сканерами, сенсорами, реагирующими на движение, и детекторами тепла человеческого тела, готовились патрулировать территорию. Даже специально доставленные из Соединенных Штатов лимузины планировалось всю ночь охранять, чтобы никто не смог к ним приблизиться.

Американской чете, как это неизменно бывает, когда в гости приезжает глава государства, отвели спальню Ли, названную так в честь филантропа, который в 1917 году после полной реконструкции подарил Чекерс государству. В ней до сих пор стояла огромная кровать под балдахином, сохранившаяся с эпохи короля Георга III. Во время Второй мировой войны в ней спал советский министр иностранных дел Молотов, положив под подушку пистолет. В эту ночь 2010 года пистолета под подушкой не было.

В двадцати милях к югу от колумбийского портового города Картахена находится залив Ураба, берега которого представляют собой непроходимые мангровые болота, рассадник маля-

⁵ Фанон, Франц Омар — вест-индский революционер, социальный философ, психоаналитик.

рии. В то самое время как борт номер один, на котором президентская чета возвращалась из Лондона, заходил на посадку, из скрытой густыми зарослями бухты выскользнули два странных судна и повернули на юго-запад.

Сделанный из алюминиевого сплава корпус, тонкий, словно карандаш, достигал в длину шестидесяти футов, придавая судну сходство с иглой, но на корме были установлены в ряд четыре подвесных мотора «Ямаха» мощностью двести лошадиных сил каждый. В кокаиновом обществе такие суда называются «быстрыми штучками», и их форма и энерговооруженность нацелены на то, чтобы уйти от любого другого надводного корабля.

Несмотря на значительную длину, свободного места на борту было совсем немного. Большую часть пространства занимали огромные дополнительные канистры с горючим. Кроме того, на каждом судне было по шестьсот килограммов кокаина, упакованного в десять больших пластмассовых бочек, герметично закупоренных, чтобы избежать пагубного воздействия морской воды. Чтобы с бочками было удобнее обращаться, они были помещены в сетки из синего полиэтилена.

В оставшемся между бочками и канистрами с горючим пространстве экипажу из четырех человек приходилось неуютно. Однако об удобствах никто не думал. Одним из четверых был рулевой, высококлассный специалист, способный играючи управляться с «быстрой штучкой» на крейсерской скорости сорок узлов, а при необходимости и разгонять ее до шестидесяти. Остальные трое были накачанными боевиками, которым платили, по их меркам, целое состояние за семьдесят два часа неудобств и риска. Однако на самом деле их совокупное вознаграждение составляло крохотную долю одного процента общей стоимости этих двадцати бочек.

Покинув мангровые заросли, капитаны разогнали в спокойном море свои суда до сорока узлов, начиная долгий путь. Целью была точка в океане в семидесяти морских милях от Колона, города в республике Панама. Там скутеры встретятся в море с сухогрузом «Вирхен де Вальме», который придет с востока, от Карибских островов, направляясь к Панамскому каналу.

Быстроходным катерам предстояло преодолеть до точки встречи триста морских миль, и даже при скорости сорок узлов до восхода солнца им было не успеть. Поэтому следующий день они проведут в дрейфе, качаясь на волнах в изнуряющем зное под синим брезентом, до тех пор пока ночная темнота не позволит им продолжить путь. В этом случае перегрузка товара осуществится в полночь. Это был конечный срок.

Когда быстроходные катера прибыли к месту встречи, сухогруз уже был там и на их сигнал ответил оговоренной последовательностью вспышек прожектора. Взаимное опознание было завершено обменом условных, но совершенно бессмысленных фраз, прозвучавших в ночи. Скутеры подошли к борту. Ждущие руки затащили двадцать бочек на палубу. За ними последовали пустые канистры, которые вскоре вернулись назад, заполненные под пробку. После чего «Вирхен де Вальме» продолжил путь к Колону, а быстроходные катера развернулись и взяли курс домой. После еще одного дня дрейфа они возвратятся в мангровые болота, до рассвета третьих суток, через шестьдесят часов после выхода в море.

Пять тысяч долларов на каждого члена экипажа и по десять тысяч на капитанов считались огромными деньгами. Доставленный груз будет продан в Соединенных Штатах конечным потребителям приблизительно за восемьдесят четыре миллиона долларов.

Когда «Вирхен де Вальме» вошел в Панамский канал, он был просто еще одним сухогрузом, ожидающим своей очереди, – если только кому-то не пришлось бы в голову спуститься в самый нижний трюм, частично заполненный водой. Однако этого не произошло. Для того чтобы это проделать, нужен дыхательный аппарат, а команда «Вирхена де Вальме» выдавала свои аппараты за часть пожарного снаряжения.

Выйдя из Панамского канала в Тихий океан, сухогруз повернул на север. Он прошел мимо Центральной Америки, Мексики и Калифорнии. Наконец у берегов Орегона двадцать бочек были подняты на верхнюю палубу, подготовлены и спрятаны под брезентом. В безлунную ночь «Вирхен де Вальме» обогнул мыс Флаттери и вошел в пролив Хуан-де-Фука, доставляя груз бразильского кофе гурманам кофейной столицы Америки.

Перед тем как судно вошло в порт, команда сбросила бочки за борт, обмотав их цепями, чтобы груз мягко опустился на дно на глубину сто футов. После чего капитан сделал один зво-

нок по сотовому телефону. Даже если мониторы Агентства национальной безопасности⁶ в Форт-Миде, штат Мэриленд, следили за этим разговором (а они за ним следили), фразы показались бы бессмысленными и безобидными. Что-то про соскучившегося моряка, который через несколько часов встретится со своей подружкой.

Двадцать бочек были обозначены маленькими, но яркими буйками, на рассвете качавшимися в серой воде. Там их, в точности похожих на маркеры сетей для ловли омаров, и обнаружили четыре человека на краболовном траулере. Никто не видел, как они вытащили бочки из морских глубин. Если бы локатор траулера заметил присутствие в радиусе нескольких миль кораблей береговой охраны, краболов и близко не подошел бы к бочкам. Но местонахождение груза кокаина было указано навигатором GPS с точностью до нескольких ярдов, поэтому траулер смог выждать подходящий момент.

Из пролива Хуан-де-Фука контрабандисты вернулись к лабиринту из узких проливов и небольших островов к северу от Сиэтла, где пристали к матерiku у рыбацкого причала. Там их уже ждал большой грузовик, развозящий свежее пиво. После перегрузки бочки направятся в глубь страны, чтобы стать частью трехсот тонн кокаина, поступающего в Соединенные Штаты ежегодно. Все участники в самое ближайшее время получают оговоренные гонорары. Команда краболова никогда не узнает ни название сухогруза, ни фамилию владельца грузовика. Это никому и не нужно.

С прибытием наркотика на американскую землю у него менялся хозяин. До сих пор он принадлежал картелю, и со всеми, кто имел отношение к его транспортировке, расплачивался картель. Начиная от грузовика, развозящего пиво, и далее владельцем будет американский импортер, который с этого момента был должен «Эрмандаду» колоссальные деньги, и эти деньги нужно будет заплатить.

Стоимость 1,2 метрической тонны кокаина уже была обговорена. Мелкая рыбешка должна делать стопроцентную предоплату. Крупные игроки вносят аванс в размере пятидесяти процентов, а остальное выплачивают по получении товара. Импортер продаст свой кокаин, получив впечатляющую прибыль за путь от грузовика, развозящего пиво, до ноздри наркомана из Спокана или Милуоки.

Он расплатится с многочисленными посредниками и «отстегнет» своим людям в ФБР и УБН. Всё только наличными. Но даже после того как картель получит свои небывалые пятьдесят процентов от розничной стоимости, у американского гангстера останется бескрайний океан долларов, нуждающихся в отмывании. Эти деньги направятся в сотню других преступных предприятий.

А по всей Америке невинный с виду белый порошок будет убивать людей.

Поль Деверо пришел к выводу, что ему для завершения «предварительных изысканий» потребуется четыре недели. Джонатан Сильвер дважды ему звонил, но Кобра был не из тех, кого можно поторапливать. Только когда Деверо наконец был готов, он встретился с главой президентской администрации, снова в Западном крыле. С собой он принес тонкую папку. Презируя компьютеры, в безопасность которых Деверо не верил, он почти все выучил наизусть, а на тот случай, если ему придется иметь дело не с таким выдающимся умом, как его собственный, написал сжатый отчет изящным, хотя и несколько старомодным языком.

– Ну? – спросил Сильвер, гордившийся тем, что он сам называл деловым подходом и прямолинейностью, но что остальные воспринимали как банальную грубость. – Вы пришли к какому-то выводу?

– Пришел, – подтвердил Деверо. – Если будут выполнены строжайшим образом определенные требования, кокаиновую индустрию можно уничтожить как индустрию массового производства наркотиков.

– Каким образом?

– Вначале объясню, как это сделать нельзя. Те, кто начинает путь кокаина, вне досягаемости. Тысячи нищих крестьян кокалеро выращивают коку на тысячах делянок, скрытых под по-

⁶ Агентство национальной безопасности (АНБ) — ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением.

логом джунглей, причем некоторые клочки земли площадью не больше акра. До тех пор пока есть Картель, готовый покупать кокаиновую пасту, крестьяне будут производить ее и поставлять покупателям в Колумбии.

– Значит, о том, чтобы уничтожить производителей, не может быть и речи?

– Нынешнее правительство Колумбии действительно старается это делать, в отличие от некоторых своих предшественников и большинства соседей. Однако Вьетнам должен был преподать нам кое-какие уроки о джунглях и тех, кто в них живет. Пытаться извести муравьев, хлопая их скатанной газетой, – не выход.

– Значит, производственные лаборатории? Картель?

– Опять же, это не выход. Это все равно что пытаться голыми руками схватить мурену у нее в норе. Это их территория, не наша. В Латинской Америке хозяева они, а не мы.

– Хорошо, – сказал Сильвер, теряя свое и без того ограниченное терпение. – В пределах Соединенных Штатов, после того как это дерьмо попало в нашу страну? Вы хотя бы представляете, сколько денег, сколько долларов налогоплательщиков мы тратим на правоохранительные органы? Пятьдесят штатов плюс федеральные службы? Черт побери, этим и объясняется наш национальный долг!

– Совершенно верно, – согласился Деверо, по-прежнему оставаясь невозмутимым, несмотря на растущее раздражение Сильвера. – Если не ошибаюсь, одно только федеральное правительство ежегодно тратит на войну с наркотиками четырнадцать миллиардов долларов. И это без учета дыр в бюджетах штатов, всех пятидесяти. Вот почему победить врага у нас дома также невозможно.

– Так где же ключ?

– Ахиллесовой пятой является вода.

– Вода? Вы предлагаете поливать кокаин водой?

– Нет, я имею в виду воду под кокаином. Морскую воду. Если не считать одной-единственной сухопутной дороги из Колумбии в Мексику по узкому хребту Центральной Америки, контролировать которую настолько легко, что Картель ею не пользуется, весь до последнего грамма кокаин, поступающий в Соединенные Штаты и Европу...

– Забудьте Европу, нас это не касается, – отрезал Сильвер.

– ...приходится переправлять морем, по воде или над водой. Даже из Колумбии в Мексику кокаин попадает морем. Вот сонная артерия Картеля. Если ее перерезать, пациент умрет.

Пробурчав себе под нос что-то нечленораздельное, Сильвер уставился на сидящего напротив отставного шпиона. Тот спокойно выдержал его взгляд, как будто ему было наплевать, согласятся с его выводами или нет.

– Итак, я могу доложить президенту, что его проект осуществим и вы готовы им заняться?

– Не совсем. Есть кое-какие условия. Боюсь, обсуждению они не подлежат.

– Это похоже на угрозу. Овальному кабинету не принято угрожать. Умерьте свой пыл, мистер!

– Это не угроза, а предупреждение. Если условия не будут приняты, проект просто завершится провалом, дорогостоящим и позорным. Условия вот.

Деверо пододвинул по столу тонкую папку. Глава президентской администрации ее открыл. В ней лежали всего два листа бумаги, судя по всему, отпечатанные на пишущей машинке. Пять пунктов. Пронумерованных. Сильвер прочитал первый.

1. Мне будет нужна полная независимость действий при соблюдении строжайшей секретности. Только несколько человек из ближайшего окружения верховного главнокомандующего должны знать, что происходит и почему, и неважно, кому взъерошат перья или свернут нос. Всем остальным нужно знать только то, что им нужно знать; а это абсолютный минимум, необходимый им для выполнения порученной задачи.

– В федеральных структурах и у военных утечек не бывает, – отрезал Сильвер.

– Нет, утечки бывают, – невозмутимо возразил Деверо. – Половину своей жизни я потратил на то, чтобы перекрывать подобные утечки и исправлять их последствия.

2. Мне потребуется санкция президента, наделяющая меня полномочиями запрашивать полное содействие и получать его без возражений от любых государственных ведомств и воинских частей, чья помощь будет необходима. Это должно начаться с автоматической передачи любых крупниц информации, поступающих во все ведомства, причастные к борьбе с наркотиками, в штаб-квартиру проекта, который мне хотелось бы окрестить «Коброй».

– Все встанут на уши, – проворчал Сильвер.

Он понимал, что информация является силой и никто по доброй воле не уступит ни унции своей силы. Это относилось к ЦРУ, УБН, ФБР, АНБ и вооруженным силам.

– В настоящее время все они согласно закону о патриотизме подчиняются Министерству внутренней безопасности, – напомнил Деверо. – Они выполняют приказ президента.

– Министерство внутренней безопасности занимается борьбой с терроризмом, – напомнил Сильвер. – А контрабанда наркотиков является уголовным преступлением.

– Читайте дальше, – промолвил ветеран ЦРУ.

3. Мне потребуется самому набрать людей. Их будет немного, но те, кто мне понадобится, должны быть привлечены к проекту «Кобра» без вопросов и возражений.

Тут у главы президентской администрации не было никаких замечаний, и он перешел к четвертому пункту.

4. Мне потребуется бюджет в два миллиарда долларов, которые должны быть выданы без отчетности и проверок. Затем мне потребуется девять месяцев на подготовку удара и еще девять месяцев на полное уничтожение кокаиновой индустрии.

Тайные проекты с закрытыми бюджетами бывали и прежде, но не в таких гигантских масштабах. Глава президентской администрации буквально увидел вспыхнувшие тревожные лампочки. Чей бюджет придется ограбить? ФБР? ЦРУ? УБН? Или придется просить у Министерства финансов дополнительные средства?

– Наблюдение за расходами должно быть обязательно, – сказал Сильвер. – Наши казначеи не потерпят, чтобы два миллиарда долларов улетучились в чистое небо просто потому, что вам вздумалось пройтись по магазинам.

– В таком случае у нас ничего не получится, – спокойно ответил Деверо. – Весь смысл этого проекта в том, что кокаиновый картель не должен подозревать о готовящемся ударе. Предупрежден – по-прежнему значит вооружен. Сам по себе характер оборудования и снаряжения выдаст весь план игры, и это непременно попадет к какому-нибудь журналисту, как только бухгалтеры и счетоводы примутся за работу.

– Им не надо будет приниматься на работу – они будут только следить.

– Разницы никакой, мистер Сильвер. Когда они подключатся к делу, секретность будет тотчас же нарушена. Поверьте мне. Я это слишком хорошо знаю.

Бывший конгрессмен от штата Иллинойс сам прекрасно понимал, что тут спорить бесполезно. Он перешел к пятому условию.

5. Необходимо перевести кокаин из категории наркотического вещества класса А, чей ввоз является уголовным преступлением, в угрозу национальной безопасности, чей ввоз или попытка ввоза рассматривается как террористический акт.

Джонатан Сильвер поднялся из кресла.

– Вы с ума сошли? Это же потребует пересмотра законодательства!

– Нет, для этого достаточно будет постановления Конгресса. Необходимо просто пересмотреть категорию одного химического вещества. А для этого потребуется только решение исполнительной власти.

– Какого еще химического вещества?

– Гидрохлорид кокаина является лишь химическим веществом. Да, это запрещенное вещество, чей ввоз попадает под действие уголовного законодательства Соединенных Штатов. Бацилла сибирской язвы также является химическим веществом, как и нервно-паралитический газ «Ви-экс». Но в первом случае химическое вещество классифицируется как бактериологическое оружие массового поражения, а «Ви-экс» считается химическим оружием. Мы вторглись в Ирак только потому, что то ведомство, которое после моего ухода из него все еще считается у нас внешней разведкой, почему-то решило, что у Саддама оружие массового поражения есть.

– То было совершенно другое дело.

– Нет, в действительности это одно и то же. Переклассифицируйте гидрохлорид кокаина в угрозу национальной безопасности, и дальше все костяшки домино повалятся одна за другой. Тысяча тонн кокаина, брошенных на нас в течение года, перестанет быть просто уголовным преступлением: это уже будет террористическая угроза. И тогда мы сможем ответить должным образом в соответствии с законом. Все необходимые законы-то уже приняты.

– Нам понадобится все, чем мы располагаем?

– Ну, значительная часть. Размещенная вне наших территориальных вод и воздушного пространства. И скрытно.

– Будем обращаться с Картелем так, как мы обращаемся с «Аль-Каидой»?

– Сравнение грубое, но в самую точку, – подтвердил Деверо.

– Так что я должен сделать...

Седовласый уроженец Бостона встал.

– Вы, господин глава президентской администрации, должны решить, насколько вы привередливы и, что гораздо важнее, насколько привередлив ваш босс. И когда вы это решите, говорить уже будет больше не о чем. Я уверен, что дело можно сделать, но вот условия, без выполнения которых его сделать нельзя. По крайней мере, я в этом случае его сделать не смогу.

Не дожидаясь, когда его отпустят, Деверо направился к выходу. В дверях он остановился.

– Будьте добры, сообщите мне о решении верховного главнокомандующего, как только оно будет принято. Я буду у себя дома.

Джонатан Сильвер не привык к тому, что его оставляют таращиться на закрытую дверь.

В Соединенных Штатах Америки самым высшим административным постановлением является указ президента. Как правило, такие указы обнародуют, ибо в противном случае едва ли можно ожидать их исполнения, но иногда указ может храниться в строжайшем секрете, и в таком случае он называется просто «заключением».

Хотя старый аристократ из Александрии не мог этого знать, ему удалось убедить высокомерного главу президентской администрации, который, в свою очередь, смог убедить президента. После консультации с одним очень удивленным профессором юриспруденции, специалистом по конституционному законодательству, кокаин был втихомолку переквалифицирован в отравляющее вещество и угрозу национальной безопасности. И, следовательно, ему была объявлена самая настоящая война.

Далеко в открытом море, к западу от побережья Португалии, почти напротив границы с Испанией судно «Бальтазар» держало курс на север, направляясь в Роттердам, порт Европейского союза. Судно было небольшое, водоизмещением всего шесть тысяч тонн; капитан и команда из восьми человек все до одного были контрабандисты. Это преступное занятие было настолько прибыльным, что капитан собирался через два года удалиться на покой в родной Венесуэле состоятельным человеком.

Капитан прослушал прогноз погоды в районе мыса Финистерр, который находился всего в пятидесяти морских милях впереди. Обещалось усиление ветра и волнение в четыре балла, но капитан знал, что испанские рыбаки, с которыми ему предстоит встретиться в открытом море, опытные моряки и не боятся шторма.

Португальский порт Опорту остался далеко позади, а испанский Виго терялся на горизонте далеко на востоке. Капитан приказал своим людям достать четыре больших тюка из третьего трюма, где они лежали с тех самых пор, как были подняты на борт с траулера, ведущего лов креветок, в ста милях от Каракаса.

Капитан Гонкальвес действовал очень осторожно. Он никогда не соглашался входить или

выходить из порта с контрабандным грузом, особенно с таким. Груз он принимал на борт только в открытом море и таким же образом с ним расставался. Благодаря подобным предосторожностям капитан Гонкальвес мог попасться только в том случае, если его выдаст осведомитель. Шесть успешных переходов через Атлантику позволили ему купить хороший дом, воспитать двух дочерей и устроить сына Энрике в престижный колледж.

Вскоре после того, как Виго остался позади, появились две испанские рыболовецкие шхуны. Несмотря на волнение, капитан Гонкальвес настоял на полном соблюдении всех невинных на вид, но жизненно важных приветствий. А что если испанским таможенникам удалось внедрить своего человека в банду и теперь они выдавали себя за рыбаков? Разумеется, в этом случае они уже высадились бы с боем на борт «Бальтазара», однако люди, которые сейчас находились в полукабельтове от капитанского мостика, были теми, с кем должен был встретиться Гонкальвес.

Контакт установлен, личности удостоверены, шхуны пристроились в кильватерную струю «Бальтазара». Через несколько минут четыре тюка полетели через гакоборт в воду. В отличие от бочек, сброшенных под Сиэтлом, тюки были предназначены держаться на плаву. Они остались качаться на волнах, а «Бальтазар» продолжил путь на север. Рыбаки подняли тюки на борт, по два на шхуну, и затащили в рыбные трюмы. Сверху тюки были засыпаны десятью тоннами макрели, и шхуны взяли курс домой.

Они были из небольшого рыбацкого поселка Мурос из провинции Галисия. Когда шхуны прошли в темноте мимо мола на внутренний рейд, они уже снова были «чистыми». Другие люди вытащили тюки из воды на берег, где ждал трактор с прицепом. Никакое другое транспортное средство не смогло бы пройти по мокрому песку. Из прицепа четыре тюка перекочевали в грузовик с крытым кузовом с рекламой креветок в чесночном соусе, направляющийся в Мадрид.

Человек из мадридской банды расплатился со всеми наличными, затем отправился на причал улаживать дела с рыбаками. Еще десять тонн чистого колумбийского кокаина попали в Европу.

После телефонного звонка главы президентской администрации специальный курьер доставил все необходимые бумаги. Доверительные письма наделяли Поля Деверо такими полномочиями, каких уже многие десятилетия не имел никто, кроме самого хозяина Овального кабинета. Деньги должны были быть переведены позднее, когда Деверо решит, где именно нужно будет разместить два миллиарда долларов.

Первым делом Деверо разыскал номер телефона, который хранил уже много лет, но ни разу не пользовался. И вот теперь он им воспользовался. Звонок раздался в маленьком доме в тихом переулке скромного городка Пеннингтон, штат Нью-Джерси. Полю повезло. Трубку сняли после третьего звонка.

– Мистер Декстер?

– Кто им интересуется?

– Голос из прошлого. Меня зовут Поль Деверо. Полагаю, вы помните мое имя.

Последовало долгое молчание, как будто человека на противоположном конце ударили в солнечное сплетение.

– Мистер Декстер, вы меня слушаете?

– Да, слушаю. И имя я помню хорошо. Откуда у вас этот номер?

– Неважно. Вы также должны помнить, что конфиденциальная информация в нашем ремесле главный товар.

Человек из Нью-Джерси прекрасно это помнил. Десять лет назад он был самым успешным в Соединенных Штатах наемным убийцей. Случайно он перешел дорогу бостонскому аристократу, работавшему в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния, и Деверо попытался его устранить.⁷

Эти двое были непохожи друг на друга, словно мел и сыр. Кэл Декстер, жилистый, светловолосый, улыбающийся адвокат из Пеннингтона, родился в 1950 году в кишачих тараканами трущобах Ньюарка. Его отец, строитель по профессии, проработал всю Вторую мировую войну и войну в Корее, построив тысячи новых заводов, складов и административных зданий по всему

⁷ Эти события описаны в романе Ф. Форсайта «Мститель» (прим. ред. FB2)

побережью Нью-Джерси.

Однако после окончания войны в Корее работа закончилась. Кэлу было пять лет, когда его мать покинула лишенный любви брачный союз, предоставив воспитывать мальчика отцу. Тот был строгим, скорым на кулаки – единственный закон у простых работяг. Но при этом он был человек неплохой, старался жить честно и по средствам и с детства приучал своего маленького сына любить добрую старую республиканскую партию, конституцию и Джо Димаджио.⁸

Через два года Декстер-старший приобрел дом-прицеп, чтобы иметь возможность переезжать туда, где есть работа. Так мальчик и рос, переезжая с одной стройплощадки на другую, посещая ту школу, куда его брали, и снова двигаясь в путь. Это была эпоха Элвиса Пресли, Дела Шэннона, Роя Орбисона⁹ и «Битлз», приехавших из страны, о которой Кэл никогда не слышал. Это была также эпоха Кеннеди, холодной войны и Вьетнама.

Образование Кэла было разбито на такие мелкие куски, что его можно было вообще не принимать во внимание, однако он набрался другой мудрости – мудрости улицы, мудрости драки. Как и его мать, он не пошел в рост, остановившись на пяти футах восьми дюймах. Не был он и грузным и мускулистым, как его отец, но в его худом теле обитал внушающий ужас дух, а кулаки у него были убийственными.

К семнадцати годам Кэлу казалось, что его жизнь повторит жизнь отца: копать землю и носить кирпичи на стройке. Если только...

В январе 1968 года ему исполнилось восемнадцать, и как раз в это время Вьетконг начал знаменитое «Новогоднее» наступление. Кэл смотрел телевизор в баре в Кэмдене. Показывали документальный фильм о вербовке. Там упоминалось, что, если новобранец отслужит как надо, армия даст ему образование. На следующий день Кэл пришел на Кэмденский призывной пункт и записался добровольцем.

Старший сержант бесконечно устал. Ему казалось, всю свою жизнь он выслушивает молодых парней, делающих все возможное, чтобы не отправиться во Вьетнам.

– Я хочу записаться добровольцем, – сказал стоящий перед ним подросток.

Старший сержант протянул ему анкету, пристально глядя в глаза, словно хорек, который не хочет упустить кролика. Стараясь говорить ласково, он предложил парню подписать контракт не на два года, а на три.

– Так больше вероятность получить хорошее распределение, – сказал сержант. – Лучше для карьеры. Если подпишешься на три года, может быть, тебя даже не отправят во Вьетнам.

– Но я хочу во Вьетнам, – сказал парень в перепачканных землях джинсах.

Его желание исполнилось. После учебного лагеря, где было отмечено умение Кэла управлять землеройными машинами, его отправили в инженерный батальон Первой пехотной дивизии, стоящей в самом «железном треугольнике».¹⁰ Там Кэл добровольно вызвался стать «тоннельной крысой» и проникать в пугающую сеть страшных, темных и нередко смертельно опасных подземных ходов.

После двух командировок, успешного выполнения самоубийственных заданий в этих адских дырах, Кэл вернулся в Штаты с целой фуражкой медалей, и Дядя Сэм сдержал свое обещание. Кэл получил возможность учиться в колледже. Он выбрал юриспруденцию и защитил диплом в Фордхэме, штат Нью-Йорк.

У него не было ни связей, ни лоска, ни денег для крупных фирм с Уолл-стрит. Он устроился работать в службу бесплатной юридической помощи, чтобы говорить за тех, кому было суждено судьбой занимать самые нижние слои американской юридической системы. Среди его клиентов было так много латиноамериканцев, что он выучился быстро и свободно говорить

⁸ Димаджио, Джозеф Пол — знаменитый американский бейсболист, трижды признавался лучшим игроком Национальной лиги.

⁹ Шеннон, Дел — американский певец и композитор, исполнитель рок-н-ролла; Орбисон, Рой — американский певец и исполнитель, патриарх музыки кантри.

¹⁰ «Железный треугольник» — условный район приблизительно в 40 км к северо-западу от Сайгона, где еще во времена французского колониального владычества повстанцы начали рыть подземные тоннели. Всего, по различным оценкам, их было прорыто от 75 до 250 км; спрятавшиеся в них южновьетнамские партизаны наносили боевые удары по Сайгону.

по-испански. Скоро Кэл женился; у него родилась дочь, которую он обожал.

Возможно, Кэл бы провел всю свою жизнь, защищая интересы отчаявшихся, но когда ему было за сорок, его дочь-подростка похитили, вынудили заняться проституцией, после чего ее зверски убил сутенер. Кэлу пришлось опознавать ее изуродованное тело на пляже в Виргинии. Эта трагедия воскресила «тоннельную крысу», убийцу, привыкшего работать в одиночку.

Вспомнив былые навыки, Кэл выследил двух сутенеров, причастных к смерти своей дочери, и расстрелял их вместе с телохранителями на тротуаре в Панама-Сити. Вернувшись в Нью-Йорк, он узнал, что его жена наложила на себя руки.

Кэл Декстер перестал выступать в суде и вроде отошел от дел, занявшись частной практикой в маленьком городке Пеннингтон в штате Нью-Джерси. На самом деле он начал свою третью карьеру. Кэл стал наемным убийцей, однако в отличие от большинства собратьев по ремеслу он работал практически исключительно за границей. Кэл Декстер специализировался на том, чтобы выслеживать, ловить и должным образом возвращать в Соединенные Штаты тех, кто совершил тяжкие преступления и считал, что все сошло им с рук, поскольку им удалось найти убежище в стране, с которой у Америки нет соглашения о выдаче преступников. Кэл крайне осторожно рекламировал свои услуги, прикрываясь псевдонимом «Мститель».

В 2001 году один канадский миллиардер пригласил Кэла разыскать сербского садиста-наемника, который зверски убил его внука, работавшего в гуманитарной организации где-то в Боснии. Но Декстер не мог знать, что некий Поль Деверо использует этого наемника Зорана Жилича, ставшего торговцем оружием, как наживку, рассчитывая заманить Усаму бен Ладена на встречу, в ходе которой крылатая ракета сотрет его с лица земли.

Однако Декстер дошел до цели первым. Он обнаружил Жилича спрятавшимся в одной грязной южноамериканской стране, изнывающей под гнетом диктатуры, проник туда, похитил убийцу под дулом пистолета и переправил его в Ки-Уэст, штат Флорида, на своем личном самолете. Деверо, обнаружив, что два года напряженных трудов пошли прахом, попытался устранить излишне прыткого наемного убийцу. Но вскоре все это потеряло смысл: после событий 11 сентября бен Ладен больше не посещал никакие встречи за пределами своих пещер.

Декстер снова исчез в облике скромного безобидного юриста из Пеннингтона. Затем Деверо вышел в отставку. Тогда у него появилось свободное время, и он воспользовался им, чтобы выследить наемного убийцу, который называл себя просто Мстителем.

Теперь они оба уже отошли от дел: бывшая «тоннельная крыса», сын работяги, поднявшийся из низов, и аристократ-виртуоз из Бостона. Посмотрев на телефонную трубку, Декстер сказал:

– Что вам нужно, мистер Деверо?

– Меня снова призвали на службу, мистер Декстер. Это сделал лично верховный главнокомандующий. Есть одна задача, которую нужно выполнить. Это имеет отношение к безопасности нашей страны. Президент поручил дело мне. Мне нужен первый помощник, правая рука. Я буду вам очень признателен, если вы обдумаете предложение занять эту должность.

Декстер отметил язык. Никаких «я хочу» или «я предлагаю», но «я буду вам очень признателен».

– Мне нужно будет узнать об этом больше. Гораздо больше.

– Разумеется. Если вы сможете приехать ко мне в Вашингтон, я с радостью объясню вам почти все.

Декстер, стоя перед окном своего скромного дома в Пеннингтоне и глядя на опавшую листву, думал над тем, что сказал ему Деверо. Ему уже шел шестьдесят первый год. Он держал себя в форме и, несмотря на несколько очень прозрачных намеков, так больше и не женился. В целом его жизнь была уютной, свободной от стрессов, спокойной, безмятежной. И скучной.

– Я приеду и выслушаю вас, мистер Деверо. Только выслушаю. После чего приму решение.

– Очень мудро, мистер Декстер. Вот мой адрес в Александрии. Я могу ждать вас завтра?

Деверо продиктовал адрес, однако прежде, чем он положил трубку, Кэл Декстер задал ему один вопрос:

– Памятуя о нашем общем прошлом, почему вы выбрали именно меня?

– Очень просто. Вы единственный, кому удалось когда-либо меня обойти.

Часть вторая Засада

Глава 03

По соображениям безопасности руководство «Эрмандада», картеля, контролирующего всю кокаиновую индустрию, крайне редко собиралось на общие собрания. Несколько лет назад все было гораздо проще.

Все изменилось с приходом на пост президента Колумбии Альваро Урибе, решительно настроенного против наркотиков. Его правление началось с кардинальной чистки полицейских сил страны. Во главе отдела по борьбе с наркотиками встал генерал Фелипе Кальдерон, а его заместителем по вопросам разведки был назначен полковник Дос-Сантос.

Оба этих человека доказали, что, даже получая одно только жалование полицейского, можно оставаться кристально честным и не брать взяток. Картель не привык к такому и совершил несколько серьезных ошибок, потеряв ключевых руководителей, прежде чем урок был усвоен. После чего началась беспощадная война. Но Колумбия – страна большая, в ней миллионы гектаров джунглей, где легко спрятаться.

Единоличным главой Братства был дон Диего Эстебан. В отличие от предыдущего кокаинового барона Пабло Эскобара, дон Диего не был психопатом-головорезом, поднявшимся из трущоб. Он принадлежал к старинной землевладельческой аристократии: образованный, учтивый, любезный, потомок длинной череды истинных идалго, в чьих жилах текла чистая испанская кровь. И его всегда называли просто «доном».

Это он в мире убийц за счет силы своей личности спаял разрозненных кокаиновых князьков в единый синдикат, в высшей степени успешный, управляемый как современная корпорация. Два года назад последний из тех, кто выступал против объединения, был отправлен в наручниках в Соединенные Штаты, чтобы больше никогда не вернуться назад. Это был Диего Монтойя, глава картеля Северной долины, мнивший себя наследником кокаиновых баронов Кали и Медельина.

Никто так и не смог выяснить, чей телефонный звонок полковнику Дос-Сантосу привел к успешному рейду против Монтойи, но после того, как бывшего главу картеля Северной долины показали по центральному телевидению, скованного по рукам и ногам, больше уже никто не выступал против дона Диего.

Колумбия разрезана с северо-востока на юго-запад двумя высокими горными хребтами, между которыми раскинулась долина реки Магдалена. Все реки к западу от Западного хребта текут в Тихий океан или в Карибское море; вся вода к востоку от Восточного хребта впадает в Ориноко или Амазонку. Эта страна пятидесяти рек на востоке представляет собой огромную равнину, усеянную поместьями размером с целые округа. У дона Диего было по крайней мере пять поместий, принадлежность которых можно было отследить, и еще десять, установить истинного хозяина которых было нельзя. В каждом было по несколько грунтовых аэродромов.

Осенью 2010 года встреча состоялась на ранчо де ла Кукарача неподалеку от Сан-Хосе. Остальные семь членов совета были вызваны личным эмиссаром и прибыли по воздуху, предварительно отправив пару десятков двойников. Даже несмотря на то, что сотовые телефоны, которые использовались всего один раз, после чего выбрасывались, считались абсолютно надежным средством связи, дон Диего предпочитал рассылать сообщения через горстку лично отобранных курьеров. Его называли консерватором, однако его еще ни разу не ловили и не прослушивали.

В то ясное осеннее утро дон Диего лично встретил свою команду в дверях роскошного особняка, в котором он, вероятно, ночевал не больше десяти раз в год, но который тем не менее находился в постоянной готовности принять хозяина.

Особняк был выстроен в испанском стиле, прохладный летом, с журчащими фонтанами во внутреннем дворике и официантами в белых смокингах, снующими с подносами, заставленными бокалами с напитками.

Первым приземлился самолет Эмилио Санчеса. Подобно всем остальным главам отделений, он решал только одну задачу: сферой его деятельности было производство. Санчес имел

дело с десятками тысяч нищих крестьян-кокалеро, выращивающих кустарник коки в Колумбии, Боливии и Перу. Он покупал у них пасту, проверял ее качество, расплачивался с ними и доставлял тонны чистого кокаина, упакованного и увязанного в тьюки, к дверям лабораторий.

Все это требовало постоянной защиты не только от сил правопорядка, но и от бандитов всех мастей, живущих в джунглях, готовых украсть товар и попытаться перепродать его обратно. Частной армией командовал Родриго Перес, в прошлом террорист ФАРК.¹¹ При его содействии эта революционная группировка марксистского толка, когда-то наводившая ужас, была прижата к ногтю и теперь работала на Братство.

Прибыль кокаиновой индустрии была просто астрономической, и огромный поток притекающих денег представлял собой проблему, решить которую можно было только превращением «грязных» долларов в «чистые». После чего деньги можно было вкладывать в тысячи легальных компаний по всему миру, но только после вычета накладных расходов и взноса в личное состояние дона Диего, исчислявшееся сотнями миллионов.

Отмыванием денег занимались в основном нечистые на руку банки, многие из которых являлись миру уважаемое лицо, а преступный бизнес использовали в качестве инструмента дополнительного заработка.

Человек, обязанностью которого было отмывание денег, был так же далек от образа простого головореза, как сам дон. Он был юристом, специалистом по финансовому и банковскому законодательству. У него была престижная практика в Боготе, и если у полковника Дос-Сантоса и имелись какие-то подозрения на его счет, дальше этого дело никогда не шло. Сеньор Хулио Лус прилетел третьим, и дон Диего радушно встретил его. Как раз в этот момент со стороны аэродрома приехал четвертый джип.

Хосе-Марии Ларго не было равных в продвижении товара на рынок. Его полем деятельности был мир, употребляющий кокаин, и сотни банд и преступных группировок, клиентов «Эрмандада», покупавших у него белый порошок. Именно Ларго заключал сделки с оптовыми покупателями, разбросанными по Мексике, Соединенным Штатам и Европе. Он один оценивал кредитоспособность как давно существующих преступных группировок, так и постоянного потока новичков, приходящих на смену тем, кого схватили и посадили за решетку. В свое время Хосе-Мария выдвинул идею предоставить монополию на поставку кокаина в Европу зловещей «Ндрангете», итальянской мафии с центром в Калабрии, области на мыске «сапога», зажатой между неаполитанской «Каморрой» и сицилийской «коза нострой».

Вместе с ним в одном джипе, поскольку их самолеты приземлились практически одновременно, приехал Роберто Карденас, коренастый, покрытый шрамами бывший уличный боец из Картахены. Таможня и полиция в сотнях морских портов и аэропортов перехватывали бы груз кокаина в пять раз чаще, если бы не «помощь» подкупленных чиновников. Этот вопрос был очень важным, и им занимался Карденас, начиная от вербовки и кончая выплатами.

Последних двух участников совещания задержали непогода и расстояние. Уже должны были подавать обед, когда с извинениями появился Альфредо Суарес. Хоть он и опоздал, дон Диего встретил его с неизменным радушием, тепло поблагодарив подчиненного за согласие приехать, как будто у того был выбор.

Суарес и его мастерство были незаменимы для общего дела. Его специальностью была транспортировка. Обеспечить безопасный и надежный транзит всего кокаина вплоть до последнего грамма от лаборатории до места передачи за границей – вот в чем заключалась его задача. Под началом Суареса находились все до одного курьеры, все «ишаки», все корабли, большие сухогрузы и личные яхты, все самолеты, большие и маленькие, и все подводные лодки, вместе с экипажами и обслуживающим персоналом.

На протяжении многих лет шел спор, какая из двух стратегий лучше: переправлять кокаин маленькими партиями, но тысячами курьеров-одиночек или посылать огромные партии, но значительно меньшим числом.

Одни считали, что Картелю следует затопить оборонительные порядки двух континентов тысячами «ишаков», никчемных, ничего не знающих, перевозящих всего по несколько кило-

---

¹¹ Революционные вооруженные силы Колумбии — армия народа (ФАРК) — леворадикальная повстанческая группировка в Колумбии.

граммов в чемоданах или всего по одному килограмму в желудке, проглоченному в маленьких полиэтиленовых пакетиках. Разумеется, кто-то будет попадаться, но многим удастся пройти. Одним своим числом они сметут оборонительные порядки. Так было в теории.

Суарес выступал за альтернативный подход. На каждый континент требовалось переправлять по триста тонн, при этом Суарес проводил примерно сто операций в Соединенных Штатах и столько же в Европе. Партии были от одной до десяти тонн, что оправдывало вложение крупных средств и доскональное планирование. И если впоследствии получатели, забрав товар и расплатившись за него, хотели разбивать груз на крошечные партии, это было уже их дело.

Зато уж если провалы случались, то случались по-крупному. Два года назад британский фрегат «Айрон дьюк», патрулирующий Карибское море, перехватил сухогруз и конфисковал пять с половиной тонн чистого кокаина. Стоимость товара составляла четыреста миллионов долларов, и это была не розничная стоимость, потому что кокаин еще не был разбавлен в соотношении один к шести.

Суарес заметно нервничал. На совещании предстояло обсудить еще одну потерю крупной партии товара. Катер американской береговой охраны захватил две тонны кокаина на рыбацкой шхуне, которая пыталась проскользнуть в уединенную бухту неподалеку от города Корпус-Кристи, штат Техас. Суарес понимал, что ему придется защищать свою стратегию всеми возможными способами.

Единственным, кого дон Диего держал на некотором расстоянии, был седьмой гость, коротышка Пако Вальдес. Если его внешность и казалась кому-то нелепой, никто не смеялся. Ни здесь, ни где бы то ни было, никогда.

Даже в штiblетах на каблуке он едва дотягивал до пяти футов трех дюймов. При этом у него была непропорционально большая голова и, как это ни странно, детские черты лица, с гладкими черными волосами на макушке и поджатыми губками. Лишь пустые глаза выдавали садиста-психопата, кроющегося в этом маленьком теле.

Дон приветствовал Вальдеса учтивым кивком и тонкой улыбкой. Он не подал ему руку. Дон Диего знал, что человек, которого в преступном мире окрестили «Животным», однажды рукой вытащил у еще живого человека внутренности и бросил их на раскаленную сковороду. Он не был уверен, что Вальдес с тех пор мыл руки, а он был очень разборчивым. Но если шепнуть в ухо-пуговку фамилию, Животное сделает все, что нужно.

Еда была изысканная, вина были марочные, разговор велся напряженный. Альфредо Суарес защитил свои ворота. Его стратегия больших партий упрощала продвижение товара на рынок, «ублажение» иностранных чиновников и отмывание денег. Эти три аргумента решили дело. Суарес покинул поместье живым. Вальдес был разочарован.

В эти выходные британский премьер-министр провел совещание со «своими людьми», и снова в Чекерсе. Доклад Берригана был роздан всем присутствующим и прочитан в полной тишине. Затем наступил черед более краткого документа, составленного Коброй, с описанием его требований. Наконец настало время высказать мнения.

За круглым столом в изящном обеденном зале, который также использовался для совещаний, сидел секретарь кабинета, глава Министерства по делам государственной службы, мимо которого не могла пройти ни одна крупная инициатива. Рядом с ним сидел шеф Службы тайной разведки, не совсем точно именуемой в средствах массовой информации МИ-6, которую сами сотрудники называли просто «Канторой».

После ухода в отставку сэра Джона Скарлетта, известного советолога, простое слово «Шеф» (ни в коем случае не «генеральный директор») перешло к арабисту, свободно владеющему арабским и пуштунским языками, прошедшему много лет на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

И еще присутствовали трое представителей от вооруженных сил. Это были начальник штаба обороны, который затем в случае необходимости вкратце проинформирует начальника генерального штаба (сухопутные войска), начальника штаба военно-воздушных сил и первого морского лорда. Остальными двумя были начальник военных операций и начальник сил специального назначения. Все присутствующие знали, что трое военных в свое время служили в войсках специального назначения. Молодой премьер-министр, старше их по должности, но младше по возрасту, рассудил, что если эти трое плюс Шеф не найдут, чем возразить на предложения

иностранца, этого не сможет сделать никто.

Прислуживали в Чекерсе неизменно представители Королевских ВВС. После того как сержант авиации подал кофе и удалился, началось обсуждение. Секретарь кабинета указал на возможные юридические последствия.

– Если этот человек, этот так называемый Кобра хочет... – он остановился, подыскивая подходящее слово, – развернуть кампанию против торговли кокаином, в которую уже замешаны многие государства, есть опасность того, что он попросит нас нарушить международный закон.

– Насколько я понимаю, американцы уже готовы на это пойти, – сказал премьер-министр. – Они собираются переqualифицировать кокаин из наркотика класса А в вещество, представляющее угрозу национальной безопасности. То есть сам Картель и все контрабандисты автоматически попадут в категорию террористов.

– А мы не можем последовать примеру американцев? – спросил начальник штаба обороны.

– Нам придется, – ответил секретарь кабинета. – И сделать это будет достаточно просто. Для этого потребуется статусное право, а не новый закон. Все очень тихо. Только об этом не должны проводить средства массовой информации. И охотники за сенсациями.

– Вот почему круг посвященных должен быть как можно меньше, – сказал Шеф. – Но даже в этом случае любую операцию нужно будет чертовски хорошо прикрывать.

– В свое время мы проводили тайные операции против Ирландской республиканской армии, – вмешался начальник сил специального назначения, – а в последнее время против «Аль-Каиды». И на поверхности была видна лишь верхушка айсберга.

– Господин премьер-министр, что именно хотят от нас наши кузены? – спросил начальник штаба обороны.

– Насколько я понял со слов президента, разведывательную информацию и опыт ведения тайных операций, – ответил премьер-министр.

Обсуждение шло своим чередом; вопросов было много, но ответов мало.

– Господин премьер-министр, а что вы хотите от нас? – Этот вопрос задал начальник штаба обороны.

– Ваш совет, джентльмены. Осуществимо ли это и следует ли нам принять участие?

Трое военных кивнули первыми. Затем начальник секретной службы. И, наконец, секретарь кабинета. Лично он терпеть не мог подобное. Если случится катастрофа...

Позднее, после того как премьер-министр, известив Вашингтон, предложил своим гостям на обед жаркое, пришел ответ из Белого дома. В нем говорилось: «Рады видеть вас на борту». Также была отправлена в Вашингтон просьба прислать в Лондон эмиссара. На первом этапе помощь нужна будет только в виде совета, ничего больше. Вместе с ответом пришла фотография. После обеда этой фотографией вместе с портвейном обнесли присутствующих.

На ней было лицо бывшей «тоннельной крысы» по имени Кэл Декстер.

Пока одни совещались в диких джунглях Колумбии, а другие – в ухоженных садах Букенгемшира, человек под кодовым именем Кобра напряженно работал в Вашингтоне. Как и начальник Службы тайной разведки за океаном, он в первую очередь был озабочен подходящей «легендой».

Поль Деверо основал благотворительный фонд помощи беженцам из стран третьего мира и оформил на него долгосрочную аренду убогого, неприметного склада в Анакостии, в нескольких кварталах от Форт-Макнэра. На последнем этаже находились административные помещения, а на нижних этажах хранились подержанные одеяла, одежда, палатки, обувь, брезент.

На самом деле административная работа в обычном смысле этого слова здесь почти не велась. Поль Деверо много лет отчаянно боролся с тем, чтобы ЦРУ из компактного, эффективного разведывательного ведомства превратилось в неповоротливую бюрократическую машину. Он терпеть не мог бюрократию, однако на самом деле ему был нужен центр связи, не имеющий себе равных, и он такой центр получил.

После Кэла Декстера следующим завербованным стал Джереми Бишоп, тоже вышедший в отставку, как и сам Деверо, но еще совсем недавно один из самых блестящих специалистов по компьютерам и связи в Форт-Миде, штат Мэриленд, где находится штаб-квартира Агентства национальной безопасности, огромный комплекс всевозможных устройств прослушивания, известный как «Дворец загадок».

Бишоп занялся созданием коммуникационного центра, в который в соответствии с указом президента должна была стекаться вся до последней крупинки информация о Колумбии и кокаине, добытая тринадцатью разведывательными ведомствами. Для этого потребовалась другая «легенда». Разведывательным ведомствам было сообщено, что Овальный кабинет распорядился подготовить общий доклад о борьбе с торговлей кокаином, объединяющий материалы докладов всех отдельных структур, и они обязаны оказать всестороннее содействие. Ведомства поворчали, но вынуждены были смириться. Новый «мозговой центр». Еще один доклад в двадцати томах, который никто никогда не прочитает. Что тут было нового?

И еще был вопрос денег. Еще работая в ЦРУ, в отделе, изучающем Советский Союз и страны Восточной Европы, Деверо познакомился с Бенедиктом Форбсом, бывшим банкиром с Уолл-стрит, которого пригласили в «контору» ради одной-единственной операции. Однако Форбс нашел новую работу более захватывающей, чем предостерегать простых вкладчиков о Берни Мейдоффе,¹² и остался. Это было еще в годы холодной войны. К настоящему времени Форбс тоже уже вышел в отставку, но он ничего не забыл.

Его специальностью были тайные банковские счета. Содержать секретных агентов – занятие не из дешевых. Деньги нужны на зарплату, накладные расходы, премии, закупки, взятки. Для этой цели они должны размещаться на таких счетах, чтобы доступ к ним имели как собственные агенты, так и зарубежные «кадры». И в этом заключался гений Форбса. Никто так и не смог проследить его аккуратные «гнезда с яйцами», а КГБ действительно очень старался. Как правило, финансовый след позволяет выйти на предателя.

Форбс начал выкачивать выделенные доллары из ошеломленного Министерства финансов, размещая их там, где их можно было получить при первой необходимости. В компьютерный век тайные хранилища можно было устраивать где угодно. Бумажная волокита для отсталых кретиннов. Несколько нажатий на клавиатуре компьютера – и человек может удалиться на покой, обеспеченный до конца дней своих, если, конечно, нажимать нужные клавиши.

Устроив штаб, Деверо отправил Кэла Декстера за океан с первым поручением.

– Мне нужно, чтобы ты отправился в Лондон и купил два корабля, – сказал он. – Похоже, англичане присоединятся к нам. Воспользуемся же этим. Они в этом сильны. Будет основана подставная компания. Она получит средства. Эта компания и станет номинальным покупателем кораблей. После чего она исчезнет.

– Какие именно корабли нужны? – спросил Декстер.

Кобра протянул листок бумаги, который лично отпечатал на машинке.

– Запомни и сожги. Пусть англичане помогут тебе советом. На этой бумаге есть имя и личный номер телефона человека, с которым надо будет связаться. Ничего не доверяй бумаге и, разумеется, тем более компьютеру или сотовому телефону. Держи все в голове. Это единственное неприкосновенное, что у нас осталось.

Хотя Декстер не мог этого знать, телефон, по которому он должен был позвонить, зазвонил бы в большом здании из песчаника на берегу Темзы в местечке, известном как Воксхолл-Кросс. Обитатели здания так его никогда не называли – только «кабинет». Это была штаб-квартира британской Службы тайной разведки.

На листе бумаги, который нужно было сжечь, была написана фамилия Медликотт. На самом деле на звонок ответит заместитель главы тайной разведки, чья фамилия была вовсе не Медликотт. Однако использование этого кодового слова сообщит «Медликотту», с кем он разговаривает: с янки по фамилии Декстер.

И «Медликотт» предложит Декстеру вместе навестить в одном элитном клубе на Сент-Джеймс-стрит некоего Кранфорда, чья настоящая фамилия не Кранфорд. Там они отобедают втроем, и как раз третий человек и будет знать все о кораблях.

Эта запутанная процедура родилась в ходе утреннего совещания в «кабинете», состоявшегося за два дня до этого. Закрывая совещание, глава тайной разведки заметил:

– Да, кстати, через пару дней к нам приезжает один американец. Премьер-министр попросил ему помочь. Этот янки хочет купить корабли. Скрытно. Есть у нас кто-нибудь, кто что-то

¹² Мейдофф, Бернад — американский бизнесмен, финансист, в декабре 2008 года обвинен в создании крупнейшей в истории финансовой пирамиды.

смыслит в кораблях?

Все задумались.

– Есть у меня один знакомый, он председатель правления главной брокерской фирмы агентства «Ллойдс» в Сити, – наконец сказал начальник отдела западного полушария.

– Насколько хорошо вы с ним знакомы?

– Я как-то сломал ему нос.

– Как правило, это говорит о достаточно близком знакомстве. Он вывел вас из себя?

– Нет. Мы с ним играли в «стенку».

Последовала небольшая пауза. Эта фраза означала, что оба человека учились в сверхзакрытой престижной школе Итон, единственном месте, где играют в странную игру под названием «стенка».

– Что ж, пригласите янки на обед вместе с вашим другом, разбирающимся в кораблях, и посмотрите, сможет ли тот помочь скрытно купить то, что нужно. Возможно, он получит за это щедрые комиссионные. Компенсацию за сломанный нос.

Совещание закончилось. В назначенный срок позвонил Декстер из своего номера в скромной гостинице «Монкальм». «Медликотт» передал американца своему коллеге «Кранфорду»; тот записал номер телефона и сказал, что перезвонит. И он перезвонил, через час, чтобы договориться отобедать на следующий день вместе с сэром Эбхеем Вармой в клубе «Брукс».

– И, боюсь, потребуется костюм и галстук, – добавил «Кранфорд».

– Ничего страшного, – ответил Декстер. – Кажется, я еще не забыл, как завязывать галстук.

«Брукс» – довольно небольшой клуб на западной стороне Сент-Джеймс-стрит. Как и на всех остальных клубах, на нем нет таблички с названием. Мудрость подобного подхода заключается в том, что если вы член или приглашены в гости, вы знаете, где клуб, а в противном случае это все равно не имеет значения. Однако «Брукс» обычно узнают по горшкам с декоративными кустами по обе стороны от входа. Подобно всем клубам Сент-Джеймс-стрит, у «Брукса» есть свои завсегдатаи: как правило, это государственные служащие высшего звена и изредка сотрудники разведывательных ведомств.

Как выяснилось, Эбхей Варма являлся председателем совета правления крупной брокерской компании «Стейплхерст», специализирующейся на судоходстве и расположенной в средневековом квартале неподалеку от Олдгейта. Как и «Кранфорду», ему было пятьдесят пять лет; он был невысокий, полный и жизнерадостный. Но до того как Варма потолстел на многочисленных ужинах Сити, он прекрасно играл в сквош.

По обычаю, за столом разговор велся ни о чем – погода, урожай, как прошел перелет через Атлантику; затем они перешли в библиотеку, наслаждаться кофе и портвейном. Здесь, где никто не мог их слышать, они смогли расслабиться под пристальными взглядами портретов кисти мастеров позапрошлого века и поговорить о деле.

– Мне нужно купить два корабля. Очень тихо, не привлекая к себе внимания; сделка должна быть совершена от имени подставной компании в каком-нибудь налоговом раю.

Сэр Эбхей несколько не удивился. Подобное происходило сплошь и рядом. Разумеется, из-за налогов.

– Какие именно корабли нужны? – спросил он.

Он даже не думал спрашивать, чьи интересы представляет американец. За него поручился «Кранфорд», и этого было достаточно. В конце концов, они вместе учились в школе.

– Не знаю, – ответил Декстер.

– Очень щекотливый вопрос, – сказал сэр Эбхей. – Я хочу сказать, раз вы не знаете. Корабли бывают самых разных размеров и назначений.

– В таком случае, сэр, позвольте быть с вами откровенным. Я хочу отвести эти корабли на какую-нибудь укромную верфь и там переоборудовать.

– А, полная переделка. Никаких проблем. Во что они должны превратиться в конечном счете?

– Сэр Эбхей, надеюсь, это останется между нами?

Брокер бросил взгляд на разведчика, словно спрашивая, за кого нас принимает этот парень?

– То, что говорится в «Бруксе», в «Бруксе» и остается, – пробормотал «Кранфорд».

– Что ж, эти корабли должны превратиться в плавучие базы «морских котиков»¹³ ВМФ Соединенных Штатов. Безобидные на вид, совершенно безобидные внутри.

Сэр Эбхей Варма просиял.

– Ага, крутые штучки, да? Что ж, это хоть как-то проясняет дело. Полное переоснащение. Я бы не советовал вам связываться с какими бы то ни было танкерами. Не та форма корпуса, невозможно полностью очистить и слишком много труб. То же самое с рудовозами. Форма корпуса та, что надо, но они, как правило, огромные, гораздо больше, чем вам нужно. Я бы остановился на сухогрузе, на зерновозе – эти корабли можно переоборудовать в соответствии с требованиями владельца. Чистые, сухие, легко переоснастить, на палубе люки, чтобы быстро загружать и выгружать ваших ребят.

– Вы можете мне купить два таких корабля?

– Только не «Стейплхерст», мы занимаемся страховкой, но, разумеется, в нашем деле мы знаем всех и вся, по всему миру. Я сведу вас с нашим управляющим директором Полом Эгейтом. Молодой, но очень толковый.

Встав, сэр Эбхей протянул свою визитную карточку.

– Загляните ко мне завтра. Пол тотчас же с вами встретится. Лучшего совета вы не получите во всем Сити. Причем совершенно бесплатно. Спасибо за обед, Барри. Передай шефу огромный привет.

Они спустились вниз, вышли на улицу и расстались.

Хуан Кортес завершил работу и выбрался из чрева грузового судна водоизмещением четыре тысячи тонн, где он творил свое волшебство. После темноты нижнего трюма осеннее солнце показалось ему ослепительным. Настолько ярким, что Кортесу захотелось снова надеть свою маску сварщика. Но он ограничился темными очками, давая зрачкам привыкнуть к свету.

Его грязный комбинезон, промокший от пота, лип к обнаженному телу. Под ним на Кортесе были надеты одни только трусы. Жара внизу стояла свирепая.

Необходимости ждать не было. Те, кто заказал работу, придут утром. Кортес покажет им, что он сделал и как работает потайная дверь. Обнаружить полость под внутренней обшивкой корпуса было практически невозможно. Кортесу щедро заплатят. Ему не было дела до того, какую контрабанду будут перевозить в тайном отсеке, который он смастерил, а если глупые гринго любят засовывать белый порошок себе в нос, до этого ему тоже нет никакого дела.

Его дело заключалось в том, чтобы одевать свою верную жену Ирину, добывать хлеб на стол и учебники в портфель сына Педро. Кортес убрал свой инструмент в шкафчик и прошел к своей машине, скромному «Форду Пинто». В опрятном бунгало, большой гордости для рабочего человека, расположенном в чистом частном жилом районе у подножия холма, его ждали долгий, ласковый душ, поцелуй Ирины, объятия Педро, сытная трапеза и несколько бутылок пива перед плазменным телевизором. Кортес, счастливый человек, лучший сварщик в Картахене, поехал домой.

Кэл Декстер знал Лондон, но не слишком хорошо, а с оживленным деловым районом, который назывался просто Сити, или Квадратная миля, он вообще не был знаком. Но черное такси, которым управлял истинный кокни, родившийся и выросший в миле к востоку от Олдгейта, без проблем довезло его до нужного места. Декстера высадили без пяти одиннадцать у дверей страховой компании, расположенной в узком переулке, ведущем к монастырю, чье прошлое уходило корнями во времена Шекспира. Улыбающаяся секретарша проводила его на второй этаж.

Пол Эгейт занимал маленький кабинет, заполненный стеллажами; стены украшали фотографии грузовых судов в рамках. Трудно было представить, что в этой камерке заключаются страховые сделки стоимостью миллионы фунтов. Лишь новенький компьютерный монитор говорил о том, что отсюда совсем недавно не вышел Чарльз Диккенс.

Впоследствии Декстер узнал, насколько обманчив деловой центр Лондона, насчитывающий много веков, где каждый день одних только комиссионных выплачивается десятки милли-

¹³ «Морские котики» — подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

ардов. Эгейту было около сорока; он встретил гостя в рубашке с коротким рукавом, без галстука, радушный и дружелюбный. Сэр Эбхей вкратце рассказал ему суть дела, не вдаваясь в подробности. Он сказал, что американец представляет новую компанию, которая хочет приобрести два сухогруза, предпочтительно зерновоза, которые можно будет переоснастить под требования заказчика. Для какой именно цели будут использоваться корабли, сэр Эбхей не уточнил. Эгейту не нужно было это знать. Компания «Стейплхерст» должна была помочь американцу советом и свести его с кем нужно в мире кораблей. Американец приходился другом другу сэра Эбхея. Комиссионных с него не возьмут.

– Сухогрузы? – спросил Эгейт. – Бывшие зерновозы. Вы пришли на рынок как раз вовремя. При нынешнем состоянии мировой экономики лишнего тоннажа сейчас достаточно. Кто-то в море, большинство на приколе. Но вам будет нужен брокер, чтобы вас не ободрали как липку. У вас есть кто-нибудь на примете?

– Нет, – признался Декстер. – Кого вы бы посоветовали?

– Ну, наш мир довольно тесен, и все мы знаем друг друга. В пределах полумили отсюда конторы Кларксона, Бремара-Сископа, Гэлбрейта и Гибсонса. Все они занимаются продажей, покупкой, чартером. За определенное вознаграждение, разумеется.

– Разумеется.

В зашифрованном сообщении, полученном Декстером из Вашингтона, сообщалось о новом счете, открытом в банке на острове Гернси, укромном налоговом раю, который уже долгое время безуспешно пытался прикрыть Европейский союз. Там также было имя банковского работника, с которым нужно было связаться, и кодовое число, необходимое для получения доступа к средствам.

– С другой стороны, хороший брокер, пожалуй, сэкономит покупателю гораздо больше денег, чем возьмет в качестве гонорара. У меня есть хороший друг в компании «Парксайд». Он позаботится о том, чтобы у вас все сложилось наилучшим образом. Позвонить ему?

– Будьте добры.

Эгейт разговаривал по телефону пять минут.

– Этого человека зовут Саймон Линли, – сказал он, записывая на листке адрес. – Это всего в пятистах ярдах. Выйдите и сразу повернете налево. На Олдгейт снова налево. Идете прямо пять минут, затем спрашиваете Джапитер-Хаус. Вам любой скажет. Удачи.

Допив кофе, Декстер пожал Полу Эгейту руку и вышел. Указания были как нельзя лучше. Через пятнадцать минут Декстер был на месте. Джапитер-Хаус являл собой полную противоположность штаб-квартире «Стейплхерста»: ультрасовременное здание из стали и стекла. Бесшумные скоростные лифты. Компания «Парксайд» располагалась на одиннадцатом этаже. В панорамные окна был виден купол собора Святого Павла, стоящего на возвышенности в двух милях к западу. Линли встретил Декстера у дверей лифта и проводил в маленький зал для совещаний. Тотчас же появились кофе и булочки с имбирем.

– Вы желаете купить два сухогруза, предпочтительно зерновоза? – спросил Линли.

– Не я, мои клиенты, – поправил Декстер. – Они с Ближнего Востока. И хотят сохранить полную конфиденциальность. Отсюда подставная компания, которую я возглавляю.

– Понятно.

Линли несколько не смутился. Ему уже приходилось иметь дело с арабскими бизнесменами, которые надули своего шейха, но при этом не хотят оказаться за решеткой. Подобное происходит сплошь и рядом.

– Каких размеров корабли нужны вашим клиентам?

Декстер ничего не смыслил в водоизмещении, но он знал, что в главном трюме надо будет разместить маленький вертолет с разложенным несущим винтом. Он перечислил размеры.

– Около двадцати тысяч нетто-регистрационных или двадцати восьми тысяч брутто-регистрационных тонн, – сказал Линли.

Он застучал по клавиатуре компьютера. В конце длинного стола ожил большой экран, чтобы было видно обоим. Появились возможные варианты. Фримантл, Австралия. Канал Святого Лаврентия, Канада. Сингапур. Чесапикский залив, США.

– Похоже, самый большой репертуар у КСК, Китайской судоходной компании, штаб-квартира которой находится в Шанхае, но мы имеем дело с гонконгским отделением.

– Коммунисты? – спросил Декстер, которому много приходилось убивать их в «железном

треугольнике».

– О, теперь мы об этом больше не беспокоимся, – усмехнулся Линли. – В наши дни это самые беспощадные капиталисты в мире. Но при этом скрупулезно честные. Если они обещают доставить товар, товар будет на месте. И еще есть «Игл балк» в Нью-Йорке. Для вас так ближе к дому. Хотя это не имеет значения. Или имеет?

– Мои клиенты хотят лишь скрыть истинного владельца, – сказал Декстер. – Оба корабля будут отведены в укромную верфь для переоснащения и переоборудования.

Линли подумал: «Шайка мошенников, которые, вероятно, собираются переправлять какой-то очень стремный груз, поэтому они хотят переоборудовать корабли, снабдить их новыми документами и вывести в море неузнаваемыми. И что с того? Ближний Восток кишит такими; времена нынче трудные, а деньги везде деньги». Но вслух он этого не сказал.

А сказал он вот что:

– Конечно. На юге Индии есть очень хорошие верфи, где не задают лишних вопросов. У нас есть на них выход через нашего человека в Мумбае. Если мы будем представлять ваши интересы, мы заключим меморандум о соглашении и вы заплатите нам аванс в счет комиссионных. Я бы вам посоветовал: как только корабли будут приобретены, оформите их на сингапурскую управляющую компанию «Тейм». И с этого момента, получив новые названия, корабли исчезнут. «Тейм» никогда и никому не рассказывает о своих клиентах. Где я смогу вас найти, мистер Декстер?

В сообщении от Деверо также содержались адрес, номер телефона и электронная почта только что купленного конспиративного дома в Фэрфаксе, штат Виргиния, которому предстояло выполнять роль почтового ящика. Творение Деверо, этот дом нигде не значился, проследить его было невозможно, и в случае необходимости всю его деятельность можно было свернуть за шестьдесят секунд. Декстер назвал адрес. Через сорок восемь часов меморандум был подписан и возвращен обратно. Саймон Линли начал охоту. Ему потребовалось два месяца, но еще до конца года два бывших зерновоза были переданы заказчику.

Один пришел из Чесапикского залива, штат Мэриленд, другой стоял на якоре в порту Сингапура. Деверо не собирался сохранять на кораблях команды. С моряками щедро расплатились.

С кораблем, купленным в Америке, все было просто, поскольку он находился рядом с домом. Новая команда из военнослужащих ВМС США, выдающих себя за моряков торгового флота, взяла судно в свои руки, быстро ознакомилась с ним и вывела в Атлантику.

Группа моряков британского королевского ВМФ вылетела в Сингапур, также выдавая себя за моряков торгового флота, приняла корабль и вывела его в Малаккский пролив. Им предстоял более короткий морской переход. Оба корабля взяли курс на небольшую зловонную верфь на побережье Индии, к югу от Гоа, которая использовалась в основном для утилизации списанных судов. На ней царил преступное пренебрежение нормами безопасности, рабочие подвергались постоянному воздействию ядовитых химических веществ. Смрад на верфи стоял просто невыносимый, вот почему ни у кого не возникало желания посмотреть, что же там происходит.

Когда два корабля Кобры вошли в бухту и бросили якорь, они буквально перестали существовать. По новым документам их новые названия были без лишней огласки внесены в международный судовой реестр Ллойда. Они были записаны как зерновозы, принадлежащие сингапурской компании «Тейм».

Церемония из уважения к пожеланиям страны-донора состоялась в посольстве Соединенных Штатов на улице Абилиу-Маседу в Прае, столице Кабо-Верде, на острове Сантьягу. Вела церемонию со свойственным ей обаянием посол Марианна Майлс. Присутствовали также министры природных ресурсов и обороны Кабо-Верде.

Для большего веса прилетел американский адмирал, которому предстояло подписать соглашение от имени Пентагона. Адмирал не имел ни малейшего понятия о том, что он здесь делает, но два белоснежных парадных мундира, адмирала и его адъютанта, смотрелись очень впечатляюще, как и должно было быть.

Посол Майлс предложила напитки и закуски; все необходимые документы были разложены на столе для совещаний. Еще на церемонии присутствовали военный атташе посольства и представитель Государственного департамента, по имени Кэлвин Декстер.

Первыми поставили свои подписи министры Кабо-Верде, затем адмирал и, наконец, посол.

Оба экземпляра были скреплены печатями республики Кабо-Верде и Соединенных Штатов, и соглашение об оказании помощи вступило в силу. С этой минуты можно было приступать к работе.

После того как все дела были сделаны, бокалы наполнились игристым вином для обязательных тостов, и министр природных ресурсов Островов Зеленого Мыса произнес речь по-португальски. Усталому адмиралу казалось, что речь продолжалась бесконечно, он не понял из нее ни одного слова. Поэтому адмирал улыбался, гадая, зачем его забрали с площадки для гольфа под Неаполем и отправили на нищий архипелаг, затерявшийся в просторах Атлантики в трехстах милях от побережья Западной Африки.

Причина этого, попытался объяснить в самолете адмиралу его адъютант, заключалась в том, что Соединенные Штаты, неизменно щедрые по отношению к странам третьего мира, решили помочь республике Кабо-Верде. На островах не было никаких природных ресурсов за исключением одного: море вокруг них кишело рыбой. Военно-морской флот республики состоял из одного-единственного старенького патрульного катера, а военно-воздушные силы вообще отсутствовали.

В связи с повсеместным ростом рыбного браконьерства, учитывая ненасытный аппетит восточных стран к свежей рыбе, территориальные воды Островов Зеленого Мыса в пределах двухсотмильной зоны, по закону принадлежащие республике, подвергались постоянным нападкам браконьеров.

Соединенные Штаты должны были взять в свои руки аэродром на уединенном острове Фогу, взлетно-посадочная полоса которого была как раз только что модернизирована за счет безвозмездной помощи Европейского союза. Там ВМС США собирались создать центр подготовки летчиков, также безвозмездно.

Когда все будет готово, отряд бразильских (потому что государственный язык там тоже португальский) военных инструкторов переместится в центр с дюжиной учебных самолетов «Тукано» и займется созданием службы воздушной охраны рыболовства, обучая специально отобранных курсантов-летчиков Кабо-Верде. Имея в своем распоряжении «Тукано», обладающие большой дальностью полета, они смогут патрулировать океан, обнаруживать злоумышленников и наводить на них катер береговой охраны.

Да, задумано все превосходно, соглашался адмирал, хотя он и не мог никак смириться с тем, что его оторвали от гольфа как раз тогда, когда он уже подходил к предпоследней лунке.

Покидая посольство, адмирал предложил человеку из госдепа подвезти его до аэропорта на посольском лимузине.

– Мистер Декстер, хотите, я подброшу вас до Неаполя? – спросил он.

– Вы очень любезны, адмирал, но я возвращаюсь в Лиссабон, затем в Лондон и оттуда в Вашингтон.

Они расстались в аэропорту Праи. Самолет военно-морской авиации с адмиралом на борту вылетел в Италию. Кэл Декстер дождался регулярного рейса до Лиссабона.

Месяц спустя первый огромный вспомогательный корабль ВМФ доставил американских военно-морских инженеров к подножию конуса потухшего вулкана, занимающего девяносто процентов острова Фогу, названного так потому, что по-португальски это слово означает «огонь». Корабль встал на якоре на внешнем рейде, где ему предстояло выполнять функцию плавучей базы для инженеров: маленький кусочек родины со всеми домашними удобствами.

«Морские пчелки»¹⁴ гордятся тем, что могут выстроить где угодно все что угодно, однако неразумно разлучать их с бифштексами из канзасской говядины, жареной картошкой и галлонными банками кетчупа. Все работает лучше на правильном горючем.

Потребовалось шесть месяцев, но существующий аэродром мог принимать военно-транспортные самолеты «Геркулес», так что со снабжением и отпусками никаких проблем не было. Помимо этого небольшие суда доставляли балки, блоки, цемент и все остальное, необходимое для строительства, а также продовольствие, соки и даже питьевую воду.

Немногочисленные креолы, проживающие на Фогу, с восхищением наблюдали за тем, как

¹⁴ «Морские пчелки» — инженерно-строительные части в составе ВМФ США, занимаются строительством военно-морских баз, аэродромов и т. д.

муравьиная армия выплеснулась на берег и захватила их маленький аэродром. Раз в день приходил челнок с Сантьягу и уходил, освободив палубу от строительного оборудования.

Когда все работы будут завершены, учебный центр подготовки летчиков получит, в дополнение к уже существующей гостинице для гражданских пассажиров, общежитие для курсантов, коттеджи для инструкторов, ремонтные мастерские, хранилище горючего с керосином для турбовинтовых «Тукано» и центр связи.

Если кто-то из строителей и замечал что-либо странное, то молчал об этом. Также под контролем сотрудника Пентагона по фамилии Декстер, регулярно прилетавшего на гражданском самолете, были возведены и другие сооружения. В скалистом склоне вулкана укрылся просторный ангар со стальными воротами. А также хранилище горючего Джей-пи-5, которое не используют «Тукано», и арсенал.

– Можно подумать, – пробормотал главный старшина О'Коннор, проверяя стальные ворота ангара, спрятанного в скале, – что кто-то собирается вести войну.

Глава 04

На площади Боливара, названной в честь великого освободителя, стоят некоторые из самых старых зданий не только в Боготе, но и во всей Южной Америке. Она является центром Старого города.

Здесь побывали конквистадоры, жадные до бога и до золота, которые привели с собой первых католических миссионеров. В 1604 году иезуиты основали на одном углу площади школу Сан-Бартоломе, а неподалеку от нее была воздвигнута церковь Святого Игнатия, в честь основателя ордена Игнатия Лойолы. В противоположном конце стоит оригинальное здание Национального отделения Общества Иисуса.

Несколько лет назад отделение официально переехало в современное здание в новом районе города. Однако глава колумбийских иезуитов отец-наместник Карлос Руис в испепеляющем зное, несмотря на прелести современных систем кондиционирования, по-прежнему предпочитал прохладные каменные стены и плиты старого здания.

Именно здесь одним сырым декабрьским утром он принял своего американского гостя. Сидя за массивным дубовым письменным столом, привезенным много лет назад из Испании и потемневшим от времени, отец Карлос теребил в руках рекомендательное письмо с просьбой согласиться на эту встречу. Письмо пришло от его брата во Христе, директора Бостонского колледжа; отказать было невозможно, но любопытство не является грехом. Что нужно этому человеку?

Молодой послушник проводил Поля Деверо в кабинет главы национального отделения. Отец Карлос встал и прошел навстречу гостю. Тот оказался приблизительно одних с ним лет, библейские трижды по двадцать и десять, поджарый, в элегантной шелковой рубашке, клубном галстуке и кремовом тропическом костюме. Никаких джинсов, никаких волос на шее. Отец Руис мысленно отметил, что ему еще никогда не приходилось встречаться с янки-шпионом, однако письмо из Бостона было очень откровенное.

– Святой отец, мне очень неловко начинать с просьбы, но я должен так поступить. Мы можем рассматривать все, что будет сказано в этом кабинете, попадающим под печать исповеди?

Склонив голову, отец Руис молча указал гостю на кастильское кресло, обтянутое кожей. Сам он вернулся на свое место за письменным столом.

– Чем я могу вам помочь, сын мой?

– Наш президент лично попросил меня помочь уничтожить кокаиновую промышленность, которая причиняет страшные бедствия нашей стране.

Дальше можно было не объяснять, зачем он приехал в Колумбию. Словом «кокаин» было сказано все.

– Такие попытки уже предпринимались неоднократно. Много раз. Но аппетит в вашей стране огромный. Если бы не было этого прискорбного аппетита к белому порошку, не было бы и его производства.

– Верно, – подтвердил американец, – спрос всегда рождает предложение. Но обратное также верно. Предложение будет всегда создавать спрос. Рано или поздно. Если предложение иссякает, аппетит быстро сходит на нет.

– С «сухим законом» так не получилось.

Деверо был готов к такому возражению. «Сухой закон» явился самой настоящей катастрофой. Он только породил огромный криминальный мир, который после его отмены переключился на иные виды преступной деятельности. Общая стоимость ущерба на протяжении многих лет составила триллионы долларов.

– Мы считаем, святой отец, что в данном случае сравнение неправомерно. Существуют тысячи источников получить стакан вина или рюмку виски.

На самом деле он имел в виду: «Но кокаин поступает только отсюда». Надобности произносить это вслух не было.

– Сын мой, мы, Общество Иисуса, стараемся быть силой добра. Но на собственном ужасном опыте мы выяснили, что причастность к политике и государственным делам, как правило, приводит к катастрофическим последствиям.

Деверо всю свою жизнь провел в сфере шпионажа. Он уже давно пришел к выводу, что крупнейшим в мире ведомством по сбору разведывательной информации является Римско-католическая церковь. Через свою вездесущность она все видела, через таинство исповеди она все слышала. И заявление о том, что на протяжении полутора с лишним тысяч лет церковь никогда не поддерживала императоров и князей или, наоборот, не выступала против них, было просто смешным.

– Но если вы видите зло, вы с ним боретесь, – сказал Деверо.

Глава национального отделения был слишком хитер, чтобы попасться в такую ловушку.

– Сын мой, что вам нужно от нашего общества?

– В Колумбии вы повсюду, святой отец. Ваши молодые священники, общаясь с паствой, бывают во всех уголках страны, во всех городах и деревнях...

– И вы хотите, чтобы они стали осведомителями? Вашими? Стали работать на далекий Вашингтон? Они также соблюдают тайну исповеди. То, что говорится им в тесной кабинке исповедальни, никогда не может быть разглашено.

– А если корабль везет груз отравы, которая загубит много молодых жизней, оставив за собой след скорби, эта информация также является священной?

– Нам обоим известно, что тайна исповеди неприкосновенна.

– Но корабль не может исповедоваться, святой отец. Даю вам слово, ни один моряк не умрет. Я мыслю исключительно в рамках перехвата и конфискации.

Деверо сознавал, что теперь ему также придется исповедоваться в грехе лжи. Но другому священнику, далеко отсюда. Не здесь. И не сейчас.

– То, о чем вы просите, крайне рискованно; люди, которые занимаются этим мерзким ремеслом, безжалостные и жестокие.

Вместо ответа американец достал из кармана один предмет. Это был маленький и очень компактный сотовый телефон.

– Святой отец, мы с вами родились и выросли задолго до того, как было изобретено вот это. Теперь такие штучки есть у всех молодых и у большинства тех, кто в возрасте. Для того чтобы отправить короткое послание, даже не нужно говорить...

– Я знаю, сын мой, что такое текстовые сообщения.

– В таком случае, вы поймете, что такое шифрование. Эти сообщения будут зашифрованы так, что никакой Картель никогда не сможет их расшифровать. Я прошу только название корабля с отравой на борту, который направляется ко мне на родину, чтобы уничтожить ее молодежь. Ради наживы. Ради денег.

Глава национального отделения позволил себе тонкую улыбку.

– Вы умеете убеждать, сын мой.

Кобре осталось разыграть еще одну, последнюю карту.

– В городе Картахена есть памятник Святому Петеру Клаверу из Общества Иисуса.

– Разумеется. Мы чтим его память.

– Сотни лет назад он сражался со злом рабства. И работорговцы предали его мучительной смерти. Святой отец, заклинаю вас. Торговля наркотиками – это такое же страшное зло, как и торговля рабами. И в том, и в другом случае товаром является человеческое горе. И работником обязательно должен быть человек; это может быть наркотик. Работорговцы забирали тела молодых людей и издевались над ними. Наркотик отнимает душу.

Несколько минут отец Карлос смотрел из окна на площадь Симона Боливара, человека, освободившего народы.

– Я хочу помолиться, сын мой. Вы можете вернуться через два часа?

Деверо пообедал в открытом кафе на улице, отходящей от площади. Когда он вернулся, отец-наместник уже принял решение.

– Я не могу приказывать делать то, о чем вы просите. Но я могу объяснить своим священникам, чего вы хотите. Если тайна исповеди не будет нарушена, им предстоит принимать решения самим. Можете раздать свои маленькие машинки.

Из всех своих соратников по Картелю Альфредо Суаресу наиболее тесно приходилось работать с Хосе-Марией Ларго, занятым продвижением товара на рынок. Это был вопрос учета каждой партии груза, вплоть до последнего килограмма. Суарес отправлял их, одну за другой, но необходимо было знать, сколько товара дошло до покупателя и сколько было перехвачено правоохранительными органами.

К счастью, о каждой крупной перехваченной партии наркотиков ПОО тотчас же трубили через средства массовой информации. Они искали славы, благодарности, неизменно стремясь выбить у своих правительств более щедрый бюджет. Правила Ларго были простые и железные. Крупным покупателям разрешалось выплачивать пятьдесят процентов стоимости товара (а это была цена, установленная Картелем) при оформлении заказа. Баланс предстояло сводить после передачи груза, что являлось переходом его к новому хозяину. Мелкие игроки должны были делать стопроцентную предоплату.

Если банды и мафии сдирали с рядовых покупателей астрономические суммы, это было их дело. Если они действовали небрежно, если в их ряды проникали полицейские осведомители и они теряли товар, это также было их дело. Но конфискация груза после доставки не освобождала их от необходимости расплатиться по долгам.

И вот когда какая-нибудь банда, заплатив только половину стоимости, теряла товар в результате действий полиции и отказывалась выплачивать остальное, требовались меры силового воздействия. Дон Диего непреклонно требовал преподавать упрямым и несговорчивым страшные уроки. Картель просто панически боялся двух вещей: кражи активов и утечки информации. Ни то, ни другое не прощалось и не забывалось, какую бы цену ни приходилось платить за возмездие. Оно должно было свершиться. Таков был закон дона... и он работал.

Лишь общаясь со своим коллегой Ларго, Суарес мог узнавать с точностью до килограмма, какая часть отправленного груза была перехвачена до того, как дошла до покупателя.

Только это могло показать ему, какие способы транспортировки приводят к успеху с наибольшей вероятностью, а какие – с наименьшей.

Ближе к концу 2010 года Суарес подсчитал, что объем перехваченного груза остается примерно таким же, как и всегда: между десятью и пятнадцатью процентами. Учитывая семизначные цифры прибыли, это было вполне приемлемо. Но Суаресу хотелось довести процент потерь до однозначных цифр. Если кокаин перехватывали, пока он еще находился в собственности Картеля, все убытки нес именно Картель. И дону Диего это совсем не нравилось.

Предшественник Суареса десять лет назад, на рубеже веков все свои силы сосредоточил на подводных лодках. Идея состояла в том, чтобы строить небольшие суда с прочным корпусом, дизельным двигателем и командой из четырех человек, берущие на борт до десяти тонн груза, включая продовольствие и горючее, способные погружаться на перископную глубину.

Даже лучшие из этих лодок не погружались глубоко. Это им было не нужно. Над поверхностью воды торчал лишь плексигласовый купол с головой капитана, чтобы он мог управлять судном, и шнорхель, труба для подачи воздуха, необходимого для работы дизеля.

По замыслу, эти невидимые подводные лодки должны были медленно, но совершенно незаметно красться вдоль побережья Тихого океана от Колумбии до севера Мексики, доставляя крупные партии мексиканской мафии, которой затем уже предстояло переправлять кокаин через границу Соединенных Штатов. И это работало... какое-то время. Затем произошла катастрофа.

За разработкой и строительством этих подводных лодок стоял Энрико Поррокарреро, выдававший себя за безобидного ловца креветок из Буэнавентуры, небольшого городка на юге тихоокеанского побережья страны. Но полковник Дос-Сантос вышел на него.

То ли Поррокарреро заговорил «под нажимом», то ли при обыске у него были найдены ка-

кие-то заметки: главное то, что верфи, на которых строились подводные лодки, были обнаружены, и в дело вступил военно-морской флот. Когда капитан Герман Борреро закончил работу, от корпусов шестидесяти судов, находившихся в различных стадиях постройки, остались дымящиеся остовы. Убытки Картеля не поддавались исчислению.

Вторая ошибка предшественника Суареса заключалась в том, что значительную долю товара он отправлял в Соединенные Штаты и Европу одиночками-«ишаками», доставляющими крошечные партии по одному-два килограмма. Это означало, что для переправки всего пары тонн требовалась тысяча курьеров.

По мере того как рост исламского фундаментализма приводил к усилению мер безопасности в западном мире, багаж пассажиров все чаще и чаще просвечивали рентгеновскими лучами, выявляя в нем противозаконное содержимое. Это привело к тому, что «ишаки» перешли на перевозку кокаина в собственных желудках. Глупцы, готовые идти на риск, лишали свой пищевод чувствительности с помощью новокаина, после чего заглатывали до сотни пакетиков, содержащих по десять граммов каждый.

У некоторых пакетики рвались прямо в желудке, и они умирали с пеной у рта на полу аэропорта. На других доносили бдительные стюардессы, заподозрившие неладное, поскольку пассажир ничего не ел и не пил на протяжении всего продолжительного перелета. Таких отводили в сторону, заставляли выпить сироп из фиников и сажали на унитаз с сетчатым фильтром внизу. Американские и европейские тюрьмы были переполнены такими бедолагами. И все же за счет огромных объемов и вследствие одержимости западных стран правами человека до восьмидесяти процентов товара доставлялось по назначению. Но затем предшественника Суареса злой рок сразил во второй раз.

Впервые это было опробовано в английском Манчестере, и опыт оказался удачным. Устройство под названием «аппарат виртуального рентгеновского обследования» не просто показывал пассажира словно полностью обнаженным, но также выявлял имплантаты, введения в задний проход и содержимое кишечника. Устройство работало настолько бесшумно, что его можно было устанавливать под стойкой пограничника, осуществляющего паспортный контроль, и другой сотрудник правоохранительных органов в соседнем помещении изучал предъявителя паспорта от гортани до ягодич. По мере того как все больше аэропортов и морских вокзалов оснащались новыми аппаратами, процент перехвата «ишаков» стремительно взлетал до небес.

В конце концов терпение дона Диего иссякло. Он распорядился заменить человека, отвечающего за это направление работы, навсегда. Его место занял Суарес.

Суарес был ярким сторонником крупных партий, и его цифры отчетливо показывали, какие пути транспортировки лучшие. Для Соединенных Штатов это были надводные суда и самолеты, доставлявшие груз через Карибское море в северные районы Мексики и на южное побережье США. Большую часть пути товар преодолевал на судах торгового флота, после чего прямо в море перегружался на частные суда, каких полно в прибрежных водах, от рыбацких шхун и быстрходных скутеров до яхт и моторных лодок.

Для Европы Суарес предпочитал новые пути: не напрямую из Карибского моря в страны Западной и Северной Европы, так как в этом случае перехват достигал двадцати процентов, но прямо на восток к полукольцу стран-неудачниц, составляющих побережье Западной Африки. Там товар переходил из рук в руки, и Картель полностью получал за него деньги, а дальше уже заботой покупателей было разделить груз на мелкие партии и переправить его на север через пустыню до берегов Средиземного моря, а затем в Южную Европу. И больше всего Суарес любил бывшую португальскую колонию, маленькое нищее государство, раздираемое гражданской войной, превратившееся в самый настоящий рай для переправки наркотиков: Гвинею-Бисау.

Именно к этому заключению пришел Кэл Декстер, встретившись в Вене с канадским охотником за наркотиками Уолтером Кемпом из Комитета по борьбе с наркотиками и организованной преступностью ООН. Цифры Кемпа во многом совпадали с теми, что были у Тима Мэнхайра из Лиссабона.

Начав всего несколько лет назад с приема лишь двадцати процентов колумбийского кокаина, направляющегося в Европу, Западная Африка в настоящий момент принимала уже больше пятидесяти. Но ни Кемп, ни Декстер, беседуя за столиком в кафе в Пратер-парке, не могли знать, что недавно Альфредо Суарес решил довести эту долю до семидесяти процентов.

На западном побережье Африки семь государств попадают под определение «проблем-

ные»: Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гвинея (бывшая французская колония со столицей в Конакри), Сьерра-Леоне, Либерия и Гана.

Переправившись через Атлантику в Западную Африку воздухом или по морю, кокаин мелкими партиями отправляется на север сотнями различных путей. Часть следует на рыбацких судах вдоль побережья Марокко, после чего продолжает путь по старой дороге марихуаны. Другие партии преодолевают Сахару по воздуху и попадают на северное побережье Африки, откуда их на небольших судах переправляют испанской мафии через Гибралтар или калабрийской «Ндрангете», с нетерпением ждущей в порту Джоя-Тауро.

Часть кокаина следует изнурительным сухопутным путем через всю Сахару, с юга на север. Здесь особый интерес представляет ливийская авиакомпания «Африкийя», которая связывает двенадцать основных городов Западной Африки с Триполи, откуда морем до Европы рукой подать.

– Когда дело доходит до переправки товара на север в Европу, – сказал Кемп, – все они заодно. Но что касается получения кокаина из-за Атлантики, тут Гвинея-Бисау нет равных.

– Пожалуй, мне следует отправиться туда и на месте посмотреть, что к чему, – задумчиво промолвил Декстер.

– Только будьте осторожны, – предостерег его канадец. – Подготовьте хорошую легенду. И неплохо будет захватить с собой «мускулы». Разумеется, лучшая маскировка – быть черным. Сможете это устроить?

– Нет, только не по эту сторону Атлантики.

Кемп черкнул на салфетке имя и номер телефона.

– Попробуйте найти этого человека в Лондоне. Он мой друг. Работает в АБОП. И желаю удачи. Она вам понадобится.

Кэл Декстер еще ничего не знал о британском агентстве по борьбе с организованной преступностью, но намеревался исправить это упущение. К вечеру он возвратился в гостиницу «Монкальм».

Вследствие бывших колониальных связей единственным удобным перевозчиком в Гвинею-Бисау являлась португальская авиакомпания ТАП. Позаботившись о визе и сделав прививки от всех болезней, какие только смог придумать Институт тропической медицины, а также раздобыв рекомендательное письмо от международной Организации изучения жизни птиц, представляющее его как ведущего орнитолога, специализирующегося на перелетных птицах, зимующих в Западной Африке, «доктор» Кэлвин Декстер неделю спустя летел из Лиссабона ночным рейсом ТАП в Бисау.

Позади него сидели два капрала британского парашютно-десантного полка. Как выяснил Декстер, АБОП собрало под одним знаменем все правоохранительные органы, ведущие борьбу с организованной преступностью и терроризмом. Среди знакомых друга Уолтера Кемпа оказался один бывший десантник, прослуживший много лет в третьем батальоне парашютно-десантного полка. Это он через штаб полка в Колчестере разыскал Джерри и Билла. Оба с готовностью согласились помочь.

Теперь они были уже не Джерри и Билл. Они были Кваме и Кофи. Их паспорта однозначно свидетельствовали, что оба урожденные граждане Ганы, а другие бумаги клятвенно заверяли в том, что они также работают в отделении Организации изучения жизни птиц в Аккре. На самом деле это были такие же чистокровные англичане, как и Виндзорский замок, но родители обоих перебрались в Великобританию из Гренады. Если только никто не станет расспрашивать их на беглом тви, эвехе или ашанти, они с честью выдержат испытание. Правда, Джерри и Билл не владели ни креольским, ни португальским, но внешность у них была бесспорно африканская.

Лайнер компании ТАП совершил посадку в аэропорту Бисау уже после полуночи, в крошечной темноте. Большинство пассажиров следовали дальше в Сан-Томе, и лишь тоненький ручеек направился вместо транзитного зала к паспортному контролю. Впереди шагал Декстер.

Сержант-пограничник придирчиво исследовал все до одной страницы новенького канадского паспорта, изучил гвинейскую визу, сгреб бумажку в двадцать евро и кивнул, предлагая Декстеру пройти. Он указал на двух его спутников.

– Avec moi, – сказал Декстер и добавил: – Con migo.¹⁵

Французский язык – не португальский, как и испанский, однако смысл был понятен. К тому же с лица Декстера не сходила лучезарная улыбка. А лучезарная улыбка, как правило, делает свое дело. К ним подошел офицер.

– Qu'est que vous faites en Guinée?¹⁶ – спросил он.

Декстер изобразил бесконечную радость. Нырнув в сумку на плече, он достал ворох брошюр, посвященных цаплям, уткам-широконосам и другим видам водоплавающих птиц, семьсот тысяч которых зимуют в обширных болотах и влажных равнинах Гвинеи-Бисау. Глаза пограничника тотчас же остекленели от скуки. Он махнул рукой, показывая, что все могут проходить.

На площади перед зданием аэропорта не было ни одного такси. Но был грузовик с водителем, а бумажка в пятьдесят евро в этих краях способна на многое.

– Гостиница «Малайка»? – с надеждой спросил Декстер.

Водитель кивнул.

Когда грузовик приблизился к городу, Декстер обратил внимание, что тот практически полностью погружен во мрак. Виднелись лишь несколько пятен света. Комендантский час, введенный военными? Нет, просто отсутствовало электричество. Лишь здания, имеющие собственный генератор, не зависели от перебоев с подачей энергии. К счастью, гостиница «Малайка» принадлежала к их числу. Трое приезжих поселились в нее и поднялись к себе в номера, чтобы поспать хотя бы остаток ночи. Перед самым рассветом кто-то застрелил президента.

Первым на имя обратил внимание Джереми Бишоп, компьютерный специалист проекта «Кобра». Подобно тому, как любители разгадывать кроссворды лазают по словарям, атласам и энциклопедиям в поиске информации, которую у них никогда не спросят, Бишоп, не имеющий личной жизни как таковой, все свободное время лазал по киберпространству. И не просто плавал по Интернету – это было бы слишком просто. Нет, у него была привычка незаметно и без труда проникать в чужие базы данных и смотреть, что в них.

Как-то раз поздно вечером в воскресенье, когда почти весь Вашингтон наслаждался началом праздников, Бишоп сидел за компьютером, проверяя списки прибывающих и убывающих пассажиров в аэропорту Боготы. И одна фамилия всплывала постоянно. Кто бы ни был этот человек, он регулярно летал из Боготы в Мадрид, раз в две недели.

Возвращался он не позднее чем на третий день, что оставляло ему меньше пятидесяти часов на пребывание в испанской столице. Недостаточно для отдыха, слишком много для остановки по пути в следующий пункт.

Бишоп прогнал эту фамилию через краткий список тех, кто был хоть каким-то боком причастен к торговле кокаином, представленный в штаб-квартиру «Кобры» колумбийской полицией и УБН. Ее там не оказалось.

Бишоп проник в базу данных авиакомпании «Иберия», которой неизменно пользовался таинственный путешественник. Фамилия сопровождалась примечанием «постоянный пассажир», что давало определенные привилегии вроде преимущественного предоставления билетов на загруженные рейсы. Этот человек всегда летал первым классом, а обратный вылет бронировался автоматически, если он только сам его не отменял.

Воспользовавшись своей высшей формой допуска, Бишоп связался с представителями УБН в Боготе и даже с командой британского АБОП, работающей там же. Ни те, ни другие не знали этого человека, но ребята из УБН, проверив по местным справочникам, установили, что речь идет о престижном адвокате, который никогда не ведет уголовные дела в суде. Наткнувшись на стену, но все равно полный любопытства, Бишоп сообщил о своем открытии Деверо.

Кобра впитал информацию, но решил, что она не заслуживает приложения дальнейших усилий. По большому счету, подозрения были уж слишком косвенные. И все же дополнительные расспросы в Мадриде не помешают. Действуя через представителей УБН в Испании, Деверо попросил, чтобы в следующий приезд адвоката в Мадрид за ним установили наблюдение. Он,

---

¹⁵ Со мной (*фр.* и *исп.*).

¹⁶ Что вы делаете в Гвинее? (*фр.*)

Кобра, будет признателен, если ему сообщат, где адвокат остановился, куда он ходил, что делал и с кем встречался. Закатив глаза, американцы в Мадриде согласились попросить об одолжении своих испанских коллег.

В Испании борьбой с наркотиками занимается Служба по борьбе с наркотиками и организованной преступностью, СБНОП. Запрос попал к следователю Франсиско Ортеге по прозвищу «Пако».¹⁷

Подобно всем полицейским, Ортега был убежден в том, что его заставляют работать слишком много, при этом не обеспечивают необходимым снаряжением и держат на нищенском жалованье. И все же если янки хотели установить слежку за каким-то колумбийцем, он едва ли мог отказать. Если Великобритания являлась крупнейшим потребителем кокаина в Европе, Испания была главными воротами, через которые наркотик попадал на континент, следствием чего были многочисленные преступные группировки, действующие с крайней жестокостью. Американцы со своими огромными ресурсами иногда вылавливали самородок чистого золота и щедро делились с СБНОП. Было принято решение, что, когда через десять дней колумбиец снова прибудет в Мадрид, за ним установят негласное наблюдение.

Ни Бишоп, ни Деверо, ни Ортега не могли знать, что Хулио Лус единственный из Братства не попадал в поле зрения колумбийской полиции. Полковник Дос-Сантос прекрасно знал всех остальных, но только не адвоката, занятого отмыванием денег.

К полудню следующего дня после прибытия Кэла Декстера и его команды в Бисау дело с убитым президентом прояснилось, и паника затихла. Как оказалось, это был не очередной государственный переворот.

В президента стрелял любовник молодой жены престарелого тирана. Утром оба скрылись глухих лесах в труднодоступном районе страны, чтобы больше никогда не появляться на людях. Клановая солидарность защитит обоих так, будто их никогда и не существовало.

Президент принадлежал к племени папель; его красавица-жена была из племени баланта, как и ее хахаль. Армия также преимущественно состояла из представителей племени баланта и не собиралась охотиться на одного из своих. К тому же президент не пользовался особой популярностью. Подумаешь, рано или поздно выберут нового. Реальная власть в стране принадлежала главнокомандующему и начальнику штаба.

Декстер взял напрокат белый джип в агентстве «Мавегру», владелец которого, радушный голландец, свел его с человеком, готовым сдать в аренду маленький катер с закрытой кабиной. Катер поставлялся с подвесным мотором и прицепом для перевозки. Определенно, он подходил для того, чтобы плавать по бухтам и протокам архипелага Бижагуш в поисках водоплавающих птиц.

И, наконец, Декстеру удалось снять уединенное бунгало, расположенное напротив стадиона, недавно воздвигнутого китайцами, которые втихую колонизировали Африку. Вместе со своими двумя помощниками Декстер перебрался из «Малайки» в новое жилище.

По пути от гостиницы до бунгало их на перекрестке подрезал джип «Рэнглер». Всего за два дня, проведенных в стране, Декстер усвоил, что дорожной полиции здесь нет и в помине, а светофоры почти все не работают.

Машины разминулись буквально в нескольких дюймах одна от другой, и пассажир «Рэнглера» осмотрел Декстера в упор, но из-за зеркальных солнцезащитных очков. Как и водитель, он не был ни африканцем, ни европейцем. Загорелый, с черными волосами, забранными в хвост, и толстой золотой цепью на шее. Колумбиец.

На крыше «Рэнглера» была установлена рама с четырьмя мощными прожекторами. Декстер сразу понял, в чем дело. Кокаин приходил в основном морем, но многие перевозчики не пользовались услугами убогого маленького порта Бисау, а перегружали тюки с товаром в узких протоках, окруженных мангровыми зарослями.

Какая-то часть наркотиков поступала по воздуху; иногда тюки сбрасывали прямо в море поджидающей рыбацкой шхуне, иногда самолет совершал посадку где-нибудь в глуши. Двадцатилетняя повстанческая война за независимость от Португалии оставила Гвинею-Бисау в наслед-

¹⁷ Расо — снайпер (исп.).

ство до пятидесяти грунтовых аэродромов, затерявшихся в густых лесах. Самолеты, доставившие кокаин, приземлялись там, разгружались, после чего летели в аэропорт Бисау, налегке и «чистые», чтобы заправиться горючим.

Совершать посадку безопаснее было ночью, но поскольку ни один из лесных аэродромов не был подключен к электричеству, освещение отсутствовало. Однако четыре-пять джипов с установленными на крышах прожекторами могли на несколько минут обеспечить яркий свет на взлетно-посадочной полосе, а этого было достаточно. Все это Декстер объяснил своим спутникам-парашютистам.

На отравленной химикатами судовой верфи в Капуре, к югу от Гоа, работа над двумя бывшими зерновозами шла полным ходом. Руководил всем канадец шотландского происхождения по имени Дункан Макгрегор, проработавший всю жизнь на верфях в тропиках и имевший кожу как у больного с последней стадией желтухи и такие же глаза. Ему было суждено кончить свои дни от болотной лихорадки, а если не от нее, то от виски.

Кобра любил приглашать на работу экспертов, удалившихся на покой. Как правило, они имели за плечами сорок лет работы по специальности, у них не было семьи, и они нуждались в деньгах. Макгрегор знал, что от него нужно, но не знал зачем. И с таким жалованием, которое он получал, у него не было никакого желания строить догадки и уж тем более задавать вопросы.

Резчики металла и сварщики были из местных; оборудование устанавливали приезжие сингапурцы, которых Макгрегор хорошо знал. Для них он специально пригнал несколько домов-прицепов; они определенно не стали бы жить в лачугах местных индийцев.

Макгрегор получил распоряжение сохранить внешний облик обоих зерновозов без изменений. Но внутри пять просторных трюмов подлежали полной переделке. Носовому предстояло стать тюрьмой. Там должны были быть установлены койки, уборные, камбуз для приготовления пищи, душевые кабины и помещение для охраны с кондиционером и даже телевизором.

В соседнем трюме располагались жилые отсеки, оснащенные тем же самым, но только гораздо лучшего качества. Здесь поселятся или британские морские командос, или американские «морские котики».

Третьему трюму пришлось уменьшиться, чтобы его соседи стали большими. Стальные переборки между третьим и четвертым трюмами были вырезаны и передвинуты. В третьем трюме была оборудована универсальная мастерская. Предпоследний трюм был оставлен пустым. В нем будут размещаться быстроходные надувные катера, приводимые в действие мощными моторами. Над этим трюмом будет установлена грузовая стрела.

Всю зиму под по-прежнему жарким южным солнцем шипели автогены, жужжали сверла, гремел металл, стучали кувалды, и два безобидных зерновоза превращались в плавающие смертельные ловушки. А где-то далеко их названия изменились, и сами корабли перешли в руки некой невидимой компании, управляемой сингапурской «Тейм». Перед самым завершением работ названия появятся на корме, прилетевшие экипажи возьмут суда в свои руки и те выйдут в море, чтобы заняться делом, которое ждет их на противоположной стороне земного шара.

Кэл Декстер потратил неделю на акклиматизацию, прежде чем повести катер в самое сердце архипелага Бижагуш. Он облепил джип привезенными с собой наклейками, рекламирующими организацию «Мир птиц» и Американское орнитологическое общество. На заднем сиденье, так, чтобы было видно случайному прохожему, лежали экземпляры последних отчетов Общества дикой природы Ганы и обязательный справочник «Птицы Западной Африки» Борроу и Деми.

На самом деле после встречи на перекрестке двое смуглых латиноамериканцев действительно отправились проверить бунгало. Вернувшись, они доложили своим хозяевам, что эти орнитологи – безобидные идиоты. В сердце вражеской территории «идиот» было лучшей возможной маскировкой.

Первая задача Декстера заключалась в том, чтобы выбрать место для катера. Он повел свой маленький отряд к западу от Бисау, в лес, окружающий Киньямель, столицу племени папель. Там протекала река Мансунья, впадающая в море, а на ее берегу стояла гостиница «Мар Азуль». Там катер спустили на воду, и Джерри поселился в гостинице, чтобы присматривать за ним. Перед отъездом Декстер и Билли насладились сытным обедом из омаров, запивая их портвейном.

– Это лучше, чем Колчестер зимой, – согласились оба десантника.

Разведка прибрежных островов началась со следующего дня.

Архипелаг Бижагуш насчитывает четырнадцать крупных островов, а всего в море на удалении от двадцати до тридцати миль от побережья Гвинеи-Бисау разбросано восемьдесят восемь маленьких клочков земли. Ведомства, ведущие борьбу с кокаином, неоднократно фотографировали их с воздуха, но еще никто не приближался к ним на маленьком судне.

Декстер обнаружил, что острова покрыты густыми мангровыми зарослями и малярийными болотами, но на берегах четырех-пяти из них, находившихся дальше в море, красовались роскошные белоснежные виллы с большими спутниковыми антеннами и радиомачтами, принимающими сигналы удаленной станции оператора сотовой связи МТН. У каждой виллы имелся причал, у которого стоял быстроходный скутер. Это были заморские резиденции колумбийцев.

Кроме того, Декстер насчитал двадцать три рыбацкие деревушки со свиньями и козами, довольно зажиточные. Но были еще и рыболовецкие лагеря, где жили иностранные браконьеры, занимавшиеся разграблением богатейших рыбных запасов Гвинеи-Бисау. Там теснились двадцатиметровые моторные лодки из Гвинеи, Сьерра-Леоне и Сенегала, с запасами продовольствия и горючего на пятнадцатидневный переход до дома.

Эти лодки обслуживали южнокорейские и китайские рыболовецкие базы, в чьих трюмах замороженный улов отправлялся на Дальний Восток. Декстер наблюдал за тем, как до сорока лодок обслуживают одну базу. Однако тот груз, который он хотел увидеть на самом деле, появился только на шестую ночь.

Декстер загнал катер в узкую протоку, пересек остров пешком и затаился в мангровых зарослях на берегу. Американец и двое британских парашютистов лежали на земле, укрытые маскировочной сеткой, с мощными биноклями в руках, и смотрели на то, как прямо перед ними на западе заходит солнце. Из последних багрово-красных лучей вынырнул корабль, определенно не рыболовецкий сейнер. Он проскользнул мимо двух островков, загрохотала цепь, и якорь опустился на дно. Затем появились лодки.

Они были местными, а не из соседних стран, и рыболовные снасти на них отсутствовали. Всего их было пять, на каждой команда из четырех местных, а на корме двух лодок сидело по латиноамериканцу.

На палубе корабля показались люди, тащившие тюки, перетянутые прочным шпагатом. Тюки были настолько тяжелыми, что требовалось усилие четырех человек, чтобы перевалить каждый за ограждение и опустить в ждущую внизу лодку. Лодки качались и заметно оседали в воду, принимая груз.

Необходимости соблюдать меры предосторожности не было. Местные на лодках смеялись и громко переговаривались между собой. Один из латиноамериканцев поднялся на борт корабля, чтобы переговорить с капитаном. Чемоданчик с наличными перешел из рук в руки – плата за переход через Атлантику, но лишь малая толика того, что будет выручено за товар в Европе.

Прикинув вес каждого тюка и суммировав их количество, Кэл Декстер подсчитал, что у него на глазах были перегружены две тонны чистого колумбийского кокаина. Темнота сгустилась. Корабль зажег огни. На лодках появились фонари. Наконец разгрузка закончилась, лодки завели подвесные моторы и устремились прочь. Корабль поднял якорь и вместе с отливом направился в открытое море.

Декстер успел разглядеть красно-синий флаг Южной Кореи и прочитал название. «Хей-Син». Выждав час, он поднялся вверх по реке к гостинице «Мар Азуль».

– Ребята, вам когда-нибудь доводилось видеть миллион фунтов стерлингов?

– Нет, босс, – ответил Билл, употребляя слово, принятое у десантников для обращения капрала к офицеру.

– Что ж, вот теперь увидели. Такова приблизительная стоимость двух тонн кокаина.

Десантники помрачнели.

– На ужин омары. Это наш прощальный ужин.

Через двадцать четыре часа все трое, вернув бунгало, катер и джип владельцам, вылетели через Лиссабон в Лондон. На следующую ночь люди в черных масках нагрянули в бунгало, обыскали его, после чего спалили дотла. Один из местных увидел в мангровых зарослях белого человека.

Доклад следователя Ортеги был кратким и ограничивался только фактами. Следовательно,

он был превосходным. На протяжении всего доклада колумбийский адвокат Хулио Лус упоминался исключительно как «объект».

«Объект прибыл регулярным ежедневным рейсом компании „Иберия“, совершившим посадку в 10.00. Был опознан спускающимся по трапу из салона первого класса в подземный поезд, следующий от Четвертого терминала в главное здание аэровокзала. Один из моих людей в униформе компании „Иберия“ наблюдал за ним всю дорогу. Объект не заметил слежки и не предпринял никаких мер предосторожности. С собой у него были один чемоданчик и одна небольшая сумка. В багаж он ничего не сдавал.

Пройдя паспортный контроль, объект проследовал „зеленым коридором“, где его не остановили. Его уже ждал лимузин; водитель встречал в зале прилета с табличкой „Вилла Реал“. Это одна из крупнейших мадридских гостиниц. За привилегированными гостями в аэропорт всегда присылается лимузин.

Все это время за объектом наблюдал мой коллега в штатском, который затем проследовал за лимузином на машине. Объект ни с кем не встречался и ни с кем не разговаривал до тех пор, пока ни прибыл в гостиницу „Вилла Реал“, расположенную на плаца де лас Кортес, дом 10.

Дежурный администратор оказал ему теплый прием, заверив, что „тот самый номер“ уже готов. Объект удалился к себе, заказал в полдень легкий обед в номер, после чего, судя по всему, решил отоспаться после ночного перелета. Затем он выпил чай в кафе для гостей под названием „Ист-47“; в какой-то момент с ним поздоровался директор гостиницы сеньор Феликс Гарсия.

Объект снова вернулся к себе в номер, но мой человек услышал, как он заказывает на ужин столик в шикарном ресторане на первом этаже. Затем мой человек, подслушивающий у двери, услышал звуки футбольного матча, который объект, по-видимому, смотрел по телевизору. Поскольку нам было предписано ни при каких обстоятельствах не вызывать у него подозрения, мы не смогли прослушать входящие и исходящие телефонные звонки. (Разумеется, мы могли бы устроить прослушивание, однако об этом сразу же стало бы известно обслуживающему персоналу гостиницы.)

В девять часов вечера объект спустился на ужин. К нему присоединилась молодая женщина, на вид лет двадцати с небольшим, студентка. Предположительно, она могла быть, как вы это называете, девицей легкого поведения, однако в ее отношениях с объектом ничего такого замечено не было. Он достал из внутреннего кармана пиджака письмо. Конверт из плотной кремовой бумаги. Женщина поблагодарила его, убрала письмо в сумочку и ушла. Объект вернулся к себе в номер и провел ночь один.

В восемь утра он позавтракал в кафе на первом этаже, где к нему присоединилась та же самая молодая женщина (смотри ниже). На этот раз женщина пробыла с ним совсем недолго, передала ему письмо, выпила чашку кофе и ушла.

Я выделил дополнительного человека, который проследил за этой молодой женщиной. Она оказалась некой Летицией Ареналь, двадцати трех лет, студенткой факультета изящных искусств Мадридского университета. Проживает в небольшой квартире-студии в Монклоа, неподалеку от студенческого городка, живет одна на скромные средства и производит впечатление порядочной девушки.

В десять утра объект покинул гостиницу на такси и направился в банк „Гусман“ на Калле-Серрано. Это небольшой частный банк, обслуживающий высокопоставленных клиентов, о котором неизвестно (точнее, не было известно) ничего плохого. Объект провел в банке все утро и, по-видимому, отобедал там вместе с директорами. Вышел он в три часа дня, но в дверях банковские сотрудники помогли ему с двумя большими чемоданами. Сам объект не смог бы их унести, но в этом не было необходимости.

Словно по вызову подъехал черный „Мерседес“, и из него вышли двое мужчин. Они уложили оба чемодана в багажник и уехали. Объект не отправился вместе с ни-

ми, а поймал такси. Моему человеку удалось сфотографировать обоих мужчин из „Мерседеса“ на сотовый телефон. Они были опознаны. Оба принадлежат к преступной группировке. Проследить за „Мерседесом“ мы не смогли, потому что его появление оказалось неожиданным, а мой человек был без машины. Свою машину он оставил за углом. Поэтому он проследил за объектом.

Объект вернулся в гостиницу, снова выпил чай, посмотрел телевизор, опять поужинал (на этот раз в одиночестве, ему прислуживал лично метрдотель Франсиско Патон). Ночь он провел один и в девять часов утра выехал в аэропорт на лимузине гостиницы. В магазине беспошлинной торговли объект купил литровую бутылку дорогого коньяка, провел время в зале ожидания для пассажиров первого класса, поднялся на борт самолета и в 12.20 по расписанию вылетел в Боготу.

Ввиду появления двух бандитов из галисийской мафии мы намереемся в следующий приезд сеньора Луса присмотреться к нему внимательнее. Несомненно, чемоданы могли вместить достаточно банкнот по пятьсот евро, чтобы на них можно было свести счета между Колумбией и нашими собственными крупнейшими импортерами.

Пожалуйста, посоветуйте, как нам быть».

– Ну, что ты думаешь по этому поводу, Кэлвин? – спросил Деверо, встречая Декстера, возвратившегося из Африки.

– Ясно как божий день, что этот адвокат участвует в отмывании денег для Картеля, но, судя по всему, только в Испании. Впрочем, быть может, остальные европейские банды привозят причитающиеся с них деньги на Калле-Серрано для оплаты долгов. Но я бы предпочел, чтобы СБНОП в следующий приезд Луса в Мадрид не открывала огонь еще раз.

– Можно будет одним махом взять двух гангстеров, нечистоплотного адвоката, деньги и грязный банк. Почему нет?

– Свободные концы. Это письмо, девица. Почему Лус играет роль почтальона? И для кого? – задумчиво произнес Декстер.

– Ну, девица чья-то племянница. И Лус оказывает любезность другу.

– Нет, мистер Деверо. Существует почта, заказные письма с уведомлением о вручении, если хочешь, а еще электронная почта, факс, телетайп, телефон. Но тут что-то личное и абсолютно засекреченное. Когда наш друг Лус в следующий раз прилетит в Мадрид, мне бы хотелось быть там. С небольшой командой.

– Значит, мы просим наших испанских коллег подождать до тех пор, пока ты не будешь готов? Но почему такая осторожность?

– Никогда не надо пугать пугливую добычу, – сказал бывший солдат. – Зверя нужно убивать одной пулей, в лоб. Чисто и аккуратно. Никаких промахов. Никаких ран. Если мы возьмем Луса сейчас, мы никогда не узнаем, кто отправляет письма в конвертах из кремовой бумаги, кому и зачем. И меня это будет очень долго тревожить.

Поль Деверо задумчиво смерил взглядом «тоннельную крысу».

– Я начинаю понимать, почему вьетконговцы так и не одолели тебя в «железном треугольнике». Ты до сих пор мыслишь как обитатель джунглей.

Глава 05

Гай Доусон подкатил к началу взлетно-посадочной полосы, плавно затормозил, еще раз изучил панель мигающих приборов, взглянул на бетонную дорожку, сияющую на солнце, запросил диспетчерскую и стал ждать разрешения на взлет.

Когда разрешение поступило, он передвинул две ручки газа до отказа вперед. Два турбореактивных двигателя «Роллс-Ройс» за спиной повысили свой тон с завывания до надрывного рева, и старенький «Блекберн Букканир» покатил по полосе. Ветеран-летчик не уставал наслаждаться этим мгновением.

На скорости отрыва от земли бывший легкий бомбардировщик военно-морской авиации без труда откликнулся на движение штурвала, шасси перестали стучать по бетону, и самолет, задрал нос, устремился в бескрайнее голубое африканское небо. Позади остался быстро тающий

вдали аэродром Тандер-Сити, специально выделенный для частных самолетов в Кейптаунском международном аэропорту. Продолжая набирать высоту, Доусон положил курс на намибийскую столицу Виндхук, выполняя первый, короткий и простой, этап долгого перелета на север.

Доусон был всего на год старше боевого самолета-ветерана, которым управлял. Он родился в 1961 году, когда «Букканир» существовал еще только в виде опытного образца. Блестящая карьера самолета началась в следующем году, когда он был принят на вооружение авиации Королевского ВМФ. Первоначально созданный для борьбы с советскими крейсерами класса «Свердлов», бомбардировщик оказался настолько хорош, что оставался на службе до 1994 года.

На флоте он взлетал с авианосцев вплоть до 1978 года. В 1967 году Королевские ВВС, с завистью смотревшие на своих коллег-моряков, разработали сухопутный вариант «Букканира», остававшийся на вооружении до 1994 года. За это время Южная Африка приобрела шестнадцать боевых машин, служивших в боевых частях до 1991 года. Даже среди знатоков военной авиации мало кто знал, что именно эти бомбардировщики несли на борту южноафриканскую атомную бомбу, до тех пор, пока накануне «радужной» революции Южная Африка не уничтожила все шесть бомб (за исключением тех трех, которые, выпотрошенные, стали музейными экспонатами) и не отправила «Букканиры» на пенсию. Самолет, который поднял в воздух январским утром 2011 года Гай Доусон, был одним из трех последних, сохранившихся в мире. Восстановленный энтузиастами военной авиации, он базировался в Тандер-Сити и возил туристов.

Все еще продолжая набор высоты, Доусон отвернул от голубых просторов Южной Атлантики и направился практически строго на север к голым светло-бурым пескам Намибии.

Эта модификация «С-2», разработанная для Королевских ВВС, имела практический потолок тридцать пять тысяч футов и развивала максимальную скорость 1,8 М,¹⁸ выпивая восемьдесят фунтов горючего каждую минуту. Но для короткого перелета горючего было более чем достаточно. С восемью полными внутренними баками, плюс дополнительным баком в бомбовом отсеке и двумя подвесными баками под крыльями, «Букканир» Доусона при полной нагрузке в двадцать три тысячи фунтов имел дальность полета в 2266 морских миль. А до Виндхука было меньше тысячи.

Гай Доусон был счастливым человеком. Молодым летчиком он в 1985 году получил назначение в 24-ю эскадрилью Южноафриканских ВВС, элиту элиты, несмотря на то что в строю были и более скоростные французские истребители «Мираж». Но «Букканир», к тому времени двадцатилетний ветеран, был особенной машиной.

Одним из его необычных качеств был полностью закрытый бомбовый отсек с вращающимся люком. Как правило, легкие бомбардировщики таких размеров несли вооружение под крыльями. Размещение бомб внутри фюзеляжа улучшало аэродинамические характеристики самолета и позволяло увеличить скорость и дальность полета.

Южноафриканские летчики еще больше увеличили бомбовый отсек и разместили в нем свою атомную бомбу, втайне созданную при помощи Израиля. Одна модификация «Букканира» имела дополнительный топливный бак в потайном бомбовом отсеке, что давало легкому бомбардировщику невиданную дальность действия. Именно дальность действия и надежность, позволяющие «Букканиру» часами «бездельничать» высоко в небе, и привлекли внимание неразговорчивого, жилистого американца по фамилии Декстер, посетившего Тандер-Сити в октябре.

На самом деле у Доусона не было никакого желания сдавать своего «малыша» в аренду, но мировой финансовый кризис сократил его пенсионные инвестиции до крохотной доли того, на что он рассчитывал, когда уйдет на покой, а предложение американца было слишком соблазнительным. За годовую аренду выплачивалась сумма, которая должна была вытащить Гая Доусона из дыры.

Доусон решил лично перегнать свой самолет в Великобританию. Ему было известно, что на аэродроме времен Второй мировой войны в Скэмптоне, графство Линкольншир, базируется небольшая группа энтузиастов-любителей «Букканира». Они также восстанавливали пару самолетов, но те еще не были готовы подняться в воздух. Доусон знал об этом, потому что обе груп-

¹⁸ М — число Маха. Упрощенно — отношение скорости объекта к скорости звука, т. е. 1.8М означает что скорость самолета в 1.8 раз превышает скорость звука. (прим. ред. FB2)

пы постоянно поддерживали между собой связь, и американец также это знал.

Доусону предстояло совершить долгий и трудный перелет. Кабина у него за спиной, где прежде находился штурман, в последнее время использовалась для перевозки туристов, но благодаря технологиям навигационной системы GPS Доусон должен был в одиночку перелететь из Виндхука далеко в Атлантику к крошечной точке острова Вознесения – принадлежащему Великобритании клочку земли, затерявшемуся в бескрайних просторах океана.

После ночевки и второй дозаправки он направится снова на север в аэропорт острова Сал в Кабо-Верде, затем на испанский остров Гран-Канария и, наконец, в Скэмптон, Великобритания.

Гай Доусон знал, что его американский босс открыл во всех пунктах остановки кредитные линии для оплаты горючего и расходов на ночлег. Но он не знал, почему Декстер выбрал именно этот бомбардировщик-ветеран военно-морской авиации.

На то были три причины.

Декстер искал нечто подобное везде и всюду, особенно в своей родной Америке, где существует целая культура сохранения старых боевых самолетов в рабочем состоянии. Но в конце концов остановился на южноафриканском «Букканире», поскольку этот самолет никто не знал. «Букканир» мог сойти за старый музейный экспонат, который перебрасывали с места на место, чтобы показывать на выставках.

Самолет был прост в обслуживании и настолько надежен, что сломать его было практически невозможно. И он мог часами находиться в воздухе.

Но только Декстер и Кобра знали, что Гай Доусон, возвращая своего малыша на родину, перегонял его вовсе не в музей. «Букканиру» предстояло снова вернуться на войну.

Когда сеньор Лус в феврале 2010 года снова приземлился в Четвертом терминале мадридского аэропорта «Барахас», группа встречающих была уже гораздо более многочисленной.

Кэл Декстер уже находился в главном зале аэропорта, вместе со следователем Ортегой незаметно наблюдая за потоком пассажиров, выходящих из таможенного зала. Оба стояли у газетного киоска: Декстер повернулся спиной к прибывающему объекту, а Ортега листал журнал.

Много лет назад, после армии, окончив университет и работая в бюро юридической помощи малоимущим в Нью-Йорке, Кэл Декстер обнаружил, что у него столько латиноамериканских клиентов, что ему полезно будет овладеть испанским языком. Что он и сделал. Ортега был поражен. Редко можно встретить янки, прилично говорящего на кастильском наречии. Для него отпала необходимость мучиться с английским. Не оборачиваясь, Ортега тихо промолвил:

– Это он.

У Декстера не было проблем с опознанием объекта. Его коллега Бишоп загрузил портрет Луса из архивов Юридической ассоциации Боготы.

Колумбиец придерживался обычного распорядка. Он сел в лимузин, присланный гостиницей, сжимая в руке чемоданчик, предоставив шоферу укладывать сумку в багажник. В дороге до площади де-лас-Кортес Лус отдыхал. За лимузином следила полицейская машина без опознавательных знаков, а Декстер, уже снявший номер, приехал в гостиницу первым.

Декстер привез с собой в Мадрид команду из трех человек, все трое были позаимствованы у ФБР. Бюро проявило любопытство, однако все вопросы и возражения были сняты полномочиями, данными президентом. Один из команды мог вскрыть любой замок с легкостью, с какой горячий нож разрезает зефир. Причем быстро. Декстер настоял на скорости. Он описал проблемы, с которыми им, скорее всего, придется столкнуться, и специалист по замкам небрежно пожал плечами. Только и всего?

Второй человек умел вскрыть конверт, за считанные секунды изучить содержимое и снова запечатать конверт так, что никто ничего не заметит. Третьему предстояло просто стоять на страже. Они не стали селиться в «Вилла Реале», а ждали в двухстах ярдах от гостиницы, готовые прибыть в любую минуту, получив команду по сотовому телефону.

Когда колумбиец приехал в отель, Декстер уже находился в фойе. Он знал, в каком номере остановится адвокат, и заранее проверил подходы к нему. Все складывалось как нельзя лучше. Номер находился в конце длинного коридора, вдали от лифтов, что уменьшало вероятность неожиданного появления кого-либо постороннего.

Что касается наблюдения за объектом, Декстер уже давно выяснил, что человек в плаще, стоящий в углу и делающий вид, будто читает газету, или бесцельно застывший у двери, броса-

ется в глаза, словно носорог на лужайке перед домом сельского vicария. Он предпочел спрятаться у всех на виду.

Напялив пеструю рубашку, он сидел с переносным компьютером на коленях и громко разговаривал по сотовому телефону с собеседницей, которую называл «моим сладким медвежонком». Лус на мгновение задержал на нем взгляд, оценил и потерял всякий интерес.

Этот человек был подобен метроному. Зарегистрировавшись в гостинице, он пообедал в номере и устроил себе небольшую сиесту. В четыре часа дня Лус появился в кафе «Ист-47», заказал чайник чая с бергамотом и забронировал столик на ужин. Он словно понятия не имел, что в Мадриде есть и другие превосходные рестораны, а на улице хотя и немного прохладно, но солнечно.

Через считанные минуты Декстер и его команда уже поднялись на нужный этаж. Часовой остался дежурить у дверей лифта. Каждый раз когда кабина останавливалась, поднимаясь вверх, он показывал знаком, что ему нужно вниз. Вежливые улыбки, и двери закрывались. Когда кабина спускалась, все происходило наоборот. Никаких неловких попыток зашнуровывать ботинки.

Воспользовавшись своим самым совершенным оборудованием, слесарь всего за восемнадцать секунд вскрыл электронный замок и открыл дверь в номер-люкс. Сумка была распакована, и ее содержимое висело в гардеробе или было аккуратно сложено в комод. Чемоданчик лежал на столе.

Его замки были защищены кодовым замком. Слесарь вставил в уши стетоскоп и начал медленно вращать колесики с цифрами от нуля до девяти и слушать. Одно за другим колесики встали в нужные положения, и латунные защелки поднялись вверх.

Внутри лежали в основном бумаги. За дело взялся специалист по работе с документами. Надев белые шелковые перчатки, он по очереди брал каждый лист и копировал его с помощью сканера. Письма среди бумаг не оказалось. Декстер, также в перчатках, проверил все карманы в крышке. Письма не было. Он кивнул на шкафы, каковых в номере-люксе оказалось полдюжины. Сейф был обнаружен в серванте за плазменным телевизором.

Сейф был хорошим, но он не был предназначен для того, чтобы устоять перед техническими средствами, опытом и умением человека, прошедшего подготовку в специальной лаборатории в учебном центре ФБР в Квантико. Кодовой комбинацией оказались первые четыре цифры членского билета Хулио Луса в Коллегии адвокатов Боготы. Конверт лежал в сейфе: продолговатый, из плотной кремовой бумаги.

Он был запечатан нанесенным на клапан клеем, а сверху для большей надежности заклеен скотчем. Специалист по работе с документами внимательно рассматривал конверт какое-то мгновение, затем достал из чемоданчика свое приспособление, похожее на маленький утюжок, и прогладил шов, как гладят воротник сорочки. Когда он закончил, клапан конверта легко поднялся.

Руки в белых перчатках извлекли три сложенных листка бумаги. С помощью лупы специалист из ФБР убедился в том, что в конверте нет человеческого волоска или тончайшей хлопчатобумажной ниточки, которые служили бы потайным предупредительным сигналом. Несомненно, отправитель полностью полагался на то, что адвокат передаст эпистола в целостности и сохранности сеньорите Летиции Ареналь.

Письмо было скопировано и положено обратно; конверт был заклеен с помощью прозрачной бесцветной жидкости. Письмо было убрано в сейф в точности так, как оно лежало до этого; сейф был заперт. После чего все трое собрали свои принадлежности и покинули номер.

Дежуривший у лифта часовой покачал головой. Объекта не видно. В этот момент кабина, поднимаясь снизу, остановилась на этаже. Все четверо быстро выскочили в дверь, ведущую на лестницу, и спустились вниз. И вовремя: из лифта вышел сеньор Лус, вернувшийся в номер, чтобы перед ужином принять ароматную ванну и посмотреть телевизор.

Декстер и его люди удалились к нему в комнату, где содержимое чемоданчика было загружено в компьютер. Декстер собирался передать следователю Ортеге все, что находилось в чемоданчике, кроме письма, с которым он ознакомился сам.

Декстер не пошел на ужин, но двое его людей заняли столик напротив Луса. Они доложили о том, что девушка пришла, поужинала, забрала письмо, поблагодарила посланца и удалилась.

На следующее утро на завтрак в ресторан отправился уже сам Кэл Декстер. Он увидел, как Лус устроился за столиком для двоих у стены. Девушка присоединилась к нему, передала свое

письмо, которое Лус убрал в нагрудный карман пиджака. Быстро выпив кофе, девушка с улыбкой поблагодарила его и ушла.

Дождавшись ухода колумбийца, Декстер подошел к опустевшему столику раньше прислуги и, споткнувшись, повалился на него. Недопитый кофейник опрокинулся на ковер. Ругая себя вслух за неуклюжесть, Декстер схватил со столика салфетку и принялся вытирать пятно. Подоспевший официант настоял на том, что это его работа. Как только парень наклонился, Декстер завернул в салфетку чашку, из которой пила девушка, и сунул ее в карман брюк.

После новых извинений и ответных заверений в том, что ничего страшного не произошло, Декстер вышел из ресторана.

– Мне бы очень хотелось, – сказал Пако Ортега, когда они, сидя в машине, проследили взглядом, как Хулио Лус скрылся в банке «Гусман», – чтобы вы разрешили нам взять их всех одним махом.

– Не волнуйтесь, Пако, этот день еще придет, – заверил его американец. – Вы получите свое. Но пока что еще рано. Деньги отмывают по-крупному. Очень по-крупному. Есть и другие банки в других странах. И мы хотим взять их все. Так что давайте скоординируем наши усилия и схватим всю шайку.

Ортега нехотя согласился. Как и любому следователю, ему приходилось участвовать в операциях, которые тянулись долгие месяцы, прежде чем наступал момент решительного удара. Терпение было обязательным качеством, но все равно ожидание действовало на нервы.

Декстер лгал. Он не знал ни об одной другой операции по отмыванию денег помимо связи Луса и банка «Гусман». Но он не мог раскрывать то, что проект «Кобра» нанесет удар только тогда, когда в Вашингтоне один человек с холодными глазами будет готов.

А сейчас Декстер хотел поскорее вернуться домой. У себя в номере он прочитал письмо. Длинное, нежное, с выражением беспокойства за благополучие и безопасность молодой девушки, оно было подписано просто «Папа».

Декстер не сомневался в том, что теперь Хулио Лус день и ночь не расстанется с ответным письмом. Быть может, он заснет в кресле первого класса по дороге обратно в Боготу, однако о том, чтобы на глазах у стюардесс стащить чемоданчик, лежащий в отсеке для багажа у него над головой, не могло быть и речи.

Декстеру очень хотелось узнать до того, как будет нанесен первый удар: кто такая Летиция Ареналь и кто такой «папа»?

Зима в Вашингтоне уже сдавала свои позиции, когда Кэл Декстер вернулся. Леса, покрывающие районы Виргинии и Мэриленда рядом со столицей, уже собрались одеться в зеленый наряд.

Из судовой Капур к югу от Гоа пришло сообщение от Макгрегора, который по-прежнему обливался потом среди зловония токсичных химикатов и малярийной жары. Переоборудование двух бывших зерновозов было практически завершено. По его словам, в мае корабли будут готовы выйти в море уже в новой роли.

Макгрегор не сомневался в том, что новая роль у кораблей будет такой, о какой ему говорили заказчики. А именно, сверхбогатый американский консорциум собирается войти в мир поисков сокровищ с двумя кораблями, с оснащением для глубоководного погружения, а также с походными мастерскими. На кораблях разместятся аквалангисты и обслуживающий персонал, мастерские для обслуживания снаряжения, а большой трюм займет маленький разведывательный вертолет. Все выглядело очень правдоподобно; просто это не соответствовало правде.

Заключительный этап превращения зерновоза в корабль-ловушку¹⁹ должен был произойти уже в море. Это совершится, когда жилые отсеки заполнятся вооруженными до зубов морскими пехотинцами, а в мастерских появится смертоносный арсенал. Макгрегора поблагодарили за отличную работу и сообщили, что две команды гражданских моряков вылетают принимать корабли.

¹⁹ Корабль-ловушка (корабль-призрак, кью-корабль) — вооруженный корабль, замаскированный под обычное торговое судно, который во время Первой и Второй мировых войн использовался для борьбы с немецкими подводными лодками, а сейчас применяется для борьбы с пиратами.

Если бы кому-то вздумалось наводить справки, все бумаги уже были давно готовы. Бывшие зерновозы бесследно исчезли, а вместо них в море готовы были выйти переоснащенные «Чесапик» и «Балморал». Они принадлежали некой компании, зарегистрированной на Арубе, несли флаг (очень удобно) этого крошечного острова и якобы должны были перевозить зерно с богатого пшеницей севера на голодный юг. Их настоящие хозяева и предназначение нигде не значились.

Лаборатория ФБР составила портрет ДНК молодой женщины из Мадрида, которая держала чашку кофе в гостинице «Вилла Реал». Кэл Декстер не сомневался, что она колумбийка, что уже подтвердил следователь Ортега. Однако в Мадриде учатся сотни колумбийских девушек. Декстер мечтал установить происхождение ДНК.

Теоретически ребенок должен унаследовать по крайней мере пятьдесят процентов ДНК от отца, и Декстер был убежден, что «папу» нужно искать в Колумбии. И кто он такой, если может просить одного из ведущих игроков в кокаиновом мире, пусть и «техника», поработать для него почтальоном? И почему он не может воспользоваться обычной почтой? Выстрел был с дальним прицелом, но Декстер обратился с просьбой к полковнику Дос-Сантосу, главе разведки отдела по борьбе с наркотиками уголовной полиции. Дождаясь ответа, он совершил два коротких путешествия.

Неподалеку от северо-восточного побережья Бразилии находится архипелаг из двадцати одного крошечного островка, главный из которых дал название всей группе: Фернанду-ди-Норонья. Размером он всего десять километров на три с половиной, при площади в двадцать шесть квадратных километров. Единственный городок на острове называется Вилла-дус-Ремедиус. Когда-то этот остров был тюрьмой, подобно французскому острову Дьявола, и густые тропические леса были выкорчеваны, чтобы лишить заключенных материала для строительства плотов, на которых можно было бы совершить побег. На смену деревьям пришли кустарники. Некоторые состоятельные бразильцы построили на острове виллы, чтобы отдыхать вдали от шумных городов, но Декстера интересовал только аэродром. Построенный в 1942 году управлением транспортных операций американской армии, он идеально подходил для базирования беспилотных самолетов-разведчиков «Предейтор» и «Глобал хок», обладающих поразительной способностью часами находиться в воздухе, изучая местность с помощью видеокамер, радиолокаторов и тепловых датчиков. Декстер прилетел на остров как представитель канадской фирмы, подыскивающей место для строительства курортных гостиниц, посмотрел, что к чему, подтвердил свои предположения и улетел обратно. Второй его визит был в Колумбию.

К 2009 году президент Урибе эффективно сокрушил террористическую группировку ФАРК, которая на самом деле занималась похищением людей с целью выкупа. Однако его усилия по борьбе с кокаином во многом были сведены на нет доном Диего Эстебаном и созданным им могучим Картелем.

В том же году Урибе оскорбил своих крайне левых соседей в Венесуэле и Боливии, пригласив в Колумбию американские войска, чтобы те оказали ему помощь своими новейшими техническими средствами. Гости разместились на семи колумбийских военных базах. Одной из них была Маламбо, на северном побережье страны рядом с Барранкильей. Декстер посетил эту базу как серьезный автор, пишущий о проблемах армии, получивший одобрение Пентагона.

Оказавшись в стране, он воспользовался возможностью слетать в Боготу и встретиться с полковником Дос-Сантосом. Американские военные отвезли его в аэропорт Барранкильи, и Декстер местным рейсом добрался до столицы. Разница температуры между теплым тропическим побережьем и городом высоко в горах составляла двадцать градусов.

Ни глава местного отделения американского УБН, ни начальник команды британского АБОП в Боготе понятия не имели, кто такой Декстер и чем занимается Кобра, но оба получили предписание от своего начальства, соответственно на Арми-Нейви-драйв и набережной Альберта, оказать гостю всяческое содействие. Все свободно говорили по-испански, а Дос-Сантос владел английским в совершенстве. Он удивился, когда гость упомянул об образце ДНК, переданном две недели назад.

– Странно, что вы навели нас именно сейчас, – сказал молодой и деятельный глава колумбийского ведомства, ведущего борьбу с кокаином. – Результаты анализа поступили ко мне сегодня утром.

Его объяснение оказалось еще более странным, чем приезд Декстера, бывший чистой случайностью. Технологии анализа ДНК пришли в Колумбию с большим опозданием вследствие скупости правительств, предшествовавших президентству Альваро Урибе. Только тот, придя к власти, значительно увеличил финансирование правоохранительных органов.

Но Дос-Сантос жадно читал все публикации, относящиеся к современной криминалистике. Он гораздо раньше своих коллег понял, что когда-нибудь анализ ДНК станет поразительным оружием в деле идентифицирования тел, живых и мертвых (а последних было множество). Еще до появления соответствующей лаборатории в своем ведомстве Дос-Сантос начал собирать образцы ДНК, где и когда ему это удавалось.

Пять лет назад один человек, фигурирующий в картотеке отдела по борьбе с наркотиками, попал в автокатастрофу. Ему так и не было предъявлено обвинение, он не был осужден и не отправился за решетку. Любой нью-йоркский адвокат, занимающийся правами человека, лишил бы Дос-Сантоса полицейского значка за то, что тот сделал.

Вместе со своими коллегами Дос-Сантос задолго до того, как дон Диего Эстебан создал свой «Эрмандад», пришел к выводу, что этот человек делает себе карьеру в организованной преступности. Его не видели уже много лет, и вот уже два года как о нем не было слышно. Если он действительно был такой крупной фигурой, как подозревал Дос-Сантос, он должен был жить в постоянном движении, меняя внешность и тайные дома. Связь он поддерживал исключительно по сотовому телефону, выбрасывая аппарат после всего одного использования, а таких аппаратов у него было при себе штук пятьдесят, и их запас постоянно обновлялся.

Так вот, Дос-Сантос отправился в больницу и выкрал ватные тампоны, которыми протирали сломанный нос жертвы катастрофы. Когда пришли соответствующие технологии, ДНК была изучена и отправлена в картотеку. И как выяснилось, она на пятьдесят процентов совпадала с образцом, присланным из Вашингтона с просьбой о содействии. Раскрыв папку, Дос-Сантос положил на стол фотографию.

Лицо было жестоким, свирепым, покрытым шрамами. Сломанный нос, глубоко посаженные глаза, седой «ежик» волос. Фотография была сделана больше десяти лет назад, но компьютер ее «состарил», показывая, как этот человек должен выглядеть сейчас.

– Теперь мы убеждены в том, что этот человек входит в ближний круг дон Диего. Он один из тех, чьи люди подкупают продажных чиновников, которые помогают Картелю переправлять товар через морские порты и аэропорты Европы и Америки. Тех, кого вы называете «крысами».

– Мы можем его найти? – спросил представитель британского АБОП.

– Нет, иначе я бы уже давно это сделал. Он родом из Картахены, теперь он уже старый пес. А старые псы не любят уходить далеко от того места, где им удобно. Он живет, надежно укрывшись, невидимый.

Дос-Сантос повернулся к Декстеру, источнику таинственного образца ДНК очень близкого родственника.

– Вы его никогда не найдете, сеньор. А если и найдете, он, наверное, вас убьет. И даже если вы его возьмете, он ни за что не расколется. Он твердый как кремь и вдвое более острый. Сам он никогда никуда не ездит, отправляя вместо этого своих представителей. И, насколько нам известно, дон Диего ему полностью доверяет. Боюсь, ваш образец интересен, но он нас никуда не приведет.

Кэл Декстер посмотрел на непроницаемое лицо Роберто Карденаса, человека, который держал в своих руках «крысиный список». Любящего папы девушки из Мадрида.

На крайнем северо-востоке Бразилии есть обширный район холмов и долин, с редкими высокими горами и густыми джунглями. Но там еще имелись огромные поместья площадью до полумиллиона акров, сочные луга, орошаемые водой из мириада ручьев, стекающих с гор. Вследствие удаленности добраться до особняков можно было только по воздуху. Поэтому в каждом поместье имелся хотя бы один аэродром, а то и несколько.

В то время как Кэл Декстер возвращался регулярным рейсом из Боготы через Майами в Вашингтон, на одном таком аэродроме заправлялся горючим самолет. Это был маленький «Бич Кинг-эр», на его борту находились два пилота, два «качалщика» и тонна кокаина.

Пока заправочная команда заливала под пробку основной и дополнительные баки, экипаж дремал в тени навеса, закрепленного на соседних пальмах. Впереди летчиков ждала долгая ночь.

Чемоданчик, наполненный тугими пачками стодолларовых купюр – плата за горючее и вознаграждение за промежуточную посадку, – уже перешел из рук в руки.

Если у бразильских властей и были какие-то подозрения относительно ранчо Боавишта, расположенного в двухстах милях в глубь материка от портового города Форталеза, они мало что могли поделать. Уединенность поместья означала то, что любой незнакомец будет сразу же замечен. Захватывать комплекс главных зданий бесполезно; с помощью навигатора GPS самолет с наркотиками встретится с заправщиком за много миль от особняка, так, что их никто не заметит.

Для владельцев ранчо деньги, получаемые за посадки для дозаправки, во много раз превосходили доходы от поместья. Для Картеля эти промежуточные посадки были жизненно необходимы для перелетов в Африку.

«Бич С-12», более известный как «Кинг-эр», был оснащен двумя турбовинтовыми двигателями и брал на борт девятнадцать пассажиров. Предназначавшийся для средних линий, самолет широко продавался по всему миру. В последних модификациях сиденья могли сниматься, освобождая место для груза. Но тот самолет, что заправлялся под полуденным солнцем на ранчо Боавишта, был совсем особенный.

Он не предназначался для трансатлантических перелетов. При полной заправке в две с половиной тысячи литров два канадских двигателя «Пратт энд Уитни» обеспечивали дальность полета всего в семьсот восемь морских миль. Это при отсутствии ветра, с полной нагрузкой, на крейсерской скорости, с допусками для прогрева двигателей, рулежки, набора высоты и снижения. Покидать на таком самолете побережье Бразилии и брать курс в сторону Африки было верным способом найти смерть посреди океана.

В тайных мастерских, принадлежащих Картелю, спрятанных рядом с грунтовыми аэродромами в джунглях Колумбии, «кокаиновые» самолеты проходили модификацию. Опытные авиационные инженеры устанавливали дополнительные топливные баки не под крыльями, а в фюзеляже. Обычно их было два, по одному с каждой стороны грузового отсека, с узким проходом между ними, открывающим доступ к кабине.

Технологии были дорогими, зато труд дешевым. Вместо того чтобы перекачивать дополнительное топливо из внутренних баков в главный с помощью электрического насоса, отбирающего мощность у двигателей, в полет брали двух крестьян. Когда пустел главный бак, они начинали перекачивать в него горючее ручными насосами.

Маршрут был простым. Первый этап пролегал от тайного аэродрома в колумбийских джунглях через всю Бразилию до ранчо Боавишта. Пролетая в темноте на высоте пять тысяч футов над сплошными влажными лиственными лесами штата Мату-Гросу, самолет оставался практически невидимым.

На рассвете экипаж подкреплялся плотным завтраком, после чего спал, пережидая дневную жару. Перед закатом «Кинг-эр» снова заправлялся под самую завязку, чтобы справиться с полутора тысячами миль, отделяющими Новый свет от Старого в самом узком месте.

Вечером, когда последние отсветы погасли в небе над Боавиштой, летчик развернул «Кинг-эр» против легкого ветерка, провел последнюю предполетную подготовку и покатил по аэродрому. Полный взлетный вес соответствовал максимальной нагрузке, определенной изготовителем, и равнялся пятнадцати тысячам фунтов. Для того чтобы оторваться от земли, самолету был нужен разбег в тысячу двести метров, но перед ним было полторы тысячи метров ровной полосы, заросшей невысокой травой. На небе над Боавиштой высypали первые звезды, когда «Кинг-эр» поднялся в воздух. Тропический мрак опустился подобно театральному занавесу.

Говорят, бывают пилоты старые и бывают пилоты храбрые, но не бывает старых храбрых пилотов. Франсиско Понсу было пятьдесят лет, и он уже многие годы взлетал и садился на аэродромы, которые никогда не значились ни в одном официальном справочнике. И в живых он оставался потому, что был осторожен.

Маршрут был тщательно проложен, все мелочи учтены. Понс ни за что не поднялся бы в воздух в непогоду, но на эту ночь прогнозировался приятный попутный ветер в двадцать узлов на протяжении всего пути. Понс понимал, что в конечной точке его ждет не современный аэродром, а еще одна полоса, прорубленная в лесу и освещенная прожекторами шести джипов, выстроившихся в линию.

Он заучил наизусть сигнал «точка-точка-тире», которым ему подтвердят, что в теплом

бархате африканской ночи самолет не ждет засада. В зависимости от облачности, он будет лететь, как обычно, на высоте между пятью и десятью тысячами футов, там, где не требуется кислород. Разумеется, Понс мог при необходимости проделать весь путь в облаках, но гораздо предпочтительнее было лететь в лунном свете над облаками.

Проведя в воздухе шесть часов, даже несмотря на то что лететь предстоит на восток, навстречу восходящему солнцу, даже добавив три часа на разницу часовых поясов и еще два на дозаправку из бензовоза, спрятавшегося в лесу, Понс поднимется в воздух и направится обратно к побережью Южной Америки, облегчившись на тонну, еще до того, как африканский рассвет окрасит небо розоватым свечением.

И этот перелет принесет большие деньги. Двоим «качалыщикам» заплатят каждому по пять тысяч долларов за три дня и три ночи работы – для них целое состояние. Капитан Понс – такое обращение он предпочитал – получит в десять раз больше, что позволит ему вскоре удалиться на покой состоятельным человеком. С другой стороны, груз, который он перевозил за один раз, в крупных европейских городах имел розничную стоимость до ста миллионов долларов. Понс не считал себя плохим человеком. Он просто выполнял свою работу.

Понс увидел под правым крылом огни Форталезы, затем темнота джунглей сменилась темнотой океана. Через час под левым крылом проскользнул архипелаг Фернанду-ди-Норонья, и Понс проверил полетное время и курс. На крейсерской скорости двести пятьдесят узлов он летел строго по графику, выдерживая направление. Затем появились облака. Понс поднялся на высоту десять тысяч футов. Двое крестьян начали качать топливо ручным насосом.

Понс держал курс на аэродром Куфар в Гвинее-Бисау, расчищенном в лесу во время войны за независимость, которую много лет назад вел с португальцами Амилькар Кабрал. Часы показывали одиннадцать часов ночи по бразильскому времени. До места назначения еще час. Над головой ослепительно сияли звезды, слой облаков внизу редел. Замечательно. Крестьяне продолжали качать.

Понс снова проверил свое местонахождение. Спасибо Господу за спутниковую навигационную систему GPS, созданную американцами и бесплатно подаренную всему миру. С ее помощью отыскать затерявшуюся во мраке взлетно-посадочную полосу в лесу будет так же просто, как найти Лас-Вегас в пустыне Невада. Понс взял несколько градусов правее, снизился до трех тысяч футов и увидел отблеск луны на водной глади реки Мансунья.

Слева Понс увидел тусклые огни на фоне погруженной в темноту местности. Аэропорт; судя по всему, там ждут рейс из Лиссабона, иначе никто не стал бы впустую гонять генератор. Сбросив скорость до ста пятидесяти узлов, Понс стал искать аэродром Куфар. Там в темноте ждут соотечественники-колумбийцы, вслушиваясь в ночную тишину, улавливая гул двигателей «Пратт энд Уитни», звук, который разнесется на много миль, перекрывая кваканье лягушек и назойливое гудение москитов.

Впереди сверкнул одинокий луч света, сияющая вертикальная колонна мощностью миллион ватт. Капитан Понс был слишком близко от цели. Он помигал посадочными огнями и потянул штурвал, выполняя плавный разворот. Понс знал, что взлетно-посадочная полоса расположена строго по компасу с востока на запад. При полном отсутствии ветра приземляться можно было как в одну, так и в другую сторону, однако по предварительной договоренности джины ждали у западного конца. Понс должен был пролететь над ними.

Выпустив шасси и закрылки, он сбросил скорость и начал заходить на посадку. Впереди ярко вспыхнули прожектора. Там, внизу стало светло, словно в полдень. Понс с ревом пронесся над внедорожниками на высоте десять футов, со скоростью сто узлов. «Кинг-эр» коснулся земли на привычных восьмидесяти четырех узлах. Прежде чем Понс успел заглушить двигатели и отключить все системы, к самолету с обеих сторон подкатили два джипа. Крестьяне-«качалыщики» вспотели насквозь и валились с ног от усталости. Они непрерывно работали на протяжении трех часов, и в топливном баке плескались последние пятьдесят галлонов горючего.

Франсиско Понс категорически запрещал курение на борту своего самолета. Другие летчики разрешали курить, рискуя тем, что от одной искры вспыхнувшие пары горючего могли превратить самолет в летящий огненный шар. Только оказавшись на земле, все четверо закурили.

Их встретили четверо колумбийцев во главе с Игнасио Ромеро, главой всех операций Картеля в Гвинее-Бисау. Большой груз требовал его личного присутствия. Местные крестьяне вы-

ташили из грузового отсека двадцать тюков, составлявших одну тонну кокаина. Тюки отправились в кузов пикапа с колесами от трактора, и один из колумбийцев их увез.

На тюках сидели шестеро гвинейцев, солдаты, выделенные генералом Дьялу Гомешом. Он управлял страной в отсутствие даже номинального президента. Похоже, к этой должности никто особенно не стремился. Сроки пребывания в ней были очень недолгими. Вся хитрость заключалась в том, чтобы по возможности быстро сколотить состояние и перебраться в Португалию, на курортное побережье Альгарве, с несколькими молодыми дамами. Главная проблема заключалась в «по возможности».

Водитель бензовоза подсоединил шланги и включил насос. Ромеро угостил Понса чашкой кофе из личного термоса. Понс понюхал напиток. Колумбийский кофе, лучший. Он признательно кивнул. Без десяти четыре утра по местному времени все работы были завершены. Педро и Пабло, источающие сильный запах пота и черного табака, забрались в грузовой отсек. У них было еще три часа отдыха – пока не опустеет главный топливный бак. Затем снова качать, до самой Бразилии. Понс и молодой второй пилот, который еще осваивался, попрощались с Ромеро и поднялись в кабину.

Джипы вернулись на свои места, и, когда вспыхнули прожектора, капитану Понсу осталось только развернуться носом на запад. Без пяти четыре самолет, ставший легче на тонну, оторвался от земли и еще затемно был над морем.

Где-то позади в лесу тонна кокаина будет перевезена в укромное место, где ее разделят на маленькие партии. Затем большая часть направится на север, одним из двадцати различных способов, одним из пятидесяти курьеров. Именно это распыление груза и убедило Кобру в том, что поток нельзя остановить, после того как наркотик окажется на земле.

По всей Западной Африке пособники из местных, вплоть до президентов независимых государств, получали плату за свои услуги не деньгами, а кокаином. Как превратить его в наличные – это была уже их проблема. Они организовывали второй, параллельный канал, также нацеленный на север, но только сосредоточенный исключительно в руках чернокожих африканцев. Здесь в дело включались нигерийцы. Они занимали господствующее положение во внутриафриканской торговле кокаином, продавая свою долю практически исключительно через сотни нигерийских сообществ, разбросанных по всей Европе.

Еще в 2009 году начались проблемы, которые со временем привели дона Диго в бешеную ярость. Кое-кто из африканских помощников не пожелал довольствоваться ролью простых курьеров. Они захотели стать полноценными игроками, покупать напрямую от производителя и увеличить свои скромные доходы до астрономической прибыли белых торговцев. Однако дон Диго в первую очередь заботился о своих европейских клиентах. Он не собирался повышать статус африканцев от слуг до равноправных партнеров. Этой тлеющей враждой и собирался воспользоваться Кобра.

Отец Исидро на протяжении многих часов боролся со своей совестью и молился. Он обратился бы к отцу-наместнику, но тот уже дал ему свой совет. Каждый приходской священник должен был принимать решение лично, по собственной воле. Но отец Исидро не чувствовал себя свободным. Ему казалось, он попал в ловушку. У него был маленький защищенный сотовый телефон. С этого телефона можно было позвонить только на один номер. По этому номеру ответит записанный голос, бегло говорящий по-испански, но с легким американским акцентом. Или можно было отправить текстовое сообщение. А еще можно было промолчать. Принять окончательное решение помог отцу Исидро юноша из больницы Картахены.

Отец Исидро крестил его, затем причащал – одного из многих подростков бедной епархии, населенной в основном портовыми рабочими. Когда священника призвали совершить последний обряд, он сидел у кровати, перебирал четки и плакал.

– Ego te absolvo ab omnibus peccatis tuis, – шептал отец Исидро. – In nomine Patris, et Filii et Spiritu Sancti.²⁰

Он сделал в воздухе крестное знамение, и подросток, вздрогнув, умер. Сидевшая рядом

²⁰ Я отпускаю тебе все грехи. Во имя Отца, Сына и Святого духа (*лат.*). Разрешительная формула таинства примирения.

медсестра молча подняла белую простыню и накрыла мертвое лицо. Пареньку было всего четырнадцать лет, и его убила чрезмерная доза кокаина.

– Но какие грехи он совершил? – обратился к безмолвному богу отец Исидро, возвращаясь домой по погруженным в темноту пустынным улицам.

В тот вечер он сделал звонок.

Отец Исидро не думал, что он нарушает доверие сеньоры Кортес. Родившаяся и выросшая в портовых трущобах, она по-прежнему ходила в его церковь, хотя сейчас уже и перебралась в хорошее бунгало в престижном жилом районе у подножия горы Ла-Попа. Ее муж Хуан был вольнодумец и не посещал мессу. Но жена пришла и привела ребенка, приятного мальчика, живого и озорного, какими и должны быть мальчики, но добросердечного и искренне верующего. Сеньора Кортес говорила с отцом Исидро не в исповедальне, и она просила его о помощи. Вот почему он не нарушал тайну исповеди. Поэтому он набрал номер и оставил короткое сообщение.

Кэл Декстер прослушал это сообщение двадцать четыре часа спустя. После чего встретился с Полем Деверо.

– В Картахене есть один человек, сварщик. По отзывам, гений в своем ремесле. Он работает на Картель. Организует тайники в стальных корпусах кораблей, настолько искусно замаскированные, что обнаружить их практически невозможно. Полагаю, мне следует навестить этого Хуана Кортеса.

– Согласен, – ответил Кобра.

Глава 06

Это был приятный маленький дом, аккуратный и ухоженный, из тех, которые всем своим видом говорят, что те, кто в них живет, гордятся тем, что поднялись над рабочим классом до уровня мастеров своего дела.

Сварщика выследил местный представитель британского АБОП. На самом деле он был уроженцем Новой Зеландии и после долгих лет работы в Центральной и Южной Америке свободно владел испанским. Его официальным прикрытием была должность преподавателя математики в Военно-морской академии. Это открывало ему доступ ко всем официальным властям Картахены. И хороший знакомый из ратуши разыскал дом по данным о налогах на недвижимость.

Ответ на запрос Кэла Декстера был предельно кратким. Хуан Кортес, вольнонаемный сварщик, работающий в порту, и адрес. Новозеландец добавил также заверение в том, что другого такого Хуана Кортеса в окрестностях престижного жилого квартала, раскинувшегося на склонах горы Ла-Попа, больше нет.

Кэл Декстер прибыл в Картахену через три дня, скромный турист, остановившийся в бюджетной гостинице. Он взял напрокат мопед, один из десятков тысяч, колесивших по городу. Раздобыв карту дорог, Декстер отыскал нужную улицу в пригороде Лас-Флорес, запомнил, как до нее добраться, и прокатился по ней.

На следующее утро он уже был на месте в предрассветной темноте, присев рядом со своим мопедом, чьи внутренности были разложены на асфальте. В соседних домах зажигался свет: люди просыпались навстречу новому дню. Зажегся свет и в доме номер семнадцать. Картахена считается курортом на юге Карибского моря, и весь год здесь держится мягкая погода. В начале марта по утрам уже тепло. Днем будет жарко. Первые обитатели квартала тронулись на работу. Со своего места Декстер мог видеть «Форд Пинто», стоящий на площадке перед домом объекта, и пробивающийся сквозь шторы свет. Семья завтракала. Без десяти семь сварщик открыл дверь и вышел из дома.

Декстер не тронулся с места. В любом случае он не мог этого сделать, поскольку его мопед был лишен способности передвигаться. К тому же в это утро Декстер и не собирался следить за Хуаном Кортесом; он хотел лишь узнать, когда тот уходит из дома. Проводив взглядом проехавший мимо «Форд», Декстер отметил, где машина свернула на главную дорогу. Завтра в половине седьмого он будет на этом перекрестке, но только в шлеме, куртке, верхом на мопеде. «Форд» свернул за угол и скрылся из вида. Собрав мопед, Декстер вернулся к себе в гостиницу.

Он рассмотрел колумбийца вблизи и должен был узнать его при следующей встрече. Увидел машину и запомнил ее номер.

На следующий день все повторилось. В доме зажегся свет, семья позавтракала, все обменялись поцелуями. В половине седьмого Декстер был на углу, двигатель мопеда работал на холостых оборотах. Декстер делал вид, будто разговаривает по сотовому телефону, чтобы у редких прохожих не возникло никаких подозрений, почему он стоит на месте. Никто не обращал на него внимания. Без пятнадцати семь «Форд» с Хуаном Кортесом за рулем проехал мимо. Отпустив машину на сотню ярдов, Декстер тронулся следом.

Сварщик пересек район Ла-Квинта и выехал на шоссе, ведущее на юг вдоль побережья. Разумеется, все верфи были расположены на берегу океана. Движение становилось более плотным, и все же Декстер на тот случай, если человек, за которым он следит, обладает внимательным взглядом, на светофорах прятался за грузовиком и переодевался.

Один раз он вывернул куртку наизнанку. До этого она была ярко-красной, теперь стала небесно-голубой. В другой раз Декстер вообще снял куртку, оставшись в белой рубашке. В любом случае, он был одним из целого потока мотоциклистов, спешащих на работу.

«Форд» ехал все дальше и дальше. Дорога снова стала свободной. Машины то и дело сворачивали с нее к причалам. Декстер снова сменил маскировку, засунув шлем между колен и нацепив белую шерстяную шапочку. Хуан Кортес, похоже, не обращал на него внимания, однако движение стало настолько редким, что Декстер вынужден был отстать еще на сто ярдов. Наконец сварщик свернул с шоссе. Он уже находился в пятнадцати милях за городом. Позади остался нефтеналивной причал и причалы, где разгружались сухогрузы. Декстер заметил большой указатель, обозначающий поворот к судоверфи «Сандоваль». Он запомнил это место.

Остаток дня Декстер колесил по дороге к городу и обратно, ища место для засады. Он нашел его к полудню, пустынный участок, где шоссе имело по одной полосе в каждую сторону, а от него отходили грунтовые дороги к густым мангровым зарослям. Шоссе шло прямо на протяжении пятисот ярдов, заканчиваясь с обеих сторон крутыми поворотами.

Вечером Декстер ждал в том месте, где подъездная дорога к верфи «Сандоваль» выходит на шоссе. «Форд» появился около шести вечера, в быстро сгущающихся сумерках, от которых до ночной темноты оставались лишь считанные минуты. Он был одним из десятков машин, направляющихся обратно в город.

На третий день Декстер проехал на мопеде на верфь. Охраны не было. Оставив мопед на въезде, он пошел пешком, обменявшись дружелюбным приветствием с группой судостроительных рабочих, встретившихся по пути. Декстер нашел стоянку для работников верфи, и на ней был «Форд», дожидаящийся своего хозяина, который трудился в трюме помещенного в сухой док судна, орудуя ацетиленовой горелкой. На следующее утро Декстер вылетел обратно в Майами, чтобы составить план и набрать людей. Он вернулся через неделю, но уже не совсем законным способом.

В Колумбии Декстер приземлился на военной базе «Маламбо», находящейся в ведении американской армии. Он прилетел на борту транспортного самолета «Си-130» «Геркулес», поднявшегося в воздух с военно-воздушной базы «Эглин» во Флориде. База «Эглин» так часто использовалась при проведении тайных операций, что ее прозвали «шпионским центром».

Необходимое оборудование находилось в грузовом отсеке «Геркулеса». Этим же самолетом прилетели шестеро «зеленых беретов». Хотя все они были из Форт-Льюиса, штат Вашингтон, в свое время Декстер уже работал с ними, и его пожелание было удовлетворено. Форт-Льюис являлся базой первой группы особого назначения, известной под названием оперативное подразделение «Альфа-143». Бойцы этого подразделения имели большой опыт работы в горах, хотя в окрестностях Картахены гор нет.

Декстеру повезло, что он нашел группу на базе, куда она недавно вернулась из Афганистана. Всем уже надоело отдыхать и бездельничать. Услышав про предложение поучаствовать в одной короткой тайной операции, бойцы вызвались все как один, но Декстеру нужны были только шестеро. По его просьбе двое из них были латиноамериканского происхождения и свободно владели испанским. Никто не знал, что им предстоит, и, помимо текущих деталей, никто ничего и не должен был узнать. Но правила были известны всем. Им скажут только то, что необходимо для выполнения задания. И не более.

Поскольку время поджимало, Декстер очень обрадовался успехам снабженцев проекта «Кобра». Черный грузовик с закрытым кузовом был американского производства, но то же самое можно было сказать про половину машин, колесящих по дорогам Колумбии. Все документы на

него были в полном порядке, и на нем были номерные знаки, выданные в Картахене. На кузове красовались надписи «Прачечная Картахены». Машины, развозящие белье, редко вызывают подозрения.

Декстер убедился в том, что у него также были три комплекта формы полицейских Картахены, две большие плетеные корзины, красные дорожные фонари на подставках и замороженное тело, обложенное сухим льдом и помещенное в специальный гроб. Всему этому до нужного момента предстояло оставаться на борту «Геркулеса».

Колумбийская армия относилась к своим американским коллегам очень радушно, но лучше было без особой необходимости не злоупотреблять гостеприимством.

Кэл Декстер мельком взглянул на труп. Нужный рост, нужное телосложение, подходящий возраст. Бедный неизвестный бродяга, решивший жить в лесах штата Вашингтон, два дня назад был обнаружен умершим от переохлаждения. Его тело поместили в морг Келсо.

Декстер дважды провел со своей командой тренировочные занятия. Они тщательно изучили полосу узкого шоссе длиной пятьсот ярдов, выбранную Декстером, при свете дня и в ночной темноте. К третьему дню все были готовы к операции. Все понимали, что для достижения успеха нужно сработать быстро и аккуратно. Декстер оставил грузовик посередине длинного прямого участка шоссе. Там в сторону мангровых зарослей отходила грунтовая дорога, и грузовик стоял в пятидесяти ярдах от шоссе.

Сев на мопед, Декстер в четыре часа дня съездил на стоянку машин работников верфи «Сандоваль» и, присев на корточки перед «Фордом» Хуана Кортеса, выпустил воздух из двух шин: одной задней и запасной в багажнике. Через пятнадцать минут он уже вернулся к своей команде.

Выйдя на стоянку, Хуан Кортес увидел спущенное колесо, выругался и полез в багажник за запаской. Увидев, что запаска также спущена, он выругался еще более крепко, отправился в мастерскую и одолжил насос. Ему пришлось провозиться целый час, и, когда он наконец был готов трогаться в путь, уже полностью стемнело. Все остальные работники верфи давно разъехались по домам.

В трех милях от судоверфи в придорожных зарослях притаился человек в очках ночного видения. Поскольку все коллеги Кортеса уже уехали, машин на шоссе осталось совсем мало. Человек в кустах был американцем, но он свободно говорил по-испански и был в форме сотрудника дорожной полиции Картахены. «Форд Пинто» он запомнил по фотографиям, предоставленным Декстером. Машина проехала мимо него в пять минут восьмого. Достав фонарик, он помигал – три короткие вспышки.

Находившийся в середине прямого участка Декстер взял красный фонарик, вышел на середину дороги навстречу приближающемуся свету фар и принялся размахивать фонариком из стороны в сторону. Кортес, увидев впереди предупредительный красный свет, начал тормозить.

Позади человек в полицейской форме, ждавший в кустах, поставил на дороге красный фонарь, задержав две машины, направлявшиеся в сторону города. Один из водителей, высунувшись из окна, спросил:

– Que pasa?²¹

– Dos momentos, nada mas,²² – ответил лже-полицейский.

В пятистах ярдах дальше по шоссе в сторону города второй «зеленый берет» в полицейской форме поставил на дороге свой красный фонарь и в течение следующих двух минут остановил еще три машины. Центральный прямой участок оставался пустынным; все возможные свидетели находились за крутыми поворотами и не могли ничего видеть.

Хуан Кортес остановился. К машине подошел полицейский, дружелюбно улыбаясь. Поскольку вечер стоял теплый, стекло в водительской двери уже было опущено.

– Сеньор, можно попросить вас выйти из машины? – спросил Декстер, открывая дверь.

Кортес начал было возражать, но затем вышел. После чего было уже слишком поздно. Он успел заметить двоих людей, появившихся из темноты, почувствовал сильные руки, затем ему к

²¹ В чем дело? (*исп.*).

²² Две секунды, не больше (*исп.*).

лицу прижали вату, смоченную в хлороформе, последовала недолгая борьба, после чего Кортес потерял сознание и провалился в темноту.

Двое «зеленых беретов» пронесли обмякшее тело сварщика к грузовику, стоявшему на грунтовой дороге, и уложили его в кузов меньше чем за тридцать секунд. Декстер сел за руль «Форда» и отогнал его на ту же грунтовую дорогу. После чего бегом вернулся к шоссе. Пятый «зеленый берет» остался за рулем грузовика, шестой поспешил следом за Декстером. Тот произнес в рацию короткое распоряжение, и первые двое помощников его услышали. Они убрали с шоссе свои красные фонари, пропуская остановленные машины.

Две машины приблизились к Декстеру со стороны верфи, три – со стороны города. Водители увидели на обочине полицейского рядом с лежащим на боку мопедом, а на асфальте сидел человек, обхвативший руками голову: шестой солдат, в джинсах, кроссовках и кожаной куртке. Полицейский нетерпеливо махнул рукой: ничего серьезного, проезжайте мимо.

Движение на шоссе восстановилось, но водители следующих машин ничего не увидели. Все шестеро человек, два комплекта красных фонарей и мопед уже находились в кузове грузовика. Так и не пришедший в себя Кортес отправился в корзину для белья. Из другой корзины извлекли мешок для транспортировки трупов. Тело внутри уже оттаяло, став мягким, и начало испускать запах.

Грузовик и машина поменялись местами. Оба сдали задом к шоссе. У бесчувственного Кортеса забрали бумажник, сотовый телефон, перстень с печаткой, часы и медальон с покровителем-святым, висевший на шее. Труп, извлеченный из мешка, уже был в сером хлопчатобумажном комбинезоне, точно таком же, какой был на Кортесе.

Труп «облачили» во все личные вещи Кортеса и усадили за руль «Форда». Бумажник подложили под него на сиденье. Четверо сильных мужчин, навалившись на машину сзади, со всей силы толкнули ее в дерево, растущее на обочине.

Остальные двое «зеленых беретов» достали из кузова грузовика канистры и вылили на «Форд» несколько галлонов бензина. Бензобак машины взорвется и довершит пожар.

Когда все было готово, шестеро солдат забрались в грузовик. Им предстояло дожидаться Декстера в двух милях дальше по шоссе. Мимо проехали две машины. После них никого. Черный грузовик выехал с грунтовой дороги и направился дальше. Декстер, стоя у мопеда, убедился в том, что шоссе пустынно, достал из кармана камень, завернутый в тряпку, пропитанную бензином, щелкнул зажигалкой и с расстояния десять ярдов бросил его в машину. Раздался глухой хлопок, и «Форд» вспыхнул факелом. Декстер быстро уехал прочь.

Через два часа грузовик с эмблемой прачечной без приключений добрался до ворот военной базы «Маламбо». Он подкатил прямоком к открытому погрузочному люку «Геркулеса» и заехал в фюзеляж. Экипаж, предупрежденный звонком по сотовому телефону, уже полностью завершил предполетную подготовку, и все четыре двигателя «Эллисон» были прогреты. Как только грузовой люк закрылся, двигатели набрали обороты, самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, поднялся в воздух и взял курс на Флориду.

В грузовом отсеке напряжение быстро таяло в улыбках, рукопожатиях и похлопываниях по спине. Бесчувственного Хуана Кортеса вытащили из корзины для белья, осторожно уложили на матрац, и один из «зеленых беретов», квалифицированный фельдшер, сделал ему укол. Препарат был совершенно безвреден, но он должен был обеспечить несколько часов крепкого сна.

К десяти часам вечера сеньора Кортес не находила себе места от тревоги. В ее отсутствие муж звонил домой и оставил сообщение на автоответчике. Это было около шести вечера. Хуан предупредил, что у него спустило колесо и он задержится приблизительно на час. Сын уже давно вернулся из школы и сделал уроки. Он поиграл в электронную приставку, затем тоже начал беспокоиться и постарался утешить мать. Та постоянно звонила мужу на сотовый, но на звонки никто не отвечал. Затем, когда аппарат поглотило пламя, телефон вообще стал недоступен. В половине одиннадцатого сеньора Кортес позвонила в полицию.

В два часа ночи кто-то в центральном управлении полиции Картахены связал сгоревшую машину, которая врезалась в дерево и взорвалась на шоссе, ведущем в Мармональ, и женщину из Лас-Флореса, вне себя от отчаяния, поскольку ее муж не вернулся домой с работы на верфи. Молодой полицейский, дежуривший в ночную смену, сообразил, что верфь находится как раз в Мармонале. Он позвонил в городской морг.

В эту ночь туда доставили четыре трупа: убийство в междоусобной войне двух банд в районе «красных фонарей», две серьезные автомобильные аварии и сердечный приступ во время киносеанса. В три часа ночи патологоанатом все еще стоял у прозекторского стола.

Он сообщил, что жертва одной автокатастрофы обгорела до неузнаваемости, однако кое-какие личные вещи сохранились. Утром они будут отправлены в центральное управление.

В шесть часов утра личные вещи тех, кто погиб минувшей ночью, были изучены в центральном управлении полиции. Из первых трех жертв никто не обгорел. Но четвертая кучка вещей до сих пор пахла бензином и гарью. В ней были оплавившийся сотовый телефон, перстень с печаткой, медальон со святым-покровителем, часы с обгоревшим кожаным ремешком и бумажник. Последний уцелел потому, что погибший водитель сидел на нем. Внутри были документы, сохранившиеся достаточно неплохо. Водительское удостоверение было выдано некоему Хуану Кортесу. А объятая беспокойством женщина из Лас-Флореса была сеньорой Кортес.

В десять часов утра офицер полиции в сопровождении сержанта пришел к ней домой. У обоих были мрачные лица. Офицер начал:

– Señora Cortez, lo siento muchísimo...²³

Сеньора Кортес сразу же лишилась чувств.

О формальном опознании не могло быть и речи. На следующий день сеньора Ирина Кортес в сопровождении двух соседок, поддерживающих ее под руки, пришла в морг. От ее мужа остался только обугленный, почерневший кусок костей и сгоревшей плоти, ухмыляющийся безумным оскалом зубов. По соглашению с представителем полиции, молчаливо присутствовавшим при опознании, патологоанатом не стал показывать безутешной вдове даже это.

Но сеньора Кортес, заливаясь слезами, опознала часы, перстень с печаткой, медальон, расплавленный сотовый телефон и водительское удостоверение. Патологоанатом подписал заявление о том, что все эти предметы действительно были обнаружены на трупе, а представитель дорожной полиции подтвердил, что тело было извлечено из разбитой и сгоревшей машины, принадлежавшей Хуану Кортесу, за рулем которой он предположительно находился в тот вечер. Этого оказалось достаточно; бюрократия была удовлетворена.

Через три дня безымянный американский бродяга был похоронен на кладбище Картахены как Хуан Кортес, сварщик, муж и отец. Ирина безутешно рыдала, Педро украдкой шмыгал носом. Отец Исидро служил панихиду. Для него это была личная Голгофа.

Он бесконечно спрашивал себя: неужели виной всему его телефонный звонок? Неужели американцы выдали секрет? Обманули доверие? И Картель прознал о случившемся? При условии, что Кортес собирался предать своих хозяев, а не был предан сам? Как янки могли действовать настолько глупо?

Или же это лишь случайное совпадение? Страшное, жуткое совпадение. Отец Исидро знал, как поступает Картель с теми, кого заподозрил в предательстве, какими бы слабыми ни были доказательства. Но как Хуана Кортеса могли заподозрить в том, что он вовсе не тот преданный искусный мастер, каковым он на самом деле оставался до самого конца? Поэтому отец Исидро отслужил панихиду, бросил комок земли на крышку гроба, постарался утешить вдову и сироту, объяснив им то, что бог искренне любит их, хотя понять это было трудно. После чего вернулся в свое спартанское жилище, чтобы молиться, молиться и молиться о прощении.

Летиция Ареналь парила в облаках. Унылая апрельская погода, опустившаяся на Мадрид, нисколько ее не трогала. Она еще никогда не чувствовала себя такой счастливой – и ей еще никогда не было так тепло. Теплее она могла почувствовать себя только в его объятиях.

Они познакомились две недели назад на веранде в кафе. Летиция уже встречала его там, он всегда был один и всегда занимался. В тот день, когда лед наконец был сломан, Летиция зашла в кафе вместе с подругами-студентками, они смеялись и шутили, а он сидел за соседним столиком. Из-за холодной погоды веранда была закрыта стеклами. Открылась дверь, и сквозняк с улицы сдул бумаги Летиции на пол. Он встал, чтобы их подобрать. Летиция тоже наклонилась, и их взгляды встретились. У нее мелькнула мысль, почему она до сих пор не замечала, какой же он привлекательный.

²³ Сеньора Кортес, я глубоко сожалею... (исп.).

– Гойя, – сказал он.

Она решила, что он представился. Затем увидела, что он держит в руке один из упавших листов. Это была репродукция картины.

– «Мальчики, собирающие фрукты», – сказал он. – Гойя. Вы изучаете искусство?

Летиция кивнула. А дальше получилось как-то совершенно естественно, что он проводил ее домой. По дороге они обсуждали творчество Сурбарана,²⁴ Веласкеса, Гойи. И уж совсем естественно получилось, что он нежно поцеловал ее в замерзшие на ветру губы. У нее чуть не выпал из руки ключ от входной двери.

– Доминго, – сказал он. На этот раз он назвал себя, а не день недели.²⁵ – Доминго де Вега.

– Летиция, – ответила она. – Летиция Ареналь.

– Сеньорита Ареналь, – смущенно сказал он, – я сейчас приглашу вас на ужин. Сопротивляться бесполезно. Я знаю, где вы живете. Если вы откажетесь, я просто свернусь калачиком перед вашей дверью и умру здесь. От холода.

– Это было бы очень печально, сеньор де Вега. Поэтому, чтобы не допустить этого, я с вами поужинаю.

Он отвел ее в старый ресторан, где подавали еду еще конквистадорам, когда те, покинув свои дома в дикой Эстремадуре, приезжали в Мадрид просить благоволения короля отправить их покорять Новый свет. Когда он поведал Летиции об этом – полный бред, ибо ресторан «Собриньо де Ботин» на улице Точильщиков хоть и старый, но не настолько старый, – та поежилась и оглянулась по сторонам, словно желая проверить, не сидят ли рядом искатели приключений из былых времен.

Он рассказал ей, что родом из Пуэрто-Рико, помимо испанского также свободно владеет английским, работает в Организации Объединенных Наций и мечтает когда-нибудь стать послом. Но сейчас он взял трехмесячный отпуск и, при поддержке главы дипломатической миссии, отправился в Мадрид изучать в музее Прадо то, к чему питал истинную любовь: живопись испанских классических мастеров.

И дальше было совершенно естественно, что Летиция легла в его постель, где он полюбил ее так, как ее до сих пор еще не любил ни один мужчина, хотя их у нее было всего три.

Кэл Декстер был человеком жестким, но он сохранил остатки совести. Возможно, он посчитал бы слишком циничным прибегнуть к услугам профессионального жиголо, но Кобра был свободен от подобных предрассудков. Для него вопрос стоял только так: победить или потерпеть поражение, но о поражении не могло быть и речи.

Кобра до сих пор смотрел с благоговейным почтением и восхищением на Маркуса Вольфа, шпиона с ледяным сердцем, который на протяжении многих лет возглавлял шпионскую сеть Восточной Германии, окружившую многочисленными кольцами контрразведку его западногерманских противников. Вольф широко использовал намазанные медом ловушки,²⁶ но, как правило, поступал он при этом вопреки нормам.

Нормальным считалось соблазнить похотливых западных тузов очаровательными девицами, сфотографировать их в откровенных сценах, после чего шантажом добиться сотрудничества. Вольф использовал соблазнительных молодых мужчин – очаровывая не «голубых» дипломатов (хотя это также не считалось чем-то зазорным), но трудящихся без устали, не знающих любви старых дев, которые так часто работали личными секретаршами у влиятельных политиков и могущественных представителей делового мира Западной Германии.

И Маркуса Вольфа нисколько не беспокоило то, что, когда обман наконец раскрывался, когда жертвы понимали, какими же были глупыми, когда им становилось понятно, сколько секретов они похитили из портфелей своих шефов, скопировали и передали своим Адонисам, они,

²⁴ Сурбаран, Франсиско де — испанский художник XVII века, представитель сеvilьской школы.

²⁵ Domingo — воскресенье (*исп.*).

²⁶ «Медовая ловушка» — это специфический термин разведок всего мира, обозначающий подставу для объекта разработки, привлекательное лицо противоположного пола с целью соблазнения и создания компрометирующей ситуации и последующей вербовки. (*прим. ред. FB2*)

опустошенные и разбитые, представляли перед западногерманским судом или налагали на себя руки в тюрьме. Он, нацеленный на победу, вел «большую игру», и он побеждал.

Даже после краха Восточной Германии западногерманский суд вынужден был оправдать Вольфа, потому что свою родину тот не предавал. Поэтому в то время как другие отправились за решетку, Вольф наслаждался спокойной старостью на пенсии до тех пор, пока не умер своей смертью. Прочитав сообщение об этом, Поль Деверо мысленно снял шляпу и прочитал молитву за упокой старого атеиста. И вот сейчас он без колебаний направил в Мадрид красавца-кобеля Доминго де Вегу.

Хуан Кортес приходил в себя медленно, постепенно. Первые несколько мгновений ему казалось, что он попал на небеса. На самом же деле он просто находился в помещении, подобного которому никогда ничего не видел. Оно было просторным, как и двуспальная кровать, на которой лежал Кортес. Стены были выкрашены в пастельные тона, сквозь занавешенные окна пробивались лучи солнца. Кортес не мог знать, что находится в номере-люкс офицерского клуба авиабазы «Гомстед», расположенной на юге Флориды.

Когда туман в голове рассеялся, Кортес увидел на стуле у кровати махровый халат. Сбросив ватные ноги на пол, он осознал, что полностью обнажен, и натянул халат. На ночном столике стоял телефон. Сняв трубку, Кортес несколько раз прохрипел «алло», но никто ему не ответил.

Подойдя к одному из больших окон, он приподнял уголок занавески и выглянул на улицу. Он увидел ухоженную лужайку и флагшток с трепещущим звездно-полосатым знаменем. Значит, он не попал на небеса; больше того, для него все как раз обстояло наоборот. Его похитили, и он попал в руки к американцам.

Кортес слышался жутких историй про самолеты без опознавательных знаков, улетающие в далекие страны, про пытки на Ближнем Востоке и в Средней Азии, про долгие годы заточения на военной базе «Гуантанамо» на Кубе.

Хотя никто не ответил на попытку позвонить с телефона на ночном столике, то, что Кортес пришел в себя, не осталось без внимания. Дверь открылась, и вошел стюард в белом смокинге с подносом в руках. На подносе была еда, хорошая еда, а у Хуана Кортеса крошки не было во рту с тех самых пор, как он пообедал на верфи «Сандоваль» семьдесят два часа назад. Он не знал, что с тех пор прошло трое суток.

Поставив поднос, стюард улыбнулся и кивком подозвал Кортеса к двери в ванную. Тот заглянул внутрь и увидел отделанную мрамором комнату, достойную римского императора, какие до сих пор Кортес видел только по телевизору. Стюард жестом объяснил, что все это принадлежит ему – душ, унитаз, бритвенные принадлежности и все остальное. После чего удалился.

Сварщик задумчиво посмотрел на яичницу с ветчиной, сок, тосты, джем, кофе. От аромата ветчины и кофе у него рот наполнился слюнками. Кортес рассудил, что еда, скорее всего, содержит какие-то наркотические препараты, а может быть, отравлена. И что с того? Американцы и так вольны делать с ним все, что заблагорассудится.

Сев за стол, Кортес принялся за еду, возвращаясь к своим последним воспоминаниям: полицейский просит его выйти из машины, его стискивают стальные руки, лицо зажимает удушливая тряпка, ощущение падения. Кортес не сомневался, почему все это произошло. Он работал на Картель. Но откуда это стало известно?

Насытившись, Кортес сходил в ванную, воспользовался туалетом, принял душ и побрился. На полочке стоял флакон лосьона после бритья. Кортес щедро sprysнул щеки. Пусть другие платят за это. Он вырос в заблуждении относительно того, что все американцы богатые.

Когда Кортес вернулся в спальню, там его ждал мужчина: седой, среднего роста, мускулистый. Он дружелюбно улыбнулся, совсем по-американски. И заговорил на испанском.

– Hola, Juan. Qué tal? Me llamo Cal. Hablamos un ratito.²⁷

Разумеется, уловка. Пытки начнутся потом. Они усадили в два удобных кресла, и американец объяснил, что произошло. Он рассказал про засаду, про сгоревший «Форд», про труп за рулем. Рассказал про то, что труп был опознан на основании бумажника, часов, перстня и медальона.

²⁷ Привет, Хуан. Как дела? Меня зовут Кэл. Давай немного поболтаем (*исп.*).

– А мои жена и сын? – спросил Кортес.

– О, они оба безутешны. Уверены в том, что присутствовали на ваших похоронах. Мы собираемся переправить их сюда, к вам.

– Переправить их сюда? Ко мне?

– Хуан, друг мой, примите действительность. Вернуться назад вы не сможете. Картель не поверит ни единому вашему слову. Вам известно, как он поступает с теми, кто предположительно переметнулся к нам. И со всеми их родными. В таких случаях эти ублюдки ведут себя хуже зверей.

Кортеса начало трясти. Все это было известно ему слишком хорошо. Сам он такого не видел, но был наслышан. Отрезанные языки, медленная смерть, беспощадная расправа со всей семьей. Кортес боялся за Ирину и Педро. Американец подался вперед.

– Примите действительность. Вы сейчас здесь. И уже не имеет значения, правильно мы поступили или нет – вероятно, неправильно. Вы здесь, и вы живы. Но Картель убежден в том, что вы погибли. На ваших похоронах даже присутствовал наблюдатель.

Достав из кармана видеодиск, Декстер включил большой плазменный телевизор, вставил диск в проигрыватель и нажал кнопку воспроизведения на пульте дистанционного управления. Очевидно, съемка велась камерой, установленной на крыше небоскреба в полукилометре от кладбища, однако изображение было превосходным. И снято все было крупным планом.

Хуан Кортес увидел свои собственные похороны. Оператор показал крупным планом плачущую Ирину, опирающуюся на руку соседки. Сына Педро. Отца Исидро. Мужчину на заднем плане, в черном костюме и при галстуке, в непроницаемых черных очках. Угрюмое лицо – это был он, наблюдатель, направленный по приказу дона Диего. Фильм закончился.

– Как видите, – снова заговорил американец, бросив пульт дистанционного управления на кровать, – вернуться вы не сможете. Но и вас тоже никто не будет искать. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. Хуан Кортес погиб в пылающем автомобиле. Так что теперь вам придется остаться с нами, здесь, в Соединенных Штатах. И мы о вас позаботимся. Мы не сделаем вам ничего плохого. Даю вам слово, а я никогда не нарушаю свое слово. Конечно, вам придется сменить имя, а также немного изменить внешность. У нас есть такая штука, как программа защиты свидетелей. Вы ею воспользуетесь. Вы станете новым человеком, Хуан Кортес, начнете новую жизнь на новом месте, получите новую работу, новый дом, заведете новых друзей. У вас все будет новым.

– Но я не хочу все новое! – в отчаянии воскликнул Кортес. – Я хочу вернуться к своей прежней жизни!

– Хуан, обратного пути нет. Ваша прежняя жизнь закончилась.

– А мои жена и сын?

– Почему бы им не быть рядом с вами в вашей новой жизни? В этой стране много таких мест, где солнце светит совсем как в Картахене. Здесь живут сотни тысяч колумбийцев, законных иммигрантов, которые обустроились на новом месте и счастливы.

– Но как им удастся?..

– Мы доставим их сюда. Вы будете воспитывать Педро здесь. Кем он мог бы стать в Картахене? Сварщиком, как вы? Чтобы каждый день потеть на верфи? Здесь через двадцать лет он сможет стать кем угодно. Врачом, юристом, даже сенатором.

Сварщик-колумбиец уставился на своего собеседника, широко раскрыв рот.

– Мой сын Педро – сенатор?

– А почему бы и нет? В этой стране любой мальчишка может, когда вырастет, стать кем угодно. Мы называем это «американской мечтой». Однако в обмен на эту любезность нам будет нужна ваша помощь.

– Но мне нечего вам предложить.

– О, есть, Хуан, друг мой. Здесь, в нашей стране, этот белый порошок убивает молодых людей, таких, как ваш Педро. И он попадает сюда на кораблях, спрятанный в тайниках, которые нам никогда не найти. Но вы помните эти корабли, Хуан, те, в которых вам довелось поработать. А сейчас мне пора идти. – Кэл Декстер встал и потрепал Кортеса по плечу. – Подумайте обо всем. Прокрутите еще раз видеодиск. Ирина скорбит по вам. Педро оплакивает своего умершего папочку. И всем будет так хорошо, если мы сможем вас воссоединить. Взамен от вас нужны всего несколько названий. Я вернусь через двадцать четыре часа. Боюсь, отсюда вам нельзя никуда выходить. Ради вашего же блага. Вдруг вас кто-либо увидит. Это маловероятно, но воз-

можно. Так что оставайтесь здесь и думайте. Мои люди за вами присмотрят.

Грузовому судну «Сиди аббас» не суждено было завоевать призы за красоту, и его цена была жалкой мелочью в сравнении со стоимостью восьми тюков у него в трюме.

Оно вышло из залива Сидре на побережье Ливии и направлялось в итальянскую провинцию Калабрия. Вопреки чаяниям туристов, Средиземное море порой бывает очень бурным. Шторм огромными волнами накатывал на ржавую посудину, которая со скрипом и стоном тащиась восточнее Мальты к «мыску» итальянского «сапога».

Восемь тюков были сгружены месяц назад с разрешения портовых властей Конакри, столицы Гвинеи, с борта крупного венесуэльского судна. Из тропической Африки груз был перевезен на машинах на север, из влажных лесов через саванны и раскаленные пески Сахары. Это путешествие устрасило бы любого водителя, но тем суровым закаленным людям, что управляли этими сухопутными караванами, было не привыкать к невзгодам.

Они вели огромные грузовики и трейлеры час за часом, по разбитым дорогам и песчаным колеям. На каждой границе и таможенном посту приходилось «давать на лапу» и «поднимать барьеры»: продажные чиновники, получив пухлые пачки евро крупного достоинства, отворачивались и делали вид, будто ничего не происходит.

На это потребовался целый месяц, но с каждым километром на пути к Европе стоимость каждого килограмма во всех восьми тюках неуклонно возрастала, приближаясь к астрономической европейской цене. И наконец сухопутный караван остановился у уединенного склада на окраине крупного города, который и был конечной целью.

Маленькие грузовики и пикапы перевезли тюки кружной дорогой в одну шумную рыбацкую деревню, скопление лачуг из необожженного кирпича на берегу моря, почти полностью лишенного рыбы, где у убогого причала ждали такие суда, как «Сиди аббас».

В апреле ржавая посудина вышла в море, чтобы проделать последний этап пути, до калабрийского порта Джоя-Тауро, находящегося под полным контролем мафии «Ндрангета». В этой точке груз сменит хозяина. Альфредо Суарес в далекой Боготе завершит свою работу, дальше за дело возьмется самопровозглашенное «Почетное общество». За товар будет уплачена половина стоимости, и эта огромная сумма будет отмыта через итальянский эквивалент банка «Гусман». Из Джои, находящейся всего в нескольких милях от резиденции государственного прокурора в административном центре провинции Реджо-ди-Калабрия, восемь тюков, разбитые на маленькие упаковки, отправятся на север, в кокаиновую столицу Италии Милан.

Но капитану «Сиди аббаса» до этого не было никакого дела. Он просто обрадовался, когда мимо проплыл мол Джои, а бурное море осталось позади. Еще четыре тонны кокаина попали в Европу.

В своей уютной, но одинокой тюремной камере Хуан Кортес раз за разом прокручивал видеодиск со съемкой собственных похорон, и каждый раз при виде безутешных лиц жены и сына у него наворачивались слезы. Ему хотелось снова увидеться с ними, обнять сына, поцеловать Ирину. Но он понимал, что янки прав: вернуться назад он больше не сможет. Даже если он откажется сотрудничать и передаст семье весточку, для них это будет равносильно смертному приговору или даже чему-то еще хуже.

Когда Кэл Декстер навестил его в следующий раз, сварщик кивнул, выражая свое согласие.

– Но у меня тоже есть свои условия, – сказал он. – Только когда я обниму своего сына, когда поцелую жену, я вспомню корабли. До тех пор – ни одного слова.

Декстер усмехнулся.

– Ничего другого я и не просил, – сказал он, – но теперь нам предстоит работа.

Пришел звукоинженер и сделал запись. Хотя технология эта не была новой, новым не был и Кэл Декстер, как он любил шутить. Он предпочитал старый, маленький, надежный магнитофон, с кассетой таких крошечных размеров, что ее можно было спрятать где угодно. Были сделаны и снимки. Кортеса сфотографировали сидящего лицом к камере и держащего в руках сегодняшней выпуск «Майами геральд», так, чтобы было видно число, и его родимое пятно, ярко-вишневого ящерицей застывшее на правом бедре. Получив необходимые доказательства, Декстер удалился.

Джонатан Сильвер начинал терять терпение. Он требовал от Деверо доклада об успехах, но тот не говорил ничего определенного, чем выводил из себя главу президентской администрации.

В остальном правоохранительные органы продолжали работать как и прежде. Из общественного кошелька были выделены огромные суммы, однако проблема, казалось, только стала еще хуже.

Ловили торговцев наркотиками, перехватывали партии груза, о чем неизменно объявлялось во всеуслышание, с указанием веса и цены – причем розничной цены, а не закупочной стоимости, потому что она была гораздо выше.

Но в странах третьего мира захваченные суда словно по волшебству тайно ускользали от причалов и растворялись в море; экипажи, выпущенные под залог, исчезали; что самое страшное, арестованные партии кокаина бесследно пропадали из полицейских хранилищ, и торговля продолжалась как ни в чем не бывало. Отчаявшимся сотрудникам УБН начинало казаться, что куплены абсолютно все. Вот на что жаловался в первую очередь Сильвер.

Человек, отвечавший на звонки в своем особняке в Александрии, в то время как вся страна готовилась к пасхальным праздникам, оставался холодно любезным, но отказывался идти на уступки.

– Задача была поставлена передо мной в прошлом октябре, – повторял он. – Я говорил, что на подготовку мне нужно девять месяцев. Настанет момент, когда все начнет меняться. Желаю вам хорошо провести праздники.

С этими словами Деверо клал трубку. Сильвер был в ярости. С ним никто так не поступал. Кроме Кобры.

Кэл Декстер вернулся в Колумбию, снова прилетев на военно-воздушную базу Маламбо. На этот раз, при содействии Деверо, он одолжил у ЦРУ реактивный лайнер «Грумман». Не ради удобства, а для того, чтобы обеспечить скорейший путь отступления. Взяв в ближайшем городе машину напрокат, Декстер приехал в Картахену. Поддержки он с собой не захватил. Бывает, что успех обеспечивают исключительно скрытность и быстрота. Если бы ему нужны были грубая физическая сила и огневая мощь, Декстер все равно потерпел бы неудачу.

Хотя он уже видел сеньору Кортес на пороге своего дома целующей мужа, та его ни разу не видела. Шла Страстная неделя, и район Лас-Флорес бурлил приготовлениями к пасхальному воскресенью. Весь, кроме дома номер семнадцать.

Декстер не спеша покружил по району, дожидаясь наступления темноты. Он не собирался оставлять машину перед домом, опасаясь расспросов какого-нибудь любопытного соседа. Но он хотел увидеть, как зажжется свет, перед тем как будут опущены шторы. На площадке перед домом машин не было, и это позволяло сделать вывод, что у сеньоры Кортес нет гостей. Когда зажгется свет, Декстер смог заглянуть внутрь. Да, как он и предполагал: только сеньора Кортес и мальчик, больше никого. Они были одни. Декстер подошел к двери и позвонил. Дверь открыл сын, смуглый крепкий подросток, которого Декстер узнал по съемкам похорон. Его лицо было печальным. Мальчишка не улыбался.

Достав полицейский значок, Декстер помахал им и быстро убрал.

– Тениенте Дельгадо, муниципальная полиция, – представился он. На самом деле значок, который он показал, был копией значка полиции Майами, но мальчишка этого не знал. – Я могу поговорить с твоей мамой?

Декстер решил этот вопрос, бесшумно проскользнув мимо подростка в коридор.

Педро побежал в дом, крича:

– Мама, к нам пришел полицейский!

Из кухни появилась сеньора Кортес, вытирающая руки. Ее лицо распухло от слез. Мягко улыбнувшись, Декстер предложил пройти в гостиную. От него веяло такой властью, что женщина беспрекословно подчинилась. Когда она села на диван, обнимая сына, Декстер присел перед ней на корточки и показал паспорт. Американский паспорт.

Он обратил ее внимание на орла на корочке. Американский герб.

– Я не сотрудник колумбийской полиции, сеньора. Как вы видите, я американец. А теперь я хочу, чтобы вы взяли себя в руки. И вы, и ваш сын. Ваш муж Хуан, он не погиб. Он жив и находится у нас, во Флориде.

Какое-то мгновение женщина молча таращилась на него, не в силах поверить своим ушам.

Затем она всплеснула руками.

– No se puede...²⁸ – ахнула она. – Я сама видела тело...

– Нет, сеньора, вы видели накрытое простыней тело другого человека, обгоревшее до неузнаваемости. И вы видели часы Хуана, его бумажник, медальон, перстень. Все это он передал нам. Но тело принадлежало не ему. А безымянному бродяге. Хуан у нас, во Флориде. Он прислал меня за вами. За обоими. А теперь, пожалуйста...

Декстер достал из внутреннего кармана три фотографии. С одной смотрело лицо Хуана Кортеса, живого и невредимого. На другой он держал в руках свежий номер «Майами геральд», на котором отчетливо была видна дата. На третьей фотографии было родимое пятно. Именно она решила исход дела. Больше об этом никто не мог знать.

Сеньора Кортес снова заплакала.

– No comprendo, no comprendo,²⁹ – повторяла она.

Мальчишка пришел в себя первым. Он рассмеялся.

– Pasa esta en vida!³⁰ – радостно кричал он.

Достав магнитофон, Декстер включил воспроизведение. Маленькая комната наполнилась голосом «погибшего» сварщика.

– Милая Ирина, дорогая моя! Педро, мой сын! Это действительно я...

Закончил Кортес просьбой к Ирине и Педро немедленно собрать самые ценные вещи, попрощаться с домом номер семнадцать и следовать за американцем.

Потребовался целый час беспорядочной суеты, смеха и слез, вещи укладывались, снова доставались, разбирались, укладывались опять, сортировались, отвергались, укладывались по третьему разу. Трудно запихнуть всю жизнь в один чемодан.

Когда мать и сын наконец были готовы, Декстер настоял на том, чтобы они оставили горящий свет и занавешенные окна, тем самым увеличивая период времени до того, как бегство будет обнаружено. Сеньора Кортес написала письмо под диктовку и оставила его соседям под вазой на столе в гостиной. В нем говорилось, что они с Педро решили уехать из страны и начать новую жизнь.

На борту «Груммана», возвращающегося во Флориду, Декстер объяснил, что соседи получат письма, отправленные из Флориды, сообщающие, что она нашла работу уборщицы, устроилась на новом месте и у них с Педро все хорошо. Если кто-либо начнет расспросы, им покажут эти письма. На них будут все нужные марки и почтовые штампы, но обратный адрес будет отсутствовать. Проследить беглецов будет невозможно, потому что на самом деле они так и не попадут во Флориду. Наконец самолет приземлился на авиабазе «Гомстед».

Воссоединение семьи в номере-люкс офицерского клуба было долгим, опять со слезами и смехом. Были произнесены благодарственные молитвы. После чего верный своему слову Хуан Кортес сел за стол, взял ручку и бумагу и начал писать. Пусть он не мог похвастаться образованием, зато у него была феноменальная память. Сварщик закрывал глаза, задумывался, погружаясь на много лет назад в прошлое, и писал название. Затем другое. Третье.

Закончив работу, Кортес заверил Декстера в том, что перечислил все до одного корабля, с которыми работал. Всего в списке было семьдесят восемь судов. И тот факт, что в каждом талантливый сварщик создавал сверхсекретный тайник, говорил о том, что все эти корабли используются для контрабанды кокаина.

Глава 07

Кэлу Декстеру несказанно повезло, что личная жизнь Джереми Бишопа была кипучей, как летний полдень на провинциальном кладбище. Пасху Бишоп провел в доме отдыха за городом, изображая веселье, поэтому когда Декстер виновато обмолвился о том, что у него есть срочная работа, компьютерному гению это показалось лучом солнца в ненастный день.

²⁸ Этого не может быть (*исп.*).

²⁹ Не понимаю, не понимаю (*исп.*).

³⁰ Папа жив! (*исп.*).

– У меня есть названия кораблей, – объяснил Декстер, – всего их семьдесят восемь. Мне нужно узнать об этих кораблях все. Тоннаж, характер перевозимого груза, владелец (если возможно, хотя, скорее всего, они зарегистрированы на какую-то подставную компанию). Торговый агент, арендатор на настоящий момент и, самое главное, нынешнее местонахождение. Где эти корабли сейчас. Наверное, тебе лучше всего будет выступать от имени какой-нибудь вымышленной торговой компании, которой нужно перевезти некий груз. Спрашивай у агентов. Как только выйдешь на след любого из семидесяти восьми кораблей, сразу же иди на попятную. Ссылайся на неподходящий тоннаж, неподходящее местонахождение, неподходящие сроки. В общем, придумывай сам. Мне только нужно знать, где эти корабли находятся и как они выглядят.

– Я могу предложить тебе кое-что получше, – с радостью откликнулся Бишоп. – Вероятно, я раздобуду фотографии кораблей.

– Сверху.

– Сверху? То есть с воздуха?

– Точно.

– Это не тот ракурс, с которого обычно снимают корабли.

– А ты попробуй. И обрати особое внимание на тех, которые совершают регулярные рейсы между западной и южной частями Карибского моря и портами Соединенных Штатов и Европы.

В течение двух дней Джереми Бишоп, сидя за клавиатурой перед экраном компьютера, установил местонахождение двенадцати кораблей из перечисленных Хуаном Кортесом. Он передал список Декстеру. Все эти корабли или находились в бассейне Карибского моря, или направлялись в него.

Декстер понимал, что некоторые названия, указанные сварщиком, никогда не появятся в официальных судоходных справочниках. Это были старые ржавые рыбацкие шхуны или суда слишком маленького водоизмещения, чтобы ими интересовался коммерческий мир. Поиски этих двух категорий будут особенно сложной задачей, однако это имеет решающее значение.

О прибытии больших кораблей можно предупредить таможенную службу в порту назначения. Скорее всего, они принимают груз кокаина в открытом море и, вероятно, таким же образом с ним расстаются. Но их все равно можно арестовать, если собака-ищейка обнаружит остаточные следы наркотика в тайниках в трюме, а она, наверное, их обнаружит.

Отчаяние у Тима Мэнхайра и его аналитиков в Лиссабоне вызывали небольшие суда, которые выходили из мангровых зарослей на побережье Колумбии и причаливали к деревянным пристаням в устьях рек на западе Африки. Как выяснилось, из кораблей, перечисленных в списке Кортеса, только двадцать пять значились в реестре Ллойда; остальные не фигурировали ни в одном справочнике. И все же двадцать пять судов, выведенных из дела, проделают огромную дыру в контрабандном флоте Картеля. Однако пока что приступить к их ликвидации было еще слишком рано. Кобра был еще не готов. Но разведывательные самолеты «ТР-1» уже начали работать.

Майор бразильских ВВС в отставке Жуанью Мендосу прилетел в Хитроу в начале мая. Кэл Декстер встретил его на выходе из таможни третьего терминала. Он узнал бывшего летчика-истребителя без проблем, поскольку прекрасно помнил его лицо.

Декстер нашел майора Мендосу шесть месяцев назад, после долгих и мучительных поисков. В какой-то момент он обедал в Лондоне с бывшим начальником штаба Королевских военно-воздушных сил. Главный маршал авиации долго и сосредоточенно размышлял над главным вопросом Декстера.

– Не думаю, – наконец сказал он. – Свалиться как снег на голову, да? Без предупреждения? Боюсь, у наших ребят с этим возникнут проблемы. Вопрос совести. Кажется, я никого не смогу вам порекомендовать.

Тот же самый ответ Декстер получил от генерал-лейтенанта американских ВВС, тоже в отставке, летавшего на «Ф-15» «Игл» во время первой войны в Персидском заливе.

– Знаете, – сказал при расставании англичанин, – есть военные летчики, которые готовы без предупреждения уничтожать контрабандистов кокаином, не испытывая никаких угрызений совести. Бразильцы.

Декстер отправился в Сан-Паулу, где предпочитали компактно селиться вышедшие в отставку летчики бразильских ВВС, и в конце концов вышел на Жуанью Мендосу. Ему было под

пятьдесят, он летал на «Ф-5Е» «Гайгер», но недавно вышел в отставку, чтобы помогать в делах своему пожилому отцу. Однако его усилия оказались тщетными. Во время экономического кризиса 2009 года компания обанкротилась.

Не имея гражданской специальности, Жуанью Мендоса безуспешно пытался найти себе любую работу, сожалея о том, что перестал летать. И он по-прежнему скорбел о своем младшем брате, которого буквально вырастил сам, после смерти матери, поскольку отец работал по пятнадцать часов в сутки. Пока летчик служил на авиабазе на севере страны, молодой парень связался с плохой компанией и умер от передозировки. Жуанью ничего не забыл и ничего не простил. И предложенный гонорар был просто огромным.

У Декстера была взятая напрокат машина; он отвез бразильца на север, в то равнинное графство на берегу Северного моря, которое благодаря отсутствию холмов и близости к восточному побережью во время Второй мировой войны стало естественной базой бомбардировочной авиации. В годы холодной войны здесь размещались эскадрильи стратегических бомбардировщиков, несущих на борту атомное оружие Великобритании.

Здесь же обосновалась группа энтузиастов, восстанавливающих два «Букканира». Возрожденные бомбардировщики уже катались по рулежным дорожкам, но в воздух еще не поднимались. Затем энтузиасты отвлеклись от своего занятия. За деньги, которые помогли решить многие их проблемы, они занялись переоборудованием южноафриканского «Букканира», четыре месяца назад перелетевшего из Тандер-Сити. Именно этот самолет перегонял Гай Доусон.

Большинство из тех, кто занимался восстановлением «Букканиров», никогда не летали на сверхзвуковых истребителях. Это были инженеры и механики, оружейники и электрики, обслуживавшие «Букканиры», когда те еще состояли на вооружении морской авиации и Королевских ВВС. Все они жили неподалеку, посвящая вечера и выходные тому, чтобы два спасенных ветерана смогли снова подняться в воздух.

Декстер и Мендоса переночевали в местной гостинице, бывшем придорожном трактире с потемневшими балками перекрытий, ревущими в камине дровами и охотничьими гравюрами, очаровавшими бразильца. Утром они отправились в Скэмптон на встречу с командой. Всего энтузиастов было четырнадцать человек; Декстер нанял их на работу на деньги проекта «Кобра». Они с гордостью показали летчику то, что сделали.

Главное изменение заключалось в установке автоматических пушек. В дни холодной войны «Букканир» нес внушительное для легкого бомбардировщика вооружение, предназначенное в первую очередь для борьбы с надводными целями. Боевая нагрузка в фюзеляже и под крыльями составляла устрашающий арсенал бомб и ракет, вплоть до тактических ядерных зарядов.

Но в модификации, которую в тот весенний день майор Мендоса осматривал в продуваемом сквозняками ангаре в Линкольншире, вся полезная нагрузка была заменена топливными баками, что позволяло «Букканиру» часами находиться в воздухе. С одним исключением.

Хотя «Букканиру» никогда не приходилось выступать в роли перехватчика, команда наземного обслуживания получила четкие указания. И теперь самолет был оснащен пушками.

Под каждым крылом на пилонах, на которых прежде подвешивались неуправляемые ракеты, теперь были установлены спаренные 30-мм пушки «Аден», обладающие достаточной огневой мощностью для уничтожения любой цели.

Задняя кабина еще не была переоборудована. Вскоре в ней будут установлены еще один дополнительный топливный бак и самое совершенное оборудование связи. Пилоту «Букканира» придется обходиться без сидящего сзади штурмана-радиста; у него в наушниках будет звучать далекий голос, говорящий, куда именно следовать в поисках цели. Однако сначала в этой кабине будет находиться инструктор.

– Прекрасная машина, – пробормотал Мендоса.

– Я рада, что самолет вам понравился, – произнес голос у него за спиной.

Обернувшись, бразилец увидел стройную женщину лет сорока. Она протянула руку.

– Меня зовут Коллин. Я ваш летный инструктор.

Во время службы в военно-морской авиации Коллин Кек не пришлось летать на «Букканирах». В ту эпоху, когда «Букканиры» стояли на вооружении, женщин-летчиц на флоте еще не было. Получив вначале квалификацию пилота вертолета, Коллин затем осуществила свою мечту – начала летать на реактивных самолетах. После двадцати лет службы она вышла в отставку и, поскольку жила неподалеку, как-то раз чисто случайно заглянула к энтузиастам, восстанавли-

вающим «Букканиры». Бывший пилот «Букканира» обучил ее управлению бомбардировщиком, пока ему самому еще позволял летать возраст.

– Я с нетерпением жду, когда поднимусь в воздух, – медленно и старательно произнес по-английски Мендоса.

Вся группа возвратилась в гостиницу на прощальный ужин, устроенный Декстером. На следующий день он уехал, а Мендоса, отдохнув, приступил к тренировкам. В конце июня майору Мендосе и группе наземного обслуживания из шести человек предстояло отправиться на остров Фогу. Декстер же вылетел в Вашингтон, чтобы получить от Джереми Бишопа данные на новые корабли.

Самолет «ТР-1» редко упоминается в средствах массовой информации, и еще реже его могут видеть посторонние. Этот невидимый разведчик является наследником печально известного самолета-шпиона «У-2», на котором Гэри Пауэрс был сбит над Сибирью в 1960 году; однако затем именно «У-2» в 1962 году обнаружили на Кубе советские ракетные базы.

Во время войны в Персидском заливе в 1991 году «ТР-1» был основным американским самолетом-разведчиком, способным летать выше и быстрее своего предшественника. Установленные на нем телекамеры передавали изображение в реальном времени, что избавляло от необходимости каждый раз возвращаться домой с рулонами киноплёнки. Декстер попросил выделить ему в распоряжение один такой самолет, базирующийся в Пенсаколе, и вот наконец его просьба была удовлетворена. В первую неделю мая «ТР-1» начал работу.

При содействии неутомимого Бишопа Декстер нашел одного инженера-корабеля, обладающего даром опознавать практически любое судно чуть ли не с любого ракурса. Они с Бишопом работали на последнем этаже склада в Анакостии, а под ними громоздились тюки с гуманитарной помощью для стран третьего мира.

Самолет-разведчик барражировал над Карибским бассейном, при необходимости заправляясь горючим в Маламбо в Колумбии или на американских базах в Пуэрто-Рико. С его борта поступали сделанные с высоким разрешением снимки портов и рейдов, заполненных торговыми кораблями, и судов в открытом море.

Ас-корабел, вооружившись мощной лупой, рассматривал фотографии, полученные с «ТР-1», и сравнивал их с описаниями, которые Бишоп раздобыл, отталкиваясь от списка с названиями, представленного колумбийским сварщиком.

– Вот это, – говорил он, указывая на одно судно из трех десятков, стоящих в каком-то порту на побережье Карибского моря, – это должна быть «Селена».

Или:

– Вот он, безошибочно, подходящие размеры, почти без надстроек.

– Что это? – спрашивал озадаченный Бишоп.

– Среднее водоизмещение, только одна грузовая стрела, установленная в носовой части. Это «Вирхен де Вальме». Сейчас он стоит в Маракайбо.

Оба были экспертами каждый в своем деле, и, как это бывает у настоящих экспертов, для обоих премудрости ремесла коллеги оставались дремучим лесом. Однако на пару они смогли идентифицировать половину океанского флота Картеля.

Архипелаг Чагос – это маленькая группа коралловых атоллов, затерявшихся посреди Индийского океана в тысяче миль от южной оконечности Индии. Если бы имелась такая возможность, острова, подобно Мальдивам, заполнились бы гостиницами, и туристы наслаждались бы спокойными лагунами, солнцем, светящим круглый год, и нетронутыми коралловыми рифами. Но такой возможности нет, для посторонних архипелаг закрыт. На островах размещены бомбардировщики. А именно американские «Б-52».

Самым крупным атоллом архипелага является Диего-Гарсия. Как и вся группа, он принадлежит Великобритании, но сдан в долгосрочную аренду Соединенным Штатам. На острове находится крупная авиабаза и центр заправки горючим военных кораблей. Диего-Гарсия настолько засекречен, что даже его коренные жители, совершенно безобидные рыбаки, были переселены на другие острова.

То, что зимой и весной 2010 года происходило на Орлином острове, являлось операцией британских спецслужб, хотя финансирование частично осуществлялось из бюджета проекта

«Кобра». Четыре вспомогательных корабля Королевского ВМФ бросили якорь у берега, на остров выгрузили несколько тонн оборудования и снаряжения, и военно-морские инженеры принялись возводить маленькое поселение.

Конечно, до курортной гостиницы этим строениям было далеко, но они были вполне пригодны для обитания. Разборные жилые корпуса, устанавливаемые за один день, выстроились двумя рядами. Рядом были выкопаны ямы для уборных. Появилась столовая, оснащенная кухней, холодильниками и устройством опреснения воды; электропитание обеспечивал мощный генератор.

Когда поселок был готов, он мог бы принять больше двухсот человек, при условии, что в их числе будут инженеры, повара и рабочие, способные обслуживать все оборудование. Военные моряки, чья любезность не знала пределов, даже оставили спортивное снаряжение: маски, трубки и ласты. Обитатели уединенного островка смогут любоваться красотами подводного мира коралловых рифов. Была здесь и библиотека с дешевыми книгами в бумажных переплетах на английском и испанском языках.

Для английских моряков и инженеров испытание было не слишком трудным. На горизонте находился Диего-Гарсия, маленькая Америка в тропиках, оснащенная всем, чего только может пожелать американский военный, проходящий службу вдали от дома, – а это очень немало. Английских моряков встречали там радушно, и они с удовольствием пользовались гостеприимством своих коллег. Безмятежность тропического рая нарушал только постоянный рев стратегических бомбардировщиков, вылетающих на учебные задания.

Орлиный остров обладал еще одной особенностью. До ближайшего материка от него почти тысяча миль через море, кишашее акулами. Поэтому бежать с него практически невозможно. И это было главным.

Острова Зеленого Мыса также благословенны круглогодичным солнцем. В середине мая была официально открыта новая летная школа на острове Фогу. И снова состоялась торжественная церемония. Председательствовал на ней министр обороны, специально прилетевший с острова Сантьягу. К всеобщей радости, говорили на церемонии только по-португальски.

После строгих тестов правительство отобрало двадцать четыре парня, которым предстояло стать курсантами летной школы. Возможно, не все из них будут летчиками, но должен же быть запас для отсева. Прибывшая из Бразилии дюжина учебных двухместных «Тукано» выстроилась на аэродроме ровным рядом. Перед самолетами стояли двенадцать летных инструкторов, также предоставленных бразильскими ВВС. Отсутствовал только командир, некий майор Жуанью Мендоса. Его задержали служебные обязанности, и он должен был прибыть через месяц.

Это не имело значения. Первые тридцать дней курсанты проведут в классах, а также знакомясь с самолетами. Услышав все это, министр сосредоточенно кивнул. Ему не стали сообщать, что майор Мендоса прилетит на своем личном самолете, на котором он также будет летать, отдыхая после напряженной работы.

Если бы министр обороны знал про этот самолет, он, возможно, сообразил бы, почему цистерна с топливом JP-8 для учебных самолетов стоит отдельно от цистерны с гораздо более летучим JP-5, которым заправляются скоростные самолеты морской авиации. И он не заглядывал в дополнительный ангар, вырубленный в скале и закрытый стальными воротами. Ему сказали, что там находится склад, и он больше не проявлял интереса.

Курсанты, горящие желанием приступить к обучению, отправились устраиваться в общегитии, официальная делегация возвратилась в столицу, и на следующий день начались занятия.

На самом деле начальник летной школы находился на высоте двадцать тысяч футов над серыми волнами Северного моря к востоку от побережья Англии, совершая обычный тренировочный полет вместе с инструктором. Командер Кек сидела в задней кабине. Дублирующее управление в задней кабине отсутствовало, так что инструктору приходилось полностью доверять своему курсанту. Однако она могла наблюдать за тем, насколько точно он выполняет перехват условных целей. И командер Кек была удовлетворена увиденным.

Назавтра был день отдыха, поскольку ночью предстояли такие важные ночные полеты. После чего, наконец, ВРУ и практические стрельбы: мишенями будут ярко раскрашенные бочки, плавающие в море, сброшенные в условленном месте с рыбацкой лодки одним из членов груп-

пы. Коллин не сомневалась, что ее ученик сдаст экзамен на «отлично». Она быстро пришла к выводу, что Мендоса прирожденный летчик и чувствует себя в кабине «Букканира» как рыба в воде.

– Вам когда-либо приходилось осуществлять взлет с реактивным ускорителем? – неделю спустя спросила Коллин, когда они обедали в столовой.

– Нет. Бразилия – большая страна, – пошутил Мендоса. – У нас всегда достаточно места, чтобы строить длинные взлетно-посадочные полосы.

– Вашему «Букканиру С-2» также никогда не доводилось выполнять ВРУ, поскольку у наших авианосцев достаточно длинная палуба, – сказала Коллин. – Но иногда в тропиках бывает чересчур жарко. Двигатели теряют мощность. А этот самолет летал в Южной Африке. Ему нужна помощь. Так что у нас нет другого выхода, кроме как оснастить его реактивным ускорителем. У вас захватит дух.

Так оно и произошло. Представив, будто огромная взлетно-посадочная полоса в Скэмптоне слишком короткая, для того чтобы «Букканир» поднялся в воздух самостоятельно, механики установили под хвостовым оперением небольшие реактивные ускорители. Коллин Кек тщательно проинструктировала Мендосу относительно того, как выполнять взлет.

Поставить самолет на самом краю взлетно-посадочной полосы. Ручной тормоз на полную. Прибавить мощность двигателей, борясь с тормозами. Когда тормоза перестанут держать, полностью отпустить их, мощность двигателей на максимум, включить реактивные ускорители. Жуанью Мендосе показалось, будто ему в спину врезался товарный состав. Буквально встав на дыбы, «Букканир» помчался по взлетно-посадочной полосе. Внизу промелькнул бетон, и самолет поднялся в воздух.

Коммандер Кек не знала, что майор Мендоса вечерами изучал фотографии, присланные Кэлом Декстером. На них были сняты взлетно-посадочная полоса на острове Фогу, навигационные огни, заход со стороны моря. Как любят говорить его английские друзья, все будет проще простого.

Кэл Декстер тщательно сравнил три модели беспилотных самолетов-разведчиков (БСР), выпускающихся в Соединенных Штатах. В войне, которую готовил Кобра, им предстояло сыграть важную роль. В конце концов он отбросил «Потрошителя» и «Хищника» и остановился на невооруженном «Глобальном ястребе». Задача БСР будет заключаться в наблюдении, и только в наблюдении.

Воспользовавшись полномочиями, полученными Полем Деверо от президента, Декстер встретился с представителями компании «Нортроп Грумман», производящей RQ-4. Ему уже было известно, что модификация, предназначенная для наблюдения за обширными морскими пространствами, была разработана в 2006 году и американский ВМФ уже заказал крупную партию.

Декстеру хотелось добавить БСР две дополнительные функции, и ему сказали, что никаких проблем с этим быть не должно. Соответствующие технологии существуют.

В первую очередь, речь шла о встроенном банке памяти для хранения изображения четырех десятков кораблей, снятых разведывательным самолетом «ТР-1» практически строго сверху. Эти изображения будут разбиты на отдельные точки, соответствующие не более чем двум дюймам на палубе реального корабля. Затем БСР сравнит то, что видит под собой, с тем, что хранится в базе данных, и в случае совпадения известит об этом оператора, находящегося на удалении многих миль.

Во-вторых, Декстеру было нужно устройство постановки помех, которое позволило бы «Ястребу» накрыть находящееся под ним судно электронным «колпаком», полностью блокируя все каналы связи.

Хотя и не вооруженный ракетами, «RQ-4» «Глобальный ястреб» был оснащен всем тем, что требовалось Декстеру. Беспилотный самолет мог подниматься на высоту 65 тысяч футов, там, где его не мог видеть и слышать объект наблюдения. В солнечную погоду, в дождь, в сплошной облачности и ночью БСР был способен за день изучить 40 тысяч квадратных миль, и, потягивая горючее маленькими глотками, он мог оставаться в воздухе в течение тридцати пяти часов. В отличие от двух других моделей «Глобальный ястреб» развивал максимальную скорость до трехсот сорока узлов, намного больше, чем объекты наблюдения.

К концу мая два таких чуда техники были переданы проекту «Кобра». Одному из них предстояло действовать с базы Маламбо, расположенной на побережье Колумбии к северо-востоку от Картахены.

Второй отправился на остров Фернанду-ди-Норонья у северо-восточной оконечности Бразилии. Оба аппарата были помещены в специальные ангары, так, чтобы их не могли увидеть посторонние. По приказу Кобры, оба БСР, прибыв на место, тотчас же приступили к работе.

Хотя беспилотные разведчики поднимались в воздух с авиабаз, управление ими осуществлялось на удалении многих тысяч миль, с базы ВВС США Крич в пустыне Невада. Там, прильнув к экранам, сидели операторы. У каждого был штурвал, подобный тому, какой находится в кабине самолета у летчика.

Оператор видел на экране в точности то, что видел «Ястреб», летящий в стратосфере. Одни операторы, сидящие в этом тихом центре, оборудованном системой кондиционирования воздуха, управляли «Хищниками», ведущими охоту в горных районах Афганистана на границе с Пакистаном. Другие вели «Потрошителей» над Персидским заливом.

У каждого были наушники с ларингофоном, чтобы тотчас же докладывать начальству об обнаружении цели. Работа требовала полной сосредоточенности, поэтому смены дежурств были короткими. Центр управления базы Крич представлял собой лицо грядущей войны.

Склонный к мрачному юмору Кэл Декстер дал обоим «Ястребам» прозвища, чтобы различать их между собой. Тот, что действовал на востоке, получил имя «Мишель» в честь первой леди; второй стал «Сэм» в честь супруги британского премьер-министра.

И у каждого была своя отдельная задача. «Мишель» смотрела вниз, выявляя и отслеживая все торговые суда, перечисленные Хуаном Кортесом и сфотографированные «ТР-1». «Сэм» докладывала обо всем, что покидало морем или по воздуху участок побережья Бразилии между Наталем и Белемом и направлялось на восток через Атлантику, пересекая сороковой меридиан в сторону Африки.

Обе консоли на авиабазе Крич, с которых осуществлялось управление «Ястребами» Кобры, поддерживали прямую связь с неприметным складом на окраине Вашингтона двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Летиция Ареналь понимала, что поступает плохо, нарушая строжайшие требования папы, но ничего не могла с собой поделать. Он приказал ей ни в коем случае не покидать Испанию, но девушка была влюблена, а любовь подмяла под себя даже распоряжения папы.

Доминго де Вега сделал ей предложение, и Летиция это предложение приняла. Она носила на руке обручальное кольцо. Но Доминго нужно было вернуться в Нью-Йорк, так как в противном случае он потеряет работу в ООН. К тому же в последнюю неделю мая у него был день рождения. Доминго прислал Летиции билет с открытой датой на рейс авиакомпании «Иберия» до аэропорта имени Кеннеди, умоляя прилететь к нему в Нью-Йорк.

Формальности в американском посольстве прошли как по маслу; Летиция получила визу и разрешение на въезд от Министерства внутренней безопасности.

Билет у нее был в салон бизнес-класса; она без очереди зарегистрировалась в четвертом терминале. Ее единственный чемодан с биркой до нью-йоркского аэропорта имени Кеннеди отправился по конвейеру в багажное отделение. Летиция не обратила внимания на стоявшего следом за ней мужчину, предъявившего сумку как свой единственный багаж, который он возьмет с собой в салон.

Она не могла знать, что на самом деле эта сумка набита старыми газетами и что мужчина развернется и уйдет, как только Летиция направится на паспортный контроль. Она никогда не видела следователя Пако Ортегу и больше не должна была его увидеть. Но тот запомнил в мельчайших подробностях ее чемодан и одежду, которая была на ней. Фотография Летиции была сделана издалека, когда она выходила из такси. Все это отправилось в Нью-Йорк еще до того, как она поднялась на борт самолета.

И все же на всякий случай Ортега встал у окна, выходящего на летное поле, и проводил взглядом лайнер «Иберия», с ревом оторвавшийся от земли, набравший высоту и полетевший в сторону все еще покрытых снегом вершин Сьерра-де-Гуадарамма и раскинувшегося за ними Атлантического океана. Только тогда он позвонил в Нью-Йорк и переговорил с Кэлом Декстером.

Самолет прибыл точно по расписанию. Спускающихся по трапу пассажиров встретил мужчина в форме наземного персонала. Он негромко произнес несколько слов по сотовому телефону, но никто не обратил на него внимания. Такое происходит сплошь и рядом.

Летиция Ареналь прошла паспортный контроль, прикоснувшись подушечками больших пальцев к маленькой стеклянной площадке, а затем посмотрев в объектив камеры, считывающей рисунок радужной оболочки глаз.

Когда она прошла, сотрудник иммиграционной службы обернулся и без слов кивнул мужчине, стоявшему в коридоре, по которому пассажиры проходили в зал таможенного досмотра. Кивнув в ответ, тот направился следом за молодой женщиной.

Пассажиропоток в этот день был особенно плотным, и багаж задержался на лишние двадцать минут. Наконец транспортер заворчал, ожил, и по нему поползли чемоданы и сумки. Чемодан Летиции оказался не в начале и не в конце, а где-то в середине. Она увидела, как он вываливается в окошко, и сразу же узнала ярко-желтую бирку со своей фамилией и адресом, закрепленной как раз для того, чтобы легче было найти багаж.

Это был чемодан в жестком корпусе на колесиках, с выдвигной ручкой. Повесив сумочку на левое плечо, Летиция покатила чемодан к «зеленому» коридору. Не успела она пройти и половины пути, как один из сотрудников таможни, якобы рассеянно наблюдавший со стороны, кивком подозвал ее к себе. Выборочная проверка. Никаких причин для беспокойства. Доминго ждет в зале прилета. Что ж, ему придется подождать несколько лишних минут.

Подкатив чемодан к столику, указанному таможенником, Летиция подняла его замками к себе.

– Будьте добры, мэм, откройте чемодан.

Безукоризненно вежливо. Таможенники неизменно безукоризненно вежливы и никогда не улыбаются и не смеются. Летиция щелкнула замками. Развернув чемодан к себе, сотрудник таможни поднял крышку. Сверху лежали предметы одежды; надев перчатки, таможенник поднял их. И застыл. Летиция почувствовала, что он пристально смотрит на нее поверх крышки. Она предположила, что сейчас таможенник закроет чемодан и кивнет, разрешая ей следовать дальше.

Но он, закрыв чемодан, холодно произнес:

– Будьте добры, мэм, пройдите со мной.

И это была не просьба. Летиция обнаружила, что у нее за спиной вплотную стоят коренастый мужчина и крупная женщина, тоже в форме. Ей стало стыдно; другие пассажиры, проходя мимо, искоса разглядывали ее.

Первый таможенник защелкнул замки, подхватил чемодан и пошел первым. Остальные, не говоря ни слова, последовали за ним. Они прошли в дверь в дальнем конце. Это было пустое помещение, посередине стоял стол, вдоль голых стен – несколько простых стульев. В противоположных углах две видеокамеры. Чемодан лег на стол.

– Мэм, будьте добры, откройте еще раз ваш чемодан.

Летиция Ареналь впервые заподозрила что-то неладное, но она понятия не имела, что это может быть. Открыв чемодан, она увидела свою аккуратно сложенную одежду.

– Мэм, будьте добры, достаньте свои вещи.

Он лежал под льняным пиджаком, двумя хлопчатобумажными юбками и несколькими сложенными блузками. Небольшой, размером с килограммовый пакет сахара. Наполненный порошком, похожим на тальк. И только тут до Летиции дошло – волна головокружительной тошноты, удар в солнечное сплетение, голос, беззвучно кричащий в голове: «Нет, это не я, я ничего не делала, он не мой, его подбросили...»

Крупная женщина подхватила ее под руку, помогая удержаться на ногах. Но не из чувства сострадания. А ради видеокамер. Нью-йоркские суды просто одержимы правами обвиняемых, адвокаты хватаются за малейшие нарушения процедуры, требуя снятия обвинений, поэтому официальные лица строжайшим образом следят за соблюдением всех формальностей.

После открытия чемодана и обнаружения пакета с, как было указано в тот момент, «неизвестным белым порошком», Летиция Ареналь, говоря официальным языком, «попала в систему». И дальше для нее начался один сплошной расплывающийся кошмар.

Ее отвели в другое помещение, заставленное различным оборудованием. У стены высилась стойка цифровых магнитофонов. Появились другие люди. Летиция не знала, но это были представители УБН и СИН, Службы иммиграции и натурализации. Вместе с таможенной службой

Соединенных Штатов, три различных ведомства, действующие каждое в рамках своей юрисдикции, задержали Летицию Ареналь.

Хотя она довольно прилично владела английским, появился переводчик, говорящий по-испански. Ей зачитали ее права, «Права Миранды»,³¹ о которых она никогда не слышала. После каждой фразы ее спрашивали: «Вы все понимаете, мэм?» Неизменно вежливое «мэм», хотя выражения лиц всех этих людей говорили о том, что они ее ненавидят.

Где-то в другом месте был тщательно изучен паспорт Летиции. Где-то еще такого же внимания удостоились ее чемодан и сумочка. Пакет белого порошка был отправлен на анализ, проведенный в соседнем здании, в химической лаборатории. Неудивительно, это оказался чистый кокаин.

То обстоятельство, что кокаин был чистый, имело очень большое значение. Небольшое количество «разбавленного» наркотика еще можно было бы объяснить как «для личного употребления». Но только не килограмм чистого кокаина.

В присутствии двух женщин Летицию попросили полностью раздеться, и всю ее одежду забрали. Взамен ей дали что-то вроде бумажного комбинезона. Женщина-врач тщательно осмотрела ее, заглянув в рот, в уши, в анальное отверстие и во влагалище. К этому времени Летиция судорожно всхлипывала. Но «система» работала как ни в чем не бывало. Все снималось на видео, все строго протоколировалось. Чтобы никакой хитрозадый адвокат не вытащил сучку из этой ямы.

Наконец высокопоставленный сотрудник УБН сообщил Летиции, что она имеет право попросить адвоката. Пока что официально ее еще не допрашивали. «Права Миранды» не были нарушены. Летиция ответила, что не знает в Нью-Йорке ни одного адвоката. Ей сказали, что в таком случае суд назначит ей адвоката.

Летиция не переставая твердила, что в зале прилета ее ждет жених. И эти слова не остались без внимания, вовсе нет. Это мог быть сообщник. Толпа в зале прилета была тщательно прочесана. Никакого Доминго де Веги в ней не оказалось. Или это было вымышленное лицо, или, если речь шла о сообщнике, он спешно покинул аэропорт. Утром будет проверено, работает ли в ООН пуэрториканский дипломат с таким именем.

Отказавшись от права на адвоката, Летиция настояла на том, чтобы рассказать все то, что было ей известно. Она рассказала все, то есть ничего. Ей не поверили. И тут ей пришла одна мысль.

– Я являюсь подданной Колумбии. Я хочу связаться с представителем колумбийского посольства.

– В Нью-Йорке находится консульство Колумбии, мэм. Сейчас десять часов вечера. Мы постараемся найти кого-нибудь завтра утром.

Это сказал сотрудник ФБР, хотя Летиция этого не знала. Контрабанда наркотиков считается в Соединенных Штатах федеральным преступлением. Девушкой занялись федералы.

Аэропорт имени Кеннеди относится к восточному округу Нью-Йорка и находится в юрисдикции района Бруклин. Наконец ближе к полуночи Летицию Ареналь поместили в федеральный исправительный центр этого округа, где ей предстояло ждать предварительного слушания дела, назначенного на завтрашнее утро.

И, разумеется, начатая папка быстро распухла. «Система» требует обилия самых разных бумаг. Летиция Ареналь, помещенная в удушливую одиночную камеру, наполненную запахами пота и страха, проплакала всю ночь напролет.

Утром федералы связались с консульством Колумбии, согласившимся прислать своего представителя. Если задержанная надеялась найти сочувствие, ее ждало разочарование.

Второй секретарь консульства приехала с каменным лицом. Произошло именно то, что дипломаты терпеть не могут.

Женщина в строгом деловом костюме равнодушно выслушала объяснения Летиции и не поверила ни единому ее слову. Но она вынуждена была обещать связаться с Боготой и попросить

---

³¹ «Права Миранды» — права лица, подозреваемого в совершении преступления, которыми оно располагает при задержании и которые ему должны быть разъяснены при аресте до начала допроса. Сформулированы Верховным судом США в деле «Миранда против штата Аризона».

министра иностранных дел разыскать частного адвоката по имени Хулио Лус. Он был единственным, к кому могла обратиться за помощью сеньорита Ареналь.

Затем состоялось предварительное слушание дела, на котором только было принято решение о продлении срока содержания под стражей. Узнав, что у задержанной нет представителя, судья приказал назначить ей адвоката. Пришел молодой парень, только что окончивший юридический колледж, и ему дали пообщаться несколько минут с Летицией в камере, после чего они вернулись в зал суда.

Защитник подал безнадежное прошение об освобождении под залог. Безнадежное, поскольку задержанная была иностранной гражданкой, не имела средств и родственников, а преступление, в котором она обвинялась, было крайне серьезным, и прокурор ясно дал понять, что следствие будет продолжаться, поскольку задержанная может быть связана с крупной цепочкой контрабандистов кокаином.

Защитник напомнил про жениха, дипломата при Организации Объединенных Наций. В ответ один из федералов передал прокурору записку. Тот встал и заявил, что в пуэрториканском представительстве при ООН никакой Доминго де Вега не работает и никогда не работал.

– Оставьте это для своих мемуаров, мистер Дженкинс, – протянул судья. – Прошение о продлении содержания под стражей удовлетворено. Переходим к следующему делу.

Появился судебный пристав. Летицию Ареналь увели, всю в слезах. Ее так называемый жених, мужчина, которого она полюбила, ее цинично предал.

Прежде чем ее отвели обратно в исправительный центр, она еще раз переговорила со своим адвокатом мистером Дженкинсом. Тот протянул ей свою визитную карточку.

– Сеньорита, можете звонить мне в любое время. Это ваше право. Для вас это будет бесплатно. Для тех, у кого нет денег, защитник предоставляется бесплатно.

– Вы ничего не понимаете, мистер Дженкинс. Скоро из Боготы приедет сеньор Лус. Он меня вызволит отсюда.

Возвращаясь общественным транспортом в свою убогую контору, Дженкинс размышлял о том, что его подзащитная каждую минуту придумывала что-то новое. Никакого Доминго де Веги не оказалось, нет, скорее всего, и никакого Хулио Луса.

Однако тут он ошибался. В то же самое утро сеньору Лусу позвонил министр иностранных дел Колумбии, после чего у него едва не случился инфаркт.

Глава 08

Хулио Лус, адвокат из Боготы, прилетел в Нью-Йорк, облаченный во внешнее спокойствие, однако внутренне он был перепуган до смерти. С тех пор как три дня назад в аэропорту имени Кеннеди была задержана Летиция Ареналь, у него состоялись две долгие и пугающие встречи с самым жестоким и страшным человеком, какого он только знал.

Хотя Лусу и приходилось присутствовать вместе с Роберто Карденасом на заседаниях Картеля, это всегда происходило в присутствии дона Диего, чье слово было законом и который требовал от своих людей такого же достоинства, какое демонстрировал сам.

Но в уединенном особняке, расположенном в многих милях от ближайшей дороги, Карденас не знал никаких ограничений. Он бушевал и угрожал. Подобно Лусу, он не сомневался, что с багажом его дочери поработал кто-то посторонний, и убедил себя в том, что подброшенный кокаин – дело рук какого-нибудь мелкого проходимца, работающего в багажном отделении мадридского аэропорта «Барахас».

Карденас подробно расписывал то, как он поступит с этим грузчиком, когда его разыщет, до тех пор, пока Хулио Луса не начало тошнить. Наконец они договорились, какую версию выдвинут нью-йоркским властям. Ни тот, ни другой никогда не слышали ни о каком Доминго де Веге и не могли предположить, с какой стати Летиции понадобилось лететь в Нью-Йорк.

Переписка тех, кто содержится в исправительных учреждениях Соединенных Штатов, проходит цензуру; впрочем, Летиция ничего и не посылала. Хулио Лус знал о случившемся только то, что ему сообщил министр иностранных дел.

Адвокату предстояло сказать, что девушка является сиротой, а он ее опекун. Были срочно составлены соответствующие документы. Использовать деньги, которые могли бы вывести на Карденаса, было нельзя. Лус должен был расхоронить свои личные средства, которые Карденас

обещал впоследствии ему возместить. Приехав в Нью-Йорк, Лус не должен был испытывать недостатка в деньгах. Ему предстояло навестить в тюрьме свою подопечную, после чего нанять лучшего адвоката, специалиста по уголовным делам.

Что Лус и сделал, именно в такой последовательности. Встретившись со своим соотечественником, даже в присутствии владеющей испанским языком сотрудницы УБН, сидящей в углу, Летиция Ареналь все рассказала человеку, с которым до этого лишь виделась за ужином и завтраком в гостинице «Вилла Реал».

Лус пришел в ужас, и дело было не в дьявольском коварстве псевдо-дипломата из Пуэрто-Рико и не в невероятно глупом решении послушаться отца и перелететь через Атлантику; нет, адвоката больше всего напугала вулканическая ярость отца девушки, которая выплеснется на него, когда тот узнает о случившемся, а он об этом непременно узнает.

Сложив два и два, адвокат получил четыре. Лжелюбитель искусства «де Вега», несомненно, являлся членом мадридской банды контрабандистов наркотиками, который, используя свое обаяние, вербовал ничего не подозревающих девушек выполнять роль «ишаков», переправляя кокаин в Соединенные Штаты. Лус не сомневался в том, что как только он возвратится в Колумбию, целая армия испанских и колумбийских бандитов отправится в Мадрид и Нью-Йорк разыскивать исчезнувшего «де Вега».

Глупца схватят, переправят в Колумбию и передадут в руки Карденаса, а дальше да поможет ему бог. Летиция сказала, что у нее есть фотография жениха в сумочке и еще одна, большая в квартире в Монклоа. Лус мысленно взял на заметку потребовать вернуть первую и забрать из мадридской квартиры вторую. Фотографии помогут найти негодяя, стоящего за всей этой катастрофой. По прикидкам Луса, молодой контрабандист не должен был скрываться слишком уж старательно, поскольку он даже не догадывается о том, кто будет его искать; ему известно лишь то, что одна партия товара пропала.

Под пыткой мерзавец назовет имя сотрудника багажного отделения, который подложил в чемодан пакет с кокаином в мадридском аэропорту. Полное чистосердечное признание – и Нью-Йорку придется снять с Летиции все обвинения. Так рассуждал Лус.

Но далее последовало категорическое отрицание о существовании какой-либо фотографии молодого мужчины в сумочке, конфискованной в аэропорту имени Кеннеди, и фотография в мадридской квартире также исчезла. Об этом позаботился Пако Ортега. Но все по порядку. Лус нанял мистера Боусмена Барроу из фирмы «Мэнсон и Барроу», считающейся лучшей юридической конторой по уголовным делам на Манхэттене. Сумма, предложенная мистеру Барроу за то, чтобы немедленно бросить все свои дела и переправиться через реку в Бруклин, была впечатляющей.

Но когда на следующий день они вернулись из федерального исправительного центра на Манхэттен, лицо ньюйоркца было мрачным. Правда, внутри он ликовал, предвкушая многие месяцы работы за астрономические гонорары.

– Сеньор Лус, буду с вами откровенен. Наши дела плохи. Лично я несколько не сомневаюсь в том, что вашу подопечную обманом завлек в эту катастрофическую ситуацию контрабандист кокаином, называющий себя Доминго де Вега, и что она даже не догадывалась о том, что делает. Ее безжалостно использовали. Такое происходит сплошь и рядом.

– Так это же хорошо, – перебил его колумбиец.

– Хорошо то, что я в это верю. Но раз я представляю интересы сеньориты Ареналь, иначе быть не может. Вся беда в том, что я не судья и не присяжные, и уж определенно я не УБН, ФБР и окружной прокурор. Но главная проблема в том, что этот тип де Вега не просто бесследно исчез; нет никаких свидетельств того, что он вообще существовал.

Роскошный лимузин выехал на мост через Ист-Ривер, и Лус угрюмо уставился на серые волны.

– Но это не де Вега подложил пакет с кокаином в чемодан, – возразил он. – Должен быть еще один человек, в Мадриде, работник багажного отделения аэропорта.

– Это нам неизвестно, – вздохнул манхэттенский юрист. – Не исключено, что де Вега и был тем работником багажного отделения. Или у него был туда доступ. Быть может, он выдал себя за сотрудника «Иберии» или за таможенника. Быть может, он действительно работает в авиакомпании или в таможне. С каким усердием мадридские власти отвлекут свои драгоценные ресурсы на спасение человека, в котором они видят контрабандиста наркотиками, к тому же не испан-

ского гражданина?

Они свернули на Ист-Ривер-драйв и направились в вотчину Боусмена Барроу, в центр Манхэттена.

– У меня есть деньги, – запротестовал Хулио Лус. – Я могу нанять частных детективов по обе стороны Атлантики. Как у вас говорят, пределом будет только небо.

Мистер Барроу просиял, взглянув на своего спутника. Он буквально почувствовал запах нового крыла, которое пристроит к своему особняку в Хэмптоне. Дело обещало затянуться на долгие месяцы.

– У нас есть один неотразимый аргумент, сеньор Лус. Не вызывает сомнений, что служба безопасности мадридского аэропорта облажалась по-крупному.

– Облажалась?

– Допустила ошибку. В наши дни, проникнутые всеобщей подозрительностью, весь багаж, направляющийся в Соединенные Штаты, должен пройти рентгеновский контроль в аэропорту вылета. Особенно в Европе. На этот счет имеются двусторонние соглашения. Так что о содержимом чемодана должно было стать известно еще в Мадриде. И еще там есть собаки-ищейки. Где были собаки-ищейки? Все указывает на то, что кокаин был подброшен *после* обычных проверок...

– Значит, мы можем требовать снятия всех обвинений?

– Или на какой-то просчет в работе службы безопасности. Боюсь, о том, чтобы снять все обвинения, не может быть и речи. Что касается наших шансов в суде – без каких-либо новых сногшибательных доказательств в пользу вашей подопечной они невысоки. Нью-йоркские присяжные просто не поверят в то, что в мадридском аэропорту возможна подобная халатность. Они будут в первую очередь смотреть на уже имеющиеся доказательства, а не слушать протесты обвиняемой. Гражданка не какой-то там страны, а Колумбии пыталась пройти по «зеленому» коридору, в багаже килограмм чистого кокаина, слезы и заверения в том, что она ни в чем не виновата. К сожалению, все это слишком хорошо известно. И Нью-Йорк сыт по горло подобными вещами.

Мистер Барроу не стал добавлять, что его собственное участие в процессе также будет выглядеть не слишком хорошо. Ньюйоркцы невысокого достатка, которые обычно и попадают в присяжные, связывают с торговлей кокаином заоблачные деньги. Действительно невинного «ишака» бросили бы, предоставив заботам бесплатного адвоката из службы юридической помощи неимущим. Но незачем устраивать свое отстранение от процесса.

– И что будет дальше? – спросил Лус.

У него внутри все перевернулось при одной только мысли о том, что ему снова предстоит иметь дело с Роберто Карденасом.

– Ну, в самом ближайшем времени ваша подопечная предстанет перед федеральным окружным судом Бруклина. Прошение об освобождении под залог судья не удовлетворит. Это нужно принимать как должное. На время следствия девушку поместят в федеральную тюрьму. Место это хорошим никак не назовешь. Вы говорите, ваша подопечная не закалена улицей, а воспитывалась в монастыре, так? Боже мой! В таких местах полно агрессивных лесбиянок. Я говорю это с тяжелым сердцем. Полагаю, у вас в Колумбии все обстоит в точности так же.

Лус закрыл лицо руками.

– Dios mio,³² – пробормотал он. – И как долго это продлится?

– Ну, боюсь, не меньше шести месяцев. Прокуратура должна подготовить обвинение, а работы у нее полно. Но нам отсрочка также пойдет на пользу. У ваших частных детективов будет время для работы.

Хулио Лус тоже не собирался идти на полную откровенность. Он не сомневался в том, что какие-то частных детективов покажутся жалкими щенками по сравнению с целой армией головорезов, которых Роберто Карденас отправит на поиски человека, уничтожившего его дочь. Но тут адвокат ошибался. Карденас ни за что не пойдет на такое, потому что об этом обязательно станет известно дону Диего. Дон ничего не знал о тайной дочери, а он настаивал на том, чтобы знать все. Даже Хулио Лус считал Летицию Ареналь подругой Карденаса, уверенный

³² Боже мой (*исп.*).

в том, что в конвертах передает деньги на ее содержание. Лус никак не решался задать еще один, последний вопрос. Лимузин плавно затормозил у роскошного административного здания, на последнем этаже которого располагалась небольшая, но престижная юридическая фирма «Мэнсон и Барроу».

– Сеньор Барроу, если мою подопечную признают виновной, каков будет приговор?

– Разумеется, сейчас это трудно сказать. Все будет зависеть от смягчающих обстоятельств, если таковые будут, от моей работы, от того, какой судья будет вести дело. Но, боюсь, при нынешнем настроении общества правосудие посчитает необходимым создать пример. Пугающий пример, призванный остановить других. Где-то лет двадцать в федеральной исправительной тюрьме. Хвала небесам, что родителям бедняжки не придется это видеть.

Хулио Лус застонал. Барроу сжалился над ним.

– Разумеется, картину можно кардинально изменить, если ваша подопечная согласится помочь следствию. Тогда можно будет подавать ходатайство о сделке с правосудием. УБН охотно идет на такое, снимая обвинения с мелкой рыбешки в обмен на информацию, которая поможет поймать крупного зверя. Так вот, если...

– Она ничем не сможет помочь, – простонал Лус. – Она ничего не знает. Она действительно ни в чем не виновата.

– Да, что ж... в таком случае, очень жаль.

Тут Лус говорил искренне. Он один знал, чем занимается отец задержанной девушки, и, определенно, у него и в мыслях не было открыть ей правду.

Май плавно перешел в июнь. «Глобальный ястреб» по имени «Мишель» бесшумно скользил над восточной и южной частями Карибского моря, подобно настоящему ястребу паря в восходящих воздушных потоках в бесконечных поисках добычи. И такое происходило не впервые.

Весной 2006 года в рамках совместной программы военно-воздушных сил и управления по борьбе с наркотиками один беспилотный самолет-разведчик летал над Карибским морем, поднимаясь в воздух с авиабазы во Флориде. Эта непродолжительная программа была в первую очередь демонстрационной. За короткий срок «Глобальному ястребу» удалось отследить сотни воздушных и морских целей. Этого оказалось достаточно, чтобы убедить военно-морское начальство в том, что у СНМП, Службы наблюдения за морскими просторами, большое будущее. Флот разместил заказ на закупку большой партии БСР.

Однако военных моряков в первую очередь интересовали российские подводные лодки, иранские канонерки, северокорейские корабли-шпионы. А головной болью УБН были контрабандисты кокаином. Вся беда заключалась в том, что в 2006 году «Ястреб» показывал то, что видел, но никто не мог сказать, что это такое – невинный корабль или судно с грузом наркотиков. И только теперь, благодаря Хуану Кортесу, сварщику с золотыми руками, правоохранительные органы получили список кораблей, числящихся в реестре Ллойда, с указанием названий и водоизмещения. Всего около сорока.

На авиабазе Крич, штат Невада, сменяющие друг друга операторы наблюдали на экране картинку, получаемую с «Мишель». Каждые два-три дня крошечный бортовой компьютер БСР регистрировал совпадение, идентифицировал описание палубы и надстроек, введенное Джереми Бишопом, с палубой и надстройками корабля, плывущего в море.

Как только «Мишель» получала совпадение, операторы авиабазы Крич связывались с убогим складом в Анакостии и докладывали:

– Говорит проект «Кобра». Мы видим сухогруз «Марипоза». Он проходит через Панамский канал, направляясь в Карибское море.

Отправив подтверждение, Бишоп выводил детали нынешнего рейса «Марипозы». Порт назначения Балтимор. Возможно, сухогруз уже взял партию кокаина в Гватемале или в открытом море. А может быть, еще не взял. Быть может, он доставит наркотик прямо в Балтимор, а может быть, темной ночью на бескрайних просторах Чесапикского залива перегрузит кокаин на борт быстроходного скутера. Или, возможно, в этот рейс наркотиков на «Марипозе» вообще не будет.

– Как нам быть? – спрашивал Бишоп. – Предупредить балтиморскую таможню? Или береговую охрану Мэриленда?

– Пока что рано, – следовал неизменный ответ.

Не в обычаях Поля Деверо было объясняться перед своими подчиненными. Свои мысли он

держал при себе. Если следователи выйдут напрямик на тайник или даже сделают вид, что вышли на него при помощи ищеек, после двух или трех подобных случаев Картель уже не сможет считать это совпадением и примет ответные меры.

Деверо не собирался перехватывать груз на берегу и преподносить его другим на блюдечке с голубой каемкой. Его не интересовали торговцы наркотиками в Америке и Европе, он был готов оставить их местным правоохранительным органам. Целью Кобры было Братство, а нанести ему прямой удар можно было только в том случае, если перехватить кокаин в море, до того, как за него будет заплачено.

По привычке, оставшейся у Деверо с былых времен, когда его противниками были КГБ и спецслужбы сателлитов Советского Союза, он с величайшим вниманием изучал врага. Кобра впитывал мудрость великого Сунь Цзы,³³ изложенную в его труде «Искусство войны». Он относился с почтением к древнему китайскому мудрецу, который не переставал повторять: «изучайте своего врага».

Деверо было известно, кто возглавляет Братство, и он изучил дона Диэго Эстебана, землевладельца, аристократа, прилежного католика, филантропа, кокаинового барона и убийцу. Он знал, что у него есть всего одно преимущество, которое не продлится вечно. Ему было известно про дона Диэго, но тот ничего не знал про затаившуюся кобру.

На противоположной стороне Южной Атлантики, над побережьем Бразилии «Глобальный ястреб» «Сэм» также несла боевое дежурство. Все, что она видела, поступало на экран в Неваде, а оттуда передавалось на компьютеры в Анакостии. Здесь грузовых судов было значительно меньше. Торговый поток из Южной Америки строго на восток в Западную Африку был более редким. Все корабли фотографировались, и, хотя с высоты 60 тысяч футов рассмотреть название обычно не представляется возможным, изображения сравнивались с базами данных АЦМО-Н в Лиссабоне, комитета по борьбе с наркотиками и организованной преступностью ООН в Вене и британского АБОП в Аккре, столице Ганы.

Всего было получено пять совпадений с кораблями, значившимися в списке Кортеса. Глядя на экраны компьютеров Бишоп, Кобра дал себе слово, что его час настанет.

А «Сэм» заметила и зафиксировала кое-что еще. Самолеты, взлетающие с бразильского побережья и направляющиеся на восток или на северо-восток, в Африку. Регулярных рейсов было немного, и они не представляли особых проблем. И все же все данные отправлялись на авиабазу Крич и оттуда в Анакотию. Джереми Бишоп быстро определял тип самолета, и вскоре сложилась определенная картина.

Многие из самолетов не обладали необходимой дальностью полета. Они просто не могли долететь до Африки. Если только не прошли специальное переоборудование. БСР «Сэм» получила новые инструкции. Дозаправившись на авиабазе на Фернанду-ди-Норонья, она снова поднялась в воздух и сосредоточила внимание на небольших самолетах.

Обработывая информацию в обратную сторону, словно от обода велосипедного колеса по спицам к втулке, «Сэм» установила, что почти все самолеты взлетают с аэродрома в обширном поместье неподалеку от города Форталеза. Карты Бразилии, полученные из космоса, изображения, переданные «Сэм», и справки, наведенные без лишнего шума в управлении землепользования Белема, позволили узнать, что это за ранчо. Оно называлось Боавишта.

Американцы добрались туда первыми, поскольку впереди их ждала самая дальняя дорога. Двенадцать человек в середине июня прилетели в международный аэропорт Гоа, выдавая себя за туристов. Если бы кто-нибудь удосужился заглянуть к ним в багаж, чего не произошло, этот человек обнаружил бы, что все двенадцать по странному стечению обстоятельств являются моряками торгового флота. На самом деле это была та самая команда американских военных моряков, которая в свое время перегнала в Индию бывший зерновоз, теперь переоборудованный в корабль «Чесапик». Микроавтобус, нанятый Макгрегором, перевез моряков вдоль побережья на верфь Капур.

«Чесапик» ждал их, готовый выйти в море, и поскольку общежития при верфи не было,

---

³³ Сунь Цзы — китайский стратег и мыслитель VI в. до н. э., автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны».

моряки поднялись прямо на борт корабля, чтобы отоспаться после долгого перелета. На следующее утро началась программа интенсивного знакомства с судном, рассчитанная на два дня.

Новый капитан имел звание командера ВМФ США, а его старший помощник был на одну ступень ниже в звании. Еще в команде было два лейтенанта, а остальные восемь имели звания от главного старшины до простого матроса. Каждый отвечал за свое: мостик, машинное отделение, камбуз, радиорубка, палуба, трюм.

Спустившись в пять огромных отсеков в трюме, моряки застыли в изумлении. Они увидели самые настоящие казармы сил специального назначения, без иллюминаторов и других источников естественного освещения, и, следовательно, невидимые снаружи. Морякам объяснили, что в море трюм будет жить своей жизнью. «Морские котики» будут сами готовить себе еду и вообще полностью сами себя обслуживать. Морякам же придется довольствоваться обычными жилыми отсеками, более просторными и удобными, чем, скажем, на борту эсминца.

Особое внимание привлекла каюта для гостей с двумя койками, чье предназначение было неизвестно. Если офицерам «морских котиков» потребуется связаться с мостиком, им придется пройти через герметичные люки в четырех водонепроницаемых переборках, которыми был разделен трюм, после чего подняться по трапу на дневной свет.

Морякам не объяснили, поскольку им – по крайней мере пока что, не нужно было это знать, почему носовой отсек напоминает самую настоящую тюрьму. Зато им показали, как открывать палубные люки двух из пяти трюмов, чтобы приводить в действие то, что в них находится. Во время всего длительного перехода им предстояло постоянно отрабатывать это упражнение: отчасти для того, чтобы занять время, отчасти потому, что они должны были научиться делать это быстро, с закрытыми глазами.

На третий день Макгрегор, чья кожа от долгого пребывания на тропическом солнце стала похожей на пергамент, проводил корабль в море. Стоя на самом конце мола, он смотрел, как «Чесапик» медленно проплывает мимо, после чего поднял стакан с янтарным напитком. Макгрегор был готов жить в условиях жары, малярии, зловония и пота, но только при условии, чтобы под рукой всегда была бутылка-другая крепкого напитка с его родных Гебридских островов.

Кратчайший путь к месту назначения лежал бы через Аравийское море и Суэцкий канал. Однако чтобы избежать возможной встречи с сомалийскими пиратами, доставлявшими много хлопот судоходству в районе Африканского рога, а также потому, что времени было достаточно, было решено идти на юго-запад к мысу Доброй Надежды, после чего на северо-запад к месту встречи в открытом море у побережья Пуэрто-Рико.

Через три дня прибыли англичане, чтобы забрать корабль «Балморал». Их было четырнадцать человек, все из Королевского ВМФ, и под руководством Макгрегора они также прошли двухдневную программу знакомства с судном. Поскольку в американском ВМФ царит «сухой» закон в отношении спиртного, американские моряки не привезли с собой из магазинов беспошлинной торговли дешевый алкоголь. Наследникам адмирала Нельсона не приходится терпеть подобные лишения, поэтому они сразу же завоевали расположение Макгрегора, угостив его несколькими бутылками его любимого выдержанного виски из Ислея.

Как только «Балморал» был готов, он также немедля вышел в море. Ему предстоял более короткий переход: вокруг мыса Доброй Надежды и на северо-запад к острову Вознесения, где он должен был встретиться в открытом море со вспомогательным кораблем Королевского ВМФ, с подразделением специального назначения морской пехоты и всем необходимым снаряжением.

Когда «Балморал» скрылся за горизонтом, Макгрегор собрал свои вещи. Иностранное рабочее, которые занимались переоборудованием судов, давно вернулись к себе домой, а жилые прицепы, служившие им временными домами, были возвращены в агентство проката. В последнем жил старый шотландец, на диете из хинина и виски. Братья-индусы, владельцы судоверфи, получили щедрый перевод с банковского счета, проследить который не было возможности, и потеряли всякий интерес к двум зерновозам, превращенным в базы аквалангистов. Верфь вернулась к обычной рутине: рабочие вновь принялись резать на куски старые корабли, полные ядовитых химикатов и асбестовой пыли.

Коллин Кек сидела на крыле «Букканира», пряча лицо от пронизывающего ветра. Открытые равнины Линкольншира даже в июне не могут похвастаться мягкой погодой. Коллин пришла попрощаться с бразильцем, к которому успела проникнуться симпатией.

Рядом с ней в передней кабине истребителя-бомбардировщика сидел майор Жуанью Мендоса, выполняющий последнюю предполетную проверку. Кресло в задней кабине, где во время учебных полетов находилась Кек, было уже снято. Вместо него был установлен еще один дополнительный топливный бак, а также оборудование связи, подключенное напрямую к шлемофону летчика. Два двигателя «Спей» негромко ворчали на холостых оборотах.

Поняв, что ждать дальше нет смысла, Коллин наклонилась в кабину и чмокнула Мендосу в щеку.

– Счастливого пути, Жуанью, – крикнула она.

Увидев, как у нее шевелятся губы, Мендоса догадался, что она говорит. Улыбнувшись в ответ, он поднял правую руку с оттопыренным вверх большим пальцем. За завываниями ветра, ревом двигателей и голосом диспетчера в наушниках он ничего не слышал.

Коммандер Кек спрыгнула на землю. Фонарь из плексигласа скользнул вперед и закрылся, запирая летчика в обособленном мирке, где были только штурвал, ручки управления тягой двигателей, приборы, прицелы, датчики топлива и тактическая авиационная навигационная система ТАКАН.

Мендоса запросил разрешение на взлет и получил его. Он вырулил на взлетно-посадочную полосу, снова остановился, проверил тормоза, отпустил их и покатил вперед. Через несколько мгновений наземная команда, приехавшая на аэродром в микроавтобусе, чтобы проводить самолет, увидела, как два реактивных двигателя с общей тягой в двадцать две тысячи фунтов подняли «Букканир» в небо. Бомбардировщик выполнил разворот и взял курс на юг.

Поскольку самолет прошел переоборудование, было решено, что майор Мендоса возвратится в самое сердце Атлантики другим маршрутом. На принадлежащих Португалии Азорских островах находилась база американских ВВС «Лажеш», место базирования 64-й эскадрильи, и Пентагон, подчиняясь действиям невидимых ниточек, согласился дозаправить «музейный экспонат», якобы направлявшийся обратно в Южную Африку. Этап протяженностью 1395 морских миль не должен был создать для «Букканира» никаких проблем.

Тем не менее Мендоса переночевал в офицерском клубе «Лажеша», чтобы на рассвете вылететь на остров Фогу. У него не было никакого желания впервые совершать посадку ночью на новом месте, которое должно было на время стать ему домом. Поднявшись в воздух с первыми лучами солнца, он взял курс на Фогу, до которого было 1439 миль, значительно меньше максимального предела в 2200 миль.

Небо над островами Зеленого Мыса было чистым. Спускаясь с крейсерской высоты в 35 тысяч футов, Мендоса отчетливо увидел весь архипелаг. С высоты десять тысяч футов буруны, поднимаемые быстроходными катерами, казались маленькими белыми перышками на голубой водной глади. У южной оконечности архипелага, к западу от острова Сантьягу, Мендоса различил высокий конус потухшего вулкана Фогу и протянувшуюся вдоль его юго-западного склона взлетно-посадочную полосу аэродрома.

Спустившись еще ниже, он выполнил плавный разворот над океаном, держась так, чтобы вулкан оставался под правым крылом. У него были частота для связи и позывной, и он знал, что общаться с диспетчером придется не на португальском, а на английском языке. Он будет «Пилигримом», а диспетчерская на Фогу – «Прогрессом». Нажав кнопку передачи, Мендоса сказал:

– «Прогресс», «Прогресс», говорит «Пилигрим», вы меня слышите?

В ответ он услышал знакомый голос. Один из команды из Скэмптона, из тех шестерых, что будут обеспечивать наземное обслуживание самолета. Британский акцент, произношение северных графств. В диспетчерской аэродрома Фогу рядом с местным диспетчером, осуществлявшим контроль за гражданскими полетами, сидел друг Мендосы.

– «Пилигрим», слышу вас отлично.

Энтузиаст из Скэмптона, еще один вышедший на пенсию специалист, завербованный Декстером на деньги проекта «Кобра», выглянул в панорамное окно центра управления полетами и отчетливо увидел «Букканир», выполняющий разворот над морем. Он дал указания о заходе на посадку: направление взлетно-посадочной полосы, скорость и направление ветра.

На высоте тысяча футов Жуанью Мендоса выпустил шасси и перевел закрылки в положение для посадки, сбрасывая скорость и высоту. В условиях такой отличной видимости необходимости прибегать к технике не было; летать можно было так, как это было раньше. За две мили до взлетно-посадочной полосы Мендоса выровнял самолет. Под ним промелькнула пенная

полоса прибоя, шасси коснулись бетонной дорожки у самой отметки, и «Букканир» плавно затормозил на полосе вдвое короче той, что имелась в Скэмптоне. Самолет был без боеприпасов, с израсходованным на две трети запасом горючего. Посадка не составила никаких проблем.

Мендоса остановился в двухстах ярдах от конца взлетно-посадочной полосы, впереди появился маленький пикап, и сидящий сзади человек жестом показал следовать за собой. Самолет прокатился мимо терминала к комплексу летной школы и только там заглушил двигатели.

Бразильского летчика окружили те пятеро, кто прибыл сюда из Скэмптона раньше него. Спускающегося из кабины Мендосу встретили радостными криками. Шестой спешил из центра управления полетами на взятом напрокат мопеде. Все шестеро прилетели два дня назад на «Си-130» Королевских ВВС. Транспортный самолет также доставил реактивные ускорители для ВРУ, все необходимое снаряжение для обслуживания «Букканира» в его новой роли, а также боеприпасы к пушкам «Аден». В числе этих шестерых человек, обеспечивших себе гораздо более приличные пенсии по сравнению с тем, что было полгода назад, были механик, слесарь, оружейник («водопроводчик»), специалист по авиационной радиоэлектронике, радист, штурман, прокладывающий маршруты, и авиадиспетчер, который только что обеспечивал посадку Мендосы.

Поскольку операции в основном предстояло осуществлять ночью, это означало, что взлетать и садиться придется в темноте, что гораздо сложнее, однако впереди еще было целых две недели на тренировки. А пока что шестеро англичан проводили Мендосу в его комнату, где уже лежали его вещи. Затем он отправился в столовую и познакомился со своими соотечественниками, бразильскими инструкторами, а также курсантами летной школы, для которых португальский язык тоже был родным. Новый начальник школы и его «музейный экспонат» прибыли. После четырех недель теоретической подготовки молодые парни с нетерпением ждали полетов в паре с инструктором, которые должны были начаться с завтрашнего утра.

По сравнению с предельно простыми маленькими двухместными учебными «Тукано» бывший охотник за кораблями выглядел внушительно. Однако его быстро укатили в тайный ангар и спрятали за стальными воротами. Вечером «Букканир» заправили горючим, оснастили реактивными ускорителями, а к пушкам загрузили боекомплект. Через два дня должен был состояться первый учебный ночной вылет. Немногие пассажиры, спешившие из гражданского терминала к самолету на Сантьягу, ничего не увидели.

Вечером из Вашингтона позвонил Кэл Декстер. У него состоялся короткий разговор с майором Мендосой. Отвечая на очевидный вопрос, он попросил бразильского летчика набраться терпения. Ждать ему придется недолго.

Хулио Лус старался вести себя нормально. Роберто Карденас взял с него клятву хранить тайну, однако адвоката приводила в ужас мысль о том, что он обманывает дона Диего, хотя бы и своим молчанием. Он боялся их обоих.

Лус как ни в чем не бывало возобновил свои поездки в Мадрид раз в две недели. В первый же его приезд после возвращения из Нью-Йорка и мучительного часового разговора с Карденасом за ним снова незаметно следили. Адвокат понятия не имел, впрочем, как и обслуживающий персонал гостиницы «Вилла Реал», что двое сотрудников ФБР под руководством Кэла Декстера установили подслушивающую аппаратуру в номере, в котором он обычно останавливался. Теперь любой звук, который Лус издавал, слышал другой постоялец гостиницы, живущий двумя этажами ниже.

Этот человек терпеливо сидел с «консервными банками» на ушах, помяная добрым словом бывшего «тоннельную крысу» за то, что тот поместил его в уютный номер: обычно ему приходилось дежурить в тесном микроавтобусе без «удобств», довольствуясь отвратительным кофе. Когда объект уезжал в банк, ужинал или завтракал, он мог расслабиться, посмотрев телевизор или полистав свежий номер «Интернешенал геральд трибюн», захваченный со столика в холле. Но сегодня утром, когда объекту предстояло отправиться обратно в аэропорт, он жадно ловил каждое слово, сжимая в левой руке сотовый телефон.

Лечащий врач колумбийского адвоката понял бы проблему, донимавшую его пациента. Лус был уже в годах, и постоянные трансатлантические перелеты привели к полному расстройству его пищеварительной системы. Ему приходилось постоянно иметь при себе сироп из фиников. Это было установлено в ходе осмотра его номера, в то время как сам Лус уезжал в банк.

Заказав в номер чайник чая с бергамотом, адвокат, как всегда, удалился в отделанную мрамором ванную и закрылся в туалете. Там он стал терпеливо ждать, когда природа возьмет свое – как правило, это занимало до десяти минут. За закрытой дверью Лус не мог слышать, что творится у него в спальне. Именно в этот момент человек, осуществлявший прослушивание, сделал звонок.

В номер бесшумно вошли двое. Разумеется, кодовая комбинация входной двери менялась с заселением каждого нового постояльца, однако у специалиста по замкам, которого снова захватил с собой Кэл Декстер, с этим не возникло никаких проблем. Густой ворс ковра полностью заглушил звуки шагов. Декстер прошел к сейфу, где лежал чемоданчик. Он надеялся, что цифровая комбинация не изменилась, и это оказалось так. Лус по-прежнему запер сейф номером членской карточки коллегии адвокатов. За считанные секунды Декстер открыл крышку чемоданчика, сделал дело и закрыл крышку. Затем он вернул колесики в прежнее положение. И вышел из номера. За дверью ванной сеньор Лус все еще сидел на унитазе и тужился.

Возможно, он приехал бы в зал отлета пассажиров первого класса аэропорта «Баракас», так и не открыв чемоданчик, если бы билет на самолет лежал у него в нагрудном кармане пиджака. Но адвокат убрал его вместе с бумажником в отделение в крышке чемоданчика. Поэтому, пока дежурный администратор распечатывал его счет, Лус открыл чемоданчик, чтобы достать билет.

Если звонок министра иностранных дел Колумбии десять дней назад явился для него шоком, сейчас это была самая настоящая катастрофа. Лусу стало так плохо, что он испугался, как бы у него не случился инфаркт. Не замечая распечатанного счета, он прошел к креслу, бессильно опустился в него, положив чемоданчик на колени, и уставился невидящим взором в пол. Рассыльному пришлось трижды повторять ему, что лимузин подан. Наконец Лус шатаясь спустился по ступеням и сел в машину. Когда лимузин отъехал от гостиницы, он оглянулся. За ним следят? И сейчас его схватят, доставят в камеру и будут пытаться?

На самом деле ему абсолютно ничего не угрожало. За ним незаметно следили с самого его приезда и сейчас его незаметно провожали в аэропорт. Когда лимузин выехал из города, Лус снова заглянул в чемоданчик, на тот случай, если в первый раз имел место оптический обман. Увы, никакого оптического обмана не было. Он лежал там, на самом виду. Конверт из плотной кремовой бумаги. Адресованный просто «папе».

«Балморал» находился в пятидесяти милях от острова Вознесения, когда встретился с вспомогательным кораблем Королевского ВМФ. Подобно многим старым вспомогательным кораблям британского флота, этот был назван в честь одного из рыцарей Круглого стола, в данном случае сэра Гавэйна. «Сэр Гавэйн» завершал свою долгую службу снабженца в море.

Вдали от посторонних глаз корабли пришвартовались друг к другу, и английские морские пехотинцы перешли на борт «Балморала».

Подразделение специального назначения, размещенное на побережье графства Дорсет, численностью значительно уступает американским «морским котикам». Личный состав редко превышает числом двести человек, хотя набранное на девяносто процентов из морской пехоты подразделение, как и его американский брат, действует на море, на суше и в воздухе. И сейчас английских морпехов было всего шестнадцать.

Командовал ими майор Бен Пикеринг, ветеран, за плечами которого было больше двадцати лет службы. Он был одним из тех немногих, кто наблюдал расправу над пленными талибами, учиненную зимой 2001 года боевиками Северного альянса в крепости Кала-и-Джанги на севере Афганистана. Тогда Пикеринг был еще совсем молодым парнем. Вместе со своими товарищами он лежал на стене крепости, глядя на кровавую бойню, устроенную узбеками генерала Дустума после неудавшегося выступления талибов.

Один из находившихся там оперативников ЦРУ, Джонни Майк Спаэнн, был убит талибами, а его коллега Дейв Тайсон похищен. Бен Пикеринг вместе с двумя товарищами отправился в этот ад и вызволил американца.

Впоследствии майор Пикеринг служил в Ираке, в Афганистане (еще раз) и в Сьерра-Леоне. Кроме того, у него был большой опыт перехвата нелегальных грузов в море, однако до сих пор ему еще не приходилось командовать подразделением, размещенным на борту специального корабля-ловушки, потому что этим никто не занимался со времен Второй мировой войны.

Когда Кэл Декстер, выдавая себя за сотрудника Пентагона, объяснил майору Пикерингу

предстоящую задачу, тот долго советовался со своим командиром и оружейником, определяя, что им понадобится.

Для перехвата в море Пикеринг выбрал две надувные лодки с жестким корпусом (НЛЖК), причем в «арктической» модификации. Каждая брала на борт восемь человек, сидящих по двое за спиной командира и рулевого, управляющего лодкой. На ней же можно было доставить на борт задержанного судна двух специалистов по досмотру из таможенной службы Ее величества и двух собак-ищеек. Вторая НЛЖК последует за первой, атакующей, с более умеренной скоростью, чтобы не напугать собак.

Группа досмотра состояла из экспертов, умеющих находить любые тайники, пробираться в самые тесные трюмы, где спрятан незаконный груз. В качестве собак-ищеек использовали кокер-спаниелей, обученных не только чуют запах гидрохлорида кокаина через несколько слоев упаковки, но и обнаруживать изменение запаха воздуха. В трюме, который открывали недавно, пахнет не так, как в том, куда не заглядывали уже несколько месяцев.

Майор Пикеринг стоял рядом с капитаном на открытом мостике «Балморала» и наблюдал за тем, как его НЛЖК осторожно опускают на палубу бывшего зерновоза. Там уже в дело вступала грузовая стрела «Балморала», убиравшая надувные лодки в трюм.

Из четырех взводов, составляющих подразделение специального назначения, майору Пикерингу выделили взвод «М», который занимался в основном контртеррористической борьбой на море. Именно эти люди поднимались сейчас на борт «Балморала» следом за НЛЖК, после чего на корабль было перегружено их «снаряжение».

Оно было очень объемистым, поскольку в него входили штурмовые карабины, снайперские винтовки, пистолеты, акваланги, теплая одежда, гарпуны, лестницы и горы боеприпасов. Последними поднялись двое американцев, которым предстояло поддерживать связь с Вашингтоном.

Вспомогательный персонал состоял из оружейников и техников, которые должны были поддерживать в рабочем состоянии НЛЖК. Кроме того, были еще два пилота вертолетов из армейской авиации со своей группой обслуживания. Их заботой был маленький «Литтл берд» американского производства, который перегрузили на борт «Балморала» в последнюю очередь.

Конечно, британские летчики предпочли бы «Си кинг» или хотя бы «Линкс», но все определялось габаритами трюма. Большие вертолеты нельзя было поднимать на палубу с разложенным несущим винтом. А вот «Литтл берд» производства компании «Боинг», имея размах несущего винта всего чуть больше двадцати семи футов, без труда проходил в главный люк шириной сорок футов и мог сразу же подниматься в воздух.

Вертолет нельзя было перенести грузовой стрелой через полосу пенящейся воды, разделявшей два корабля. Освобожденный от брезентовых чехлов, под которыми «Литтл берд» проделал путь до острова Вознесения, он поднялся в воздух с носовой площадки «Сэра Гавэйна», сделал два круга и опустился на закрытый носовой люк «Балморала». Как только два винта, несущий и хвостовой, перестали вращаться, грузовая стрела подняла крошечный вертолет и осторожно опустила его в увеличенный трюмный отсек, где «Литтл берд» прочно закрепили.

Когда снаряжение было перегружено и топливные баки «Балморала» снова заполнились под завязку, корабли расстались. «Сэр Гавэйн» повернул на север, домой в Европу, а корабль-ловушка направился в свой первый боевой дозор, в район Атлантического океана к северу от островов Зеленого Мыса, на пути от Бразилии к цепочке проблемных государств, вытянувшихся дугой вдоль побережья Западной Африки.

Кобра разделил Атлантику надвое линией, проходящей на северо-северо-восток от Тобаго, самого восточного из Антильских островов, до Исландии. К западу от нее находилась американская зона ответственности, к востоку – европейская. «Балморалу» предстояло взять на себя Атлантический океан. «Чесапик», который должен был вот-вот встретиться с кораблем снабжения у берегов Пуэрто-Рико, брал на себя Карибское море.

Роберто Карденас долго пристально рассматривал письмо. Он уже перечитал его раз десять. В углу дрожал объятый ужасом Хулио Лус.

– Это от того проходимца, де Веги? – нервно спросил адвокат. Он уже начинал всерьез задумываться, суждено ли ему будет выйти из этой комнаты живым.

– Письмо не имеет к де Веге никакого отношения.

По крайней мере письмо объяснило, хотя прямо в нем это не говорилось, что произошло с его дочерью. Отмщения де Веге не будет. Поскольку никакого де Веги нет. И никогда не было. Как не было и работника багажного отделения аэропорта «Барахас», подбросившего кокаин не в тот чемодан. Его тоже никогда не было. Единственной реальностью был двадцатилетний срок в американской тюрьме для дочери Карденаса Летиции. Содержание записки, положенной в точную копию конвертов, в каких он сам передавал ей свои письма, было кратким. Оно гласило:

«Полагаю, нам следует поговорить о вашей дочери Летиции. В следующее воскресенье я в четыре часа вечера буду в гостинице „Санта-Клара“ в Картахене, в номере, снятом на фамилию Смит. Я буду один и без оружия. Я буду ждать ровно один час. Пожалуйста, приходите».

Глава 09

Американские «морские котики» поднялись на борт своего корабля-ловушки в ста милях к северу от Пуэрто-Рико, где на американской базе Рузвельт-Роудс было загружено вспомогательное судно, которое доставило все необходимое.

Численность «морских котиков» по крайней мере в четыре раза больше, чем британского спецназа морской пехоты. В отделе специальных военно-морских операций числятся две с половиной тысячи человек, из которых чуть меньше тысячи – это оперативники, а остальные – вспомогательный персонал.

Те, кто удостоен чести носить трезубец, заветную эмблему «морских котиков», разделены на восемь отрядов, каждый из которых состоит из трех групп по сорок человек. Взводу вполтину меньшей численности было приказано разместиться на борту «Чесапика». Все эти бойцы были из Второго отряда «морских котиков», размещенного на Восточном побережье в Литтл-Крик, штат Виргиния.

Командовал взводом лейтенант-коммандер Кейси Диксон, подобно своему британскому коллеге в Атлантике, он был опытным ветераном. Еще молодым мичманом Диксон принимал участие в операции «Анаконда». В то время как Пикеринг наблюдал за бойней в Кала-и-Джанги, мичман Диксон охотился за «Аль-Каидой» в горах Тора-Бора. Вдруг произошло непредвиденное.

Диксон был в составе группы, которой предстояло высадиться в высокогорной долине. И тут его «Чинук» попал под ураганный огонь крупнокалиберного пулемета, замаскированного среди скал. Получивший серьезные повреждения вертолет накренился, несмотря на усилия пилота. Один из членов экипажа поскользнулся на амортизационной жидкости, разлившейся по полу из перебитого гидравлического шланга, и вывалился в открытый люк в непроглядный холодный мрак. Но он не упал, закрепленный страховочным концом.

Однако находившийся у люка «морской котик» старшина Нил Робертс попытался его поймать и выпал сам. Кейси Диксон тщетно попробовал ухватить Робертса за ремень, не дотянувшись какие-то считанные дюймы и в отчаянии увидел, как старшина падает вниз.

Пилоту удалось кое-как удержать вертолет и вывести его из-под пулеметного огня. Но старшина Робертс остался один среди скал, окруженный двадцатью боевиками «Аль-Каиды». «Морские котики» гордятся тем, что никогда не бросают товарища, живого или мертвого. Вместе с остальными членами группы Диксон пересел в другой «Чинук» и, захватив отделение «зеленых беретов» и английских десантников, отправился выручать Робертса. О том, что произошло дальше, рассказывают легенды.

Нил Робертс включил маячок, показывая своим товарищам, что жив. Он также сообразил, что пулеметчик может расправиться с теми, кто спешит на помощь. Прицельным броском гранаты старшина уничтожил пулеметный расчет, но при этом выдал свое местонахождение. Боевики «Аль-Каиды» окружили его со всех сторон. Робертс дорого продал свою жизнь. Он отстреливался до последнего патрона и погиб с ножом в руке.

Помощь подоспела слишком поздно, но боевики заплатили за смерть Робертса по самой высокой цене. Бой среди скал длился восемь часов: сотни террористов поспешили к тем шести-

десяти, что подстерегли в засаде первый «Чинук». Шесть американцев были убиты, двое «морских котиков» получили тяжелые ранения. Но утром в свете взошедшего солнца они насчитали три сотни трупов боевиков «Аль-Каиды». Все погибшие американцы были доставлены к своим, в том числе и Нил Робертс.

Кейси Диксон принес его тело к вертолету, а поскольку сам был ранен, оказался в числе тех, кого отправили лечиться в Штаты, и неделю спустя он принимал участие в траурной церемонии в часовне Литтл-Крик. С тех пор, глядя на неровный шрам, располосовавший бедро, Диксон вспоминал ту страшную ночь в горах Тора-Бора.

И вот теперь, десять лет спустя, Кейси Диксон снова шел в бой, вернее, готовился к нему: он наблюдал за тем, как его люди и снаряжение перегружаются на борт судна, которому предстояло стать их новым домом, бывшего зерновоза, ныне корабля-ловушки «Чесапик». Высоко в небе висел патрульный «ЭП-3», поднявшийся в воздух с базы «Рузвельт-Роудс». Летчики докладывали, что море вокруг чистое и никаких нежелательных свидетелей нет.

Для атаки с моря Диксон взял одну большую одиннадцатиметровую надувную лодку с жестким корпусом. Приняв на борт весь его взвод, она в спокойной воде могла развить скорость до сорока узлов. Диксон также захватил два небольших боевых надувных плота (БНП) «Зодиак». При длине всего пятнадцать футов они были способны развивать такую же скорость, и на каждом с удобством размещались четверо вооруженных бойцов.

Также на борт «Чесапика» поднялись два специалиста береговой охраны Соединенных Штатов, два проводника с собаками, два связиста из главного штаба. А на кормовой вертолетной площадке вспомогательного корабля в кабине своего вертолета ждали два летчика морской авиации. Им предстояло летать на «Литтл берд» – «морским котиком» редко доводилось видеть подобную диковинку, и определенно они еще ни разу не использовали таких малышей в своей работе.

Когда им приходилось десантироваться с вертолетов – а им приходилось, и не раз, – это были новые «Найт хоки» компании «Боинг». Но этот крошечный разведывательный вертолетик единственный с разложенным несущим винтом проходил через люк в трюм «Чесапика».

Также в снаряжении были неизменные пистолеты-пулеметы «Хеклер и Кох МП-5А» германского производства, излюбленное оружие «морских котиков» для ближнего боя, акваланги, четыре снайперские винтовки и куча боеприпасов.

Когда стемнело, с «ЭП-3» над головой доложили, что море по-прежнему чистое. «Литтл берд» поднялся в воздух, покружил, словно сердитая пчела, и опустился на палубу «Чесапика». Как только оба винта остановились, грузовая стрела подняла маленький вертолет и опустила его в трюм. Крышки люка, плавно скользнув по направляющим, сомкнулись, герметично закрывая трюм от дождя и морских брызг.

Два корабля расстались, и вспомогательное судно скрылось в сгущающихся сумерках. На его мостике какой-то шутник замигал сигнальным прожектором, передавая сообщение кодом, который применялся сто лет назад. Капитан «Чесапика», стоявший на мостике, принял сообщение. Оно гласило: «ДА ХРАНИТ ВАС БОГ».

Всю ночь «Чесапик» шел в район патрулирования, Карибское море и Мексиканский залив. Если какому-нибудь любопытному пришло в голову справиться о судне в Интернете, он узнал бы, что это законопослушный зерновоз, перевозящий груз пшеницы из залива Святого Лаврентия голодающим Южной Америки.

В трюмах «морские котики» чистили, проверяли и перепроверяли оружие; механики приводили лодки и вертолет в состояние боевой готовности, повара готовили ужин, а связисты разворачивали оборудование для круглосуточного прослушивания закрытого и зашифрованного канала связи со «складом» в Анакостии.

Сигнал, который они ждали, мог поступить через десять недель, через десять дней или через десять минут. И когда он поступит, все должны были быть готовы к действию.

Отель «Санта-Клара» представлял собой роскошную гостиницу в самом сердце исторического центра Картахены. Он разместился в здании, в котором на протяжении нескольких сотен лет находился женский монастырь. Все подробности Кэл Декстер узнал от агента британского УБОП, работавшего под прикрытием преподавателя Военно-морской академии. Изучив план гостиницы, Декстер настоял на том, чтобы ему сняли один конкретный номер-люкс.

В назначенное воскресенье он вскоре после полудня поселился в гостинице как некий мистер Смит. Прекрасно сознавая, что пять накачанных головорезов, сидящих без коктейлей во внутреннем дворике или разглядывающих объявления на стенах главного холла, сразу же бросятся в глаза, он пообедал в атриуме среди деревьев. Из зелени выпорхнул тукан, уселся на спинку стула напротив и уставился на него.

– Приятель, подозреваю, что тебе здесь гораздо безопаснее, чем мне, – пробормотал мистер Смит.

Пообедав, он подписал чек и поднялся на лифте на последний этаж. Показывая всем и вся, что он здесь и один.

Деверо, проявив беспокойство, что для него было большой редкостью, предложил «поддержку» в лице уже привычных «зеленых беретов» из Форт-Кларка. Декстер отказался.

– Это отличные ребята, – сказал он, – но они не невидимки. Если Карденас что-либо заметит, он не придет. Предположив, что его самого собираются похитить или убить.

Выйдя из лифта на пятом, последнем этаже и направляясь к своему номеру, Декстер размышлял о том, насколько хорошо он выполнил совет Сунь Цзы. Пусть противник тебя недооценивает.

Подходя к двери своего номера, он заметил в конце коридора мужчину с ведром и шваброй. Не слишком тонкий ход. В Картагене полы моют женщины. Он вошел в номер. Наперед зная, что увидит внутри. Он уже видел фотографии. Большая просторная комната, охлажденная кондиционером; пол, выложенный плиткой, темная дубовая мебель и широкие стеклянные двери, выходящие на балкон. Времени было половина четвертого.

Выключив кондиционер, Декстер раздвинул занавески, открыл двери и вышел на балкон. Вверху простиралась прозрачная синева колумбийского лета. Позади, всего в трех футах над головой, – водослив и крыша. Впереди, пятью этажами ниже, блестела зеркальная гладь бассейна. Если аккуратно нырнуть, быть может, ему удастся развернуться в воде, не ударившись о дно, но, скорее всего, он разобьется о каменные плиты. Впрочем, у него все равно на уме было другое.

Вернувшись в комнату, Декстер поставил кресло с высокой спинкой так, чтобы открытые двери на балкон оказались сбоку и была хорошо видна входная дверь. Затем он прошел через комнату, отпер дверь, которая, как и двери во всех гостиницах, была подпружинена и запиралась автоматически, приоткрыл ее на четверть дюйма и вернулся в кресло. И стал ждать, не отрывая взгляда от двери. Ровно в четыре часа дверь распахнулась. На пороге, темным силуэтом на фоне голубого неба за спиной, стоял Роберто Карденас, гангстер, на счету которого было множество загубленных жизней.

– Здравствуйте, сеньор Карденас. Проходите, пожалуйста, садитесь.

Отец девушки, задержанной в Нью-Йорке, шагнул вперед. Дверь закрылась, щелкнул бронзовый засов. Теперь открыть ее снаружи можно было только соответствующей магнитной карточкой или тараном.

Карденас напомнил Декстеру танк с ногами вместо гусениц. Коренастый, солидный, он производил впечатление человека, которого не сдвинешь с места, если он не захочет сдвинуться сам. Несмотря на свои пятьдесят, он обладал накачанной мускулатурой, и у него было лицо ацтекского бога крови.

Ему сообщили, что человек, перехвативший в Мадриде его посланника и приславший ему личное письмо, будет один и без оружия, но он, разумеется, в это не поверил. Его люди с рассвета прочесывали гостиницу и ее окрестности. У него самого за поясом на спине был засунут «глок» калибра 9 миллиметров, а под брюками к правой лодыжке прижимался острый как бритва нож. Его мечущийся взгляд осмотрел номер в поисках ловушки, ожидая увидеть взвод американцев в засаде.

Декстер умышленно оставил дверь в ванную открытой, но Карденас все равно быстро заглянул внутрь. Там никого не было. Он сверкнул глазами на Декстера, подобно быку на арене корриды, который видит перед собой маленького и слабого врага и не совсем понимает, почему тот без защиты. Указав на второе кресло, Декстер заговорил по-испански:

– Как нам обоим хорошо известно, бывает, что сила позволяет добиться желаемых результатов. Однако сейчас не такой случай. Давайте поговорим. Пожалуйста, садитесь.

Не отрывая взгляда от американца, Карденас опустился в мягкое кресло. Засунутый за пояс пистолет вынудил его чуть податься вперед. От Декстера это не укрылось.

– Моя дочь у вас. – Это был не тот человек, кто тратит время на пустые любезности.

– Ваша дочь в руках нью-йоркских правоохранительных органов.

– Для вас будет лучше, если с ней все хорошо.

Хулио Лус едва не наделал в штаны от страха, пересказывая слова Боусмена Барроу о нравах в американских женских тюрьмах.

– С вашей дочерью все в порядке, сеньор. Разумеется, она подавлена, но обращаются с ней хорошо. Ее оставили в Бруклине, где условия содержания приличные. На самом деле она находится под постоянным присмотром, чтобы у нее не было возможности покончить с собой...

Декстер поднял руку, останавливая Карденаса, готового с ревом вскочить с кресла.

– Это лишь дополнительная мера предосторожности, которая означает, что у вашей дочери отдельная палата в тюремной больнице. Так что ей не приходится общаться с другими заключенными.

Человек, поднявшийся из трущоб до ключевого поста в Братстве, подчинившем себе мировую индустрию кокаина, долго смотрел на Декстера, пытаясь понять условия предложенной игры.

– Ты глупец, гринго. Это мой город. Здесь ты у меня в руках. Я тебя с легкостью возьму, и через несколько часов ты будешь умолять разрешить тебе сделать один звонок. Моя дочь за тебя.

– Совершенно верно. Вы сможете это сделать, и я буду умолять. Вся беда в том, что на том конце не согласятся на ваши требования. У них есть приказ. Уж вы-то должны понимать закон беспрекословного подчинения. Я слишком мелкая фигура. Никакого обмена не будет. И все кончится тем, что Летиция отправится в тюрьму.

Наполненный ненавистью взгляд черных глаз не дрогнул, однако смысл сказанного был усвоен.

Карденас с ходу отмел мысль о том, что этот худой седовласый американец не пешка, а основной игрок. Сам он ни за что не отправился бы на вражескую территорию один и без оружия, так неужели янки настолько самонадеян? О похищении не может быть и речи – ни в ту, ни в другую сторону. Его самого не похитят, а похищать американца нет смысла.

Карденас задумался над словами Барроу, которые ему передал Лус. Двадцать лет, показательный приговор. Никаких смягчающих обстоятельств, все ясно и очевидно, и никакого Доминго де Веги, который признается, что это была его затея.

Пока Карденас размышлял, Кэл Декстер протянул правую руку, чтобы почесать грудь. Какое-то мгновение его пальцы находились за лацканом пиджака. Карденас настороженно подался вперед, готовый выхватить спрятанный «глок». «Мистер Смит» виновато улыбнулся.

– Москиты, – объяснил он. – Никак не могут оставить меня в покое.

Карденаса это нисколько не интересовало. Увидев, как правая рука американца вынырнула из-за пазухи, он расслабился. Возможно, он не расслабился бы, узнав, что кончики пальцев прикоснулись к чувствительной кнопке миниатюрного передатчика, закрепленного на внутреннем кармане.

– Что ты хочешь, гринго?

– Ну, – сказал Декстер, не обращая внимания на грубое обращение. – Если вовремя не вмешаться, те, кто стоит за мной, не смогут остановить машину правосудия. Только не в Нью-Йорке. Там ее нельзя ни купить, ни запугать. Скоро даже благословенная отсрочка закончится, и Летицию больше нельзя будет держать в Бруклине, в относительной безопасности.

– Она невинна. Ты это знаешь, я это тоже знаю. Тебе нужны деньги? Я сделаю тебя таким богатым, что у тебя до конца твоих дней не будет никаких забот. Вытащи мою дочь оттуда. Я хочу, чтобы она вернулась ко мне.

– Разумеется. Но, как я уже говорил, я лишь пешка. Быть может, способ найдется.

– Говори.

– Если СБНОП в Мадриде поймает продажного работника багажного отделения, который сделает при свидетелях полное признание о том, как он случайно выбирал чемоданы уже после обычного досмотра и подбрасывал туда кокаин, который должен был забирать его сообщник в Нью-Йорке, ваш адвокат сможет потребовать чрезвычайного заседания суда. И нью-йоркскому судье будет крайне трудно не закрыть дело, продолжая упрямо не верить нашим испанским друзьям по ту сторону Атлантики. Лично я считаю, что это единственный способ.

За окном послышался низкий гул, словно на ясном небе сгустились грозовые тучи.

– Этот... работник багажного отделения. Его можно найти и заставить сделать признание?

– Можно. Все зависит от вас, сеньор Карденас.

Гул становился громче, переходя в размеренный рев. Карденас повторил свое требование:

– Что тебе нужно, гринго?

– Полагаю, нам обоим это хорошо известно. Вы хотите устроить обмен? Вот это. То, что вы должны будете отдать за Летицию.

Встав, Декстер бросил на ковер маленькую карточку, вышел на балкон и повернул влево. С крыши гостиницы скользнула, раскручиваясь под собственным весом, веревочная лестница, качающаяся на ветру.

Запрыгнув на ограждение, Декстер подумал: «Черт побери, я стал слишком стар для такого», и вцепился в ступени. За ревом двигателя он почувствовал, что Карденас выбежал на балкон следом за ним. Он ждал получить пулю в спину, но этого так и не произошло. Быть может, Карденас просто не успел сориентироваться достаточно быстро. Если он и выстрелил, Декстер этого не услышал. Он почувствовал, как ступени впились ему в ладони. Человек над ним резко отклонился назад, и «Блэкхок» ракетой взмыл вверх.

Через несколько секунд его опустили на песчаный берег за стенами «Санта-Клары». «Блэкхок» приземлился на глазах изумленных любителей собак, выгуливающих своих питомцев; Декстер нырнул в кабину, и вертолет снова поднялся в воздух. Через двадцать минут он уже был на базе «Маламбо».

Дон Диего Эстебан гордился тем, что управляет Братством, глобальным кокаиновым картелем, как одной из самых успешных корпораций в мире. Он даже тешил себя мыслью о том, что все важные решения принимает совет директоров, а не он единолично, хотя это было не так. Несмотря на те страшные неудобства, которые приходилось терпеть его коллегам, по двое суток обманывая идущих по следу агентов полковника Дос-Сантоса, дон настаивал на том, чтобы собираться ежеквартально.

Согласно установленному им распорядку, он через личного посланника извещал, в каком именно поместье из пятнадцати принадлежащих ему состоится очередной конклав, и требовал от своих коллег, чтобы те не приводили за собой «хвост». Эпоха Пабло Эскобара, когда половина колумбийской полиции была куплена Картелем с потрохами, давно миновала. Полковник Дос-Сантос был неукротимым гончим псом, и дон Диего одновременно уважал и ненавидел его за это.

Летнее совещание неизменно проходило в конце июня. Дон позвал шестерых своих коллег, не пригласив силовика Пако Вальдеса, Животное, которого вызывали только тогда, когда необходимо было решить вопрос внутренней дисциплины. На этот раз таких проблем не было.

Дон Диего одобрительно выслушал отчет об увеличении производства сырья крестьянами, но без увеличения стоимости. Глава службы производства Эмилио Санчес заверил, что объемы производства пасты можно увеличить еще больше, если этого потребуют остальные отделения Картеля.

Родриго Перес заверил дона, что хищения продукции до отправки заказчикам сокращены до долей процента благодаря нескольким ужасным показательным расправам над теми, кто считывал безнаказанно обманывать Картель. Личная армия, набранная преимущественно из бывших боевиков обитавшей в джунглях террористической группировки ФАРК, действовала быстро и эффективно.

Дон Диего, разыгрывая роль гостеприимного хозяина, оказал Пересу честь, лично наполнив вином его бокал.

Хулио Лус, адвокат и банкир, старательно избегавший встречи взглядом с Роберто Карденасом, доложил, что десять банков, разбросанных по всему миру, которые помогают отмывать миллиарды евро и долларов, готовы и дальше продолжать заниматься этим, причем у правоохранительных и финансовых органов пока что нет никаких подозрений.

У Хосе-Мария Ларго были еще более хорошие новости относительно продвижения товара на рынке. Аппетиты двух главных потребителей, Соединенных Штатов и Европы, достигли облачных высот. Сорок с лишним банд и преступных группировок, постоянных клиентов Картеля, в последнее время только увеличивают свои заказы.

Две крупные группировки, в Испании и Великобритании, были ликвидированы. Десятки

человек предстали перед судом и отправились за решетку. Однако освободившееся место тотчас же заняли алчные новички. В следующем году спрос ожидается рекордным. Когда Ларго назвал свои цифры, все подались вперед. Ему будет нужно минимум по триста тонн чистого кокаина на каждый континент, доставленных без потерь к местам передачи.

После этого все внимание было приковано к тем двоим, чья задача заключалась в том, чтобы обеспечить бесперебойную доставку товара. Вероятно, было ошибкой прилюдно унижать Роберто Карденаса, чья разветвленная сеть продажных чиновников в аэропортах, таможенных терминалах и морских портах на обоих континентах имела такое огромное значение для общего успеха. Но дон Диего просто не любил этого человека. Он отводил звездную роль Альфредо Суаресу, маэстро транспортировки товара из Колумбии северным потребителям. Тот расправил перья, словно павлин, раболепно пресмыкаясь перед доном.

– Принимая в расчет все сказанное, я не сомневаюсь в том, что мы сможем добиться поставки в шестьсот тонн. Если наш друг Эмилио сможет произвести восемьсот тонн, у нас будет двадцатипятипроцентный запас на потери от перехвата, конфискации, хищений и гибели в море. Такой высокой доли я никогда не терял.

У нас больше ста крупных кораблей, которые обслуживают свыше тысячи маленьких судов. Среди них есть корабли, принимающие груз в море и также в море передающие его в месте назначения. Другие доставляют груз из порта в порт, при содействии официальных лиц с обеих сторон, которым платит наш друг Роберто.

Некоторые корабли перевозят контейнеры, которые в настоящее время используются во всем мире для доставки самых разных грузов, в том числе и нашего товара. Другие используют тайники, которые мастерил этот замечательный сварщик из Картахены, к сожалению, погибший несколько месяцев назад. Никак не могу вспомнить его фамилию.

– Кортес, – проворчал Карденас, который сам был родом из Картахены. – Его фамилия была Кортес.

– Совершенно верно. Ну, как бы там ни было. Далее, есть также мелкие суда, рыбацкие шхуны, частные яхты. Все вместе они переправляют почти сто тонн в год. И еще у нас есть пятьдесят с лишним вольнонаемных летчиков, которые летают в нужное место и садятся или сбрасывают груз с воздуха.

Одни летают в Мексику и передают груз нашим мексиканским друзьям, которые дальше везут его на север, через американскую границу. Другие направляются напрямик в миллионы бухт и заливов на южном побережье США. Третьи летят через Атлантический океан в Западную Африку.

– Есть что-нибудь новое по сравнению с прошлым годом? – спросил дон Диего. – Нас очень расстроила судьба нашего подводного флота. Такие большие расходы, и все напрасно.

Суарес сглотнул подступивший к горлу клубок. Он слишком хорошо помнил судьбу своего предшественника, сделавшего ставку на подводные корабли и армию одноразовых «ишаков». Колумбийский военно-морской флот выследил и уничтожил подлодки; новые рентгеновские аппараты, размещенные во всех международных аэропортах обоих континентов, сократили долю успешной перевозки груза в желудке до пятидесяти процентов.

– Дон Диего, подобная тактика ушла в прошлое. Как вам известно, одна подводная лодка, находившаяся в море в момент проведения операции, впоследствии была перехвачена у берегов Гватемалы. Вынужденная всплыть на поверхность, она была задержана, и мы потеряли двенадцать тонн. В остальном я сократил долю «ишаков», доверяя каждому всего по одному килограмму.

Основное внимание я уделяю крупным кораблям – по сто рейсов в год на каждый континент, каждый в среднем по три тонны груза. Дон Диего, уверяю вас, я смогу благополучно доставить по триста тонн на континент, с учетом десятипроцентных потерь за счет перехвата и конфискации и пятипроцентных потерь за счет гибели в море.

– Ты это гарантируешь? – спросил дон.

– Да, дон Диего, я в этом не сомневаюсь.

– В таком случае полагаемся на твое слово, – пробормотал дон.

В комнате наступила леденящая тишина. Своей бравадой Альфредо Суарес подставился. Дон Диего терпеть не мог неудачи. Он встал и улыбнулся.

– Друзья мои, прошу вас, обед уже ждет.

Маленький пухлый конверт выглядел совершенно безобидно. Он был доставлен заказной почтой на конспиративную квартиру одноразового использования, адрес которой был на карточке, которую Кэл Декстер бросил на пол своего гостиничного номера. Внутри лежала флэш-карта. Декстер отнес ее Джереми Бишопу.

– Что на ней? – спросил компьютерный гений.

– Если бы я знал, я бы не стал обращаться к тебе.

Бишоп нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что не смог вставить ее в свой компьютер?

Декстеру стало не по себе. Он знал сто различных способов отправить Бишоп в реанимацию, но его знакомство с кибертехнологиями было зачаточным. У него на глазах Бишоп выполнил элементарную операцию, которую в наши дни способен проделать любой школьник.

– Имена, – сказал он. – Перечень имен, в основном иностранных. И городов – аэропортов, причалов, таможенных пунктов. А еще должности – похоже, это всевозможные официальные чиновники. И банковские счета. Номера и суммы. Кто эти люди?

– Распечатай-ка мне этот список. Да, черным по белому. На бумаге. Уважь старика.

Декстер снял трубку сверхзасекреченного телефона и набрал номер в Старом городе Александрии. Ответил Кобра.

– У меня есть «крысиный список», – сказал Декстер.

Вечером того же дня Джонатан Сильвер позвонил Полю Деверо. Глава президентской администрации был не в лучшем настроении, впрочем, другого у него и не бывало.

– Ваши девять месяцев истекли, – резко проговорил он. – Когда можно ожидать конкретных действий?

– Вы очень любезны, что позвонили мне, – ответил голос из Александрии, спокойный, с легким оттенком протяжного бостонского акцента. – И очень вовремя. На самом деле все начинается в следующий понедельник.

– И что же мы увидим?

– Сначала ровным счетом ничего, – ответил Кобра.

– А потом?

– Дорогой мой коллега, я хочу преподнести вам приятный сюрприз. – С этими словами Деверо положил трубку.

В Западном крыле Белого дома глава президентской администрации уставился на трубку, из которой раздавались короткие гудки.

– Он первым закончил разговор, – изумленно промолвил Сильвер. – В который уже раз.

Часть третья

Удар

Глава 10

Так получилось, что первую добычу захватили англичане: оказались в нужное время в нужном месте.

Вскоре после того как Кобра разослал приказ об «открытии охотничьего сезона», «Глобальный ястреб» «Сэм» обнаружила далеко внизу на просторах океана загадочное судно, которое было обозначено как «Нарушитель-1». Снизившись до двадцати тысяч футов и по-прежнему оставаясь вне зоны видимости и слышимости, «Сэм» перевела телевизионный сканер из широкоугольного в длиннофокусный режим работы. Изображение стало более четким.

Определенно, «Нарушитель-1» был слишком маленьким для пассажирского лайнера или торгового судна, зарегистрированного в реестре Ллойда. Конечно, он мог быть небольшим грузовым судном, совершающим каботажные плавания, вот только находился слишком далеко от берега. Это также могла быть рыбацкая шхуна или частная яхта. Так или иначе, «Нарушитель-1» пересек сорок пятый меридиан, направляясь на восток в сторону Африки. И вел себя он очень

странно.

Всю ночь судно шло полным ходом, а с рассветом исчезало. Это могло означать только то, что с восходом солнца команда закрывала судно синим брезентом и глушило двигатели, после чего все светлое время суток оно просто качалось на волнах, практически невидимое сверху. Подобное поведение было крайне подозрительным. Затем с заходом солнца команда убирала брезент, и судно опять продолжало путь на восток. К несчастью для «Нарушителя-1», «Сэм» видела в темноте так же хорошо, как и днем.

«Балморал», находившийся в открытом море в трехстах милях от Дакара, повернул на юг и полным ходом отправился на перехват. Один из двух американцев, отвечающих за связь, стоял на мостике рядом с капитаном, зачитывая показания компаса.

«Сэм», паря в вышине над неизвестным кораблем, подробно докладывала о его передвижениях на авиабазу Крич, а из Невады эта информация передавалась в Вашингтон. На рассвете команда снова заглушила двигатели и закрыла судно брезентом. «Сэм» возвратилась на остров Фернанду-ди-Норонья, чтобы заправиться горючим, и еще до захода солнца вернулась на патрулирование. «Балморал» шел полным ходом всю ночь. Таинственное судно было перехвачено на рассвете третьих суток, к югу от островов Зеленого Мыса, более чем в пятистах милях от побережья Гвинеи-Бисау.

Команда уже готовилась закрыть судно брезентом на предпоследний день в море. Когда капитан заметил опасность, было уже слишком поздно разворачивать брезент или, наоборот, скатывать его, делая вид, будто все нормально.

Зависнув высоко в небе, «Сэм» включила устройство постановки помех, накрыв судно «колпаком», мертвым пространством, в котором никакие электронные устройства связи не могли работать ни на передачу, ни на прием. Капитану не сразу пришло в голову отправить сообщение, потому что он не мог поверить своим глазам. Всего в какой-нибудь сотне метров над поверхностью спокойного моря прямо на него несли маленький вертолет.

Изумление капитана объяснялось дальностью полета. Такой маленький вертолет не мог находиться так далеко от земли, а ни одного другого корабля поблизости не было видно. Капитан не знал, что в двадцати милях прямо по курсу, как раз за горизонтом притаился «Балморал». Когда до колумбийца наконец дошло, что его судно будет перехвачено, стало уже слишком поздно.

Капитан знал наизусть порядок действий в чрезвычайной ситуации. «Сначала вас будет преследовать серый силуэт военного корабля, который невозможно ни с чем спутать. Он вас настигнет и прикажет остановиться. Когда корабль будет еще слишком далеко, прикрываясь корпусом своего судна, сбросьте тюки с кокаином в море. Груз можно будет возместить. Перед тем как группа досмотра поднимется на борт, известите нас, отправив с компьютера записанное заранее сообщение в Боготу».

Поэтому капитан, хотя он и не видел никакого военного корабля, сделал так, как было предписано. Он нажал клавишу передачи, но никакое сообщение никуда не отправилось. Капитан попытался воспользоваться спутниковым телефоном, но тот также молчал. Оставив радиста непрерывно посылать сигнал по рации, капитан поднялся на мостик. В пятнадцати милях впереди, все еще невидимые, со скоростью сорок узлов, к кораблю спешили две НЛЖК, каждая с десятью бойцами на борту.

Маленький вертолет сделал круг, после чего завис над мостиком на высоте сто футов. Капитан увидел, как из днища вылезла жесткая антенна, на которой развернулся флаг. Он узнал этот флаг. К тому же на фюзеляже вертолета были написаны слова «Королевский ВМФ».

– Los ingleses,³⁴ – пробормотал капитан.

Он по-прежнему терялся в догадках, где же находится военный корабль, однако Кобра дал четкие указания: судно-ловушку никто не должен видеть.

Подняв взгляд на вертолет, капитан разглядел в кабине пилота, с черным забралом на лице, чтобы защититься от лучей восходящего солнца. А рядом с ним из открытой дверцы, пристегнутый ремнем, высовывался снайпер. Капитан не узнал винтовку «Джи-3», но понял, что она

³⁴ Англичане (*исп.*).

направлена ему в голову. Его инструкции были четкими: «Ни в коем случае не вступать в вооруженное столкновение ни с каким военным кораблем». Поэтому он поднял руки, показывая на международном языке жестов, что не собирается оказывать сопротивление. Несмотря на отсутствие подтверждения об успешном завершении передачи, капитан надеялся на то, что его предупреждение об опасности дошло по назначению. Однако это было не так.

Со своей господствующей позиции пилот «Литтл берда» смог прочитать название загадочного судна, выведенное на носу. Судно называлось «Belleza del Mar», «Морская красавица», самое оптимистическое название на просторах океана. На самом деле это была рыболовецкая шхуна, ржавая, облупившаяся, всего сто футов длиной, провонявшая рыбой. Это был очень важный момент. Тонна кокаина в тюках была спрятана под протухшей рыбой.

Капитан попытался перехватить инициативу, запустив двигатели. Вертолет развернулся и опустился так, что оказался всего в десяти футах над водой, в тридцати футах от правого борта «Морской красавицы». С такого расстояния снайпер мог на выбор отстрелить капитану любое ухо.

– Paré los motores,³⁵ – разнесся над водой голос пилота «Литтл берда», усиленный мощным громкоговорителем.

Капитан подчинился. За ревом вертолета он ничего не услышал, но впереди показались два белых буруна приближающихся быстроходных лодок.

Это также не поддавалось объяснению. До ближайшей суши многие мили. Черт побери, где же военный корабль? Но не было ничего непонятного в тех бойцах в двух НЛЖК, с ревом подошедших к шхуне с двух сторон, которые зацепили ее абордажными крючьями и быстро и ловко поднялись на борт.

Они были молодые, во всем черном, с закрытыми масками лицами, мускулистые и вооруженные до зубов. Инструкция «не оказывать сопротивление» была дана не зря: против такого врага команда шхуны продержалась бы всего несколько секунд. Двое бойцов направились к капитану; остальные держали под прицелом команду – все до одного моряки «Морской красавицы» стояли на палубе с поднятыми руками. Из тех двоих, что подошли к капитану, один был командир, но он говорил только по-английски. Второй переводил. Маски они не снимали.

– Капитан, мы полагаем, что на борту вашего судна находится незаконный груз. Наркотики, точнее, кокаин. Мы намереваемся обыскать ваше судно.

– Неправда, у меня в трюме нет ничего кроме рыбы. И вы не имеете права обыскивать мое судно. Это является нарушением международного морского права. Вы ведете себя как пираты.

Капитану было сказано отвечать именно так. К несчастью, взывать к международному морскому праву было бессмысленно. Капитан никогда не слышал о МСУП, а если бы даже и слышал, то все равно ничего не понял бы.

Но майор Пикеринг действовал строго в рамках своих прав. Закон о международном сотрудничестве в уголовном праве (МСУП) содержит несколько разделов, в которых подробно расписывается порядок задержания в открытом море судна, которое предположительно перевозит наркотики. В нем также определяются права подозреваемых. И капитан «Морской красавицы» даже не догадывался о том, что он сам и его судно втихомолку были перекалфицированы в угрозу государственным интересам Великобритании и тем самым поставлены на одну доску с террористами.

Это означало, к несчастью для капитана, что международное право, и в том числе гражданские права, отправилось туда, куда должен был бы отправиться груз кокаина, если бы у команды было больше времени, – за борт.

Британские спецназовцы тренировались на протяжении двух недель и уложились в считанные минуты. Все семь членов команды шхуны и капитан были умело обысканы на предмет наличия оружия и средств связи. Сотовые телефоны были конфискованы для последующего анализа. Рация была разбита. Всех восьмерых колумбийцев сковали наручниками, лица им закрыли плотными капюшонами. Когда они лишились возможности видеть и сопротивляться, их собрали на корме шхуны и заставили сесть.

Майор Пикеринг кивнул, и один из его людей достал ракетницу. Сигнальная ракета взле-

³⁵ Заглушить двигатели (*исп.*).

тела на высоту пятьсот футов и взорвалась огненным шаром. Тепловые датчики «Глобального ястреба» высоко в небе уловили сигнал, и оператор в Неваде отключил устройство постановки помех. Майор Пикеринг передал на «Балморал», что корабль-ловушка может появиться из-за горизонта и приблизиться к захваченной шхуне.

Один из командос облачился в водолазное снаряжение. Спустившись за борт, он обследовал корпус шхуны под водой. Обычной практикой является перевозка незаконного груза в специальном ящике, приваренном к днищу. Иногда тюки просто сбрасывают в воду на нейлоновых тросах на глубину сто футов, скрывая на время обыска.

Аквалангисту можно было не надевать «сухой» гидрокостюм, поскольку вода была теплой, как парное молоко. И солнце, поднявшееся на востоке, освещало толщу воды, подобно мощному прожектору. Аквалангист провел двадцать минут среди ракушек и водорослей, облепивших старый, ржавый корпус. Он не нашел ни приваренных ящиков, ни потайных люков, ни уходящих на глубину тросов. Но на самом деле майор Пикеринг знал, где спрятан кокаин.

Как только устройство постановки помех было отключено, он передал на «Балморал» название перехваченной шхуны. И та оказалась в списке, составленном Кортесом, – одно из небольших судов, не числящихся в международных морских реестрах, просто грязная рыбацкая посудина из убогой деревушки. Грязная не грязная, но «Морская красавица» совершала уже седьмое плавание в Западную Африку, перевозя груз, стоимостью в десять тысяч раз превосходящий ее цену. Пикерингу сообщили, где нужно искать.

Он вполголоса сказал несколько слов таможенникам. Один из них погладил своего кокер-спаниеля. Трюм был заполнен несколькими тоннами рыбы, уже не свежей, но в сетках. Собственная грузовая стрела «Красавицы» достала рыбу из трюма и выбросила ее за борт. Крабы будут очень признательны за угощение.

Как только днище трюма открылось, таможенники стали искать панель, описанную Кортесом. Панель была спрятана просто великолепно, а вонь протухшей рыбы сбила бы с толку собаку. Команда шхуны не знала, чем занимается группа досмотра, и не видела приближающийся «Балморал».

Потребовалось двадцать минут работы гвоздодером, чтобы оторвать потайную панель. Предоставленная сама себе, команда шхуны не спеша проделала бы это занятие в десяти милях от мангровых зарослей островов Бижагуш, а затем передала бы груз лодкам, приплывшим из лагун. Затем на борт были бы подняты бочки с горючим, и шхуна взяла бы курс домой.

После того как был вскрыт потайной отсек, зловоние в трюме стало просто невыносимым. Таможенники надели противогазы. Все остальные отступили назад.

Один из таможенников, захватив фонарик, спустился головой вперед в отверстие. Остальные держали его за ноги. Развернувшись, первый таможенник показал поднятый большой палец. Все в порядке. Он забрался внутрь, захватив крюк и шнур. Один за другим на палубу были подняты двадцать тюков, каждый чуть больше ста фунтов весом. «Балморал» подошел к шхуне, нависнув над ней своим высоким бортом.

На это ушел еще один час. Моряков «Красавицы», в наручниках и с закрытыми лицами, подняли по трапу на борт «Балморала» и провели вниз. Когда их освободили от наручников и капюшонов, они уже были в носовом трюме, ниже ватерлинии.

Через две недели вспомогательный корабль, забрав их с «Балморала», доставит на британскую военную базу в Гибралтаре, где им снова закроют лица, ночью посадят на борт американского «Старлифтера», который полетит в самое сердце Индийского океана. Только там капюшоны снимут снова, открывая тропический рай. Пленников предупредят:

– Наслаждайтесь жизнью, не пытайтесь ни с кем связаться и не пытайтесь отсюда бежать.

Первое требование будет необязательным, а все остальное просто невозможно.

Тонна кокаина также была перегружена на борт «Балморала». Впоследствии ее должны были передать в море американцам. Последнюю работу на «Морской красавице» предстояло выполнить подрывнику. Он спустился в трюм, провел там пятнадцать минут, затем поднялся наверх и прыгнул во вторую НЛЖК.

Все его товарищи уже находились в лодке. «Литтл берд» был убран в трюм, как и первая НЛЖК. Капитан «Балморала» передал в машинное отделение команду «малый вперед», и у носа корабля появился ленивый бурун. Вторая НЛЖК двинулась следом. Когда от старой ржавой рыбацкой шхуны их отделяло двести ярдов чистого моря, подрывник нажал кнопку детонатора.

Направленные заряды пластида, заложенные в трюме, издали лишь негромкий треск, при этом проделав в корпусе пробоину размером с гаражные ворота. Через полминуты шхуна навсегда скрылась из глаз, отправившись в долгий одинокий путь длиной в милю на морское дно.

Лодка была поднята на борт «Балморала» и отправилась в трюм. Никто во всем Атлантическом океане ничего не видел. «Морская красавица» вместе с капитаном, всей командой и грузом просто испарилась.

Прошла целая неделя, прежде чем руководство Картеля по-настоящему поверило в исчезновение «Морской красавицы», но даже тогда реакцией было полное недоумение.

Суда с экипажем и грузом пропадали и прежде, однако если речь шла не о подводных лодках, направлявшихся к тихоокеанскому побережью Мексики, которые представляли смертельную ловушку для собственной команды, всегда оставались какие-то следы или же можно было найти объяснение. Случалось, что небольшие суда гибли в шторм. Тихий океан, названный так Васко Нуньесом де Бальбоа, первым европейцем, увидевшим его, потому, что в тот день он был совершенно спокойным, порой бывает просто безумным. Безмятежное Карибское море туристических путеводителей время от времени порождает сумасшедшие тропические ураганы. Однако это происходит нечасто.

Потеря груза в открытом море практически всегда происходила вследствие того, что капитан выбрасывал его за борт, так как захват был неизбежен.

В остальном потери в море обуславливались деятельностью правоохранительных ведомств и военно-морских флотов. Корабль задерживался, моряки арестовывались, предавались суду и отправлялись за решетку, однако ими можно было пожертвовать, а их семьи получали щедрую компенсацию. Все знали правила игры.

Победители устраивали пресс-конференции, демонстрируя торжествующим журналистам захваченные тюки с кокаином. Но бесследно груз исчезал только в том случае, если его похищали.

Сменяющие друг друга картели, держащие в своих руках кокаиновую индустрию, неизменно страдали одним и тем же психическим расстройством: необузданной паранойей. Подозрительность поражает мгновенно и не поддается лечению. В неписанном кодексе торговцев наркотиками два преступления не знают прощения: хищение товара и доносительство. Воров и «стукачей» обязательно отслеживают и примерно наказывают. Тут никаких исключений быть не может.

Потребовалась целая неделя, чтобы мысль о потере партии товара полностью усвоилась. Игнасио Ромеро, представляющий интересы Картеля в Гвинее-Бисау, пожаловался, что обещанный груз просто не был доставлен. Он прождал всю ночь в назначенном месте, но «Морская красавица», с которой ему уже не раз приходилось иметь дело, так и не подошла к берегу.

Ромеро попросили дважды подтвердить это, что он и сделал. Тогда последовал вопрос о возможном недоразумении. А что если «Красавица» пришла в другое место? Но даже если так, почему ее капитан так и не вышел на связь? В случае беды ему достаточно было отправить безобидное на вид сообщение из нескольких слов.

После чего Альфредо Суарес, ответственный за доставку, проверил сводку погоды. По всей Атлантике стоял полный штиль. Пожар на борту? Но у капитана была рация. Даже если команде пришлось спасаться на шлюпке, капитан мог воспользоваться компьютером и спутниковым телефоном. Он обязательно должен был доложить о случившемся дону.

Дон Диего внимательно изучил все подробности дела, предоставленные Суаресом. Определенно, все указывало на хищение, и первым в цепочке подозреваемых значился сам капитан. Или он украл всю партию, чтобы передать ее нечистому на руку импортеру и поделить с ним выручку, или шхуну перехватили в море, а капитана убили вместе со всей командой. Возможны были оба варианта, но все нужно было рассмотреть по порядку.

Если виновным был капитан, он наверняка предупредил бы о своих намерениях родных или поставил бы их в известность уже после предательства. Его семья, состоявшая из жены и троих детей, жила в той же самой грязной деревушке в устье реки к востоку от Барранкильи, где он держал свою старую рыбацкую шхуну. Дон Диего направил туда Животное.

С детьми никаких проблем не возникло. Они были похоронены. Живьем, разумеется. На глазах у матери. Та все равно отказывалась сознаться. Ее смерть растянулась на несколько часов,

но женщина все равно до самого конца упрямо твердила, что муж ей ничего не говорил и ничего плохого не сделал. В конце концов Пако Вальдес вынужден был ей поверить. Продолжать он все равно не мог. Женщина умерла.

Дон Диего был огорчен. Такое неприятное дело. И, как выяснилось, совершенно бесполезное. Однако избежать этого было нельзя. И тут вставал новый вопрос. Если не капитан, то кто? Но был в Колумбии еще один человек, который огорчился еще больше дона Диего Эстебана.

Мускул выполнил свою работу, отвезя семью далеко в джунгли. Но джунгли никогда не бывают совершенно пустынными. Крестьянин, в чьих жилах текла кровь индейцев, услышал крики и осторожно выглянул из зарослей. После того как Мускул и двое его подручных уехали, крестьянин вернулся в деревню и поведал об увиденном.

Жители деревни подогнали к месту трагедии телегу, запряженную волами, и отвезли четыре тела в деревушку в устье реки. Там несчастных похоронили по христианскому обычаю. Панихиду служил отец-иезуит Эйсебио. Он пришел в ужас от того, что успел увидеть, пока грубые гробы не были закрыты крышками.

Вернувшись в миссию, отец Эйсебио выдвинул ящик письменного стола из потемневшего дуба и долго смотрел на устройство, которое ему несколько месяцев назад выдал глава местного отделения иезуитов. В обычных условиях ему бы и в голову не пришло воспользоваться этим устройством, но сейчас он был переполнен яростью. Быть может, настанет день, когда он услышит что-либо, не скрепленное печатью тайны исповеди, и тогда воспользуется этой американской штуковиной.

Второго успеха добились «морские котики». И снова это был вопрос нужного времени и нужного места. «Глобальный ястреб» «Мишель» бороздила широкими дугами пространство южной части Карибского моря между Колумбией и полуостровом Юкатан. Корабль-ловушка «Чесапик» в это время следовал от Ямайки к Никарагуа.

Два быстроходных скутера выскользнули из мангровых болот залива Ураба на побережье Колумбии и взяли курс не на юго-запад в сторону Колона и Панамского канала, а на северо-запад. Путь им предстоял долгий, на пределе дальности действия, и, помимо тюков с тонной кокаина, оба захватили дополнительные бочки с горючим.

«Мишель» засекала их в двадцати милях от берега. Хотя скутеры не развивали максимальную скорость шестьдесят узлов, держа около сорока, этого оказалось достаточно, чтобы радары «Мишель» с высоты пятьдесят тысяч футов поняли, с кем имеют дело. Рассчитав курс и скорость скутеров, БСР предупредил «Чесапик» о том, что они движутся в его сторону. Корабль-ловушка изменил курс и двинулся на перехват.

На вторые сутки пути команды двух быстроходных катеров испытали то же изумление, что и капитан «Морской красавицы». Словно из ниоткуда появился вертолет, зависший над пустынным морем прямо по курсу. Военного корабля нигде не было видно. Такое было просто невозможно.

Разнесшийся из громкоговорителей приказ заглушить двигатели и лечь в дрейф был просто проигнорирован. Оба скутера, длинные, обтекаемые алюминиевые трубы с четырьмя подвесными моторами «Ямаха» мощностью двести лошадиных сил каждый, решили, что смогут уйти от «Литтл берда». Увеличив скорость до шестидесяти узлов, они понеслись вперед, высоко задрав носы, оставляя в воде только подвесные моторы, поднимая за собой огромные пенистые буруны. Поскольку «Нарушителя-1» захватили англичане, эти два катера стали «Нарушителями» два и три.

Колумбийцы ошиблись, вообразив, что смогут уйти от вертолета. Как только они пронеслись под «Литтл бердом», тот резко накренил несущий винт вперед и помчался следом за ними. Со скоростью сто двадцать узлов, вдвое быстрее их.

Рядом с пилотом сидел, сжимая в руках снайперскую винтовку «М-14», главный старшина Соренсон, лучший стрелок взвода. Он не сомневался в том, что на дистанции сто ярдов не промахнется.

Снова включив громкоговорители, пилот обратился к находившимся на двух скутерах по-испански:

– Немедленно заглушить моторы и лечь в дрейф, иначе откроем огонь!

Быстроходные катера неслись на север, не подозревая о том, что им навстречу выдвигались

три надувные лодки с шестнадцатью «морскими котиками» на борту. Лейтенант-командер Кейси Диксон спустил на воду большую НЛЖК и оба маленьких «Зодиака», но, хотя они и двигались быстро, алюминиевые стрелы контрабандистов были быстрее. И замедлить их ход должен был «Литтл берд».

Главный старшина Соренсон родился и вырос на ферме в штате Висконсин, так далеко от моря, что дальше, кажется, и не бывает. Вероятно, именно чтобы увидеть море, он и пошел служить на флот. И из бескрайних степей Соренсон принес с собой свой талант – отточенное с детства умение обращаться с охотничьим ружьем.

Колумбийцы знали, как им себя вести. До этого их еще никогда не перехватывал вертолет, но они получили подробное указание, что делать. И главным было защитить двигатели. Без этих ревущих чудовищ за кормой скутеры станут беспомощными.

Увидев винтовку «М-14» с установленным сверху оптическим прицелом, направленную на двигатели, двое членов закрыли собой подвесные моторы, защищая их от пуль. Сотрудники правоохранительных органов никогда не будут стрелять через тело живого человека.

Ошибка. То были устаревшие правила. На своей ферме главный старшина Соренсон подстреливал на дистанции двести ярдов кролика. Сейчас цель была больше и находилась ближе, и правила поведения в боевой обстановке были четкими. Первая же выпущенная пуля прошла насквозь через храброго контрабандиста, пробила обтекатель и разнесла вдребезги блок цилиндров «Ямахи».

Второй контрабандист, испуганно вскрикнув, отпрянул назад, и вовремя. Следующая бронебойная пуля разбила второй двигатель. Скутер продолжал идти вперед на двух оставшихся двигателях. Но значительно медленнее. Он был слишком тяжело нагружен.

Один из оставшихся троих колумбийцев достал «Калашников», и пилот быстро увел «Литтл берд» в сторону. Поднявшись на высоту сто футов, он увидел впереди три черные точки надувных лодок, несущихся веером навстречу. Промежуток сокращался с суммарной скоростью сто узлов.

С неповрежденного скутера также заметили нового противника. Рулевой больше не мог ломать себе голову, откуда взялись лодки. Они были здесь, и он попытался, как мог, спасти груз и собственную свободу. Он решил прорезать строй надувных лодок и уйти от них, воспользовавшись преимуществом в скорости.

И это ему почти удалось. Подбитый скутер заглушил оставшиеся два мотора, сдаваясь в плен. Но головной катер продолжал мчаться вперед со скоростью шестьдесят узлов. Строй «морских котиков» разделился. Описав крутой разворот, надувные лодки устремились в погоню. Если бы не вертолет, контрабандисту, вероятно, удалось бы оторваться.

Но «Литтл берд» залетел вперед прямо по курсу скутера, развернулся на девяносто градусов и развернул сто ярдов невидимого голубого нейлонового троса. Маленький буюк вытащил конец троса на поверхность воды. Скутер заложил крутой вираж. Возможно, ему удалось бы уйти, но последние двадцать ярдов плавающего троса проскользнули под днищем и обмотались вокруг всех четырех гребных винтов. Четыре мощные «Ямахи» закашлялись, захлебнулись и заглохли.

После этого сопротивление стало бесполезным. Под дулами направленных на них «МП-5» контрабандисты послушно перебрались на борт большой НЛЖК, где их сковали наручниками, а на головы надели капюшоны. В следующий раз дневной свет им предстояло увидеть только на Орлином острове в архипелаге Чагос, в качестве гостей Ее величества.

Через час подоспел «Чесапик». Он принял на борт семерых пленников. Тело восьмого храбреца благословили и снабдили куском якорной цепи, чтобы помочь отправиться на дно. Также на корабль были подняты две тонны горячего для двухтактных двигателей (которое могло еще пригодиться), разнообразное оружие и сотовые телефоны (для анализа на предмет предыдущих звонков) и две тонны чистого колумбийского кокаина в тюках.

После этого в корпусах скутеров были проделаны отверстия, и тяжелые «Ямахи» быстро утащили их под воду. Жалко было терять шесть хороших мощных моторов, но инструкции были четкими: не оставлять ничего, что можно проследить. Забирать только людей и кокаин, и то лишь на временное хранение. Все остальное должно исчезать бесследно.

«Литтл берд» приземлился на носовую площадку и заглушил двигатели, после чего его

опустили в скрытый от посторонних глаз трюм. Три надувные лодки подняли на борт, затем отправили в свой трюм, где им предстояло тщательное обследование. Люди спустились вниз, чтобы помыться и переодеться. «Чесапик» развернулся и направился прочь. Море снова стало чистым.

Далеко впереди сухогруз «Стелла марис IV» ждал и ждал. В конце концов ему пришлось продолжить свой путь в Роттердам, но без дополнительного груза. Старший помощник отправил своей «подруге» в Картахене сообщение. Что-то насчет того, что он не сможет приехать на свидание, потому что ему не вернули из ремонта машину.

Но и это с виду безобидное сообщение было перехвачено Агентством национальной безопасности в Форт-Миде, штат Мэриленд, где его дешифровали и передали Кобре. Тот удовлетворенно усмехнулся. Это сообщение раскрыло, куда направлялись скутеры. «Стелла марис IV» попала в черный список. Теперь за ней будут внимательно присматривать.

Через неделю после того, как Кобра объявил об открытии сезона охоты, майор Мендоса получил первый приказ вылететь на задание. «Глобальный ястреб» «Сэм» обнаружила маленький двухмоторный самолет, который поднялся в воздух с аэродрома в поместье Боавишта, в районе Форталезы оказался над океаном и направился через просторы Атлантики курсом 045°, ведущим к африканскому побережью между Либерией и Гамбией.

Компьютер идентифицировал этот самолет как «Трансолл», плод испанско-немецкого сотрудничества, который одно время закупаился Южной Африкой, а затем, после окончания срока службы в военно-транспортной авиации, продавался на гражданских рынках Латинской Америки.

Это была небольшая, но надежная рабочая лошадка. При этом дальности полета не хватало «Трансоллу» даже для того, чтобы пересечь Атлантику в самом ее узком месте. Следовательно, самолет «усовершенствовали», снабдив дополнительными внутренними топливными баками. На протяжении трех часов он летел на север-восток в непроницаемом мраке тропической ночи, держа высоту восемь тысяч футов над сплошной облачностью.

Майор Мендоса направил нос своего «Букканира» прямо по взлетно-посадочной полосе и выполнил последнюю проверку. В ушах он слышал не голос диспетчера, говорящего по-португальски, потому что центр управления полетами уже закрылся на ночь. Мендоса слышал теплые интонации американской женщины. Двое американцев-связистов, находящихся на Фогу, получили ее сообщение час назад и предупредили бразильского летчика, чтобы готовился к вылету. И вот теперь женщину переключили напрямую на шлемофон Мендосы. Он не знал, что она капитан американских ВВС, сидит за экраном компьютера на авиабазе Крич в штате Невада. Не знал, что она следит за мигающей точкой, изображающей транспортный «Трансолл», не знал, что скоро он сам также станет мигающей точкой на экране, и женщина сведет эти точки вместе.

Взглянув на техников, стоявших в темноте аэродрома Фугу, Мендоса увидел, как те фонариком просигналили ему: «Взлет!» Для него сейчас они были центром управления полетами. Мендоса поднял вверх большой палец, показывая, что все понял.

Два двигателя «Спей» натужно взвыли, и «Букканир» затрясся, борясь с тормозами, стремясь вырваться на свободу. Щелкнув выключателем ВРУ, Мендоса отпустил тормоза. «Букканир» помчался вперед, вырвался из тени вулкана, и бразилец увидел впереди море, сверкающее в лунном свете.

Реактивный ускоритель ударил Мендосе в спину. Самолет стремительно набрал скорость, шасси потеряли контакт с бетонкой, и «Букканир» взмыл в воздух.

– Подняться на высоту пятнадцать тысяч футов и взять курс сто девяносто, – произнес теплый, мягкий голос.

Сверившись с гирокомпасом, Мендоса направил самолет строго на 190° и набрал указанную высоту.

Через час он находился в трехстах милях к югу от островов Зеленого Мыса и выполнял плавный разворот, поджидая добычу. Наконец показалась цель, летящая чуть ниже. Над равниной облаков взошла горбатая луна, озарившая все вокруг бледно-белым сиянием. Мендоса увидел внизу справа быстро скользящую тень. Она направлялась на северо-восток; «Букканир» еще продолжал завершать разворот. Полностью развернувшись, Мендоса зашел добыче в хвост.

- Ваша цель в пяти милях впереди, на высоте шесть тысяч футов.
- Вас понял, я ее вижу, – ответил он. – Входить в соприкосновение?
- Входить в соприкосновение разрешается. Действуйте.

Мендоса снизился так, чтобы силуэт «Трансолла» четко обозначился в лунном свете. Ему показали справочник самолетов, которые могли использовать для контрабанды кокаина, и сейчас у него не было сомнений, что перед ним. В этой части неба случайного самолета просто не могло быть.

Подняв предохранительную крышку, Мендоса положил большой палец на кнопку управления огнем пушек «Аден» и посмотрел в прицел, усовершенствованный в Скэмптоне. Он знал, что спаренные орудия пристреляны так, чтобы сосредоточить объединенную огневую мощь на дистанции четыреста метров.

Какое-то мгновение Мендоса колебался. На борту этого самолета находились люди. Затем он вспомнил другого человека, еще мальчишку, лежащего на мраморном столе морга Сан-Паулу. Своего младшего брата. И нажал на кнопку.

В ленты боеприпасов были заправлены попеременно фугасные, зажигательные и трассирующие снаряды. Яркие трассирующие снаряды должны были показать направление огня. Остальным предстояло уничтожить то, во что они попадут.

Мендоса смотрел, как две красные огненные линии вырвались из-под крыльев «Букканира» и встретились в четырехстах метрах впереди. Обе линии попали в фюзеляж «Трансолла» чуть левее заднего грузового люка. В течение полусекунды самолет словно дрожал в воздухе. После чего взорвался.

Бразильский летчик даже не увидел, как самолет развалился, рассыпался на части и упал. Судя по всему, экипаж только начал использовать горючее из дополнительных баков, размещенных в фюзеляже, поэтому они еще были полны под завязку. Как только в них попали раскаленные добела зажигательные снаряды, весь самолет словно расплавился. Сквозь слой облаков внизу пролился дождь пылающих обломков, и все было кончено. Один самолет, четыре человека, две тонны кокаина. Все исчезло бесследно.

Майору Мендосе еще никогда не приходилось убивать людей. Какое-то мгновение он смотрел на пустое место в небе, где только что был «Трансолл». В течение последних нескольких дней Мендоса пытался себе представить, что он почувствует. И вот теперь он это знал. Он чувствовал только пустоту. Не восторг и не раскаяние. Мендоса уже много раз повторял себе одно и то же: «Думай только о Маноло, шестнадцатилетнем брате, лежащем на мраморном столе в морге, который так и не успел пожить». Когда он заговорил, его голос прозвучал совершенно ровно:

– Цель уничтожена.

– Знаю, – ответил женский голос из Невады. Оператор увидела, что из двух точек на экране осталась только одна. – Держите ту же высоту. Возьмите курс триста пятьдесят пять и возвращайтесь на базу.

Через семьдесят минут Мендоса увидел посадочные огни аэродрома Фогу, которые зажглись специально для него и погасли, когда он подрулил к ангару в скале. «Нарушитель-4» прекратил существование.

В трехстах милях от Фогу в африканских джунглях группа людей ждала у грунтового аэродрома. Ждала и ждала. На рассвете они расселись по своим джипам и уехали. Один из них должен был отправить по электронной почте зашифрованное сообщение в Боготу.

Альфредо Суарес, отвечавший за поставку всего товара из Колумбии клиентам, не на шутку испугался за свою жизнь. Исчезли почти пять тонн кокаина. Суарес обещал дону Диэго переправить по триста тонн кокаина на каждый из континентов, имея в запасе до двухсот тонн на потери при транспортировке. Но дело было не в этом.

У Братства, как теперь с пугающим спокойствием объяснял Суаресу лично дон Диэго, были две главные проблемы. Одна заключалась в том, что четыре различные партии товара, переправлявшиеся тремя разными способами, были или перехвачены, или уничтожены; но самым неприятным было (а дон Диэго терпеть не мог теряться в догадках), что никто не знал наверняка, что же произошло.

Капитан «Морской красавицы» должен был в случае возникновения каких-либо проблем

отправить донесение. Он этого не сделал. Рулевые двух «быстрых штук» в случае неподвижной ситуации должны были воспользоваться сотовыми телефонами. Они этого не сделали. «Трансолл» поднялся в воздух в исправном состоянии, полностью заправленный горючим; тем не менее он бесследно исчез, не подав сигнал бедствия.

– Прямо какая-то тайна, мой дражайший Альфредо, ты не согласен? – Когда сеньор Эстебан употреблял такие вежливые выражения, это было страшнее всего.

– Да, дон Диего.

– И какое же объяснение ты можешь предложить?

– Просто ума не приложу. Все транспортные средства обладали более чем достаточным набором средств связи. Компьютеры, сотовые телефоны, рации. В случае любых неприятностей они должны были отправить краткие кодовые сообщения. Все оборудование было проверено, сообщения были заучены назубок.

– И тем не менее все они молчат, – задумчиво промолвил дон Диего.

Выслушав доклад Мускула, он пришел к выводу, что капитан «Морской красавицы» едва ли был повинен в собственном исчезновении. Примерный семьянин, он должен был понимать, что произойдет в том случае, если он предаст Картель, и на его счету уже было шесть успешных плаваний к берегам Западной Африки.

Две из трех тайн имели только один общий знаменатель: и рыбацкая шхуна, и «Трансолл» направлялись в Гвинею-Бисау. И хотя судьба двух быстроходных катеров, вышедших из залива Ураба и исчезнувших бесследно, также оставалась загадкой, все указывало на то, что в Гвинею-Бисау дела обстоят неладно.

– Альфредо, ты собираешься в ближайшем времени отправлять в Западную Африку еще одну партию товара?

– Да, дон Диего. На следующей неделе. Пять тонн морем в Либерию.

– Измени пункт назначения на Гвинею-Бисау. У тебя есть толковый молодой помощник?

– Есть. Альваро, Альваро Фуэнтес. Его отец был большим человеком в бывшем картеле Кали. Альваро просто рожден для такой работы. Предан делу душой и сердцем.

– В таком случае, пусть он сопровождает груз. Он должен выходить на связь каждые три часа, днем и ночью, в течение всего плавания. Заранее составленные сообщения с компьютера и сотового телефона. Ему нужно будет только нажимать кнопку. И я хочу, чтобы у нас его постоянно слушали. Посменно, сменяя друг друга. Я ясно выразился?

– Яснее не бывает, дон Диего. Все будет сделано.

Отец Эйсебио еще никогда не видел ничего подобного. Его большой сельский приход включал в себя множество деревень, но жили в них скромные бедняки, с трудом сводящие концы с концами. И то, что сейчас бросило якорь в устье реки, вытекающей из мангровых зарослей в море, было здесь явно чужим.

Вся деревня высыпала на шаткий деревянный причал поглазеть на диковинку. Имеющий длину пятьдесят метров, корабль сверкал белоснежными бортами. Роскошные каюты на трех палубах, все начищено до блеска. Никто не знал, кому корабль принадлежит, и никто из его команды не сошел на берег. Да и зачем? Чтобы посмотреть убогую деревню с единственной немощной улочкой, по которой бродят куры, и с одним-единственным питейным заведением?

Судно, бросившее якорь вдали от океана за двумя излучинами реки, являлось роскошной океанской яхтой. Она имела экипаж из десяти человек и шесть просторных кают. Яхта была построена на голландской верфи три года назад по личному эскизу владельца, и если бы ее выставили на продажу (но никто не думал ее продавать), за нее попросили бы не меньше двадцати миллионов долларов.

Странно, что люди, как правило, рождаются ночью и умирают также в основном ночью. Отца Эйсебио разбудил в три часа ночи стук в дверь. Это была маленькая девочка из одной семьи, которую священник хорошо знал. Она сказала, что дедушка кашляет кровью и мама боится, что он не доживет до утра.

Отец Эйсебио прекрасно знал этого человека. Ему было шестьдесят, выглядел он на девяносто и вот уже пятьдесят лет курил отвратительнейший табак. Последние два года он постоянно отхаркивал кровью. Священник натянул рясу, взял молитвенник и четки и поспешил следом за девочкой.

Семья жила у самой воды, в доме на берегу реки. И старик действительно умирал. Отец Эйсебио причастил его и подождал, когда он погрузится в сон, от которого, скорее всего, уже не очнется. Перед тем как задремать, старик попросил сигарету. Священник пожал плечами, и дочь уважила последнюю просьбу старика. Больше отцу Эйсебио здесь делать было нечего. Через несколько дней он будет отпевать своего прихожанина. Но пока что он мог идти домой.

Выйдя на улицу, священник взглянул в сторону моря. В воде между огромным белым крейсером и пристанью находилась большая открытая лодка. В ней сидели трое мужчин и лежали несколько тюков. На корме роскошной яхты горел свет, и члены экипажа были готовы принять груз на борт. Посмотрев на это и вспомнив семью, которую хоронил десять дней назад, отец Эйсебио сплюнул.

Вернувшись к себе, священник собрался продолжить прерванный сон. Но затем он прошел к письменному столу, выдвинул ящик и достал хитроумное устройство. Он не умел набирать текстовые сообщения и у него никогда не было сотового телефона. Но у него была бумажка, на которой он записал, какие кнопки и каком порядке нужно нажать, чтобы воспользоваться маленьким приспособлением. Отец Эйсебио старательно нажал нужные кнопки. Устройство заговорило. Женский голос сказал:

– Алло.

– Se habla español?³⁶ – спросил священник.

– Claro, Padre, – сказала женщина. – Que quiere?³⁷

Отец Эйсебио не знал, как выразить это словами.

– В моей деревне причалила очень большая лодка. По-моему, она принимает на борт огромное количество белого порошка.

– Святой отец, у этой лодки есть название?

– Да, я видел сзади. Золотыми буквами. Она называется «Леди Орион».

Тут выдержка оставила священника, и он бросил телефон, чтобы никто не смог его проследить. Но компьютерной базе данных потребовалось пять секунд, чтобы установить этот телефон, его пользователя и точное его местонахождение. Еще через десять секунд была получена вся информация на яхту «Леди Орион».

Ее владельцем был некий Нельсон Бьянко из Никарагуа, повеса-мультимиллионер, любитель шумных вечеринок и игры в поло. Яхта не значилась в списке кораблей, с которыми поработал сварщик Хуан Кортес. Но от ее создателей был получен план палубы, переданный в память «Глобального ястреба» «Мишель», которая и обнаружила яхту перед самым рассветом, когда белоснежная красавица выскользнула из устья реки и направилась в открытое море.

Дальнейшие расследования, проведенные утром, в том числе консультации с великосветскими изданиями, позволили установить, что сеньор Бьянко направляется в Форт-Лодердейл на турнир по поло.

Пока «Леди Орион» шла курсом северо-северо-восток, чтобы обогнуть Кубу по Юкатанскому проливу, корабль-ловушка «Чесапик» двинулся ей наперерез.

Глава 11

В «крысином списке» значились сто семнадцать фамилий государственных чиновников из восемнадцати стран. Двумя из этих стран были Соединенные Штаты и Канада, остальные шестнадцать находились в Европе. Прежде чем освободить мисс Летицию Ареналь, задержанную в Нью-Йорке, Кобра настоял на том, чтобы проверить хотя бы одного из этих людей, выбранного наугад. Он предложил герра Эберхардта Мильха, старшего таможенного инспектора гамбургского порта. Кэл Декстер вылетел в этот ганзейский город, чтобы сообщить местным правоохранительным органам плохие новости.

Встреча, состоявшаяся по инициативе американского гостя в таможенном управлении Гамбурга, получилась довольно странной.

³⁶ Вы говорите по-испански? (*исп.*).

³⁷ Хорошо, святой отец. Что вы хотите? (*исп.*).

Вместе с Декстером на ней присутствовал высокопоставленный представитель УБН в Германии, с которым немецкие коллеги уже были хорошо знакомы. Тот в свою очередь был в полном недоумении относительно статуса человека из Вашингтона, о ком он никогда не слышал. Но инструкции, поступившие с Арми-Нейви-драйв, где расположена штаб-квартира УБН, были краткими и исчерпывающими. Тайнственному посланнику следовало оказывать всестороннюю поддержку.

Два человека прилетели из Берлина – один из ЦКА, Федеральной таможенной службы Германии, другой – из отдела по борьбе с организованной преступностью Федеральной криминальной полиции БКА. Пятый и шестой участники встречи были местными, из гамбургского отделения таможни и гамбургской полиции. Из них первый был принимающей стороной: встреча состоялась у него в кабинете. Однако старшим по должности был Иоахим Циглер из федеральной таможни; к нему и обратился в первую очередь Декстер.

Декстер был краток. Необходимости в пространных разъяснениях не было; все эти люди были профессионалами, и четверо немцев понимали, что американцы не стали бы просить о встрече, если бы не произошло чего-то из ряда вон выходящего. К счастью, не было также необходимости и в переводчиках.

Декстер мог только сказать, и все это прекрасно поняли, что в руки колумбийского отделения УБН попала определенная информация. Слово «стукач» повисло в воздухе. Перед участниками встречи стояли чашки кофе, но никто к ним не притронулся.

Декстер протянул герру Циглеру несколько страниц, тот внимательно их изучил и передал своим коллегам. Глава гамбургского отделения ЦКА тихо присвистнул.

– Я знаю этого человека, – пробормотал он.

– И? – спросил Циглер.

Он был просто в ужасе. Германия бесконечно гордится своим огромным суперсовременным гамбургским портом. И то, что такая информация имелась, тем более у американцев, удручало.

Гамбургский таможенник пожал плечами.

– Разумеется, подробности можно узнать в отделе кадров. Насколько я помню, всю свою жизнь этот человек проработал в таможенной службе. Несколько лет до пенсии. Карьера без единого пятнышка.

Циглер постучал пальцем по лежащим перед ним документам.

– А что если ваша информация неверная? Даже больше того, заведомо ложная?

Вместо ответа Декстер протянул еще несколько страниц. Завершающий удар. Иоахим Циглер изучил новые документы. Выписки из банковского счета. Маленький частный банк на Каймановых островах. О большей секретности не приходится и мечтать. Если эти документы также подлинные... На таком счету деньги накапливаются быстро, поскольку проверить его крайне трудно. Декстер первым нарушил молчание:

– Господа, всем нам известны правила «знать только то, что нужно знать». Мы не новички в нашем необычном ремесле. Вы должны понимать, что у нас есть свой источник. И мы должны любой ценой этот источник оберегать. Больше того, вы сами не захотите совершать скоропалительное задержание на основании одних только неподтвержденных обвинений, которые не примет ни один суд Германии. Можно предложить стратегию действий?

Декстер озвучил сложную многоходовую комбинацию. За Мильхом будут скрытно наблюдать, чтобы убедиться в том, как он лично будет способствовать прохождению таможенных формальностей одного конкретного контейнера. Далее последует выборочная проверка, якобы случайная, совершенная младшим сотрудником таможни.

Если информация Кобры верна, Мильх вмешается, отменяя действия своего подчиненного. И тут, якобы также совершенно случайно, в дело вступит проходящий мимо сотрудник ЦКА. Его слово окажется решающим. Контейнер будет досмотрен. Если в нем ничего не окажется, значит, американцы ошиблись. Последуют чистосердечные извинения. Но ничего страшного не произойдет. И все же домашний и сотовый телефоны Мильха будут прослушиваться на протяжении нескольких недель.

Потребовалась неделя на подготовку, и еще одну неделю пришлось ждать, пока не представилась соответствующая возможность. Морской контейнер был одним из нескольких сотен, выгруженных из огромного контейнеровоза из Венесуэлы. Только один человек обратил внима-

ние на две маленькие концентрические окружности, одна внутри другой, и мальтийский крест посередине. Старший инспектор Мильх лично разрешил загрузить контейнер на поджидавший трейлер, который тотчас же направился к выезду из таможенной зоны порта.

Водитель-албанец подъехал уже к самому последнему шлагбауму, который, поднявшись было, вдруг снова опустился. Молодой розовощекий таможенник указал трейлеру проехать на площадку для досмотра.

– Выборочная проверка, – сказал он. – Пожалуйста, ваши документы.

Албанец изобразил полное недоумение. У него имелись все необходимые разрешения, с подписью и печатью. Подчинившись, он сделал быстрый звонок по сотовому телефону. Забравшись в высокую кабину грузовика, где его никто не слышал, он произнес несколько фраз по-албански.

Обычно в гамбургской таможне применяют два уровня выборочной проверки трейлеров и их грузов. Первый, упрощенный, заключается только в просвечивании рентгеном; при втором контейнер вскрывается. На самом деле молодой таможенник был оперативным сотрудником ЦКА – вот почему он казался новичком в своем деле. Он указал водителю отогнать трейлер на площадку, отведенную для досконального досмотра. И тут его остановил старший по званию офицер, спешно прибежавший из здания таможенной службы.

Молодой, неопытный новичок младший инспектор не спорит с ветераном старшим инспектором. Однако этот парень твердо стоял на своем. Старший инспектор вышел из себя. Он лично проверил этот контейнер и дал разрешение на выезд. Незачем проводить досмотр дважды. Это будет лишь напрасная трата времени. Старший инспектор не заметил бесшумно подкатившую легковую машину. Вышедшие из нее двое сотрудников ЦКА в штатском предъявили свои удостоверения.

– Was ist los da?³⁸ – вполне убедительно спросил один из них.

В германской бюрократии звание имеет большое значение. Сотрудники ЦКА имели такое же звание, как и Мильх, но решающим оказалось то, что они были из криминального отдела. Контейнер был вскрыт. Появились собаки-ищейки. Содержимое было выгружено. Не обращая внимания на груз, ищейки стали скулить и кружиться на месте, когда оказались внутри контейнера. Контейнер был тщательно измерен. Изнутри он оказался короче, чем снаружи. Трейлер отогнали в специально оборудованную мастерскую. Его сопровождали сотрудники таможни. Трое сотрудников ЦКА, двое из которых действовали в открытую, а третий, молодой парень, зарабатывал очки в первом серьезном деле, продолжали изображать искреннее недоумение.

Сварщик вскрыл фальшивую стенку автогеном. Спрятанные за ней пакетики были взвешены, и в них оказалось две тонны чистого колумбийского кокаина. Водитель-албанец к этому времени уже был в наручниках. По сценарию, четверым таможенникам, в том числе Мильху, по счастливой случайности – несмотря на предыдущую вполне объяснимую ошибку Мильха – удалось обнаружить крупную партию наркотиков. В конце концов, компанией-импортером была уважаемая фирма из Дюссельдорфа, торгующая оптовыми партиями кофе. Все участники задержания отметили успех чашкой кофе, Мильх принес извинения, после чего отправился в туалет и позвонил по сотовому.

Ошибка. Разговор был перехвачен. Каждое слово было услышано и записано в микроавтобусе, дежурившем в километре от таможенного управления. У одного из тех, кто пил кофе, звонил телефон. Когда Мильх вернулся из туалета, его арестовали.

Возмущение Мильха, когда его усадили в комнате для допросов, казалось совершенно искренним. Никто ни словом не обмолвился о банковском счете на Каймановых островах. Это было сделано по договоренности с Декстером, чтобы не раскрывать осведомителя в Колумбии. Однако при этом у Мильха появилась возможность обеспечить себе первоклассную защиту. Он мог бы упираться на то, что «все мы люди и все мы ошибаемся». Было бы очень трудно доказать, что Мильх занимался этим на протяжении многих лет. Как и то, что на пенсию он собирался выйти человеком богатым. Хороший адвокат к вечеру добился бы освобождения из-под стражи. Перехваченное сообщение по сотовому телефону было закодировано: безобидная фраза о том, что Мильх опоздает домой. Правда, звонил он не своей жене, а на телефон, который после этого

³⁸ В чем дело? (нем.).

разговора бесследно исчез. Но все мы время от времени ошибаемся номером.

Старший инспектор Циглер, помимо карьеры в таможенной службе получивший высшее юридическое образование, понимал слабость своей позиции. Но в первую очередь он хотел помешать этим двум тоннам кокаина попасть в Германию, и своей цели он добился.

Албанец, твердый как камень, молчал, упрямо стоя на том, что он простой водитель. Полиция Дюссельдорфа нагрянула с обыском на склад кофе, где собаки-ищейки чуть не сошли с ума от запаха кокаина, который они были обучены отличать от аромата кофе, часто используемого в качестве «маскировки».

И тогда Циглер, первоклассный полицейский, решил прибегнуть к хитрости. Мильх едва ли владел албанским. Этим языком не владеет никто, кроме самих албанцев. Мильха усадили за однонаправленным зеркалом, но звуки из соседней комнаты доносились громко и отчетливо. Мильх мог наблюдать за допросом водителя-албанца.

Переводчик переводил на албанский вопросы немецкого следователя водителю, после чего переводил его ответы. Вопросы были предсказуемыми. Мильх их понимал, они звучали на его родном языке, но в отношении ответов ему приходилось полагаться на переводчика. И хотя на самом деле албанец клялся в своей непричастности, из громкоговорителей звучало подробное признание в том, что в случае возникновения каких-либо затруднений в гамбургском порту водитель должен был немедленно связаться с неким старшим инспектором Эберхардтом Мильхом, который все уладит и пропустит груз без досмотра.

И тут Мильх не выдержал и сломался. Его рассказ длился почти двое суток; потребовалась целая команда стенографистов, чтобы все записать.

Яхта «Леди Орион» находилась на просторах Карибского моря южнее Ямайки и к востоку от Никарагуа, когда капитан, стоявший в белоснежном отутюженном тропическом мундире на мостике рядом с рулевым, увидел нечто такое, от чего заморгал, не в силах поверить своим глазам.

Он быстро проверил экран локатора, следящего за поверхностью моря. В радиусе многих миль, от горизонта до горизонта, не было ни одного корабля. Но вертолет определенно был вертолетом. И он находился прямо по курсу, летел навстречу над самой водой. Капитану было прекрасно известно, что находилось на яхте, ибо тридцать часов назад он сам помогал поднимать груз на борт, и глубоко внутри у него зашевелился первый червячок страха. Вертолет был маленький, разведывательный, но когда он пронесся над левым бортом яхты и, развернувшись, полетел рядом с ней, капитан прочитал на фюзеляже отчетливую надпись «Военно-морской флот США». Он связался по внутреннему коммутатору с главной каютой, предупреждая своего хозяина.

Нельсон Бьянко спешно поднялся на мостик. Миллионер-повеса был босиком, в пестрой гавайской рубашке и мешковатых шортах. Его черные кудри были обесцвечены и уложены с лаком, в зубах он сжимал свою неизменную сигару «Кохиба». Необычным было то – и это объяснялось исключительно грузом из Колумбии, – что Бьянко не захватил с собой пять-шесть девиц легкого поведения.

Капитан и владелец яхты наблюдали за тем, как вертолет следует параллельным курсом, над самой поверхностью океана, и тут в открытом овале пассажирской двери появился «морской котик» в черном комбинезоне, пристегнутый страховочным ремнем. В руках он держал снайперскую винтовку «М-14», нацеленную на мостик. Из громкоговорителя разнесся раскатистый голос пилота крошечного вертолета:

– На борту яхты «Леди Орион», мы из ВМФ Соединенных Штатов. Пожалуйста, заглушите двигатели. Мы высаживаемся к вам на борт.

Бьянко терялся в догадках, как американцы собираются это осуществить. На корме яхты имелась маленькая вертолетная площадка, но ее занимал накрытый брезентом его собственный «Сикорский». И тут капитан толкнул повесу, указывая вперед. Там, у горизонта, показались три черные точки, одна большая и две поменьше. Задрав носы вверх, надувные лодки на полной скорости неслись навстречу.

– Полный вперед! – воскликнул Бьянко. – Самый полный вперед!

Это решение было опрометчивым, что сразу же понял капитан.

– Босс, нам от них ни за что не уйти. Попытавшись спастись бегством, мы тем самым вы-

дадим себя.

Бьянко посмотрел на зависший в воздухе «Литтл берд», на быстроходные НЛЖК, на винтовку, нацеленную ему в голову с расстояния пятьдесят ярдов. Не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. Он кивнул.

– Стоп машина, – приказал Бьянко, отходя в сторону.

Порыв ветра взъерошил ему волосы и тотчас же затих. Натянув на лицо широкую улыбку, светский повеса приветливо замахал рукой, изображая готовность сотрудничать. «Морские котки» поднялись на борт яхты меньше чем через пять минут.

Лейтенант-командер Кейси Диксон был скрупулезно учтив. Его предупредили, что объект идет с «грузом», и этого было достаточно. Отказавшись от шампанского, предложенного ему и его людям, Диксон распорядился отвести владельца яхты и команду на корму и держать их там под прицелом пистолетов-пулеметов. «Чесапик» по-прежнему оставался за горизонтом. Водолаз надел снаряжение и спустился за борт. Он провел под водой полчаса. Поднявшись на поверхность, он доложил, что на днище нет ни потайных люков, ни приваренных ящиков и вниз не уходят нейлоновые тросы.

Двое таможенников начали осмотр яхты. Им было известно только то, что в своем кратком разговоре по сотовому телефону испуганный приходской священник упомянул «огромное количество». Но что он под этим понимал?

Запах кокаина учуял спаниель; наркотика оказалась целая тонна. «Леди Орион» не принадлежала к тем судам, в трюмах которых Хуан Кортес изготовил тайники, практически не поддающиеся обнаружению. Бьянко рассчитывал исключительно на собственную наглую самоуверенность. Он надеялся на то, что роскошная яхта, прекрасно известная во всех дорогих и знаменитых портах от Монте-Карло до Форт-Лодердейла, будет вне подозрений и он сам вместе с ней. И, пожалуй, это действительно было бы так, если бы не старый священник-иезуит, которому пришлось похоронить четыре истерзанных тела на деревенском кладбище.

И снова, как это было с английским спецназом, сверхчувствительный нюх спаниеля, уловивший особую фактуру воздуха, указал на одну определенную панель на полу машинного отделения. Воздух был слишком свежим; панель недавно поднимали. Она привела в трюм.

Как и англичане в Атлантике, американские таможенники надели дыхательные аппараты и спустились в трюм. Даже на роскошных яхтах в трюме стоит зловонный смрад. Один за другим из тайника извлекались тюки, и те «морские котки», кто не охранял пленников, поднимали их на палубу и складывали между рубкой и вертолетной площадкой. Бьянко бурно протестовал, утверждая, что он понятия не имел о содержимом трюма... что его подставили... что произошло какое-то недоразумение... что он лично знаком с губернатором Флориды... Крики перешли в неразборчивое бормотание, когда ему на голову надели черный капюшон. Лейтенант-командер Диксон выпустил вверх сигнальную ракету, и «Глобальный ястреб» «Мишель» отключила устройство постановки помех. Впрочем, «Леди Орион» даже не пыталась выйти на связь. Как только радио снова заработало, Диксон вызвал «Чесапик».

Через два часа Нельсон Бьянко, капитан яхты и вся команда находились в тюрьме, устроенной в носовом отсеке «зерновоза», где уже были семеро человек с двух «быстроходных штук». Повеса-миллионер не привык вращаться в подобном обществе, и это ему совсем не понравилось. Однако этим людям предстояло надолго стать его товарищами, и он полностью удовлетворил свою страсть к тропикам, но только посреди Индийского океана. Вот только красивых девушек в меню не было.

Даже подрывник был огорчен.

– Сэр, неужели ее действительно нужно отправить на дно? Это же такая красавица!

– У нас есть четкий приказ, – ответил командир. – Никаких исключений.

Выстроившись вдоль борта «Чесапика», «морские котки» наблюдали за тем, как роскошная яхта взорвалась и быстро затонула.

– Ура, – пробормотал один из них, но это слово, которое обычно означает торжество, на этот раз было произнесено с некоторым сожалением.

Когда море снова стало пустынным, «Чесапик» быстро направился прочь. Через час ему встретилось торговое судно, капитан которого, посмотрев в бинокль, увидел обычный зерновоз, идущий своим курсом, и не обратил на него никакого внимания.

По всей Германии у сотрудников правоохранительных органов выдались напряженные деньки. В своем пространном признании Эберхардт Мильх, отныне в целях его же собственной безопасности погребенный под многоуровневой завесой секретности, назвал дюжину крупных импортеров, чей груз он беспрепятственно пропускал через контейнерный терминал гамбургского порта. На складах всех этих фирм были проведены обыски.

Федеральная и местная полиция проверяла пиццерии (излюбленное прикрытие калабрийской «Ндрангеты»), продовольственные магазины и сувенирные салоны, специализирующиеся на изделиях ремесленников из Южной Америки. Следователи вскрывали упаковки консервированных тропических фруктов, находя в каждой банке пакетики с белым порошком, и разбивали идолов майя из Гватемалы. Благодаря всего одному человеку от бизнеса дона Диего в Германии остались лишь развалины.

Но Кобра прекрасно сознавал, что если партия кокаина уже была передана импортеру, все убытки полностью лягут на плечи европейских гангстеров. И только если перехватить груз до этого, удар будет нанесен непосредственно Картелю. Это можно было сказать про контейнер с двойными стенками, так и не успевший покинуть гамбургский порт, и про груз на борту «Леди Орион», предназначенный для кубинской преступной группировки с юга Флориды, который по-прежнему считался находившимся в море. То, что яхта не пришла в Форт-Лодердейл, еще не было замечено. Пока что не было замечено.

Но «крысиный список» оказался полезным. Кобра выбрал продажного чиновника из Гамбурга наугад, одну фамилию из ста семнадцати, и вероятность того, что все подстроено, была ничтожно мала.

– Ну что, освобождаем девушку? – спросил Декстер.

Деверо кивнул. На самом деле лично ему было все равно. Его способность к состраданию можно было считать нулевой. Но Летиция Ареналь уже сделала свое дело, и больше от нее не было никакой пользы.

Декстер привел колеса в движение. Благодаря его негласному вмешательству следователь Пако Ортега из мадридского отделения СБНОП был произведен в старшие инспекторы. Ему были обещаны в самом ближайшем времени Хулио Лус и банк «Гусман».

Выслушав Декстера, говорившего с противоположной стороны Атлантического океана, Ортега составил план действий. Молодой сотрудник СБНОП сыграл роль нечистого на руку работника багажного отделения аэропорта. Его шумно и прилюдно арестовали в баре, о чем тотчас же стало известно средствам массовой информации. Журналисты расспросили бармена и двух посетителей, рассказавших одно и то же.

Со слов сотрудника правоохранительных органов, пожелавшего остаться неизвестным, газета «Пайс» подготовила большой материал о разоблачении банды, переправлявшей контрабандный кокаин в багаже ничего не подозревавших пассажиров из мадридского аэропорта «Барахас» в нью-йоркский аэропорт имени Кеннеди. К сожалению, почти всем преступникам удалось скрыться, но один сотрудник багажного отделения был задержан, и сейчас он называл рейсы, на которых вскрывал багаж, уже прошедший досмотр, и подкладывал в него кокаин. В некоторых случаях он даже смог привести описание чемоданов.

Мистер Боусмен Барроу по своей натуре не был человеком азартным. У него не было склонности к казино, картам и скачкам как к способу выбрасывать деньги на ветер. Однако он вынужден был признать, что если бы ему предложили пари, он поставил бы круглую сумму на то, что сеньорита Летиция Ареналь отправится за решетку на много лет. И проиграл бы.

Информация из Мадрида поступила в центральное управление УБН в Вашингтоне, и некий неназванный чиновник отправил копию документа, имеющего отношение к клиентке мистера Барроу, в прокуратуру Бруклина. Там вынуждены были принять меры. Прокуратура поставила мистера Барроу в известность относительно информации из Мадрида. Тот сразу же начал действовать, добиваясь снятия обвинений. Даже если невиновность его подзащитной и не была доказана безоговорочно, появились сомнения размером с гаражные ворота.

Состоялось закрытое заседание под председательством судьи, с которым Боусмен Барроу учился на юридическом факультете, и ходатайство было удовлетворено. Судьба Летиции Ареналь перешла от прокуратуры к СИН, Службе иммиграции и натурализации. Там заявили, что, хотя девушка из Колумбии и не подлежит уголовному преследованию, на территории Соеди-

ненных Штатов Америки ей оставаться также нельзя. Ее спросили, в какую страну она предпочитает быть депортирована, и мисс Ареньяль выбрала Испанию. Двое сотрудников СИН отвезли ее в аэропорт имени Кеннеди.

Поль Деверо понимал, что время работает против него. Его главным преимуществом было то, что никто о нем ничего не знал. В то же время сам он тщательно изучил всю собранную по крупницам информацию, которая позволила ему получить представление о личности и характере некоего дона Диего Эстебана, считавшегося главой Картеля, хотя это так и не было никогда доказано.

То, что этот беспощадный идальго, этот потомок испанских аристократов времен империи так долго оставался неприкасаемым, обуславливалось многими факторами.

Главным было то, что все наотрез отказывались давать показания против него. Другой фактор заключался в том, что те, кто шел наперекор дону Диего, так кстати бесследно исчезали. Но даже этого было бы недостаточно без огромной политической поддержки. У дона Диего имелись очень влиятельные друзья, и в большом количестве.

Он без устали жертвовал на добрые дела, о чем непременно трубили средства массовой информации. Дон Диего помогал школам, больницам, неизменно для самых бедных.

Также он делал подношения, но уже втихомолку, политическим партиям, всем без исключения, в том числе и той, которую возглавлял президент Альваро Урибе, давший клятву сокрушить кокаиновую индустрию. При этом дон Диего следил за тем, чтобы о его пожертвованиях обязательно стало известно тем, от кого что-то зависело. Он даже оплачивал воспитание и обучение оставшихся сиротами детей сотрудников полиции и таможни, погибших при исполнении служебных обязанностей, несмотря на то что их коллеги подозревали, что именно он стоит за убийствами.

Но больше всего дон Диего заискивал перед католической церковью. Как только у какого-нибудь монастыря или храма начинались трудные времена, он тотчас же выделял средства на восстановительные работы. Причем эти пожертвования дон Диего выставлял напоказ, как и то, что он регулярно посещал приходскую церковь рядом со своим сельским домом, вместе с крестьянами и работниками своего поместья. Разумеется, речь шла об официальной загородной резиденции, а не о многочисленных особняках, приобретенных на подставных лиц, где дон Диего встречался с остальными членами Братства, которое он создал, чтобы производить и поставлять на рынок до восьмисот тонн кокаина в год.

– Да, – с восхищением протянул Деверо, – это настоящий маэстро.

Ему хотелось надеяться, что дон Диего Эстебан не читал «Искусство войны» Сунь Цзы.

Кобра понимал, что сплошная череда исчезновений груза, арестованных сообщников и ликвидированных сетей распространения кокаина недолго будет списываться на случайные совпадения. Умный человек готов верить в случайные совпадения лишь до определенного предела, и чем выше уровень подозрительности, тем ниже этот предел. Первое преимущество – то, что никто не подозревает о существовании Кобры, – скоро исчезнет, и дон Диего поймет, что ему придется иметь дело с новым и гораздо более опасным противником, который играет не по правилам.

Далее нужно будет использовать второе преимущество: невидимость. Сунь Цзы заявил, что нельзя победить невидимого врага. Мудрый старик-китаец жил задолго до сверхсовременных технологий мира Кобры. Сейчас же возникло новое оружие, способное помочь Кобре оставаться невидимым еще долго после того, как дон Диего осознает, что у него появился новый враг.

Главным фактором раскрытия самого факта существования Кобры станет «крысиный список». Разоблачить серией ударов сто семнадцать коррумпированных чиновников на двух континентах – это будет уже слишком. Скармливать «крыс» правоохранительным органам придется очень медленно, до тех пор, пока где-нибудь в Колумбии не обвалится песо. Но в любом случае рано или поздно обязательно произойдет утечка.

Однако в ту августовскую неделю Деверо отправил Кэла Декстера сообщить плохие новости руководству трех правительственных ведомств трех различных государств при условии, как ему хотелось надеяться, полной конфиденциальности.

В течение напряженной недели разъездов и переговоров Кэл Декстер рассказал американцам о том, что один нечистый на руку человек работает в морском порту Сан-Франциско; ита-

льянцы узнали, что продажный старший сотрудник таможенной службы работает в Остии; а испанцы поняли, что им следует установить наблюдение за портовым начальником в Сантадере.

Во всех трех случаях Декстер умолял устроить все так, будто к аресту привело случайное обнаружение партии кокаина. Во всех трех странах его просьбу обещали уважить.

Кобре было наплевать на банды, которые занимались розничной торговлей наркотиками в Америке и Европе. Этот сброд его не интересовал. Но после ухода со сцены каждого из помощников Картеля процент перехвата контрабанды кокаина должен был возрасти экспоненциально. А до передачи товара в воротах порта убытки будет нести Картель. Заказы надо будет как-то выполнять. Производя товар и поставляя его заказчику. А это станет невозможным.

Определенно, Альваро Фуэнтес не собирался пересекать Атлантический океан на борту вонючей рыбацкой шхуны вроде «Морской красавицы». В качестве первого заместителя Альфредо Суареса он отправился на «Арко соледад», грузовом судне водоизмещением шесть тысяч тонн.

Корабль был достаточно большим, для того чтобы на нем имелась капитанская каюта, не слишком просторная, но отдельная, и ее занял Фуэнтес. Несчастному капитану пришлось перебраться к старшему помощнику, но он знал свое место и даже не пикнул.

По требованию дона Диего «Арко соледад» направился вместо Монровии, столицы Либерии, в Гвинею-Бисау, где, похоже, крылась главная проблема. Однако он по-прежнему имел в трюме пять тонн чистого кокаина.

Это был один из тех кораблей, на которых Хуан Кортес сотворил свое волшебство. К корпусу ниже ватерлинии были приварены два стабилизатора. Однако эти стабилизаторы имели двойное назначение. Помимо того чтобы уменьшать качку при сильном волнении, облегчая жизнь экипажу, оба пустотелых стабилизатора имели внутри по две с половиной тонны кокаина, уложенного в тщательно упакованные тюки.

Главная проблема с тайниками, расположенными под водой, заключалась в том, что загружать и разгружать их можно было только тогда, когда корпус корабля оказывался извлечен из воды. Это означало или великие сложности с сухим доком и сопряженный с ними риск нежелательных свидетелей, или выход на мелководье во время отлива, что отнимало много драгоценных часов.

Но Кортес оснастил стабилизаторы практически невидимыми защелками, с помощью которых аквалангист мог легко снимать с них целые большие панели. После чего тюки, герметично упакованные и связанные вместе, вытягивались на поверхность, где их поднимало на борт «встречающее» судно.

И, наконец, «Арко соледад» вез в трюмах совершенно законный груз кофе, со всеми необходимыми документами, доказывающими, что товар оплачен и предназначен для некоей торговой компании в Бисау. На этом хорошие новости заканчивались.

Плохие новости заключались в том, что по описанию Хуана Кортеса «Арко соледад» уже давно был выявлен и сфотографирован сверху. Когда корабль пересек тридцать пятый меридиан, «Глобальный ястреб» «Сэм» получила его изображение, произвела сравнение с тем, что хранилось в базе данных, установила совпадение и известила военно-воздушную базу Крич в штате Невада.

Из Невады информация поступила в Вашингтон, и «Балморалу» был отдан приказ идти наперехват. Еще до того, как аквалангисты майора Пикеринга спустились под воду, они уже знали, что именно им искать, где это находится и как приводятся в действие потайные защелки.

На протяжении первых трех дней в море Альваро Фуэнтес строго следовал полученным инструкциям. Каждые три часа, днем и ночью он прилежно отправлял сообщения по электронной почте своей скучающей «жене» в Барранкилью. Эти сообщения были настолько банальными, что в обычной обстановке АНБ в Форт-Миде, штат Мэриленд, не стало бы с ними связываться. Но сейчас, предупрежденные, специалисты по дешифровке вылавливали их из киберпространства и переправляли в Анакотию.

Когда «Сэм», кружащая в воздухе на высоте сорок тысяч футов, увидела, что «Арко соледад» и «Балморал» находятся всего в сорока милях друг от друга, она включила устройство постановки помех, и Фуэнтес погрузился в зону полного молчания. Увидев вертолет, появившийся из-за горизонта и направившийся прямо на корабль, он передал экстренное сообщение. Которое

никуда не дошло.

Команде «Арко соледада» не имело смысла оказывать сопротивление облаченным в черное командос, поднявшимся на борт судна. Капитан, прекрасно разыгрывая негодование, потрясал судовыми документами, декларациями судового груза и копиями заказа на поставку кофе в Бисау. Люди в черном не обратили на него никакого внимания.

На капитана, продолжавшего возмущаться на тему «пиратства», членов команды и Альваро Фуэнтеса надели наручники и черные капюшоны, после чего усадили на корме. Как только они лишились возможности что-либо видеть, постановка помех прекратилась, и майор Пикеринг вызвал «Балморал». Пока корабль-ловушка шел полным ходом к задержанному судну, двое аквалангистов приступили к работе. Им потребовалось чуть больше часа. Спаниели в этот раз не понадобились; они остались на корабле.

Когда «Балморал» подошел к «Арко соледаду», на поверхности моря уже плавали две гирлянды связанных друг с другом туюков. Они оказались настолько тяжелыми, что поднимать их из воды на палубу пришлось грузовой стрелой «Соледада». Оттуда их уже забрал под свою опеку «Балморал».

Фуэнтес, капитан и команда из пяти человек притихли. Даже под капюшонами они слышали скрежет работающей грузовой стрелы и глухие шлепки чего-то мокрого и тяжелого, опускаемого на палубу. Они поняли, что это такое. Жалобы на пиратство прекратились.

Колумбийцы отправились следом за своим грузом на «Балморал». Они догадались, что попали на борт большого судна, но не могли ни назвать, ни описать его. С палубы их провели сразу же в носовой отсек, где уже успел обжиться экипаж «Морской красавицы». Только там с них наконец сняли наручники и капюшоны.

Последними на палубу поднялись британские морские пехотинцы и аквалангисты, с которых ручьями текла вода. В нормальной обстановке водолазы, встретившие «Арко соледад», должны были бы поставить панели стабилизаторов на место, но, учитывая то, куда предстояло отправиться кораблю, панели оставили снятыми.

Последним борт обреченного судна покинул подрывник. Когда корабли разделяло полмили, он нажал взрыватель.

– Насладитесь ароматом кофе, – пошутил подрывник, когда «Арко соледад», вздрогнув, начал крениться на борт, уходя под воду.

И действительно, морской бриз принес слабый запах жареного кофе – на какую-то долю секунды сгорающий пластид нагрел все вокруг до пяти тысяч градусов по Цельсию. Вскоре корабль скрылся под водой.

Одна надувная лодка, оставшаяся на воде, вернулась на место его гибели и подобрала мелкие обломки, которые мог бы заметить острый глаз. Все они были уложены в сетку, снабжены грузом и отправлены на дно. Океан, спокойный и прозрачный, как это всегда бывает в начале сентября, снова стал таким же, каким и был, – пустынным.

Далеко, на колумбийском побережье Атлантики, Альфредо Суарес не мог поверить пришедшим известиям и не мог придумать, как доложить о случившемся дону Диего и остаться в живых. Его смысленный молодой помощник двенадцать часов назад перестал выходить на связь. Это было нарушением приказа, то есть безумием или катастрофой.

К этому моменту Суарес получил сообщение от своих клиентов-кубинцев, контролировавших значительную часть торговли кокаином на юге Флориды, о том, что «Леди Орион» так и не пришла в Форт-Лодердейл. Яхту также не дождался и начальник порта, зарезервировавший для нее лучшее место у причала. Осторожные расспросы позволили установить, что он тоже пытался связаться с Нельсоном Бьянко, но безуспешно. «Леди Орион» опаздывала уже на три дня и не отвечала на запросы.

Конечно, были и успешные поставки партий кокаина, однако цепочка неудач на море и в воздухе плюс большой успех таможни в Гамбурге уменьшили долю благополучной доставки до пятидесяти процентов от отправленного товара. Суарес же обещал дону Диего минимум семьдесят пять процентов благополучной доставки. Впервые у него возникли сомнения в правильности своей политики крупных, но малочисленных партий кокаина, полной противоположности распыленного подхода его покойного предшественника. Суарес не был человеком религиозным, но все же сейчас он молился о том, чтобы неприятности на этом закончились. Но худшее было еще впереди.

В респектабельном историческом центре Александрии на берегу Потомака человек, преисполненный решимости сотворить это «худшее», анализировал первые результаты своей кампании.

Удар наносился с трех сторон. Во-первых, сведения о кораблях, с которыми поработал Хуан Кортес, передавались органам правопорядка – военным морякам, таможенникам, береговой охране, чтобы те задерживали крупные суда в море и «случайно» натыкались на тайники, что приводило как к конфискации кокаина, так и задержанию самих кораблей.

Так приходилось поступать, потому что большинство судов, числящихся в реестре Ллойда, слишком велики, и их бесследное исчезновение неизбежно вызовет панику в морском мире, что приведет к конфликтам на государственном уровне. Страховщики и владельцы готовы без сожаления расставаться с продажной командой и платить штрафы, заявляя о своей полной невиновности, но потеря целого корабля – это уже слишком значительный убыток.

Перехват контрабанды в море на официальном уровне также повлиял на распространенную тактику, которая заключалась в том, что крупный корабль принимал кокаин на борт в открытом море с одной рыбацкой шхуны, а затем, прежде чем войти в порт назначения, выгружал его на другую шхуну, также в открытом море. Такое не могло продолжаться бесконечно или даже хотя бы относительно долго. Несмотря на то, что Хуан Кортес для всех оставался обугленным трупом в могиле на кладбище Картахены, скоро станет очевидно, что кто-то слишком хорошо осведомлен обо всех созданных им невидимых тайниках. Настанет день, когда уже нельзя будет притворяться, будто обнаружение этих тайников происходит раз за разом случайно.

В любом случае никто и не пытался скрыть триумф официальных властей. Обо всех успешных операциях по перехвату кокаина тотчас же сообщалось средствам массовой информации, и это становилось известно Картелю.

Вторым направлением деятельности Кобры была цепочка вроде бы не связанных между собой происшествий в морских портах и аэропортах двух континентов, в ходе которых благодаря роковому стечению обстоятельств были обнаружены крупные партии кокаина, а также задержаны нечистые на руку чиновники правительственных ведомств, выступавшие в качестве «смазки». Это также невозможно было бесконечно долго списывать на волю случая.

Проработавший всю жизнь в контрразведке, Поль Деверо снимал шляпу, что для него было чем-то из ряда вон выходящим, перед Кэлом Декстером, сумевшим раздобыть «крысиный список». Он не спрашивал, кто из руководства Картеля выдал эту информацию, хотя, разумеется, догадывался, что печальная история девушки из Колумбии, задержанной в Нью-Йорке, имела к этому какое-то отношение.

Но Кобре хотелось надеяться, что перебежчик подготовил себе пути отступления, потому что оставлять продажных чиновников на свободе долго не удастся. А с ростом разоблачений в Соединенных Штатах и Европе станет ясно, что кто-то передал правоохранительным органам фамилии и должности.

Хорошая новость – для человека, который сломал Олдрича Эймса и кое-что смыслил в тактике ведения допросов, – заключалась в том, что все эти чиновники, алчные и продажные, не были «крепкими орешками», знакомыми с законами преступного мира. Разоблаченный немец исповедовался в своих грехах, словно наяву встретил Деву Марию. И то же самое будет с остальными. Эти слезливые признания вызовут цепную реакцию новых арестов и обысков. Снежный ком будет нарастать, причем уже без какой-либо посторонней помощи. На это рассчитывал Деверо.

Однако его козырным тузом было третье направление, на подготовку которого он потратил столько времени и сил, а также значительную часть отведенного ему бюджета.

Кобра называл это «фактором замешательства» и на протяжении многих лет использовал его в мире шпионажа. В данном случае речь шла о необъяснимом исчезновении одной партии груза за другой.

Тем временем Деверо собирался втихую выдать еще четырех «крыс». В середине сентября Кэл Декстер потратил целую неделю на разъезды, посетив Афины, Лиссабон, Париж и Амстердам. Во всех четырех случаях его разоблачения вызвали шок и ужас, но при этом он получил заверения в том, что все аресты будут проведены в ходе тщательно подготовленного «случайного» обнаружения партии кокаина. Описав операцию в Гамбурге, Декстер предложил ее в качестве образца.

Он сообщил европейцам о том, что один продажный таможенный чиновник действует в афинском порту Пирей; португальцы получили взяточника в довольно небольшом, но оживленном порту Фару, Франции достался крупный «грызун» в Марселе, а у голландцев возникли проблемы в крупнейшем европейском грузовом порту Роттердама.

Франсиско Понс собирался уходить на покой, и он был чертовски рад этому. Помирившись со своей толстой и некрасивой женой Викторией, он даже смог найти покупателя на свой «Кинг-эр». Он объяснил ситуацию тому человеку, по заказу которого летал через Атлантику, некоему сеньору Суаресу, и тот принял ссылку на возраст и болезни. По договоренности, в сентябре Понсу предстояло совершить последний перелет для Картеля. Ничего страшного не произойдет, заверил он сеньора Суареса; его молодому напарнику не терпится стать первым пилотом и получать соответствующее жалование. Что же касается нового, хорошего самолета, так этот вопрос уже назрел давно. Итак, «Кинг-эр» разбежался по грунтовому аэродрому неподалеку от Форталезы и поднялся в воздух. Маленькая движущаяся точка была обнаружена широкоугольным локатором «Глобального ястреба» «Сэм» и введена в базу данных.

Остальное сделал компьютер. Он идентифицировал движущуюся точку как «Кинг-эр», определил, что самолет вылетел с ранчо Боавишта, показал, что без дополнительных топливных баков внутри фюзеляжа «Кинг-эр» не сможет пересечь Атлантический океан, однако этот самолет взял курс на северо-запад в направлении тридцать пятого меридиана. Дальше была только Африка. Оператор из Невады предупредил майора Жуанью Мендосу и команду наземного обслуживания готовить самолет к вылету.

Приближающийся «Кинг-эр» провел в воздухе уже больше двух часов. Горючее в основных топливных баках в крыльях подходило к концу, управлял самолетом второй пилот. Далеко внизу и впереди «Букканир» ощутил мощный удар реактивного ускорителя, промчался по взлетно-посадочной полосе и с ревом ушел в сторону моря. Ночь стояла безлунная.

Через шестьдесят минут бразильский летчик уже находился в точке перехвата, лениво кружа на трехстах узлах. К юго-западу от него, невидимый в темноте, «Кинг-эр» упрямо летел вперед, теперь уже на горючем из дополнительных баков. Двое крестьян усердно работали ручными насосами, перекачивая топливо.

– Поднимитесь на двенадцать тысяч футов, продолжайте разворот, – произнес теплый женский голос из Невады.

Повинуясь зову этого чарующего голоса, мужчины готовы были идти на смерть. Причина нового указания заключалась в том, что «Сэм» доложила: «Кинг-эр» набрал высоту, поднимаясь над облаками.

Даже в отсутствие луны звезды над Африкой светят ярко, а сплошная облачность, подобно белой простыне, отражает свет, отображая на своей бледной поверхности тени. «Букканир» вышел на исходную позицию в пяти милях позади «Кинг-эра» и в тысяче футов над ним. Мендоса окинул взглядом раскинувшееся перед ним молочно-белое плато. Оно не было абсолютно плоским; тут и там над ним поднимались клубы кучевых облаков. Бразильский летчик сбросил скорость, опасаясь проскочить мимо цели.

Наконец он ее увидел. Лишь тень между двумя вздыбившимися облаками. Тень исчезла, затем появилась снова.

– Вижу цель, – доложил Мендоса. – Ошибки быть не может?

– Никакой ошибки, – прозвучал голос у него в ушах. – Ничего другого в небе нет.

– Вас понял. Атакую.

– Разрешение на атаку дано.

Мендоса прибавил газ, сокращая расстояние. Поднял предохранительную крышку. Цель плавно всплыла в прицел, приближаясь. Четыреста метров.

Два вырвавшихся из-под крыльев потока снарядов сошлись в хвостовой части «Кинг-эра». Хвостовое оперение развалилось на куски, но снаряды устремились дальше, сквозь дополнительные топливные баки к кабине. Оба крестьянина, работавших насосами, умерли в десятую долю секунды, разорванные в клочья; двое пилотов повторили бы их участь, но сдетонировавшее горючее сделало дело быстрее. Как и «Трансолл», «Кинг-эр» взорвался, разлетелся на части и огненным дождем пролился сквозь пелену облаков.

– Цель уничтожена, – доложил Мендоса.

Еще одна тонна кокаина не попадет в Европу.
– Можете лететь домой, – произнес голос. – Ваш курс...

У Альфредо Суареса не было выбора. Он вынужден был доложить дону Диего о длинной череде неудач, потому что его вызвали. Хозяин Картеля не смог бы оставаться в живых в самой опасной, пожалуй, среде на земле, если бы не обладал шестым чувством, способным улавливать угрозы.

Дон Диего заставил главу службы транспортировки выложить ему все. Два корабля и теперь вот два самолета пропали, так и не достигнув Гвинеи-Бисау; две «быстроходные штучки» в Карибском море так и не прибыли на место встречи, и больше их никто не видел, вместе с восемью членами команды; светский повеса исчез с тонной чистого кокаина, предназначенного для кубинских клиентов во Флориде. И еще катастрофа в Гамбурге.

Суарес ожидал, что дон Диего взорвется в гневе. Но произошло обратное. Еще в детстве дон Диего научили, что даже если раздражаться из-за мелочей, крупные неприятности требуют благородного спокойствия. Дон Диего попросил Суареса остаться за столом. Сам он раскурил тонкую черную трубку и отправился прогуляться в сад.

Внутри у него бурлила убийственная ярость. Дон Диего дал себе слово, что будет кровь, много крови. Будут крики. Будет смерть. Но сперва необходимо тщательно проанализировать случившееся.

Против Роберто Карденаса пока что ничего не было. Разоблачение одного из купленных им чиновников в Гамбурге, скорее всего, явилось досадной неудачей. Случайностью. Но только не все остальное. Только не пять кораблей в море и два самолета в воздухе. И правоохранительные органы тут ни при чем: они созвали бы пресс-конференции, похвалялись бы конфискованными тюками. Дон Диего к этому привык. Пусть злорадствуют по поводу крошек. В целом кокаиновая индустрия приносила свыше трехсот миллиардов долларов в год. Прибыли были такими огромными, что никакие аресты не могли остановить армию добровольцев, с криками стремящихся занять место убитых и попавших за решетку; Билл Гейтс и Уоррен Баффет³⁹ по сравнению с Картелем казались уличными торговцами. За один год кокаин приносил больше, чем совокупное состояние каждого из них.

Но исчезновение груза – это было опасно. Чудовище, закупающее кокаин, необходимо кормить. Картель мстителен и жесток, но то же самое можно сказать про итальянские, мексиканские, кубинские, турецкие, албанские, испанские и прочие преступные группировки, готовые безжалостно убивать за одно неверно сказанное слово.

Итак, если это не случайное совпадение, а рассудок уже отказывался принимать подобное объяснение, кто же похищает товар и убивает людей, так что целые партии исчезают бесследно?

Дон Диего видел в происходящем измену или воровство, что было лишь другой формой измены. А на измену мог быть только один ответ. Найти виновных и наказать их с неукротимой жестокостью. Кто бы они ни были, им будет преподан урок. Ничего личного, но обращаться так с доном Диего нельзя.

Дон вернулся к своему дрожащему от страха гостю.
– Пришли ко мне Мускула, – сказал он.

Глава 12

Пако Вальдес, Мускул вылетел в Гвинею-Бисау вместе с двумя своими подручными. Дон Диего не собирался рисковать новыми потерями в море. Как не было у него и намерения ублажать американское УБН, заставляя своих помощников летать регулярными авиарейсами.

К концу первой декады третьего тысячелетия наблюдение и контроль за всеми пассажирами межконтинентальных авиалиний стали настолько тотальными, что Вальдеса с его необычной внешностью обязательно заметили бы и установили за ним наблюдение. Поэтому троим колумбийцам пришлось лететь через океан на личном «Груммане Г-4» дона Диего.

Дон Диего был абсолютно прав... но только отчасти. Однако двухмоторному частному са-

³⁹ Баффет, Уоррен — американский финансист, филантроп, один из богатейших людей в мире.

молету все равно пришлось лететь практически по прямой из Боготы в Гвинею-Бисау, а это привело его в зону наблюдения «Глобального ястреба» «Сэм». Поэтому «Грумман» был замечен, идентифицирован и занесен в базу данных. Узнав об этом, Кобра удовлетворенно усмехнулся.

Мускула встретил в аэропорту лично представитель Картеля в Гвинею-Бисау Игнасио Ромеро. Несмотря на старшинство в возрасте, Ромеро был очень почтителен по отношению к гостю. Во-первых, Вальдес был личным посланником дона Диего; во-вторых, одно его имя наводило ужас в мире торговли кокаином; и, в-третьих, Ромеро был вынужден доложить о неприбытии четырех крупных партий товара, двух морем и двух воздухом.

Потеря груза была неизбежной в торговле кокаином. Эти потери, особенно на пути товара в Северную Америку и Европу, порой достигали пятнадцати процентов. Дон Диего принимал это до тех пор, пока объяснения были логичными и убедительными. Но за все пребывание Ромеро на посту представителя Картеля в Западной Африке общие потери в Гвинею-Бисау были близки к нулю, вот почему за последние пять лет доля кокаина, попадающего в Европу африканским путем, увеличилась с двадцати до семидесяти процентов.

Ромеро очень гордился своими цифрами благополучной доставки. У него в распоряжении на островах Бижагуш имелась целая флотилия лодок и несколько быстроходных «рыбацких» шхун, оснащенных навигаторами GPS, позволяющими с ювелирной точностью выходить на место встречи в открытом море для передачи груза кокаина.

В дополнение к этому Ромеро мог в любой момент воспользоваться услугами военных. Вся тяжелую работу по разгрузке выполняли солдаты генерала Дьялу Гомеша; сам генерал получал свою щедрую долю в виде кокаина и осуществлял собственные поставки наркотика на север в Европу, действуя в тесном контакте с нигерийцами. Отмывая деньги через западноафриканских представителей ливанских банков, генерал Гомеш уже был состоятельным человеком по мировым стандартам, а по местным меркам он вообще считался Крезом.

И вдруг вот это. Четыре партии товара не просто пропали, но исчезли бесследно, и не было даже никаких намеков на то, какая судьба их постигла. Ромеро горел желанием всячески помочь посланнику дона Диего; его несколько успокоило то, что человек по прозвищу Животное отнесся к нему добродушно и дружески. Однако уж ему-то следовало знать, что к чему.

Как всегда, когда в аэропорту предьявлялся колумбийский паспорт, все формальности исчезали. Экипажу из трех человек было предписано жить на борту «Г-4», пользоваться удобствами зала ожидания для пассажиров первого класса, какие в нем имелись, и не покидать самолет, не оставив в нем по крайней мере одного человека. После чего Ромеро провез гостей в роскошном джипе через разоренный войной город в свой особняк, расположенный на берегу моря в десяти милях от Бисау.

Вальдес захватил с собой двух подручных. Один из них был невысокого роста, но широкоплечий и мускулистый, другой высокий, тощий, с изрытым оспой лицом. Все трое пронесли с собой сумки, избежавшие досмотра. Каждому специалисту в работе нужны инструменты.

Мускул произвел на Ромеро впечатление человека неприхотливого. Он потребовал предоставить ему собственную машину и спросил, где можно хорошо пообедать за городом. Ромеро предложил ресторан «Мар Азуль» на берегу реки Мансунья у Киньямеля, славящийся блюдами из свежих омаров. Он хотел было отвезти туда гостей сам, но Вальдес небрежно отмахнулся, взял карту и уехал, усадив за руль мускулистого коротышку. Они отсутствовали почти весь день.

Ромеро был озадачен. Посланца дона Диего несколько не интересовали его абсолютно надежные методы приема груза и дальнейшей его переправки на север Африки и в Европу.

На второй день Вальдес заявил, что обед на берегу реки оказался просто прелестным и сегодня его следует повторить уже всем четверым. Он сел в джип рядом с мускулистым коротышкой, который занял место личного водителя Ромеро. Ромеро и тощий устроились сзади.

Похоже, новоприбывшие успели хорошо изучить дорогу. Практически не сверяясь с картой, они безошибочно проехали через Киньямель, неофициальную столицу племени папель. Племя папель лишилось прежнего влияния, после того как президент Вейра, выходец из него, год назад был разрублен на куски военными. Диктатором стал генерал Дьялу Гомеш, представитель племени баланта.

Сразу за городом дорога к ресторану, обозначенная указателем, отвернула от шоссе и еще шесть миль петляла среди песков. На полпути Вальдес кивнул своему соседу, и тот свернул на узкий проселок, ведущий к заброшенной ферме, где когда-то выращивался кешью. Тут Ромеро

начал жалобно скулить.

– Помолчите, сеньор, – тихо промолвил Мускул.

Когда стало ясно, что Ромеро не перестанет твердить о своей невинности, тощий достал нож с узким лезвием и приставил его к горлу африканца. Ромеро заплакал.

Ферма была немногим лучше сарая, но внутри оказался стул. Объятый ужасом Ромеро не заметил, что кто-то заранее предусмотрительно прикрутил ножки к полу, чтобы стул не качался.

Мучители действовали равнодушно и деловито. Вальдес лишь разглядывал окружающие деревья кешью, разросшиеся и увешанные перезревшими плодами. На его херувимском лице витала рассеянная улыбка. Его подручные вытащили Ромеро из джипа, отвели на ферму, раздели его до пояса и привязали к стулу. То, что последовало дальше, заняло целый час.

Животное пристально наблюдал за происходящим, потому что получал от этого наслаждение, до тех пор, пока Ромеро не потерял сознание, после чего взял допрос в свои руки. Его подручные с помощью нашатыря привели местного представителя Картеля в чувство, а затем Вальдес просто задал вопрос. Всего один. Как Ромеро поступил с похищенным товаром?

Через час все было почти кончено. Человек на стуле уже не кричал. Его распухшие губы издавали лишь слабый стон в виде слова «не-е-е-ет». После небольшой паузы двое мучителей продолжили истязания. Мускулистый бил, тощий резал. Каждый занимался тем, что у него получалось лучше всего.

К концу Ромеро невозможно было узнать. У него не осталось ни ушей, ни глаз, ни носа. Все костяшки пальцев были раздроблены, ногти вырваны. Стул стоял в луже крови.

Заметив что-то у себя под ногами, Вальдес нагнулся и вышвырнул это в открытую дверь навстречу обжигающему глаза солнечному свету. Через мгновение к окровавленному куску мяса приблизился шелудивый пес. Пасть у него была в белой пенистой слюне. Пес был бешеный.

Достав пистолет, Мускул передернул затвор, прицелился и сделал выстрел. Пуля перебила оба бедра пса. Похожая на лисицу тварь пронзительно взвизгнула и повалилась на землю, беспомощно скребя передними лапами, поскольку от обеих задних больше не было толка. Вальдес обернулся к своим подручным, убирая пистолет в кобуру.

– Прикончите его, – тихо промолвил он. – Он тут ни при чем.

То, что осталось от Ромеро, умерло от удара ножа в сердце.

Три человека из Боготы даже не попытались спрятать то, что сделали. Эту задачу можно оставить заместителю Ромеро Карлосу Соноре, который отныне займет его место. Уборка кровавого месива станет целебной процедурой, которая обеспечит лояльность в будущем.

Трое колумбийцев сняли забрызганные кровью дождевики и свернули их. Все трое промокли насквозь от пота. Покидая ферму, они проследили за тем, чтобы держаться подальше от покрытой пеной морды умирающего пса. Тот валялся на земле, беспомощно щелкая челюстями, так и не добравшись самую малость до лакомого кусочка, выманившего его из логова. Это был человеческий нос.

На следующий день Пако Вальдес в сопровождении Соноры нанес визит вежливости генералу Дьялу Гомешу, который принял его в своем кабинете в главном штабе армии. Объяснив, что в Колумбии так принято, Вальдес передал своему досточтимому африканскому коллеге личный подарок от дона Диего Эстебана. Это была большая керамическая ваза для цветов, тонкой работы, расписанная вручную.

– Это для цветов, – сказал Вальдес, – чтобы вы, глядя на них, вспоминали наши дружеские и взаимовыгодные отношения.

Сонора перевел его слова на португальский. Тощий набрал в вазу воды. Мускулистый принес букет цветов. Все получилось очень красиво. Генерал сиял. Никто не обратил внимание на то, что воды в вазе поместилось совсем немного, а стебли цветов были коротко обрезаны. Перед уходом Вальдес запомнил номер телефона на столе, одного из немногих в Бисау, который действительно работал.

На следующий день было воскресенье. Гости из Боготы приготовились к отъезду. Соноре предстояло отвезти их в аэропорт. Когда машина проезжала в полумиле от армейского штаба, Вальдес приказал остановиться. Со своего сотового телефона, подключенного к сети местного оператора МТН, услугами которого пользовались только местная элита, белые и китайцы, он набрал номер телефона в кабинете генерала Гомеша.

Генералу потребовалось несколько минут, чтобы пройти из личной комнаты отдыха в свой

кабинет. Как только он снял трубку, стоя в ярде от вазы, Вальдес нажал кнопку детонатора.

Взрыв обрушил большую часть здания штаба, превратив кабинет генерала Гомеша в груды развалин. От тела диктатора было найдено всего несколько небольших фрагментов, которые были отправлены на земли племени баланта, где их похоронили согласно древним обычаям.

– Вам потребуется новый деловой партнер, – сказал Вальдес Соноре по дороге в аэропорт. – Честный. Дон Диего не любит воров. Позаботьтесь об этом.

«Грумман» уже был готов подняться в воздух, полностью заправленный. Когда он пролетал севернее бразильского острова Фернанду-ди-Норонья, «Сэм» его заметила и доложила на базу Крич. Сообщение об очередном перевороте в Западной Африке попало в выпуск мировых новостей Би-би-си, но поскольку этот сюжет не сопровождался видеокадрами, его быстро сняли с эфира.

Через несколько дней другой новостной сюжет также не привлек к себе особого внимания, но он уже был сделан компанией Си-Эн-Эн в Нью-Йорке. Депортация из аэропорта имени Кеннеди простой колумбийской студентки обратно в Мадрид после того, как в Бруклине против нее были сняты обвинения в попытке контрабанды кокаина, вряд ли удостоилась бы освещения в эфире. Но кто-то дернул за нужную ниточку, и на место выехала съемочная группа.

В вечернем выпуске новостей вышел двухминутный сюжет. К девяти часам вечера его уже сняли из эфира по распоряжению главной редакции. Но те, кто успел его просмотреть, увидели, как машина СИН подкатила к залу международных вылетов и два маршала проводили очень красивую, но подавленную девушку до паспортного контроля, где их никто не остановил.

Диктор за кадром просто рассказал о том, что мисс Аренья стала жертвой продажного сотрудника багажного отделения мадридского аэропорта, который подбросил ей в чемодан килограмм кокаина. Несколько недель назад наркотик был обнаружен в результате выборочной проверки в аэропорту имени Кеннеди. Задержание контрабандиста кокаином в Испании и его полное признание позволили снять все обвинения с колумбийской студентки, которая, выйдя на свободу, смогла вернуться к занятиям на факультете изящных искусств Мадридского университета.

Этот сюжет не имел никакого резонанса, однако в Колумбии его заметили и записали. В дальнейшем Роберто Карденас неоднократно прокручивал эту запись, которая позволяла ему посмотреть на свою дочь, которую он не видел уже много лет, и вспомнить свою жену Кончиту, отличавшуюся редкой красотой.

В отличие от многих представителей высшего эшелона торговли кокаином, у Карденаса так и не возникла тяга к роскоши и разврату. Выходец из трущоб, он с боем прокладывал себе дорогу в старых картелях. Карденас одним из первых заметил восходящую звезду дона Диего и осознал преимущества централизации и объединения. Вот почему дон, убежденный в его преданности, принял Карденаса в «Эрмандад» на самом раннем этапе.

Карденас обладал звериными инстинктами; он знал свой лес, чуял опасность и всегда сводил старые счеты. У него была только одна слабость, и эту слабость разоблачил некий адвокат, чьи слишком частые визиты в Мадрид были замечены одним любителем поплавать по «всемирной паутине» из Вашингтона. Когда Кончита, после расставания с мужем воспитывавшая Летицию одна, умерла от рака, Карденас вытащил свою дочь из гнезда ядовитых змей, в котором был обречен жить сам, поскольку не знал никакого другого.

После разоблачения Эберхардта Мильха в Гамбурге ему следовало спастись бегством. Он это понимал; чутье его не подвело. Но он ненавидел то, что называлось «заграницей»; он умел лишь заведовать отрядом продажных чиновников в других странах через команду молодых ребят, которые ориентировались за рубежом как рыбы в коралловых рифах. Карденас просто не захотел никуда бежать.

Подобно зверю, он непрестанно перемещался из одного логова в другое, даже в «своем лесу». У него было больше пятидесяти тайных убежищ, в основном вокруг Картахены, и он покупал сотовые телефоны с заранее оплаченным счетом, словно леденцы, выбрасывая их в реку после одного-единственного звонка. Карденас был настолько неуловимым, что порой посланцам Картеля приходилось искать его по целым суткам, а то и больше. А полковнику Дос-Сантосу, деятельному главе разведки отдела по борьбе с наркотиками уголовной полиции, так и не удалось выйти на него.

Свои логова Карденас устраивал в неприметных домах простых рабочих. Обстановка в них

была простая, даже спартанская. Но была у него одна слабость, в которой он себе никогда не отказывал: телевизор. У него были лучший плазменный телевизор самой последней модели и самая чувствительная спутниковая «тарелка», и он повсюду возил их с собой.

Карденас любил сидеть перед телевизором с упаковкой бутылок пива и переключать каналы или смотреть видеодиски. Ему нравились мультфильмы, потому что они заставляли его смеяться, а он по своей натуре был не из веселых. Ему нравились «полицейские» сериалы, потому что в них можно было насмеяться над некомпетентностью преступников, которых неизменно ловили, и над беспомощностью полицейских, которым так и не удавалось схватить Роберто Карденаса.

И еще Карденас любил смотреть один записанный новостной сюжет, который он прокручивал снова и снова. В нем показывали красивую, но осунувшуюся девушку в зале вылетов аэропорта имени Кеннеди. Нередко Карденас останавливал воспроизведение и по полчаса разглядывал один кадр. Он понимал, что после того, на что ему пришлось пойти ради этого сюжета, рано или поздно кто-нибудь совершит ошибку.

Кто бы мог предположить, что ошибка случится не где-нибудь, а в Роттердаме. Том самом древнем голландском городе, который едва ли узнал бы кто-либо из купцов, живших в нем сто лет назад, или даже английский солдат, прошедший через него в суматохе поцелуев и цветов в начале 1945 года. Лишь небольшой Старый город сохранил элегантные особняки восемнадцатого столетия, но громадный порт был отстроен заново, по сути дела являлся самостоятельным городом из стали, стекла, бетона, хрома, воды и кораблей.

В то время как разгрузка огромного количества нефти, необходимой для функционирования Европы, осуществляется на искусственных островах с насосами и трубами, расположенных в море, основной специальностью Роттердама является выгрузка контейнеров. Хотя и уступающий размерами гамбургскому, здешний порт такой же современный и механизированный.

Голландская таможня, работая в тесном сотрудничестве с полицией и употребляя избитую фразу, «действуя в соответствии с полученной информацией», разоблачила и задержала старшего таможенного инспектора по имени Петер Хогстратен.

Однако этот хитрый и изворотливый чиновник намеревался добиться снятия с себя всех обвинений. Он знал, что сделал и где хранятся его деньги, переведенные Картелем на его банковский счет. Хогстратен собирался выйти на пенсию и насладиться своим состоянием вплоть до последнего цента. У него не было ни малейшего желания признавать свою вину и в чем-либо сознаваться. Он намеревался разыграть свои «гражданские права» и «права личности» до последней карты. И тревожило его только то, откуда правоохранительным органам известно так много. Кто-то где-то выдал его с потрохами; в этом Хогстратен был уверен.

Гордящиеся своими сверхлиберальными законами Нидерланды приняли у себя огромный преступный мир, и, возможно, вследствие крайней вседозволенности значительная часть этого мира находилась в руках иностранцев-неевропейцев.

Хогстратен работал в основном с одной такой бандой, состоящей из турок. Он знал правила торговли кокаином. Товар принадлежал Картелю до тех пор, пока не выезжал за ворота контейнерного порта на автострады Европейского союза. Только тогда он переходил в руки турецкой мафии, которая заплатила пятьдесят процентов авансом, а вторую половину доплачивала после получения кокаина. Поэтому партия, перехваченная голландской таможней, должна была нанести удар по обеим сторонам.

Туркам придется заказывать новую партию кокаина, при этом они наотрез откажутся платить новый аванс. Но у турок имелись свои получатели, которые также сделали заказ и ждали товар. Умение Хогстратена проводить контейнеры и другой груз через таможню было неоценимым, и он получал за свою работу очень неплохие деньги. Продажный чиновник был лишь одним звеном на пути кокаина из колумбийских джунглей до голландской вечеринки, состоявшем не меньше чем из двадцати уровней различных участников, которым приходилось выплачивать свою долю, но его роль была решающей.

Ошибка произошла вследствие личных проблем старшего следователя Ван дер Мерве. Всю свою жизнь он проработал в Королевской таможне Нидерландов. Через три года после начала службы он перешел в отдел криминальных расследований и на протяжении многих лет перехватил горы контрабанды. Но годы берут свое. Ван дер Мерве страдал от простатита и пил слишком

много кофе, что являлось дополнительной нагрузкой на его и без того ослабленный мочевой пузырь. Молодые коллеги втихомолку посмеивались над ним, но страдалец не видел в этом ничего смешного. На середине шестого допроса Петера Хогстратена он просто вынужден был выйти в туалет.

С этим не должно было возникнуть никаких проблем. Ван дер Мерве кивнул своему коллеге, показывая, что всем пора сделать маленький перерыв. Коллега произнес в микрофон: «Допрос прерван на...» и выключил цифровое записывающее устройство. Хогстратен заявил, что хочет курить, а это означало, что его нужно отвести туда, где курение разрешено.

Политкорректность это запрещает, но гражданские права разрешают. Ван дер Мерве мечтал о том, как удалится на покой в свой сельский дом неподалеку от Гронингена, к любимым саду и огороду, где сможет до конца дней своих заниматься тем, что ему так нравится. Все трое встали.

Ван дер Мерве повернулся, задев полкой пиджака папку, лежавшую на столе перед ним. Кожаная папка развернулась на девяносто градусов, и из нее вывалилась страница. На ней был напечатан столбик цифр. Через мгновение страница уже снова оказалась в папке, но Хогстратен успел ее разглядеть. Он узнал эти цифры. Это были выписки с его счета в банке на островах Теркс и Кайкос.

Лицо продажного чиновника осталось бесстрастным, но у него в голове вспыхнул свет. Ублюдок-следователь получил доступ к секретной банковской информации. Помимо Хогстратена, только два источника могли знать эти цифры. Одним источником был сам банк; вторым был Картель, перечислявший деньги на счет. Хогстратен сомневался в том, что информацию выдал банк, если только американское УБН не взломало компьютерную систему защиты его счетов.

Конечно, такое было возможно. В настоящее время ничего действительно непреодолимого не осталось; это относится даже к защитным системам АНБ и Пентагона, что уже было неоднократно доказано. В любом случае, Картель следовало предупредить о серьезной утечке. Хогстратен понятия не имел, как связаться с колумбийским Картелем, о чьем существовании он читал в большой статье в журнале «Телеграф», посвященной проблеме кокаина. Но турки должны были это знать.

Через два дня на судебном заседании, посвященном ходатайству об освобождении из-под стражи под залог, удача отвернулась от голландской таможни во второй раз. Судьей был известный поборник гражданских прав, неофициально выступающий за легализацию кокаина, который употреблял сам. Он удовлетворил ходатайство; Хогстратен вышел на свободу и позвонил кому следует.

В Мадриде старший следователь Пако Ортега наконец нанес удар, причем с полного благословения Кэла Декстера. Адвокат Хулио Лус, занимавшийся отмыванием денег, был ему больше не нужен. Проверка в базе данных аэропорта Боготы показала, что Лус, как обычно, вылетает в Мадрид.

Ортега дождался, когда колумбийский адвокат выйдет из банка, в то время как двое банковских сотрудников вынесли из служебного входа два тяжелых чемодана. Внезапно словно пролились дождем вооруженные бойцы Гражданской гвардии, которыми руководили сотрудники СБНОП в штатском.

В переулке за банком, по сигналу человека из СБНОП, дежурившего на крыше расположенного в пятистах метрах здания, вместе с двумя банковскими сотрудниками и чемоданами задержали двух мужчин, которые, как было установлено впоследствии, были боевиками галисийской преступной группировки. В чемоданах находилось «сведение счетов» за две недели между объединенным преступным миром Испании и колумбийским Картелем.

Общий улов составил больше десяти миллионов евро, в пачках банкнотов по пятьсот евро. В еврозоне эту купюру можно встретить крайне редко, ее достоинство такое высокое, что ее практически невозможно использовать в обычном магазине. Единственным ее предназначением является выплата крупных сумм наличными, и есть только один бизнес, где подобные выплаты совершаются регулярно.

Хулио Лус был арестован на выходе из банка, а внутри – оба брата Гусмана и главный бухгалтер. Предъявив судебный ордер, сотрудники СБНОП изъяли все книги и записи. Для того

чтобы доказать трансконтинентальный сговор с целью отмывания денег, потребуются месяцы работы лучших бухгалтеров, но два чемодана с наличными обеспечили достаточные основания для задержания. Просто нельзя было законным образом объяснить их передачу преступной группировке. Но все было бы значительно проще, если бы кто-либо сознался.

Галисийских бандитов по пути в камеру провели мимо открытой двери. За ней Пако Ортега угощал кофе и печеньем расстроенного Хулио Луса. Следователь сиял, подливая адвокату в чашку кофе.

Один из гвардейцев в форме злорадно ухмыльнулся, обращаясь к задержанным:

– Вот тот тип, благодаря которому вам светит пожизненный срок в исправительной тюрьме Толедо.

Сидящий в кабинете колумбийский адвокат обернулся к двери и на мгновение встретился взглядом с хмурым бандитом. У него не было времени возразить, заявив о своей непричастности. Конвоиры увели задержанных по коридору. Через два дня одному из них удалось бежать, когда его переводили из следственного отдела в центре Мадрида в тюрьму на окраине города.

Судя по всему, имело место ужасное нарушение основных режимных требований, и Ортега принес глубокие извинения своему начальству. Наручники на задержанном были застегнуты плохо, и в машине ему удалось освободить одну руку. Машина не стала заезжать во двор тюрьмы, а остановилась за воротами. Двоих задержанных повели по улице, и вдруг один из них вырвался и бросился наутек. Погоня, к сожалению, получилась слишком медленной, и ему удалось скрыться.

Через два дня Пако Ортега вошел в камеру к Хулио Лусу и объявил о том, что он не смог добиться продления предварительного содержания под стражей. Адвокат свободен. Более того, завтра утром его доставят в аэропорт и посадят в самолет авиакомпании «Иберия», вылетающий в Боготу.

Хулио Лус провел бессонную ночь в камере, размышляя о том, как ему быть. У него не было ни жены, ни детей, и впервые он был рад этому. Родители его давно умерли. Ничто не связывало его с Колумбией, и он панически боялся дона Диего.

Тюремный «телеграф» гудел новостью о побеге галисийского бандита, которого так и не смогли поймать. Определенно, приятели с северо-запада укрыли его в столице и обеспечили благополучное возвращение домой.

В ушах у Хулио Луса стоял голос гражданского гвардейца, сказавшего откровенную ложь. Утром колумбиец отказался покинуть тюрьму. Его адвокат был в ужасе. Лус упорно стоял на своем.

– Сеньор, боюсь, у вас нет выбора, – улыбнулся старший следователь Ортега. – Похоже, нам не удалось предъявить вам обвинение. Ваш адвокат оказался слишком хитер. Вы должны будете вернуться в Боготу.

– Но если я сделаю добровольное признание?

В камере наступила полная тишина. Затем адвокат Луса вскинул руки и выскочил в коридор. Он сделал все, что только было в его силах. И добился успеха. Но даже он не мог защищать глупца. Пако Ортега проводил Луса в комнату для допросов.

– А теперь, – сказал он, – давайте поговорим. Поговорим по-настоящему. О многих вещах. Разумеется, если вы действительно хотите получить убежище в нашей стране.

Третий удар Жуанью Мендоса нанес по бывшему французскому «Норталасу», которого даже в свете луны невозможно было ни с чем спутать благодаря сдвоенному хвостовому оперению и открывающемуся назад грузовому люку. Самолет даже не направлялся в Гвинею-Бисау.

Море у Дакара, столицы Сенегала, расположенного к северу от Гвинеи-Бисау, буквально кишит рыбой и привлекает рыболовов-спортсменов со всего мира. В пятидесяти милях от побережья в открытом море ждала большая яхта. Быстроходное белое судно служило отличной маскировкой, потому что высокие утлегари и ряд рыболовных удочек на корме снимали любые подозрения.

«Голубой марлин» плавно покачивался на ночных волнах, словно дожидаясь начала утреннего клева. Благодаря удобствам системы GPS, яхта находилась именно там, где должна была находиться, с точностью до квадрата размером сто на сто метров. И команда ждала с мощным прожектором, чтобы при звуке приближающихся двигателей высветить в небо услов-

ный код. Гул двигателей так и не разорвал ночную тишину.

Двигатели перестали работать в пятистах милях к юго-западу от места встречи и теперь лежали на морском дне вместе с прочими обломками «Норталаса». На рассвете команда «Голубого марлина», которую несколько не интересовала рыбная ловля, вернулась в Дакар и отправила по электронной почте кодовое сообщение, докладывая о том, что условленная встреча не состоялась и в трюме под машинным отделением тонны кокаина нет.

Когда сентябрь перешел в октябрь, дон Диего Эстебан созвал чрезвычайное совещание. Не столько для анализа ситуации, сколько для ее посмертного вскрытия.

Из членов правления Картеля отсутствовали двое. Новость об аресте в Мадриде Хулио Луса уже пришла, однако еще не было известно о том, что адвокат переметнулся на другую сторону.

С Роберто Карденасом так и не удалось связаться. Дона Диего все больше раздражала привычка уроженца Картахены бесследно исчезать в джунглях, не отвечая на вызовы по сотовому телефону. Однако главным вопросом в повестке дня были цифры, а держать ответ приходилось Альфредо Суаресу.

Положение было отвратительным и становилось только еще хуже. Предварительно оплаченные заказы требовали, чтобы минимум по триста тонн чистого кокаина поступало ежегодно в Соединенные Штаты и Европу. К этому времени года уже по двести тонн должны были быть благополучно доставлены заказчикам. В действительности эта цифра была меньше одной сотни.

Катастрофы происходили на трех фронтах. В морских портах Америки и Европы с возрастающей регулярностью брались на выборочную проверку контейнеры с контрабандным грузом, слишком часто, чтобы это можно было объяснить чистой случайностью. Дону Диего уже давно с вопиющей очевидностью стало ясно, что он подвергся целенаправленному удару. Черное облако подозрения опустилось на «диспетчера», Альфредо Суареса. Ему одному было известно, какой именно из контейнеров содержит дополнительный груз – кокаин.

В свою защиту Суарес сказал, что из ста с лишним портов на двух континентах, через которые проходят контейнеры, лишь в четырех в последнее время таможня регулярно осуществляет успешные перехваты. Он не мог знать, что на очереди значатся еще семь портов: Кобра приготовился назвать новые имена продажных чиновников из «крысиного списка».

Второй фронт был связан с кораблями в море. Произошло резкое увеличение количества крупных судов, которые останавливались посреди океана и подвергались досмотру. Все это были большие корабли. В некоторых случаях кокаин тайно принимался на борт еще в порту отправления и хранился до тех пор, пока корабль не пришвартовывался в порту назначения.

Но Суарес значительно расширил практику того, что судно покидало порт «чистым» и принимало несколько тонн кокаина с рыбацкой шхуны или быстроходного катера уже в открытом море. И таким же образом товар выгружался, за сотню миль до прибытия в порт назначения. После чего корабль прибывал уже «чистым», как это было с «Вирхен де Вальме» в Сиэтле.

Недостаток данного способа заключался в том, что не было никакой возможности скрыть перегрузку контрабандного товара от глаз всей команды. Иногда для досмотра останавливались корабли, действительно не имеющие контрабанды, и в этих случаях таможенникам приходилось уходить с пустыми руками, принеся искренние извинения. Однако доля обнаруженных тайников, которые ни за что не должны были быть найдены, была слишком высокой.

В Западном полушарии этим занимались военно-морские флоты трех государств – Канады, США и Мексики, вместе с таможенниками и службами береговой охраны патрулирующими в открытом море вдали от побережья. В Восточном полушарии заметно увеличилась активность военно-морских флотов четырех европейских держав.

Согласно официальной западной пропаганде, этими успехами правоохранительные органы были обязаны появлению новых устройств, разработанных на основе технологий, позволяющих обнаружить человеческое тело, спрятанное в толще бетона, которые уже давно использовались отделами по расследованию убийств полицией всех стран мира. Эти устройства, как гласило официальное разъяснение, способны проникать сквозь сталь, подобно рентгеновским лучам, показывая пакеты и тюки, спрятанные в тайниках, созданных покойным Хуаном Кортесом.

Но арестованное судно не может приносить доход, и даже та крошечная доля торговых кораблей, которые прежде были готовы идти на риск, беря на борт контрабанду, теперь отворачи-

вались от Картеля, несмотря на щедрые выплаты наличными.

Однако наибольшее беспокойство дона Диего вызывал третий фронт. Даже неудачи имели какие-то причины; даже катастрофы имели какие-то объяснения. Главе Картеля не давала покоя сплошная череда бесследных исчезновений.

Дон Диего не знал о двух «Глобальных ястребах», которые в рамках СНМП, Службы наблюдения за морскими просторами, следили за Карибским морем и Атлантическим океаном. Он не знал ни об идентификации по плану палубы, которая за считанные секунды осуществлялась «Мишель» и «Сэм» и передавалась на авиабазу Крич в Неваде, ни о списке судов, составленном Хуаном Кортесом, который теперь хранился в Вашингтоне. Дон Диего не знал о способности «Ястребов» блокировать всю связь по радио, электронной почте и сотовым телефонам в радиусе целой мили. И он не знал о двух кораблях-ловушках, выдающих себя за обычные зерновозы, один из которых плавал в Карибском море, а другой бороздил просторы Атлантики.

И самое главное, дон Диего даже не догадывался о том, что правила игры изменились и теперь корабли безжалостно топились, команды арестовывались, а груз конфисковывался без лишних формальностей и без огласки. Он только знал, что корабли и самолеты бесследно исчезают один за другим. Он даже не подозревал, что по новым законам с его Картелем обращаются как с международными террористами.

И последствия не заставили себя ждать. Мало того что становилось все труднее найти крупные торговые суда, готовые пойти на риск; «быстроходными штучками» управляли опытные моряки, а не простые портовые громилы, и ценились они на вес золота; а вольнонаемные пилоты вдруг повадились отвечать, что их самолеты неисправны и не могут подняться в воздух.

Дон Диего обладал логическим мышлением и при этом страдал маниакальной подозрительностью. Только это позволяло ему оставаться в живых и зарабатывать огромные деньги. И сейчас он был абсолютно убежден в том, что виной всему предатель, который проник в самое сердце Картеля, Братства, «Эрмандада». Дон бессонными ночами развлекался тем, что представлял себе, как расправится с подлым ублюдком, когда его разоблачит.

Слева от дона Диего кто-то робко кашлянул. Это был Хосе-Мария Ларго, глава службы сбыта.

– Дон Диего, мне очень нелегко это говорить, но я должен. Наши клиенты на обоих континентах начинают беспокоиться, особенно мексиканцы и итальянская «Ндрангета», контролирующая значительную часть европейского рынка. Они жалуются на нехватку товара, на сорванные поставки, на рост затрат вследствие сокращения предложения.

Дону Диего пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвесить Ларго затрещину. Вместо этого он угрюмо кивнул.

– Хосе-Мария, дорогой коллега, полагаю, тебе следует отправиться в турне. Навестить десять наших самых крупных клиентов. Скажи им, что у нас возникла одна небольшая временная проблема, которая уже установлена и решается.

После чего дон Диего повернулся к Суаресу.

– И она должна быть решена в самое ближайшее время, ты не согласен, Альфредо?

Угроза нависла над всеми присутствующими. Чтобы компенсировать возросшие потери, необходимо увеличить производство. Для перехода через Атлантику придется приобретать и нанимать рыбацкие шхуны и небольшие суда, которые прежде никогда не использовались для такой цели. Новым летчикам нужно будет предлагать за риск перелета в Африку и Мексику такие гонорары, перед которыми они не смогут устоять.

Дон Диего мысленно дал себе слово продолжать охоту на предателя до тех пор, пока тот не будет найден. После чего с ним надо будет разобраться, и смерть его будет не из приятных.

В середине октября «Мишель» заметила точку, которая вынырнула из джунглей на юго-западе Колумбии и направилась на север к морю. Изображение крупным планом показало, что это двухмоторная «Сессна-441». Самолет привлек внимание, потому что поднялся в воздух с крошечного грунтового аэродрома, затерявшегося в безлюдной глуши, откуда обычно не вылетали международные пассажирские рейсы; это был не частный лайнер, заполненный влиятельными бизнесменами; и курс в 325° должен был привести его в Мексику.

Развернувшись, «Мишель» начала преследование и проследила за странным самолетом вдоль побережья Никарагуа и Гондураса, где он, если бы у него не было дополнительных топ-

ливных баков, должен был бы приземлиться для дозаправки. Этого не произошло; «Сессна» пролетела мимо Белиза и оказалась над Юкатаном. Тогда авиабаза Крич предложила мексиканским ВВС перехватить самолет, и те с радостью согласились. Кем бы ни был этот глупец, он летел среди бела дня, не подозревая о том, что за ним следят, и о том, что следящему известно о наличии дополнительных топливных баков.

«Сессна» была перехвачена двумя мексиканскими истребителями, которые попытались связаться с ней по радио. Маленький самолет не ответил на запрос. Истребители помахали крыльями, приказывая летчику изменить курс и совершить посадку в Мериде. Внезапно впереди показалась зона сплошной облачности. «Сессна» нырнула в облака, пытаясь спастись бегством. Наверное, летчик совсем недавно начал работать на дона Диего и не имел опыта. Истребители были оснащены локаторами, а пилоты не обладали безграничным терпением.

Объятая пламенем, «Сессна» упала в море у побережья Кампече. Самолет пытался доставить груз на грунтовую взлетно-посадочную полосу на скотоводческом ранчо неподалеку от Нуэво-Ларедо у самой границы с Техасом. В живых не осталось никого. Местные рыбаки выловили на мелководье несколько туюков общим весом до пятисот килограммов. Кое-что было передано властям, но далеко не все.

К середине октября обоим кораблям-ловушкам потребовалось пополнить припасы. «Чесапик» встретился с вспомогательным судном американского ВМФ в открытом море к югу от Ямайки. Он принял на борт полную загрузку горючим, продовольствие, а также смену «морским котикам». Теперь это был взвод из Третьей группы, размещенной в Коронадо, штат Калифорния. Кроме сменившихся спецназовцев, «Чесапик» расстался со всеми своими пленниками.

Пленники, покинувшие свою лишенную окон тюрьму уже с плотными капюшонами на головах, по голосам догадались, что попали в руки к американцам, однако они понятия не имели, где и на борту какого корабля находятся. Вскоре их должны были высадить на берег, в капюшонах, после чего автобус с закрытыми черными шторами окнами отвезет их на авиабазу Эглин, где они поднимутся на борт транспортного «Си-5», который совершит долгий перелет на острова Чагос. И только там пленники наконец увидят солнечный свет. Там им предстоит пережить войну.

«Балморал» также заправился горючим в открытом море. Отряд спецназа морской пехоты остался на борту, поскольку двум ротам их товарищей пришлось срочно отправиться в Афганистан. Пленников с «Балморала» доставили в Гибралтар, где их подобрал тот же самый «Си-5», совершивший промежуточную посадку по дороге на Орлиный остров. Улов британцев – восемнадцать тонн кокаина – также был передан в Гибралтаре американцам.

Но захваченный кокаин, двадцать три тонны с «Чесапика» и восемнадцать тонн с «Балморала», был перегружен на другое судно. Этот небольшой корабль подчинялся напрямую Кобре.

Кокаин, перехваченный в морских портах Соединенных Штатов и Европы, уничтожался местными правоохранительными органами и властями. Груз, захваченный в открытом море военно-морскими силами и береговой охраной, доставлялся ими же на берег и уничтожался там. Груз самолетов, сбитых над морем, терялся безвозвратно. Но то, что попадало в руки Кобры, по приказу Поля Деверо доставлялось на взятый в аренду крохотный островок в архипелаге Багамских островов и помещалось под охрану.

Среди пальм росли горы уложенных рядами туюков, накрытых сверху маскировочными сетками. Небольшое подразделение американских морских пехотинцев размещалось в жилых прицепах, установленных в тенистых зарослях неподалеку от берега, где имелся причал. Единственным гостем в здешних водах было небольшое судно, доставлявшее новые партии кокаина. С самого начала именно оно встречалось в открытом море с кораблями-ловушками, освобождая их от туюков с наркотиками.

В конце октября сообщение Хогстратена наконец дошло до дона Диего. Тот не поверил в то, что банки раскрыли властям свои самые сокровенные тайны. Один банк – еще куда ни шло, но никак не два. Значит, оставался только один человек, знающий банковские счета, на которые переводились взятки, выплаченные за беспрепятственное таможенное оформление партий кокаина в американских и европейских портах. Дон Диего узнал имя предателя.

Роберто Карденас смотрел кадры того, как его дочь идет по залу вылетов аэропорта имени Кеннеди, когда дверь его дома была выбита мощным ударом. Как всегда, у него под рукой лежал

пистолет-пулемет «мини-узи», и он умел им пользоваться.

Карденас успел уложить шестерых людей Мускула, прежде чем его самого завалили, и он прострелил руку Животному. Но численное превосходство всегда рано или поздно сказывается, а Пако Вальдес, зная, с кем ему предстоит иметь дело, захватил с собой дюжину подручных.

В жизни Роберто Карденас был грубым, суровым, плохим человеком. Но у него была дочь. И он ее очень любил. После смерти он превратился в обыкновенный труп. Разделенный на пять частей, после того как закончила работать бензопила.

Глава 13

На протяжении всего ноября Кобра продолжал наносить беспощадные удары по кокаиновой империи дона Диего, и в конце концов начали проступать слабые места. Отношения Картеля с его многочисленными клиентами на обоих континентах резко ухудшились и приблизились к критической черте.

Дон Диего давно понял, что, даже если Роберто Карденас его предал, человек, который держал в своих руках «крысиный список», не был его единственным врагом. Карденас просто не мог знать о тайниках, мастерски сделанных Хуаном Кортесом. Он ничего не знал о том, какие корабли куда направлялись. Он ничего не знал о ночных перелетах в Западную Африку и о том, какие самолеты использовались для этой цели. Но был один человек, которому все это было известно.

Терзаемый манией преследования, дон Диего начал подозрительно присматриваться к тому, кто знал все это, – к Альфредо Суаресу. Суарес, которому было прекрасно известно о том, что случилось с Карденасом, начал опасаться за свою жизнь.

Однако первоочередной проблемой было производство. Перехваты, уничтоженные партии, потери на море и бесследные исчезновения привели к тому, что меньше половины отправленного кокаина достигало мест назначения. Дон Диего приказал Эмилио Санчесу увеличить производство кокаинового сырья в джунглях до уровня, который никогда прежде не требовался. И повышение стоимости стало ложиться тяжелым бременем даже на баснословные богатства Картеля. И тут Кобра прознал про судьбу Карденаса.

Изуродованное тело обнаружили крестьяне. Отсутствующая голова так и не была найдена, но для полковника Дос-Сантоса использование бензопилы однозначно подтвердило: «Картель», и он распорядился, чтобы в морге Картахены сделали анализ ДНК. По этой ДНК был идентифицирован старый гангстер.

Дос-Сантос поделился этой информацией с главным резидентом УБН в Боготе, а тот связался со своим руководством на Арми-Нейви-драйв в Арлингтоне. Кобра прочитал об этом в краткой сводке всех сведений, поступающих в штаб-квартиру Управления по борьбе с наркотиками.

К этому времени, стремясь спасти жизнь осведомителю, Деверо выдал правоохранительным органам разных стран всего двенадцать продажных чиновников, причем каждый раз их разоблачение выдавалось за случайный успех органов правопорядка. Со смертью Карденаса отпала необходимость прикрывать его и дальше.

Кэл Декстер в сопровождении главного охотника за наркотиками УБН Боба Берригана объехал Европу, последовательно просветив признательных глав таможенных служб двенадцати государств. Одновременно директор УБН проделал то же самое в Северной Америке – в Мексике, Соединенных Штатах и Канаде. Во всех случаях таможенным службам было предложено воспользоваться гамбургской методикой и вместо того, чтобы немедленно устраивать облаву и задержание, дожидаться новой информации и взять как самого нечистого на руку чиновника, так и поступивший груз, который он должен был «не заметить».

Кто-то послушался совета, другие горели желанием действовать. Но к тому времени как все те, кто числился в «крысином списке», отправились за решетку, было конфисковано и уничтожено свыше сорока тонн ввезенного кокаина. И на этом дело еще не закончилось.

Для расплаты с продажными чиновниками Карденас использовал шесть банков в различных офшорных зонах, и под невыносимым давлением эти банки начали неохотно раскрывать свои тайны. Всего было изъято свыше полумиллиарда долларов США, и большая часть этих денег отправилась в сейфы правоохранительных ведомств, ведущих борьбу с наркотиками.

Но и это еще был не конец. Подавляющее большинство тех, кто оказался в камере предварительного заключения, не видели смысла в том, чтобы молчать. Столкнувшись с гарантированным крушением карьеры и вероятным пожизненным сроком, многие постарались улучшить свое положение сотрудничеством с властями. Хотя мафиози во всех странах получили заказ на устранение этих людей, такая угроза в большинстве случаев возымела обратное действие. Немедленное освобождение из-под стражи сделалось равносильным смертному приговору. Сверхсекретные тюрьмы и круглосуточно дежурящие часовые стали единственным способом остаться в живых; у задержанных не осталось другого выхода, кроме как полная откровенность.

Арестованные чиновники вспоминали подставные компании, владеющие трейлерами, которые забирали контейнеры после прохождения таможенного контроля. Полиция обыскивала один склад за другим, опережая бандитов, спешащих переправить товар в другое место. Были конфискованы еще многие тонны кокаина.

Все эти захваты не наносили ущерб напрямую Картелю, поскольку товар уже успел сменить собственника, но преступные группировки теряли целые состояния, и им приходилось делать новые заказы и успокаивать своих собственных недовольных клиентов и перекупщиков. Всем им дали знать, что утечка, стоившая им огромных убытков, произошла в Колумбии, и они были этому не рады.

Кобра с самого начала предполагал, что рано или поздно где-нибудь обязательно произойдет прокол, и он оказался прав. Это случилось в конце декабря. Солдат колумбийской армии, служащий на базе «Маламбо», находясь в увольнении, похвастался в баре, что ему довелось охранять территорию, отданную американцам. Он подробно рассказал, и это услышала его восхищенная подруга и еще один человек, который сидел за соседним столиком и внимательно следил за разговором, что янки в своей строго охраняемой зоне поднимают в воздух странный летательный аппарат. Высокие стены не позволяли наблюдать, как этот самолет заправляется горючим и обслуживается, но его можно было видеть, когда он поднимался в воздух и улетал на задание. Хотя необычный самолет взлетал и приземлялся исключительно ночью, солдату удалось рассмотреть его при лунном свете.

По его словам, самолет был похож на модель из магазина детских игрушек, двигатель с пропеллером в хвостовой части. Он поднимался в воздух без пилота, но в солдатской столовой ходили упорные слухи о том, что на нем установлены поразительные видеокамеры, способные видеть на расстоянии многих миль и проникать сквозь темноту, облака и туман.

Эти слова болтливой капрала, переданные Картелю, могли означать только одно: американцы поднимали в воздух с базы «Маламбо» БСР, следящий с воздуха за всеми кораблями, покидающими порты карибского побережья Колумбии.

Через неделю на базу «Маламбо» было совершено нападение. Для удара дон Диего задействовал не Мускула, который все еще залечивал раздробленную пулей левую руку. Он использовал свою личную армию бывших повстанцев из террористической группировки ФАРК, которой по-прежнему командовал ветеран войны в джунглях Родриго Перес.

Нападение было совершено ночью, и ударная группа, ворвавшись в ворота, направилась напрямиком к американской зоне, находящейся в центре базы. Пятеро колумбийских солдат погибли у ворот, но выстрелы предупредили американских морских пехотинцев, охранявших внутреннюю цитадель, и как раз вовремя.

Нападавшие самоубийственной волной перехлестнули через высокую стену, но были перебиты все до одного при попытке проникнуть в охраняемый ангар, где размещался БСР. Двоим боевикам ФАРК все-таки удалось попасть внутрь, но перед смертью они испытали разочарование. «Мишель» находилась высоко над морем, в двухстах милях от побережья, описывая в воздухе ленивые круги и наблюдая за двумя «быстроходными штучками», которых в этот момент как раз перехватывали «морские котики» с «Чесапика».

Если не считать щербинок от пуль на железобетонных стенах, ни ангар, ни мастерские не получили никаких повреждений. Во время нападения не погибло ни одного американского морского пехотинца и всего шестеро солдат колумбийской армии. Утром на территории базы и за воротами было обнаружено больше семидесяти трупов боевиков ФАРК. В море бесследно исчезли еще два быстроходных катера, а их команды отправились в плавучую тюрьму, устроенную в носовом отсеке ниже ватерлинии. И было конфисковано еще четыре тонны чистого кокаина.

Но двадцать четыре часа спустя Кобра узнал о том, что Картелю известно про «Мишель».

Однако дон Диего не знал о существовании второго БСР, взлетающего с крошечного бразильского острова.

Следуя указаниям «Сэм», майор Мендоса сбил еще четыре самолета, перевозящих кокаин. И это несмотря на то, что Картель переместил промежуточную базу, где осуществлялась дозаправка горючим перед трансатлантическим перелетом, с ранчо Боавишта в другое поместье, спрятанное в еще более безлюдных лесах. А четверых членов команды наземного обслуживания, работавших на Боавиште, заподозренных в том, что именно они выдавали информацию о вылетающих с аэродрома самолетах, подверг долгим мучительным пыткам Животное вместе со своими подручными.

В конце месяца один бразильский банкир, проводивший выходные на острове Фернанду-ди-Норонья, в разговоре по сотовому телефону рассказал своему брату в Рио-де-Жанейро о странном американском игрушечном самолете, взлетающем с дальней взлетно-посадочной полосы местного аэропорта. Через два дня появилась восторженная статья в утренней газете «Глобо», и о существовании второго БСР также стало известно.

Но остров, затерявшийся посреди океана, находился вне досягаемости даже боевиков ФАРК дона Диего; оборона базы «Маламбо» была усилена, и оба «Глобальных ястреба» продолжали полеты. В соседней Венесуэле ультралевый президент Уго Чавес, который, несмотря на грозные заявления, позволил северным районам своей страны стать одним из главных пунктов отправки кокаина, бушевал от ярости, но был не в силах что-либо предпринять.

Решив, что над Гвинеей-Бисау нависло проклятие, летчики, готовые совершать трансатлантические перелеты, потребовали, чтобы их отправляли в другие места. Четыре самолета, сбитые в декабре, направлялись в Гвинею, Либерию и Сьерра-Леоне, где им предстояло сбросить груз с воздуха, на малой высоте, ждущим в море рыбацким шхунам. Это не помогло, потому что ни один из четырех так и не прибыл к месту назначения.

После того как перенос аэродрома дозаправки с ранчо Боавишта в другое место и переключение на другие направления не дали результатов, поток летчиков, готовых пересекать Атлантику, просто иссяк, и неважно, какие за это предлагались деньги. Трансатлантические перелеты получили у колумбийских и венесуэльских летчиков название «los vuelos da la muerte» – полеты смерти.

Следователям, работающим в Европе, от Эберхардта Мильха стало известно о кодовом знаке из нанесенных по шаблону концентрических окружностей с мальтийским крестом посередине, которым отмечались определенные контейнеры. Эти контейнеры были прослежены обратно до порта Парамарибо, столицы Суринама, а оттуда в глубь страны до банановой плантации, исходной точки. С американской финансовой и технической помощью местные правоохранительные органы совершили рейд и закрыли подпольное производство.

Объятый паникой Альфредо Суарес, стремясь обрадовать дона Диего, вдруг обратил внимание на то, что в Тихом океане корабли с кокаином не перехватывались, а поскольку Колумбия выходит побережьем на оба океана, Суарес перенаправил значительную часть потока наркотиков с Карибского моря на западный маршрут.

«Мишель» это обнаружила, заметив сухогруз, хранящийся в базе данных, один из стремительно сокращающегося списка Кортеса, который направлялся на север вдоль западного побережья Панамы. Перехватывать его было уже слишком поздно, но «Мишель» проследила за ним обратно до Тумако, порта на тихоокеанском побережье Колумбии.

В середине декабря дон Диего Эстебан согласился принять посланников самых крупных и, следовательно, самых надежных европейских клиентов Картеля. Он крайне редко встречался лично с кем бы то ни было за исключением узкого круга соотечественников-колумбийцев, но глава службы сбыта Хосе-Мария Ларго, ответственный за связь с клиентами по всему миру, уговорил его сделать исключение.

Были приняты беспрецедентные меры безопасности, призванные обеспечить то, что двое европейцев, какими бы важными шишками они ни были, не догадались, в каком из своих поместий их принимает дон Диего. Никаких языковых проблем не возникло: оба гостя были испанцами, и оба были из Галисии.

Эта терзаемая постоянными штормами провинция на северо-западе Испании уже давно стала главными воротами, через которые кокаин попадал в старушку Европу. Галисия имела давнюю традицию растить бесстрашных моряков, готовых выходить в океан, каким бы бурным

он ни был. Говорят, что в жилах тех, кто живет в сотне рыбацких деревушек на диком побережье между Ферролом и Виго, изрезанным тысячами бухт, вместо крови течет соленая морская вода.

Другой традицией является дерзкая храбрость в отношении нежелательного внимания таможенных и акцизных чиновников. Контрабандисты издавна выставлялись в романтическом свете, однако нет ничего забавного в той безжалостности, с какой контрабандисты сражаются с представителями властей и карают предателей.

На протяжении многих лет в кокаиновой индустрии Галисии главенствующее место занимали две группировки – «Чарлины» и «Псы». Бывшие союзники, они в девяностых крупно поспорились, после чего началась кровавая междоусобица; однако в последнее время обе группировки преодолели разногласия и снова объединились в союз. Ближайшие помощники главарей обеих банд вылетели в Колумбию, чтобы лично выразить свое недовольство дону Диего. Тот согласился встретиться с ними из-за давних и прочных связей Латинской Америки и Галисии.

Гости были расстроены текущим состоянием дел. Именно боевиков их группировок старший следователь Пако Ортега схватил, когда те переправляли чемоданы с десятью миллионами «отмытых» евро. Эта катастрофа, по заявлению галисийцев, явилась следствием грубейшего нарушения мер безопасности адвокатом Хулио Лусом, который, ввиду того, что ему светил двадцатилетний срок в испанской тюрьме, в настоящее время, по слухам, пел соловьем, пойдя на сделку с правосудием.

Дон Диего слушал галисийцев с ледяным молчанием. Больше всего на свете он терпеть не мог, когда его унижали, и вот сейчас он внутренне бушевал, вынужденный сидеть и выслушивать нотации этих двух простолюдинов из Коруньи. Что самое страшное, они были правы. Вся вина целиком лежала на Лусе. Если бы у него в Колумбии были родственники, они сполна заплатили бы за отсутствующего предателя. Но галисийцы на этом еще не остановились.

Главными их клиентами были английские преступные группировки, переправлявшие кокаин в Великобританию. Сорок процентов кокаина поступало в Англию через Галисию, а эти поставки осуществлялись из Западной Африки и исключительно морем. Та часть наркотиков, что транспортировалась по суше на север, на побережье Ливии, перед тем как отправиться морем на юг Европы, поступала другим бандам. Галисийцы полностью зависели от морских перевозок, которые теперь иссякли.

Главный вопрос висел в воздухе, хотя и не задавался вслух: что вы собираетесь делать по поводу этого? Дон Диего любезно предложил гостям выпить вино на веранде, а сам отправился в дом.

Он спросил у Хосе-Марии Ларго, что значат для Картеля галисийцы? Очень многое, вынужден был признать тот. Из трехсот тонн кокаина, ежегодно попадающих в Европу, двадцать процентов, то есть шестьдесят тонн, забирали испанцы – а это значит, галисийцы. Более крупным клиентом была только итальянская «Ндрангета», опередившая даже неаполитанскую «Каморру» и сицилийскую «коза ностру».

– Дон Диего, они нам нужны. Суарес должен принять чрезвычайные меры, чтобы удовлетворить их запросы.

До слияния множества мелких картелей в одно огромное Братство, устроенного доном Диего, галисийцы в основном получали товар от картеля Валле-дель-Норте, который возглавлял Монтойя, в настоящее время отбывающий срок в американской тюрьме. Картель Валле-дель-Норте был последним крупным игроком, сопротивлявшимся слиянию, однако он по-прежнему сохранил собственное производство. Если могущественные галисийцы вернуться к своему прежнему поставщику, за ними последуют и другие, что приведет к неминуемому распаду империи дона Диего.

Дон Диего вернулся на террасу.

– Сеньоры, – сказал он своим гостям. – Я, дон Диего Эстебан, даю вам слово: поставки возобновятся.

Однако это было легче сказать, чем сделать. Переход Суареса от метода тысяч «ишаков», которые заглывали по килограмму кокаина каждый или провозили по два-три килограмма в багаже в надежде пройти контроль в аэропортах, к поставкам крупных партий в свое время казался разумным. Новые невидимые рентгеновские аппараты, способные проникнуть сквозь одежду и живые ткани, определенно превратили транспортировку наркотика в желудке в проигрышное дело. Далее, усиленные меры безопасности при проверке багажа, связанные с ростом

исламского фундаментализма, который Суарес ежедневно поминал самыми последними словами, привели к тому, что доля перехваченной в чемоданах контрабанды взлетела до небес. Единственной разумной альтернативой казался принцип «много, но редко». Но в июле начался буквально шквал перехватов и исчезновений, и потери в каждом случае составляли от одной до двенадцати тонн.

Дон Диего потерял финансиста, отвечавшего за отмывание денег, владелец «крысиного списка» его предал, и сто с лишним продажных чиновников, тайно работавших на Картель, оказались за решеткой. Число крупных судов, перевозивших кокаин, которые были перехвачены в море, превысило пятьдесят; бесследно исчезли восемь пар «быстроходных штучек» и пятнадцать мелких судов, воздушный мост в Западную Африку стал историей.

Дон Диего понимал, что у него появился противник, и очень-очень серьезный. Известие о двух БСР, которые постоянно патрулировали небо и следили за надводными кораблями, а также, возможно, и самолетами, частично объясняло потери.

Но где же американские и британские военные корабли, которые должны были осуществлять перехват? Где захваченные суда? Где их команды? Почему их не проводят торжественным маршем перед объективами телекамер, как это было прежде? Почему сотрудники таможенных служб не хвастаются тюками конфискованного кокаина, как делали всегда?

Кто бы ни были эти «они», они не могут тайно содержать в плену захваченные экипажи. Это было бы нарушением прав человека. Не могут топить корабли. Это противоречило бы морскому праву, Закону о международном сотрудничестве в уголовном праве. И они не могут сбивать самолеты. Даже худшие враги дона Диего, американское УБН и британское АБОП, вынуждены соблюдать законодательство своих стран. И, наконец, почему никто из контрабандистов не отправил заранее запрограммированный сигнал с предупреждением о чрезвычайной ситуации?

Дон Диего подозревал, что за всем этим стоит один-единственный мозг, и он был прав. В тот момент, когда он провожал своих галисийских гостей до джипа, который должен был отвезти их на аэродром, Кобра находился в своем элегантном особняке в Александрии, на берегу Потомака, и наслаждался концертом Моцарта, звучащим из высококлассной акустической системы.

В первую неделю нового, 2012 года безобидный на вид корабль-зерновоз «Чесапик» прошел по Панамскому каналу на юг и оказался в Тихом океане. Если бы кто-то начал задавать вопросы, или даже, что было бы еще более маловероятно, если бы власти вздумали изучить судовые документы, капитан без труда доказал бы, что корабль следует на юг в Чили, имея на борту груз канадской пшеницы.

«Чесапик» действительно повернул на юг, выйдя в Тихий океан, но только чтобы выполнить приказ занять нужное положение в пятидесяти милях от побережья Колумбии и ждать пассажира.

Этот пассажир прилетел на юг из Соединенных Штатов на борту самолета, принадлежащего ЦРУ, который совершил посадку в «Маламбо», колумбийской военной базе на побережье Карибского моря. Никаких таможенных формальностей не было, но даже если бы они были, американец предъявил бы дипломатический паспорт, что освободило бы его багаж от досмотра.

Багаж состоял из одного тяжелого ранца, с которым американец вежливо отказался расстаться, когда дюжие морские пехотинцы предложили ему помочь. Впрочем, на военной базе гость с севера пробыл недолго. Его уже ждал вертолет, готовый подняться в воздух.

Кэл Декстер был знаком с пилотом, и они приветливо улыбнулись друг другу.

– Сэр, на этот раз вы прилетаете или улетаете? – поинтересовался летчик.

Это он забрал Декстера с балкона гостиницы «Санта-Клара» после рискованной встречи с Карденасом. Летчик проверил полетный план, и «Блэкхок» оторвался от бетонной площадки, набрал высоту и полетел на юго-запад через Дарьенский залив.

С высоты пять тысяч футов пилот и сидящий рядом с ним пассажир видели проплывающие внизу бескрайние джунгли, за которыми наконец блеснула водная гладь Тихого океана. Декстер увидел джунгли впервые, когда молодым новобранцем оказался в «железном треугольнике» во Вьетнаме. Тогда он быстро расстался со всеми иллюзиями относительно влажных тропических лесов и больше к ним уже не возвращался.

С воздуха они выглядят пышными и мягкими, уютными и даже гостеприимными; на самом деле приземляться в них смертельно опасно. Дарьенский залив остался позади, и вертолет про-

летел над узким полуостровом к югу от границы с Панамой.

Над морем пилот вышел на связь, проверил курс и сделал поправку на несколько градусов. Через несколько минут на горизонте показалась точка – это был «Чесапик», ждущий в условленном месте. Если не считать нескольких небольших рыбацких шхун у берега, море было пустынным, и рыбаки не могли видеть посадку «Блэкхока» на палубу корабля-ловушки.

Вертолет начал снижаться, и те, кто находился на борту, увидели на палубе нескольких человек, готовых встретить гостя. Сидевший позади Декстера бортинженер открыл люк, и в кабину ворвался теплый ветер, поднятый вращающимся несущим винтом над головой. Поскольку на палубе «Чесапика» возвышалась грузовая стрела, а несущий винт «Блэкхока» имел гораздо больший размах, чем винт «Литтл берда», было решено, что Декстера спустят в аварийной упряжи.

Сначала на тонком стальном тросе был опущен его ранец. Ранец отправился вниз, раскачиваясь из стороны в сторону, и его подхватили сильные руки. Освобожденный от груза трос подняли вверх. Бортинженер кивком подал знак Декстеру; тот встал и подошел к люку. К упряжи пристегнули два двойных карабина, и Декстер шагнул в пустоту.

Пилот удерживал вертолет совершенно неподвижно в пятидесяти футах над палубой, море было абсолютно спокойным, Декстера поймали протянутые руки, которые помогли ему преодолеть последние несколько футов. Как только его ботинки коснулись палубы, карабины были отстегнуты, и трос уполз вверх. Обернувшись, Декстер поднял оба больших пальца, показывая тем, кто смотрел на него сверху, что у него все в порядке, и «Блэкхок» направился обратно на базу.

Гостя встречали четверо: капитан судна, командер военно-морского флота, выдающий себя за гражданского моряка, один из двух связистов, которые поддерживали постоянный контакт «Чесапика» с проектом «Кобра», лейтенант-командер Булл Чадвик, командующий третьим отрядом «морских котиков», и здоровенный молодой моряк, взявший тяжелый ранец. Только теперь Декстер впервые расстался со своей ношей.

Как только все прошли в рубку, «Чесапик» полным ходом направился от берега.

Ожидание продолжалось двадцать четыре часа. Двое связистов сменяли друг друга в радиорубке до тех пор, пока наконец на следующее утро оператор на авиабазе Крич в Неваде не увидел что-то в изображении, переданном «Мишель».

Как только команда Кобры в Вашингтоне две недели назад заметила, что Картель переместил транспортный поток из Карибского моря в Тихий океан, маршрут патрулирования «Мишель» также изменился. Сейчас БСР находился на высоте шестьдесят тысяч футов и, неспешно потягивая керосин, смотрел вниз на полосу моря шириной двести миль, протянувшуюся вдоль побережья от Тумако на крайнем юге Колумбии до Коста-Рики. И вот наконец «Мишель» что-то обнаружила.

С авиабазы Крич изображение было передано в Анакотию, где Джереми Бишоп, который, похоже, никогда не спал и жил у своих компьютеров, питаясь смертельной отравой из ресторанов быстрого обслуживания, прогнал его через базу данных. Корабль, казавшийся с высоты шестьдесят тысяч футов невидимой точкой, заполнил собой весь экран.

Это оказалось одно из тех судов, с которыми Хуан Кортес сотворил волшебство своей ацетиленовой горелкой в самую последнюю очередь. В последний раз его несколько месяцев назад увидели и сфотографировали у причала в одном венесуэльском порту, и сейчас его присутствие в Тихом океане подтверждало смену тактики.

Судно было слишком маленьким, чтобы числиться в реестре Ллойда: ржавое корыто водоизмещением шесть тысяч тонн, которому было гораздо более привычно плавать вдоль побережья Карибского моря и доставлять груз на многочисленные мелкие острова. Оно называлось «Мария Линда» и только что вышло из Буэнавентуры. «Мишель» было приказано проследить за ним, и «Чесапик» двинулся наперехват.

К этому времени за спиной у «морских котиков» уже было несколько успешных операций, и они поднаторели в своем деле. «Чесапик» занял позицию в двадцати пяти милях дальше в море, и на рассвете третьих суток «Литтл берд» был поднят на палубу.

Как только вертолет освободился от грузовой стрелы, его винты завращались, и он поднялся в воздух. Большая НЛЖК командера Чадвика и два маленьких надувных плота уже были спущены на воду, и как только «Литтл берд» взлетел, они устремились к горизонту. На корме НЛЖК рядом с досмотровой командой из двух человек, проводником и его спаниелем сидел Кэл

Декстер, сжимающий свой ранец. Море было гладким, словно зеркало, и маленькая смертоносная флотилия неслась на полной скорости, рассекая воду на сорока узлах.

Разумеется, вертолет добрался до цели первым. Развернувшись над мостиком «Марии Линды», чтобы показать капитану надпись «ВМФ США» на хвосте, он завис прямо по курсу судна. Снайпер навел винтовку в голову капитана, а из громкоговорителя донесся голос, приказывающий заглушить двигатель и лечь в дрейф. Капитан подчинился.

Капитан знал, что ему делать. Он бросил краткое распоряжение своему помощнику, и тот, скрывшись в рубке, попытался отправить чрезвычайное сообщение оператору Картеля, который постоянно прослушивал эфир. У него ничего не получилось. Помощник схватил сотовый телефон, затем обратился к компьютеру и, наконец, в отчаянии попробовал воспользоваться допотопной рацией. Высоко в небе «Мишель», невидимая и неслышимая, кружила, ставя помехи. Тут капитан увидел мчащиеся навстречу надувные лодки.

С высадкой не возникло никаких проблем. «Морские котики», во всем черном, в масках, вооруженные пистолетами-пулеметами «МП-5», просто выплеснулись на палубу «Марии Линды», и команда послушно подняла руки вверх. Разумеется, капитан заявил протест; разумеется, командер Чадвик вел себя в высшей степени вежливо.

Команда успела увидеть, как на борт поднялась досмотровая группа со спаниелем, после чего всем надели черные капюшоны и отправили на корму. Капитану было прекрасно известно, какой груз находится на его корабле, и ему оставалось только молить бога о том, чтобы досмотровая группа ничего не нашла. Он понимал, что в противном случае ему придется провести много лет у янки за решеткой. Судно находилось в международных водах, закон будет на стороне американцев, ближайший берег – Панама, которая, разумеется, окажет сотрудничество и вышлет задержанных на север. Все те, кто работал на Картель, от самых низших до главарей, панически боялись экстрадиции в Соединенные Штаты. Это означало долгие сроки без какой-либо надежды на быстрое освобождение за взятку.

Капитан не видел, как на борт его судна помогли подняться мужчине в годах, чьи суставы уже лишились былой гибкости. С собой мужчина захватил тяжелый ранец. Плотные капюшоны лишали возможности не только видеть, но и слышать: изнутри у них была мягкая подкладка, не пропускающая звук.

Благодаря признаниям Хуана Кортеса Декстер знал, что именно искать и где это находится. Пока «морские котики» делали вид, будто обыскивают «Марию Линду» от носа до кормы и от киля до клотика, Декстер бесшумно направился в каюту капитана.

Койка была прикреплена к стенке четырьмя прочными латунными болтами. Их головки были специально покрыты грязью, чтобы показать, что болты не отвинчивали уже много лет. Декстер стер грязь и открутил болты. После этого койка отодвинулась, открывая корпус. За час до встречи с получателем это же самое должны были сделать члены команды судна.

Стальная обшивка выглядела нетронутой. Декстер нащупал потайную защелку и открыл ее. С тихим щелчком лист стали отделился от шпангоутов. Но в образовавшееся отверстие ворвалась не морская вода. Обшивка была двойной. Осторожно сдвинув стальной лист, Декстер увидел тюки.

Он знал, что тайник простирается влево и вправо от отверстия, а также вверх и вниз. Тюки имели форму блоков для кладки стен, не больше восьми дюймов в толщину, ибо такова была глубина тайника. Уложенные друг на друга, тюки образовывали сплошную стену. В каждом было по двадцать брикетов, запаянных в толстый полиэтилен; брикеты лежали в мешках, перевязанных крест-накрест бечевкой для удобной переноски. Декстер насчитал две тонны чистого колумбийского кокаина, общей стоимостью примерно на сто пятьдесят миллионов долларов, после того как его разбавят в шесть раз и продадут по розничным ценам американских городов.

Декстер осторожно развязал один тюк. Как он и предполагал, на каждом завернутом в полиэтилен брикете красовалась эмблема и номер – код партии.

Увидев все, что он хотел увидеть, Декстер положил брикеты на место, завернул их в мешковину и перевязал бечевкой, как и было. Стальной лист встал на место в точности так, как ему и было предназначено Хуаном Кортесом.

Последняя задача заключалась в том, чтобы поставить койку на место и закрепить ее болтами. Декстер даже пальцем нанес на латунные головки грязь и машинное масло. Завершив работу, он перевернул в каюте все вверх дном, как будто здесь был обыск, и поднялся на палубу.

Поскольку лица колумбийцев были закрыты капюшонами, «морские котики» сняли маски. Командер Чадвик вопросительно посмотрел на Декстера. Тот кивнул и, перебравшись через борт, спустился в НЛЖК, натягивая на лицо маску. «Морские котики» последовали его примеру. Команду освободили от наручников и капюшонов.

Командер Чадвик не говорил по-испански, но зато испанским языком владел матрос Фонтана. Через него командир «морских котиков» принес искренние извинения капитану «Марии Линды».

– Очевидно, господин капитан, нас ошибочно информировали. Пожалуйста, позвольте от лица Военно-морского флота Соединенных Штатов принести вам извинения. Вы можете продолжать плавание. Счастливого пути.

Услышав «*Vuen viaje*», колумбийский контрабандист не смог поверить своему везению. Он даже не стал изображать возмущение по поводу того, как обошлись с ним и с его командой. В конце концов, янки могли начать все сначала и со второй попытки найти тайник. Радостно сияя, капитан проследил, как шестнадцать человек в масках и собака сели на надувные лодки и ревом умчались прочь.

Дождавшись, когда непрошеные гости скроются за горизонтом, а «Мария Линда» снова возьмет курс на север, капитан передал штурвал старшему помощнику и спустился к себе в каюту. Казалось, винты не трогали, но для полного спокойствия он их открутил и отодвинул койку.

Стальной лист был на месте, но капитан все равно открыл тайник и проверил лежащие внутри тюки. Их, судя по всему, тоже никто не трогал. Капитан мысленно поблагодарил неизвестного мастера, сделавшего такой надежный тайник. Вероятно, этот человек спас ему жизнь, и уж определенно он сохранил ему свободу. Через трое суток «Мария Линда» прибыла в порт назначения.

В Мексике действуют три больших кокаиновых картеля и несколько мелких. Гигантами являются «Фамилия», «Синалоа», которая работает на тихоокеанском побережье, и картель, действующий в основном на восточном побережье Мексиканского залива. «Мария Линда» встретила с вонючим старым краболовом в море у Масатлана, в самом сердце вотчины «Синалоа».

Капитан и команда получили огромное (по их меркам) вознаграждение и дополнительную премию за успешный переход, что было одной из новых приманок, введенных доном Диего для привлечения добровольцев. Капитан не увидел смысла упоминать о происшествии у берегов Панамы. Зачем поднимать шум по поводу того, что завершилось хорошо? Команда с ним согласилась.

Через неделю нечто очень похожее повторилось в Атлантическом океане. Самолет ЦРУ без лишнего шума прилетел в аэропорт на острове Сал, самом северном из архипелага Кабо-Верде. Его единственный пассажир обладал дипломатическим статусом, поэтому он беспрепятственно прошел паспортный и таможенный контроль. Его тяжелый ранец не подвергался досмотру.

Выйдя из здания аэровокзала, американец не сел на автобус, идущий на юг в единственный туристический центр острова Санта-Марию, а взял такси и спросил, где можно взять напрокат машину.

Водитель, похоже, этого не знал, поэтому им пришлось проехать две мили до Эшпаргуша и спросить снова. В конце концов они очутились у паромной переправы в Пальмейре, и тамошний владелец гаража дал Декстеру свой маленький «Рено». Щедро расплатившись с ним за хлопоты, Декстер уехал.

Остров Сал не зря носит такое название – в переводе с португальского «соль». Он плоский и безликий, если не считать протянувшихся на многие мили соляных озер, которые когда-то были источником его мимолетного процветания. В настоящее время на острове два шоссе и грунтовая дорога. Одно шоссе пересекает его с востока на запад от Педра-Луме через аэропорт до Пальмейры. Второе идет на юг в Санта-Марию. Декстер свернул на грунтовую дорогу.

Дорога ведет на север через унылую, пустынную местность до маяка на мысе Фьюра. Выйдя из машины, Декстер закрепил на ветровом стекле записку, извещающую любопытных, что он намеревается вернуться, закинул ранец за плечи и спустился на берег перед маяком. Уже начинало смеркаться, и зажегся автоматический прожектор. Достав сотовый телефон, Декстер сделал звонок.

Уже совсем стемнело, когда над иссиня-черным морем показался «Литтл берд». Декстер

помигал фонариком, подавая условный сигнал, и маленький вертолет мягко опустился на песок рядом с ним. Вместо пассажирской двери в кабине был просто открытый овал. Декстер забрался внутрь, поставил ранец между ног и пристегнул ремни. Летчик в шлеме протянул ему второй шлем, оснащенный наушниками.

Надев шлем, Декстер услышал в наушниках голос с характерным британским акцентом:

– Как добрались, сэр?

У Декстера мелькнула мысль, почему его неизменно принимают за старшего по званию. Судя по знакам различия, пилот был младшим лейтенантом. Сам Декстер когда-то дослужился до сержанта. Должно быть, все дело было в седых волосах. Впрочем, ему все равно нравились молодые и полные сил.

– Все в порядке, – ответил он.

– Отлично. До базы лететь двадцать минут. Ребята приготовят для вас чай.

«Да, – подумал Декстер, – чашка чая придется сейчас очень кстати».

На этот раз вертолет опустился на палубу, избавив пассажира от необходимости карабкаться по веревочным лестницам. Грузовая стрела осторожно подняла «Литтл берд», размерами гораздо меньше «Блэкхока», и опустила в трюм, после чего на палубе сразу же закрылся люк. Летчик прошел вперед, через стальную дверь в столовую отряда специального назначения. Декстера провели в противоположную сторону, в кормовую надстройку, где он встретился с командиром корабля и майором Пикерингом, командующим отрядом спецназа. Вечером за ужином Декстер также познакомился с двумя соотечественниками-американцами, связистами, которые помогали «Балморалу» поддерживать контакт с Вашингтоном, Невадой и через них с БСР «Сэм», кружившей где-то высоко над головой в темноте.

Им пришлось прождать трое суток к югу от островов Зеленого Мыса, пока «Сэм» наконец не обнаружила цель. Это была еще одна рыбацкая шхуна, подобная «Морской красавице», и она называлась «Бонито». Шхуна направлялась к месту встречи у мангровых зарослей на побережье Гвинеи, еще одной страны-неудачницы, в которой царил жестокая диктатура. И, подобно «Красавице», она воняла – отвратительный смрад тухлой рыбы использовался для того, чтобы заглушить запах кокаина.

«Бонито» уже совершила семь плаваний из Южной Америки в Западную Африку, и хотя ее дважды засекал Тим Мэнхайр из АЦМО-Н в Лиссабоне, оба раза поблизости не оказывалось военного корабля НАТО. Однако теперь такой корабль был, хотя он и не принимал непосредственного участия в задержании; больше того, даже АЦМО-Н не был поставлен в известность относительно зерновоза «Балморал».

Хуан Кортес также поработал на «Бонито», одном из своих первых судов; он устроил тайник на самой корме, за машинным отделением, провонявшим соляной и рыбой.

Все произошло в точности так же, как это было на Тихом океане. После того как командос покинули «Бонито», изумленный капитан, вне себя от счастья, получил искренние извинения от лица Королевского ВМФ за беспокойство и задержку. Как только две НЛЖК и «Литтл берд» скрылись за горизонтом, капитан отвернул винты, крепящие заднюю стенку машинного отделения, снял фальшпанель и проверил содержимое тайника. Все было на месте. Никаких уловок. Ни навороченные шутовины, ни собаки-ищейки не помогли гринго обнаружить тайный груз.

«Бонито» пришла на место встречи, передала груз, и уже другие рыбацкие лодки доставили его вдоль западного побережья Африки, мимо Геркулесовых столбов, мимо Португалии, и передали галисийцам. Как и обещал дон Диего. Три тонны кокаина. Но чуточку другого.

«Литтл берд» доставил Кэла Декстера на пустынный берег у маяка Фьюро, где тот с радостью увидел свой старенький «Рено», целый и невредимый. Декстер вернулся в аэропорт, оставил для владельца гаража в Палмейре записку с дополнительным вознаграждением и отправился в ресторан выпить кофе. Самолет ЦРУ, предупрежденный связистом «Балморала», забрал его через час.

Тем же вечером за ужином на борту «Балморала» капитан не скрывал свое любопытство.

– Вы уверены, – спросил он майора Пикеринга, – что на этой шхуне ничего не оказалось?

– Так сказал американец. Он провел в машинном отделении за закрытой дверью целый час. Поднялся наверх, весь перепачканный машинным маслом, провонявший насквозь. Он сказал, что исследовал все места, где мог быть устроен тайник, но ничего не нашел. Судя по всему,

ошибочная информация. Очень извинялся.

– Тогда почему он нас покинул?

– Понятия не имею.

– Вы ему поверили?

– Ни на йоту, – ответил майор.

– В таком случае, что же происходит? Я полагал, мы должны были арестовать команду, отправить эту консервную банку на дно и забрать кокаин. Что задумал этот американец?

– Понятия не имею, – повторил майор Пикеринг. – Тут нам приходится снова полагаться на Теннисона. Не нам рассуждать, что к чему.⁴⁰

В шести милях над ними в темноте БСР «Сэм» развернулась и направилась обратно к крохотному бразильскому островку, чтобы заправиться горючим. А двухмоторный самолет, одолженный у ЦРУ, чье раздражение в последнее время неуклонно нарастало, летел на северо-запад. Его единственный пассажир, которому предложили шампанское, предпочел пиво из бутылки. Теперь он по крайней мере знал, почему Кобра настоял на том, чтобы не отправлять конфискованный кокаин в печь. Ему была нужна упаковка.

Глава 14

Провести облаву было поручено британскому Агентству по борьбе с организованной преступностью и лондонской полиции. Оба ведомства уже давно вели подготовительную работу. Целью должна была стать банда торговцев наркотиками, известная как «Эссекская группа».

Специальному отделению Скотленд-Ярда уже давно было известно, что «Эссекская группа», возглавляемая отпетым бандитом Бенни Дениэлсом, уроженцем Лондона, стала ведущим поставщиком и распространителем марихуаны, героина и кокаина, беспощадно расправляясь со всеми, кто оказывался у нее на пути. Название банды объяснялось исключительно тем, что Дениэлс на преступные доходы выстроил себе огромный роскошный особняк в графстве Эссекс, к востоку от Лондона, севернее устья Темзы, неподалеку от безобидного городка Эппинг, в прошлом славившегося своими ярмарками.

Еще в молодости Дениэлс прославился своей жестокостью. Он неоднократно привлекался к уголовной ответственности, но сейчас пришел конец судебным преследованиям. Дениэлс стал слишком крупной фигурой, чтобы прикасаться к товару лично, а найти свидетелей становилось все труднее и труднее. Робкие быстро отказывались от своих показаний, храбрые исчезали, и потом их трупы обнаруживали в топких зарослях по берегам рек – если вообще обнаруживали.

Неудивительно, что Бенни Дениэлс входил в десятку тех, кого больше всего хотелось отправить за решетку лондонским следователям. И вот наконец Скотленд-Ярду представилась такая возможность, благодаря «крысиному списку» покойного Роберто Карденаса.

Великобритании в какой-то степени повезло в том, что в этом списке значился всего один английский чиновник; это был сотрудник таможенной службы порта Лоустофт на восточном побережье. Это означало, что к делу на самой ранней стадии были подключены ведущие сотрудники Службы таможенных сборов и акцизов.

Без лишнего шума, в обстановке строжайшей секретности была образована межведомственная бригада, оснащенная новейшей аппаратурой слежения и прослушивания телефонных разговоров.

Служба безопасности МИ-5, один из партнеров АБОП, предоставила группу наблюдения, известную под названием «Ищейки», которая по праву считалась лучшей в стране.

Поскольку теперь оптовая контрабанда наркотиков приравнивалась к международному терроризму, в межведомственную бригаду также вошли представители подразделения СКО-19 Скотленд-Ярда, специализирующегося на огнестрельном оружии. Возглавил бригаду командер

⁴⁰ Здесь имеется в виду ссылка на стихотворение английского поэта Альфреда Теннисона «Атака легкой бригады»:

Не им рассуждать, что к чему;
их долг — выполнить приказ и умереть.

Скотленд-Ярда Питер Рейнольдс, однако плотнее всех взяточником занялись его коллеги из таможенной службы. Те немногие из них, кому стало известно о совершенных преступлениях, прониклись к нему глубокой ненавистью; именно их положение позволяло лучше всего наблюдать за каждым шагом подозреваемого. Фамилия продажного чиновника была Кроутер.

У одного из руководителей таможенной службы Лоустофта очень кстати обострилась язва желудка, и ему пришлось лечь в больницу. Его место занял специалист по электронному наблюдению. Коммандер Спиндлер не хотел ограничиваться только одним «грязным» таможенником и только одним грузовиком; он собирался с помощью Кроутера провернуть крупную операцию и разгромить банду торговцев наркотиками. Ради этого Спиндлер готов был проявить терпение, пусть бы это означало несколько партий кокаина, пропущенных беспрепятственно.

Поскольку порт Лоустофт находился в графстве Суффолк, северном соседе Эссекса, Спиндлер решил, что Бенни Дениэлс непременно замешан в темных делишках, происходящих там, и оказался прав. Через Лоустофт, в частности, переправлялись контейнеры, привезенные с Северного моря, и Кроутер старался изо всех сил, чтобы некоторые из них прошли таможенно без досмотра. В начале января Кроутер совершил ошибку.

Из нидерландского Флашинга на пароме прибыл грузовик с партией голландского сыра для одной известной сети супермаркетов. Один младший инспектор таможенной службы собрался было досмотреть контейнер, но тут подоспел Кроутер и как старший по званию отменил это решение и пропустил контейнер.

Младший инспектор не был в курсе происходящего, но за всем наблюдал новый начальник отделения. Ему удалось закрепить крошечный пеленгатор GPS на заднем бампере голландского грузовика, когда тот выкатывал за ворота порта. После чего он срочно сделал один звонок. Три машины без опознавательных знаков начали слежку, сменяя друг друга, чтобы не привлекать к себе внимание, но водитель грузовика, похоже, был безмятежно спокоен.

За грузовиком проследили через весь Суффолк, пока он наконец не свернул на придорожную стоянку. Там его встретила группа, вышедшая из черного «Мерседеса». Машина наблюдения промчалась мимо, не останавливаясь, но полицейские успели заметить номер «Мерседеса». Через считанные мгновения было установлено, что «Мерседес» был зарегистрирован на подставную компанию, однако несколько недель назад его заметили подъезжающим к особняку Бенни Дениэлса.

Водителя-голландца дружески проводили в расположенное за стоянкой кафе. Двое членов банды оставались с ним все те два часа, пока его грузовик отсутствовал. Вместе с грузовиком голландцу вернули пухлую пачку наличных, после чего он проследовал в Средние графства на центральный склад сети супермаркетов. Вся процедура в точности напоминала ввоз в страну нелегальных иммигрантов, и следователи забеспокоились, что в конечном счете захватят лишь группу перепуганных иракцев.

Пока голландец неспешно пил кофе в придорожном кафе, двое других бандитов из «Мерседеса» отогнали его грузовик в укромное место, чтобы освободить от главного сокровища: это были не иракцы, ищущие новой жизни, а тонна первоклассного колумбийского кокаина.

За грузовиком проследили через весь Суффолк и далее на юг в Эссекс. Новый водитель и его напарник были осторожны всю дорогу, и машинам наблюдения приходилось проявлять все свое мастерство, чтобы сменять друг друга и не привлекать к себе внимание. Когда грузовик пересек административную границу Эссекса, полиция графства выделила еще две машины, чтобы помочь слежке.

Наконец цель была достигнута – старый и с виду заброшенный ангар среди пустырей, примыкающих к устью реки Блэкуотер. Местность вокруг была настолько открытая, что «ищейки» не рискнули последовать за грузовиком, но вертолет дорожной полиции Эссекса засек, как ворота ангара закрылись. Грузовик провел внутри сорок минут, после чего выехал и направился назад к водителю-голландцу, дожидавшемуся в кафе.

Выехавший из ангара грузовик больше не представлял никакого интереса, но в тростниковых зарослях остались четверо специалистов по наружному наблюдению с мощными биноклями. Затем из ангара был сделан звонок по сотовому телефону, который был записан АБОП и Управлением правительственной связи в Челтенхэме. На звонок ответили в особняке Бенни Дениэлса, расположенном в двадцати милях. В разговоре говорилось о передаче «товара» на следующее утро, и командеру Спиндлеру не оставалось ничего другого, кроме как устроить обла-

ву этой же ночью.

По предварительной договоренности с Вашингтоном, было решено устроить широкое освещение операции в средствах массовой информации. Была приглашена съемочная бригада телепрограммы «Криминальный час».

У дона Диего Эстебана тоже возникли проблемы связи с общественностью, и серьезные. Но его общественность ограничивалась двадцатью основными клиентами, десятью в Соединенных Штатах и десятью в Европе. Дон Диего приказал Хосе-Марию Ларго посетить Северную Америку и заверить десятерых крупнейших покупателей продукции Картеля в том, что проблемы, которые срывали всю деятельность начиная с весны, успешно преодолены и поставки кокаина возобновятся в самое ближайшее время. Однако клиенты были просто в ярости.

Поскольку они составляли «большую десятку», они принадлежали к тем привилегированным, кто выплачивал в качестве аванса только половину общей стоимости. И все же речь шла о десятках миллионов долларов на каждую банду. Оставшиеся пятьдесят процентов им предстояло возвращать после благополучной доставки товара.

Все перехваты, потери и исчезновения груза на пути из Колумбии к месту передачи становились убытками Картеля. Но главное было не это. Благодаря катастрофе с «крысиным списком» таможенная служба Соединенных Штатов и местная полиция совершили десятки успешных рейдов на склады, расположенные в глубине страны, и урон получился весьма ощутимым.

Но и это было еще не все. У каждого гиганта-импортера была своя собственная сеть мелких клиентов, чьи потребности также требовалось удовлетворять. В таком ремесле ни о какой чести говорить не приходится. Если прежний поставщик не может насытить спрос, но это предлагает сделать кто-то другой, мелкий торговец долго раздумывать не станет.

И, наконец, когда доля успешных поставок сократилась до пятидесяти процентов, возник дефицит на общегосударственном уровне. Цены взлетели вверх, подчиняясь рыночным законам. Розничные торговцы в попытке растянуть запасы и сохранить клиентов стали разбавлять чистый кокаин не в отношении один к шести или семи, а уже один к десяти. Некоторым потребителям приходилось уже нюхать всего семипроцентную «смесь». В качестве побочных продуктов все чаще использовался самый настоящий мусор, а химические лаборатории начали выбрасывать в безумных количествах разные заменители вроде кетамина, пытаясь убедить пользователя в том, что он получает высококачественный балдеж вместо большой дозы лошадиного транквилизатора и предлагаемый товар лишь по чистой случайности имеет такие же внешний вид и запах.

Дефицит породил еще одну опасную побочную проблему. Маниакальная подозрительность, от которой по-настоящему никогда не может освободиться профессиональная преступность, расцвела пышным цветом. Банды стали подозревать друг друга в том, что кому-то отдают предпочтение. Сама мысль о том, что тайный склад одной банды может подвергнуться налету соперничающей группировки, способна была стать искрой, от которой вспыхнет пожар жестокой войны.

Задача Ларго заключалась в том, чтобы постараться успокоить бассейн с акулами заверениями в скорейшем возвращении к нормальным поставкам. Начать ему предстояло с Мексики.

Хотя Соединенные Штаты подвергаются постоянным нападкам легкомоторных самолетов, быстроходных катеров, личных яхт, пассажиров регулярных авиарейсов и «ишаков» с полными желудками, которые пытаются провезти кокаин, главной головной болью остается дырявая граница с Мексикой протяженностью три тысячи миль. Она начинается на берегу Тихого океана южнее Сан-Диего и тянется до Мексиканского залива. К ней примыкают штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас.

Южнее границы север Мексики на протяжении многих лет оставался настоящим районом боевых действий: соперничающие группировки воевали друг с другом за лидерство или хотя бы за место под солнцем. Тысячи изуродованных трупов бросались в пустыне или прямо на улицах городов; главарь картелей и банд нанимали «силовиков» для устранения конкурентов, и в перестрелках гибли тысячи случайных людей.

Задача Ларго заключалась в том, чтобы переговорить с главами картелей «Синалоа» и «Фамилия», взбешенных невыполнением заказов на поставки. Начать ему предстояло с «Синалоа», который занимал главенствующее положение на тихоокеанском побережье. Ларго не повезло. По чистой случайности, несмотря на то что «Марии Линде» удалось благополучно

дойти до места назначения, в тот самый день, когда посланец дона Диего прилетел на север, следующий корабль с грузом кокаина бесследно исчез.

Успокоить Европу было поручено заместителю Ларго, толковому выпускнику колледжа Хорхе Кальсадо, который помимо родного испанского свободно владел английским и прилично изъяснялся по-итальянски. Кальсадо прилетел в Мадрид в ту самую ночь, когда АБОП совершило облаву на старый ангар в солончаках Эссекса.

Облава прошла успешно, и лучше могло бы быть только в том случае, если бы на месте удалось задержать всю «Эссекскую группу» или хотя бы самого Бенни Дениэлса. Однако главарь был слишком умен и не подходил ближе мили к наркотикам, которые его банда ввозила на юг Англии. Для этой цели у него были подручные.

В перехваченном телефонном разговоре шла речь о том, что груз заберут из ангара «утром». Группа захвата бесшумно выдвинулась на исходные позиции к полуночи, с погашенными огнями, черное на черном фоне, и стала ждать. Полностью было запрещено переговариваться между собой, включать фонарики и даже пить кофе из фляжек, поскольку металл может звякнуть о металл. Незадолго до четырех часов утра на грунтовой дороге, ведущей к погруженному в темноту ангару, показался свет фар приближающейся машины.

Ищейки услышали скрежет открывающихся ворот и увидели внутри тусклый свет. Поскольку других машин не было, они двинулись вперед. Первыми ангар окружили вооруженные бойцы СКО-19. За ними следовали полицейские с мегафонами, громко выкрикивающие приказания, овчарки, рвущиеся с поводков, снайперы, готовые вступить в дело, если преступники вздумают оказать вооруженное сопротивление. Вспыхнувшие прожектора затопили объект ослепительным белым светом.

Была достигнута полная внезапность, если учесть, что всего в тростниках прятались больше пятидесяти человек с полным снаряжением. Улов оказался удовлетворительным в части наркотиков и не очень в части самих преступников.

Последних оказалось всего трое. Двое прибыли с грузовиком. С первого же взгляда было видно, что это мелюзга на побегушках; они прибыли из Средних графств, куда и предназначалась часть груза. Остальное должен был распределить Бенни Дениэлс.

Ночной сторож оказался единственным членом «Эссекской группы», попавшимся в сети. Это был некий Джастин Кокер, лет тридцати, симпатичный темноволосый парень с длинным криминальным прошлым. Но он не принадлежал к числу крупных игроков.

Груз, который должна была забрать приехавшая машина, был уложен на бетонном полу, где когда-то обслуживался легкомоторный самолет давно сгинувшего летного клуба. Всего кокаина было около тонны, и он все еще находился в джутовых мешках, перевязанных крест-накрест бечевками.

Впустили журналистов, оператора с телекамерой и фотографа одного крупного информационного агентства. Они засняли груды тюков и сотрудника таможенной службы, в маске для сохранения анонимности, который перерезал бечевку, развернул мешковину и показал упакованные в полиэтилен брикеты с кокаином. На одном из брикетов даже имелась бумажная бирка с номером. Все было сфотографировано, в том числе трое задержанных с наброшенными на головы простынями, так что видны были только скованные наручниками запястья. Впрочем, этого было более чем достаточно для сюжета в лучшее эфирное время и первой полосы ведущих газет. Над солончаками Эссекса осторожно занялся розовый зимний рассвет. Для полицейских и таможенников начинался долгий тяжелый день.

Еще один самолет пропал где-то восточнее тридцать пятого меридиана. Следуя полученным инструкциям, молодой летчик, не внявший совету ветеранов не летать через Атлантику, передавал по радио короткие бессмысленные сообщения, служившие «признаками жизни». Он делал это каждые пятнадцать минут с того самого момента, как поднялся в воздух на побережье Бразилии. Затем сигналы прекратились. Самолет направлялся на грунтовый аэродром в Либерии и так и не прибыл к месту назначения.

Приблизительно зная, где самолет упал в воду, Картель направил самолет-разведчик, которому предстояло при свете дня пролететь тем же маршрутом, но низко над водой, высматривая следы. Разведчик ничего не обнаружил.

Когда самолет ударяется о поверхность моря целиком или даже развалившись на несколько больших частей, на воде остаются различные предметы, которые плавают до тех пор, пока не намокнут и не отправятся на дно. Это могут быть подушки кресел, предметы одежды, книги, занавески – все то, что легче воды; однако когда самолет на высоте десяти тысяч футов становится одним огромным огненным шаром взорвавшегося топлива, все то, что может гореть, превращается в пепел. До поверхности моря долетает только металл, а металл тонет. В конце концов самолет-разведчик вынужден был отказаться от поисков и повернул назад. Это была последняя попытка пересечь Атлантический океан по воздуху.

Хосе-Мария Ларго добрался из Мексики в Соединенные Штаты чартерным рейсом на борту частного самолета. Ему пришлось совершить короткий перелет из Монтерея в Корпус-Кристи, штат Техас. У него был испанский паспорт, совершенно настоящий, полученный благодаря хорошим связям с банком «Гусман», ныне прекратившим свое существование. Ларго очень надеялся на свой паспорт, однако банк его сильно подвел.

Когда-то давно паспорт был выдан гражданину Испании, обладающему достаточным внешним сходством с Ларго. Вероятно, одно только сопоставление лица с фотографией обмануло бы сотрудника иммиграционной службы в тexasском аэропорту. Однако прежний владелец паспорта в прошлом уже посещал Соединенные Штаты и, не задумываясь о последствиях, смотрел в объектив камеры, распознающей узор радужной оболочки глаз. Ларго сделал то же самое. Узор радужной оболочки человеческого глаза подобен образцу ДНК. Обмануть распознающую камеру невозможно.

На лице сотрудника иммиграционной службы не дрогнул ни один мускул. Посмотрев на экран компьютера, он увидел все, что должен был увидеть, и попросил испанского бизнесмена пройти в отдельное помещение. Формальности заняли полчаса. В конце концов Ларго принесли глубокие извинения и отпустили. Переполюнявивший его внутри ужас сменился бесконечным облегчением. Ему удалось благополучно пересечь границу. Но он ошибался.

Нынешние электронные средства связи работают настолько быстро, что все подробности о странном госте были отправлены в СИН, ФБР, ЦРУ и, памятуя о том, откуда он, в УБН. Ларго незаметно сфотографировали, и снимок появился на экране компьютера на Арми-Нейви-драйв, Арлингтон.

Полковник Дос-Сантос уже давно предоставил фотографии всех главарей Картеля, о которых ему было известно наверняка, и Хосе-Мария Ларго был одним из них. И хотя мужчина из архива УБН был моложе и стройнее гостя, прибывшего в южный Техас, программа опознания лиц установила полное соответствие за полсекунды.

Юг Техаса, несомненно, самое ожесточенное поле битвы в войне правоохранительных органов Соединенных Штатов с наркотиками, буквально кишит сотрудниками УБН. Когда Ларго вышел из здания аэровокзала, сел во взятую напрокат машину и выехал со стоянки, следом за ним тронулся неприметный автомобиль с двумя людьми из УБН. Ларго так и не заметил за собой слежку, но невидимый эскорт проводил его на все встречи с клиентами Картеля.

Главе службы снабжения было поручено встретиться с главами трех крупнейших белых банд, контролирующих ввоз кокаина в Соединенные Штаты: «Ангелами ада», «Изгоями» и «Бандитами». Ларго понимал, что хотя все три банды патологически терпеть не могут друг друга, никто и пальцем не тронет посланца колумбийского Картеля, если есть желание получить еще хотя бы один грамм кокаина от дона Диего.

Также Ларго должен был связаться с двумя бандами чернокожих: «Кровью» и «Калеками». Остальные пять группировок в его списке состояли из братьев-латиноамериканцев: «Латиноамериканские короли», кубинцы, соотечественники-колумбийцы, пуэрториканцы и, несомненно, самая опасная из всех банд, образованная выходцами из Сальвадора, известная как «МС-13» и действующая преимущественно в Калифорнии.

Эмиссар дона Диего провел в напряжении две недели в переговорах, спорах и заверениях и наконец смог бежать из Сан-Диего в безопасное убежище своей родной Колумбии. Там также имелись свои крайне жестокие люди, но по крайней мере, утешал себя он, они на его стороне. Общий смысл сказанного американскими клиентами не оставлял никаких сомнений: прибыль резко упала, и виноваты в этом колумбийцы.

Личное суждение Ларго, которым он поделился с доном Диего, было таково: если волков

не накормить, между соперничающими бандами начнется война, по сравнению с которой то, что происходит на севере Мексики, покажется мелкой стычкой. Ларго порадовался тому, что он не Альфредо Суарес.

Дон Диего пришел к несколько иному заключению. Возможно, ему придется избавиться от Суареса, но это не станет решением проблемы. Главное то, что кто-то крадет у него товар в больших количествах. И нужно во что бы то ни стало найти воров и уничтожить их, иначе он сам будет уничтожен.

Предъявления обвинений Джастину Кокеру в мировом суде Челмсфорда не пришлось ждать долго. Он был обвинен в попытке незаконного ввоза в страну наркотика класса А, что явилось нарушением статей таких-то и таких-то.

Зачитав обвинение, представитель прокуратуры попросил оставить задержанного под стражей, поскольку, как известно вашей чести, полицейское расследование продолжается, и так далее, и так далее. Все понимали, что это формальность, но представитель защиты попросил освобождения под залог.

Женщина, занимающая должность мирового судьи, не имеющая специального юридического образования, слушала адвоката, листая закон об освобождении под залог от 1976 года. Перед тем как согласиться стать мировым судьей, она на протяжении многих лет проработала директором большой школы для девочек и наслушалась всех отговорок, какие только способна выдумать человеческая раса.

Кокер, как и его хозяин, был уроженцем лондонского Ист-энда. Начинал он еще подростком с мелких преступлений, быстро заявил о себе как о «подающем надежды парне» и привлек внимание Бенни Дениэлса. Главарь банды взял его к себе. Для решения задач, требующих грубой физической силы, Кокер не подходил – у Дениэлса в окружении для этих целей имелось несколько «качков», – но он был закален улицей и неплохо справлялся с разнообразными поручениями. Вот почему его оставили охранять ночью тонну кокаина.

Представитель защиты закончил зачитывать свое безнадежное прошение, и судья снисходительно улыбнулась.

– Оставить под стражей еще на семь дней, – сказала она.

Кокера проводили вниз и посадили в белую тюремную машину, которая поехала в сопровождении четырех вооруженных мотоциклистов из особой группы, на тот случай, если «Эссекской группе» вздумается прийти на выручку своему товарищу.

Однако, похоже, Дениэлс и его команда были уверены в том, что Джастин Кокер будет держать язык за зубами, ибо их нигде не могли найти. Все разом подались в бега.

В былые годы у главарей британских преступных групп было принято готовить себе местечко на старость на юге Испании, покупать виллы на Коста-дель-Сол. Однако когда между Испанией и Великобританией было заключено соглашение о быстрой экстрадиции, Коста-дель-Сол перестала быть безопасной гаванью. Бенни Дениэлс купил себе особняк на Северном Кипре, никем не признанном самопровозглашенном крошечном государстве, не связанном с Великобританией никакими договорами. Скорее всего, именно туда он поспешил ретироваться после налета на ангар, чтобы дождаться, когда все немного успокоится.

Тем не менее Скотленд-Ярд хотел заполучить Кокера в свои руки; полиция Эссекса не возражала, и задержанного перевезли из Челмсфорда в лондонскую тюрьму Белмарш.

Сюжет о тонне кокаина в заброшенном ангаре среди солончаков был хорош даже для общенациональной прессы, а для местных средств массовой информации он стал настоящей сенсацией. «Эссекс кроникл» поместила фотографию облавы на первую полосу. Рядом с горой брикетов кокаина стоял Джастин Кокер, чье лицо специально было сделано расплывчатым, чтобы согласно закону сохранить анонимность человека, которому еще не вынесен обвинительный приговор. Однако раскрытые мешки на снимке были хорошо видны, как и белые брикеты и листок бумаги с номером партии.

Визит Хорхе Кальсадо в Европу оказался таким же малоприятным, как и поездка Хосе-Марии Ларго по Северной Америке. Повсюду его встречали гневными упреками и требованиями возобновления регулярных поставок. Запасы на складах подходили к концу, цены поднимались, потребители переходили на другие наркотики, и европейским бандам также

приходилось разбавлять кокаин в отношении один к десяти, что было предельно допустимой пропорцией.

Кальсадо не нужно было встречаться с главарями галисийских банд, которых уже заверил лично дон Диего, но и другие клиенты и импортеры имели для Картеля жизненно важное значение.

Хотя на пространстве от Ирландии до границ России поставками и торговлей кокаином занимается свыше ста преступных группировок, большинству из них приходится закупать товар у десятка гигантов, которые имеют дело напрямую с Колумбией и перепродают наркотик после того, как он благополучно окажется на европейской земле.

Кальсадо пообщался с русскими, сербами и литовцами на востоке, с выходцами из Нигерии и Ямайки, обосновавшимися в Голландии, с турками, которые, покинув свой юго-запад, заняли главенствующее положение в Германии, с албанцами, внушавшими всеобщий ужас, и, наконец, с тремя старейшими преступными группировками Европы – сицилийской мафией, неаполитанской «Каморрой» и с наиболее крупной и устрашающей «Ндрангетой».

Если рассматривать карту Италии как сапог, то Калабрия будет мыском, расположенным к югу от Неаполя, напротив Сицилии, отделенной от нее Мессинским проливом. В далекой древности на этой суровой, выжженной солнцем земле существовали греческие и финикийские колонии, и местный язык, который с трудом понимают остальные итальянцы, восходит к греческому. Название «Ндрангета» означает просто «почетное общество». В отличие от всем известной сицилийской мафии или прославившейся в последнее время неаполитанской «Каморры» калабрийцы до сих пор остаются в тени, чем очень гордятся.

Однако эта преступная группировка является самой многочисленной, и у нее больше всего связей за рубежом. И еще, как выяснили итальянские правоохранительные органы, в «Ндрангету» труднее всего внедриться. Это единственная организация, в которой до сих пор свято соблюдается «омерта», клятва хранить полное молчание.

В отличие от сицилийской мафии, в «Ндрангете» нет «дона всех донов»; эта организация не имеет формы пирамиды. В ней отсутствуют иерархические структуры, и членство практически исключительно основывается на кровном родстве. Отступники из числа своих являются чем-то неслыханным; успешное судебное преследование удается крайне редко. Для Комиссии по борьбе с мафией «Ндрангета» является настоящим кошмаром.

Вдали от административного центра провинции Реджо-ди-Калабрия и идущего вдоль побережья шоссе начинается территория уединенных деревушек и маленьких городов, лепящихся на склонах хребта Аспромонте. В здешних многочисленных пещерах до самого недавнего времени содержали заложников, за которых требовали выкуп, грозя в противном случае смертью. Здесь находится город Плати, неофициальная столица Калабрии. Любой посторонний, любая незнакомая машина сразу же привлекают к себе внимание, и встречают чужаков крайне негостеприимно. Туристов здесь не бывает.

Однако Кальсадо встретился с главарями «Ндрангеты» не здесь, ибо «почетное общество» подмяло под себя весь преступный мир крупнейшего города Италии, индустриальной энергетической установки страны и ее финансового мотора – Милана. Настоящая «Ндрангета» давно переместилась на север, превратив Милан в свою вотчину и сделав из него, вероятно, крупнейший в Европе перевалочный пункт кокаина.

Ни одному из главарей «Ндрангеты» даже в голову бы не пришло пригласить посланника, каким бы важным он ни был, к себе в дом. Для этой цели существуют рестораны и бары. Три южных пригорода Милана находятся под властью калабрийцев, и встреча с человеком из Колумбии состоялась в баре «Лионс» в Буччинаско.

Увидеться лицом к лицу с Кальсадо и выслушать его извинения и заверения пришли местный капо и двое его заместителей, в том числе «контабиле», счетовод, принесший очень удручающие цифры прибыли.

Именно вследствие особых качеств «почетного общества», его закрытости и не знающей прощения безжалостности в деле установления своих порядков дон Диего Эстебан оказал ему честь стать своим основным европейским коллегой. «Ндрангета» быстро сделалась крупнейшим импортером и оптовым поставщиком кокаина на континенте.

Группировка получала товар как через находящийся под ее полным контролем порт Джоя-Тауро, куда он попадал с побережья Северной Африки, проделав долгий путь по суше из

Западной Африки, так и от испанских мореходов-галисийцев. Кальсадо дали ясно понять, что оба канала поставок оказались нарушены. Калабрийские мафиози ждали, что колумбийцы что-нибудь предпримут по этому поводу.

Хорхе Кальсадо встретился с единственными главарями европейских преступных группировок, кто осмеливался говорить с главой колумбийского «Эрмандада» как с равным. Он вернулся к себе в гостиницу, как и его шеф Ларго, с нетерпением ожидая возвращения в родную Боготу.

Полковник Дос-Сантос нечасто приглашал на обед журналистов, даже если речь шла о главных редакторах крупных изданий. Обычно все происходило наоборот. Это газетчики могут позволить себе большие расходы. Но счет за обед, как правило, ложится перед тем, кто просит о встрече. И на этот раз о встрече просил глава разведывательного отдела уголовной полиции. Причем делал он это ради друга.

У полковника Дос-Сантоса сложились хорошие рабочие отношения с главами местных отделений американского УБН и британского АБОП. Сотрудничество, заметно упростившееся при президенте Альваро Урибе, было взаимовыгодным. И хотя Кобра оставил «крысиный список» себе, поскольку это не имело прямого отношения к Колумбии, другие драгоценные камни, обнаруженные телекамерами постоянно кружащей высоко в небе «Мишель», оказались у колумбийцев. Так что нынешнюю встречу с газетчиками полковник Дос-Сантос устроил ради британского АБОП.

– Отличный сюжет, – настаивал полицейский, как будто главный редактор «Эспектадора» сам не мог узнать хороший материал.

Отпив вино, редактор взглянул на предложенную статью. Как у журналиста у него возникли сомнения; как редактор он понял, что в случае содействия может рассчитывать на ответное одолжение.

Статья была посвящена полицейскому рейду, устроенному в Англии, во время которого была обнаружена только что доставленная в страну партия кокаина. Ну хорошо, партия была действительно крупная, целая тонна; однако кокаин обнаруживают постоянно, и это стало слишком «обыденным», чтобы действительно быть новостью. Все случаи похожи один на другой. Уложенные горой тюки, сияющие сотрудники таможни, угрюмые задержанные в наручниках. Почему этот сюжет из Эссекса (редактор впервые слышал это название) заслуживает подобного внимания? Полковнику Дос-Сантосу это было известно, но редактор не осмеливался у него спросить.

– В нашем городе есть один сенатор, – рассеянно промолвил полицейский, – который посещает один очень неприметный дом терпимости.

Редактор с самого начала рассчитывал получить что-нибудь взамен, но это было просто смешно.

– Подумаешь, какой-то сенатор любит девушек, – возразил он. – Вы еще скажите, что солнце восходит на востоке.

– А кто говорил про девушек? – спросил Дос-Сантос.

Редактор выразительно принюхался. Наконец в воздухе запахло чем-то действительно интересным.

– Ну хорошо, в завтрашнем утреннем выпуске ваш сюжет о гринго выйдет на второй полосе.

– На первой, – выразительно промолвил полицейский.

– Спасибо за обед. Это нечастое удовольствие – не расплачиваться по счету.

Редактор понимал, что его знакомый что-то замыслил, но он даже представить себе не мог что. Да, фотография и сопроводительная заметка пришли из крупного информационного агентства, но лондонского. На снимке был изображен какой-то молодой бандит по фамилии Кокер, стоящий перед грудой тюков с кокаином, один из которых был вскрыт так, что виднелась бумажная обертка. И что с того? Однако на следующий день эта фотография появилась на первой полосе «Эспектадора».

Эмилио Санчес не читал газеты, поскольку почти все время проводил в джунглях, наблюдая за производством сырья, выработкой готовой продукции и подготовкой ее к отправке. Однако два дня спустя он оказался у газетного киоска, когда возвращался на машине из Венесуэлы.

Картель устроил несколько крупных лабораторий по переработке кокаиновой пасты на территории этой страны, где вследствие отравленных отношений между Колумбией и владениями Уго Чавеса они были надежно защищены от внимания полковника Дос-Сантоса и полицейских рейдов.

Санчес приказал водителю остановиться у маленькой гостиницы в приграничном городке Кукута, чтобы сходить там в туалет и выпить кофе. В вестибюле был газетный киоск с номером «Эспектадора» двухдневной давности на витрине. Что-то в фотографии на первой полосе заставило Санчеса вздрогнуть. Он купил единственный оставшийся экземпляр и провел в тревоге весь оставшийся путь до своего скромного дома в родном Медельине.

Немногие способны держать в своей голове всю информацию, но Эмилио Санчес жил своей работой и гордился методичным подходом к делу. Он был просто одержим ведением учета. Никто, кроме него, не знал, где он хранит свои архивы, и из соображений безопасности пришлось выждать еще один день, прежде чем появилась возможность съездить в это место и посмотреть их. Санчес захватил с собой лупу, и, внимательно изучив фотографию в газете и сверившись со своими собственными записями о поставках партий кокаина, он побелел как полотно.

В который уже раз страсть дон Диего к мерам безопасности привела к тому, что встречи пришлось ждать какое-то время. Потребовалось три дня, чтобы отделаться от слезки, прежде чем глава Картеля смог встретиться с главой службы производства. Дон Диего молча выслушал Санчеса. Взяв лупу, он сам изучил фотографию в газете и записи, привезенные Санчесом.

– В этом не может быть никаких сомнений? – с убийственным спокойствием спросил он наконец.

– Никаких, дон Диего. В моих архивах есть запись о партии товара, которая несколько месяцев назад была отправлена галисийцам на борту венесуэльской рыбацкой шхуны под названием «Морская красавица». Партия так и не была доставлена по назначению. Она бесследно исчезла на просторах Атлантики. Однако на самом деле она *была* доставлена. Вот она. Ошибки быть не может.

Дон Диего долго молчал. Всякий раз, когда Эмилио Санчес собирался что-либо сказать, он махал рукой, останавливая его. Теперь глава колумбийского Картеля наконец видел со всей определенностью, что кто-то похищал его кокаин на пути из Колумбии к заказчику и лгал о том, что груз бесследно исчезает. Однако прежде чем перейти к решительным действиям, требовалось еще выяснить множество моментов.

Во-первых, нужно было установить, как давно это продолжается. Далее, кто именно из клиентов перехватывает суда с грузом и делает вид, что они так и не прибыли по назначению. Дон Диего не сомневался, что все эти корабли отправлены на дно, команды безжалостно перебиты, а кокаин украден. И он хотел выяснить размеры заговора.

– Мне от тебя нужно следующее, – наконец сказал дон Диего Санчесу. – Подготовь два списка. В одном номера партий тюков, отправленных на кораблях, которые исчезли и больше не появлялись. Рыбацких шхунах, маленьких торговых судах, «быстрых штучках», частных яхтах – на всех тех кораблях, что так и не дошли до места. И другой список, с теми кораблями, которые дошли благополучно, с полным перечнем тюков, бывших на борту, по номерам партий.

И вот, кажется, боги ему наконец улыбнулись. Ключевых моментов оказалось два. На мексиканско-американской границе американские таможенники, действуя в штате Аризона неподалеку от городка Ногалес, задержали грузовик, который тайно пересек границу под покровом безлунной ночи. Была перехвачена крупная партия кокаина. Весь груз оставили в Ногалесе для уничтожения. Сделано это было в пропагандистских целях, однако имели место нарушения мер безопасности.

Это стоило дону Диего больших денег, но один нечистый на руку чиновник переписал номера партий на тюках с кокаином. Часть из них оказалась с «Марии Линды», которая благополучно дошла по назначению и передала груз картелю «Синалоа». Другие тюки были с двух быстроходных катеров, несколько месяцев назад исчезнувших в Карибском море. Они также предназначались картелю «Синалоа». И вот теперь тюки были перехвачены в Ногалесе.

Второй раз удача улыбнулась дону Диего в Италии. На этот раз речь шла о партии мужских костюмов одного очень известного миланского дома моделей, которую попытались перевезти через Альпы во Францию и дальше в Лондон.

По роковой случайности у грузовика на горном перевале лопнуло колесо, и прицеп занесло. Карабинеры потребовали убрать машину, перегородившую дорогу, но для этого необходимо было облегчить прицеп, частично его разгрузив. Из треснувшего ящика вывалились мешки с пакетами белого порошка, которые определенно не предназначались для украшения фигур модных молодых брокеров с Ломбард-стрит.

Контрабандный груз был тотчас же арестован, и, поскольку отправной его точкой был Милан, карабинеры и без помощи Альберта Эйнштейна вычислили название «Ндрангета». Ночью неизвестные наведались на склад, куда доставили наркотики; ничего не пропало, но номера партий были отправлены по электронной почте в Боготу. Часть груза прибыла на борту «Бонито», благополучно достигшего побережья Галисии. Остальные тюки были спрятаны в трюме «Арко соледад», направлявшегося в Гвинею-Бисау, который, судя по всему, пошел ко дну вместе со всей командой, и в том числе Альваро Фуэнтесом. Обе партии предназначались для отправки на север галисийцам и «Ндрангете».

Дон Диего нашел воров. Он был полон решимости заставить их дорого заплатить за хищения.

Ни американские таможенники в Ногалесе, ни карабинеры на альпийском перевале не обратили особого внимания на обладающего мягким голосом американского чиновника, судя по документам, сотрудника УБН, который с поразительной оперативностью появился на месте в обоих случаях. Этот чиновник свободно владел испанским и кое-как изъяснялся по-итальянски. Он был худой, жилистый, седой, в прекрасной физической форме. В его выправке чувствовался бывший военный. Американец старательно переписал номера партий с арестованных тюков. Зачем это было ему нужно, никто не спрашивал. Удостоверение УБН гласило, что его зовут Кэлвин Декстер. Один любопытный сотрудник УБН, также присутствовавший в Ногалесе, позвонил в центральное управление в Арлингтоне, но там никто не слышал ни о каком Декстере. Впрочем, ничего особенно подозрительного в этом не было. Тайных агентов никогда не зовут так, как указано в их документах.

Сотрудник УБН в Ногалесе на том и остановился, а в Альпах карабинеры с радостью приняли в качестве знака дружбы коробку страшно дефицитных кубинских сигар, после чего разрешили коллеге и союзнику посетить склад с арестованным сокровищем.

Поль Деверо в Вашингтоне внимательно выслушал доклад своего помощника.

– Обе подмены прошли хорошо?

– Похоже на то. Троим так называемым мексиканцам, задержанным в Ногалесе, придется провести немного времени в тюрьме штата Аризона, после чего, полагаю, мы сможем их вызволить. Водитель-итальянец будет оправдан, поскольку нет никаких доказательств того, что он был как-то связан с грузом. Надеюсь, через пару недель все они вернутся к своим семьям, радуясь щедрому вознаграждению.

– Ты что-нибудь читал о Юлии Цезаре? – спросил Кобра.

– Не слишком много. Учился я то в жилом прицепе, то на различных стройках. А что?

– Однажды Цезарю пришлось воевать с племенами германских варваров. Он окружил свой лагерь большими ямами, прикрытыми ветками. Дно и стены ям были утыканы направленными вверх острыми кольями. Когда германцы ночью попытались напасть на лагерь, многие из них получили по острому колу в задницу.

– Болезненно и эффективно, – заметил Декстер, которому довелось повидать подобные ловушки во Вьетнаме.

– Совершенно верно. Ты знаешь, как Цезарь называл эти колья?

– Понятия не имею.

– Он называл их «стимулами». Похоже, у старины Юлия было довольно мрачное чувство юмора.

– Это ты к чему?

– Так будем же надеяться, что наши стимулы достигнут дона Диего Эстебана, где бы он ни находился.

Дон Диего был у себя в поместье к востоку от Кордильеров и, несмотря на удаленность, «нужные» сведения получил в полном объеме.

Дверь камеры в тюрьме Белмарш открылась, и Джастин Кокер оторвал взгляд от дешевого

романа. Поскольку камера была одиночной, можно было не опасаться, что разговор с гостем будет услышан.

– Собирайся, – сказал командер Питер Рейнольдс. – Все обвинения сняты. Ни о чем не спрашивай. Но тебе придется выйти на свет. Когда все это всплывет, твоей «крыше» настанет конец. И еще, Дэнни, отлично сработано, честное слово. Это говорю не только я, но и на самом верху.

И сержант Дэнни Ломакс, проработавший шесть лет внедренным в лондонскую банду, занимавшуюся торговлей наркотиками, вышел из тени и был произведен в следователи.

Часть четвертая Яд

Глава 15

Дон Диего Эстебан верил в три вещи: в своего бога, в свое право на огромное богатство и в то, что тех, кто посмеет посягнуть на первые две вещи, должно неминуемо настигнуть самое суровое возмездие.

После того как в Ногалесе были арестованы тюки с кокаином, которые якобы бесследно сгнули в Карибском море вместе с «быстрыми штучками», дон Диего убедился в том, что его изоциренно обманывает кто-то из его главных клиентов. Мотив был очевиден – алчность.

Личность вора можно было вычислить по месту и характеру перехвата груза. Ногалес – небольшой городок у самой границы, центр маленькой зоны, чья мексиканская сторона является исключительно территорией картеля «Синалоа». На противоположной стороне границы орудует аризонская банда, именующая себя «Чудо-мальчиками».

Как и рассчитывал Кобра, дон Диего пришел к заключению, что картель «Синалоа» захватил груз кокаина в море, чтобы таким образом удвоить свою прибыль. Первым делом он приказал Альфредо Суаресу аннулировать все заказы «Синалоа» и больше не отправлять ему ни одного грамма. Это привело к кризису, разразившемуся в Мексике, как будто этой несчастной стране и без того выпало мало страданий.

Главари «Синалоа» понимали, что они ничего не похищали у дона Диего. У кого-нибудь другого его реакция, вероятно, вызвала бы недоумение, но торговцам кокаином знакомо еще только одно чувство помимо удовлетворения – ярость.

И, наконец, Кобра через связи УБН на севере Мексики распространил в мексиканской полиции слух о том, что партию груза в Ногалесе выдал американским властям картель Залива вместе со своими союзниками из «Фамилии». На самом деле в этом не было ни капли правды: весь эпизод от начала до конца выдумал Кобра. Но половина мексиканской полиции работала на банды, и ложь пошла дальше.

Для «Синалоа» это было объявлением войны, и картель принял вызов. Ребята из картеля Залива и их приятели из «Фамилии» ничего не могли взять в толк, поскольку они никого не закладывали, но им не оставалось ничего другого, кроме как ответить. Они пригласили «Сету», банду, которая нанимается исполнять самые зверские убийства.

К январю счет убитых боевиков «Синалоа» шел уже на десятки. Мексиканские власти, армия и полиция наблюдали за происходящим со стороны, собирая трупы.

– Что ты делаешь? – спросил Кэл Декстер у Кобры.

– Я демонстрирую силу сознательной дезинформации, – ответил Поль Деверо, – что кое-кому из нас пришлось испытать на своей шкуре за сорок лет холодной войны.

Тогда все разведывательные ведомства убедились в том, что самым разрушительным оружием против вражеского ведомства, если не считать реального внедренного агента, является убежденность врага в том, что такой агент существует. На протяжении многих лет предшественник Кобры Джеймс Энглтон был буквально одержим уверенностью в том, что Советы внедрились своего человека в ЦРУ, и эта маниакальная подозрительность едва не привела к развалу управления.

На противоположной стороне Атлантики англичане долгие годы безуспешно пытались

определить «пятого человека» (помимо Берджеса, Филби, Маклина и Бланта).⁴¹ Подозрение, падавшее на невинных, разбивало карьеры.

Деверо, поднявшись в те годы от выпускника колледжа до одной из ключевых фигур в ЦРУ, смотрел и учился. И опыт пригодился. Кобра пришел к выводу, что задача полного уничтожения кокаиновой индустрии, перед которой быстро опускали руки другие, выполняема только потому, что между картелями и бандами наркоторговцев, с одной стороны, и разведывательными ведомствами – с другой, было много общего.

– И те, и другие представляют собой закрытые сообщества, – объяснил он Декстеру. – В них сложные тайные ритуалы посвящения. Питаются они исключительно подозрительностью, которая граничит с маниакальной паранойей. Они преданы тем, кто хранит верность, и беспощадны к предателям. Все посторонние подозреваются уже на основании только того, что они посторонние.

Эти люди не открывают душу даже своим женам и детям, не говоря про знакомых; поэтому они склонны общаться с себе подобными. Как следствие – слухи распространяются со скоростью лесного пожара. Поэтому умело построенная дезинформация оказывается смертельной.

С первого же дня ознакомления с проблемой Кобра понял, что ситуация в Соединенных Штатах и Европе принципиально отличается одним важным моментом. В Европу кокаин попадает множеством различных путей, но свыше девяноста процентов поставок в Америку идут через Мексику, страну, в которой на самом деле не производится ни одного грамма этого наркотика.

После того как три мексиканских гиганта и множество мелких группировок схлестнулись между собой, соперничая за обмелевший поток кокаина и постоянно сводя друг с другом счеты, обмениваясь все новыми взаимными ударами, дефицит к северу от границы превратился в полноценную засуху. До этой зимы американские власти утешались тем, что безумие к югу от границы не выплескивалось на территорию Соединенных Штатов. В январе кровопролитие перешло через границу.

Для того чтобы ввести в заблуждение банды, орудующие на территории Мексики, Кобре достаточно было передать дезинформацию мексиканской полиции. И та уже довершила остальное. К северу от границы все обстояло не так просто. Однако в Соединенных Штатах также есть два мощных локомотива для распространения дезинформации. Одним является сеть тысяч радиостанций, часть которых в действительности прислуживает преступному миру. На других же работают молодые и честолюбивые журналисты, отчаянно жаждущие стать богатыми и знаменитыми. У них пренебрежительное отношение к достоверности, но при этом ненасытный аппетит к «сенсациям».

Другим локомотивом является Интернет и его странное детище – блоги. Опираясь на гениальное мастерство Джереми Бишопы, Кобра создал блог, чей источник проследить было невозможно. Автор блога выдавал себя за ветерана всевозможных преступных группировок, орудующих в Соединенных Штатах. У него якобы были связи с большинством крупных американских банд и даже источники в правоохранительных органах.

Используя тщательно отредактированные строчки из донесений УБН, ЦРУ, ФБР и десятка других правоохранительных ведомств, которые открыл для Деверо президентский указ, автор блога вываливал обрывочные крупницы достоверной информации, которых оказалось достаточно для того, чтобы привести в замешательство все крупнейшие преступные группировки континента. Одни перлы относились к самим бандам, в других речь шла об их соперниках и врагах. И вперемешку с правдивыми материалами выбрасывалась ложь, которая вызвала вторую гражданскую войну – войну банд, контролировавших торговлю кокаином от Рио-Гранде до Канады.

К концу месяца радиоведущие уже ссылались на блог бывшего гангстера ежедневно, выдавая почерпнутые в нем факты за истинную правду, вещая о них во всех штатах.

Проявив редкое для него чувство юмора, Поль Деверо назвал автора блога Коброй. И начал он с самой многочисленной и самой жестокой банды «МС-13», состоявшей из выходцев из

⁴¹ Имеется в виду так называемая «Кембриджская пятерка» — завербованные КГБ высокопоставленные сотрудники британского Министерства иностранных дел и разведки МИ-5 Гай Берджесс, Энтони Блант, Дональд Маклин и Ким Филби, вместе работавшие и учившиеся в Кембриджском университете. Личность пятого советского агента выдал много лет спустя перебежчик Олег Гордиевский.

Сальвадора.

Эта группировка образовалась в качестве побочного продукта кровавой гражданской войны, долгие годы терзавшей Сальвадор. Молодые террористы, не ведавшие жалости и сострадания, вдруг оказались не у дел. Они назвали свою банду «Ла-Мара» в честь одной из центральных улиц столицы своей родины Сан-Сальвадоре. Их преступной деятельности очень быстро стало тесно в маленьком Сальвадоре, и они переместились в соседний Гондурас, завербовав там больше тридцати тысяч новых членов.

После того как Гондурас принял драконовские законы в области уголовного права и стал отправлять бандитов за решетку тысячами, главари перебрались в Мексику, но и в этой стране им показалось слишком тесно, и они двинулись дальше, в Лос-Анджелес, добавив к названию своей банды ссылку на Тринадцатую улицу.

Кобра пристально изучил группировку – узнал все про татуировки, про голубую с белым одежду по цветам сальвадорского флага, про страсть рубить тела жертв на куски мачете. На него произвела впечатление репутация сальвадорской банды. Она была такая, что даже в лоскутной пестроте американского преступного мира у «МС-13» не было ни друзей, ни союзников. Сальвадорцев боялись все, поэтому Кобра начал с «МС-13».

Вернувшись к партии, конфискованной в Ногалесе, он сообщил сальвадорцам, что груз, перехваченный властями, предназначался для них. После чего добавил два факта, которые соответствовали действительности, и один – нет.

Во-первых, Кобра упомянул о том, что водителям задержанного грузовика удалось бежать; далее он сказал, что конфискованный кокаин пропал на пути между Ногалесом и административным центром округа Флагстафф, где его должны были сжечь. Ложь состояла в том, что Кобра заявил, будто товар был «освобожден» группировкой «Латиноамериканские короли», которая тем самым, по сути, украла его у «МС-13».

Поскольку у «МС-13» имелись отделения под названием «клики» больше чем в ста городах в двадцати штатах, главари сальвадорской банды услышали эту новость, несмотря на то что она вышла в эфир только в Аризоне. Через неделю «МС-13» объявила войну второй по численности латиноамериканской преступной группировке, действующей в Соединенных Штатах.

К началу января закончилось длительное перемирие, существовавшее между белыми бандами: «Ангелы ада» выступили против «Бандитов» и их союзников «Изгоев».

Через неделю кровопролитие и хаос захлестнули Атланту, крупнейший в Америке перевалочный пункт кокаина. Атланту контролировали мексиканцы, а кубинцы и пуэрториканцы вместе им подчинялись.

От мексиканско-американской границы на северо-восток к Атланте ведет сеть автострад, а другая сеть отходит на север во Флориду, Балтимор, Вашингтон, Нью-Йорк и Детройт. Доступ со стороны моря здесь практически полностью перекрыт действиями местного отделения УБН, базирующегося в Ки-Уэст.

Проглотив дезинформацию, кубинцы пошли против мексиканцев, убежденные в том, что те их обманывают, скрывая долю уменьшившихся поставок из приграничной зоны.

«Ангелы ада», понеся ужасные потери в войне с «Изгоями» и «Бандитами», обратились за помощью к своим друзьям из белого «Арийского братства», спровоцировав волну жестоких расправ в тюрьмах по всей стране, где у «Арийцев» было очень сильное влияние. После чего в игру вступили чернокожие «Калеки» и «Кровь».

Кэлу Декстеру на своем веку довелось повидать немало крови, и по природе своей он не был брезгливым. Однако по мере роста насилия он все чаще задавался вопросом, к чему стремится Кобра. Поскольку Поль Деверо, обыкновенно не привыкший отчитываться ни перед кем, уважал своего ближайшего помощника, он пригласил его отужинать вместе в Александрии.

– Кэлвин, в нашей стране около четырехсот городов, больших и маленьких. И по крайней мере в трехстах из них существуют серьезные проблемы с наркотиками. Отчасти это связано с марихуаной, коноплей, героином и метамфетамином, однако главное место занимает кокаин. Меня попросили уничтожить торговлю кокаином, потому что это зло грозит полностью выйти из-под контроля. В первую очередь эта проблема порождена тем, что только в нашей стране кокаин приносит прибыль в размере сорока миллиардов долларов в год, это почти столько же, сколько во всем остальном мире.

– Я ознакомился с цифрами, – пробормотал Декстер.

– Великолепно, но ты попросил объяснений.

Поль Деверо ел так же, как делал почти все остальное, то есть скромно; его любимой кухней была итальянская. Ужин состоял из тонких, как бумажный лист, телячьих отбивных с лимоном, салата, обильно приправленного маслом, и оливок, а пищеварению способствовала бутылка холодного «Фраскати». Декстер мысленно отметил, что по пути домой надо будет остановиться и подкрепиться чем-нибудь канзасским, например, бройлерным цыпленком с жареной картошкой.

– Вот почему эти умопомрачительные деньги привлекают акул всех мастей. У нас в стране около тысячи банд, так или иначе связанных с торговлей кокаином. Общая численность членов организованных преступных группировок в Соединенных Штатах оценивается в семьсот пятьдесят тысяч человек, и половина из них занимается наркотиками. Итак, вернемся к твоему изначальному вопросу: чем я занимаюсь и как?

Наполнив оба бокала бледно-желтым вином, Деверо отпил глоток, тщательно подбирая слова:

– В нашей стране существует только одна сила, способная положить конец двойной тирании наркотиков и преступности. Не ты, не я, не УБН, ФБР или какое-либо другое из наших многочисленных правоохранительных ведомств с непомерно раздутым бюджетом. Ни даже сам президент. И уж определенно не местная полиция, действующая подобно тому голландскому мальчику, который пытался заткнуть пальцем брешь в плотине, останавливая потоп.

– Итак, что же это за единственная сила?

– Они сами. Пусть уничтожают друг друга. Кэлвин, как ты думаешь, чем мы занимались весь прошлый год? Первым делом мы создали кокаиновый дефицит. Все это делалось с четким расчетом, однако продолжать так до бесконечности нельзя. Тот бразильский летчик с островов Зеленого Мыса. Корабли-ловушки в море. Им придется сворачивать свою деятельность в самом ближайшем времени.

И как только это произойдет, поток кокаина возобновится. При такой норме прибыли такое случится мгновенно. Нам удалось сократить торговлю лишь наполовину, породив среди клиентов ненасытный голод. А когда хищникам нечем насытиться, они бросаются друг на друга.

Далее, мы создали множество приманок, посредством которых теперь мы натравливаем хищников не на законопослушных граждан, а друг на друга.

– Но ведь кровопролитие уродует нашу страну. Мы превращаемся в северные районы Мексики. Как долго будут продолжаться междоусобные войны преступных группировок?

– Кэлвин, насилие присутствовало всегда. Просто оно было скрытым. Мы тешили себя тем, что все оно сосредоточено на телевидении или в кино. Что ж, теперь насилие вышло на свет. На какое-то время. Если мне позволят и дальше стравливать банды между собой, их могущество будет подорвано на целое поколение.

– Но в краткосрочном плане?

– Увы, произойдет много страшного. Мы принесли все это в Ирак и Афганистан. Хватит ли у наших правителей и нашего народа силы принять это здесь, у себя дома?

Кэл Декстер вернулся мыслями к тому, что сорок лет назад видел во Вьетнаме.

– Сомневаюсь, – сказал он. – Это так удобно, когда кровь проливается где-то в другом месте.

По всей территории Соединенных Штатов местные клики «МС-13» безжалостно расправлялись с членами «Латиноамериканских королей», убежденные в том, что те сами первые напали на них, жаждущие прибрать к рукам как клиентов «Королей», так и запасы кокаина. «Короли», оправившись от первого шока, ответили так, как только могли ответить.

Кровавая бойня между «Бандитами» и «Изгоями», с одной стороны, и «Ангелами ада» и расистским «Арийским братством» – с другой, завалила страну трупами от одного побережья до другого.

Законопослушные граждане в ужасе читали слово «ПРОЩАЙ», намалеванное на стенах домов и опорах мостов. На самом деле эта аббревиатура означала «Ангелы умирают в штатах Изгоев».⁴² Все четыре группировки были щедро представлены в американских тюрьмах строго-

⁴² Начальные буквы английской фразы «Angels Die In Outlaw States» образуют испанское слово adios — «про-

го режима, и кровопролитие перекинулось туда, словно пламя на солому.

А к Европе волна мести дона Диего еще только приближалась.

Колумбийцы отправили за океан сорок отборных боевиков. Формально речь шла о визите вежливости к галисийцам. Гости попросили у «Собак» солидный арсенал автоматического оружия. Их запрос был удовлетворен.

Колумбийцы прилетели в течение трех дней рейсами различных авиакомпаний. Передовая группа обеспечила всех флотилией домов на колесах и жилых прицепах. Собравшись все вместе, мстители отправились своим ходом на северо-запад в Галисию, которую в феврале, как обычно, терзали проливные дожди и шквальные ветры.

Был канун дня Святого Валентина, и встреча посланцев дона Диего и ничего не подозревающих хозяев состоялась на складе в уютном старинном городке Феррол. Гости одобрительно осмотрели предоставленный им арсенал, вставили магазины, передернули затворы, развернулись и открыли ураганный огонь.

Когда затихли последние отголоски грома автоматического огня, почти все галисийцы лежали на полу убитые. Маленький человечек с детским лицом, известный у себя на родине как Животное, предводитель колумбийцев, подошел к еще живому галисийцу.

– Тут нет ничего личного, – тихо промолвил он, – просто с доном Диего нельзя так поступать.

С этими словами Пако Вальдес вышиб умирающему мозги.

Остаться здесь не было необходимости. Отряд убийц сел по машинам и в Эндейе пересек французскую границу. Испания и Франция входят в Шенгенское соглашение, поэтому граница между ними открытая и не контролируется.

Сменяя друг друга за рулем, колумбийцы проехали на восток через предгорья Пиренеев, через равнины Лангедока, через французскую Ривьеру и оказались в Италии. Никто не думал останавливать машины с испанскими номерами. Через тридцать шесть часов непрерывной езды колумбийцы приехали в Милан.

Увидев номера партий тюков с кокаином, отправленных через Атлантику на борту «Морской красавицы», на фотографии, сделанной в заброшенном ангаре, затерявшемся среди солончаков Эссекса, дон Диего быстро выяснил, что весь груз попал в Эссекс через Нидерланды, но от «Ндрангеты», поставявшей наркотик «Эссекской группе». Следовательно, калабрийцы, которым была доверена ведущая роль в Европе, также предали Картель. Возмездие должно было быть неминуемым.

Группа, отправленная совершить суд над виновными, в дороге изучала планы Милана и записки, присланные в Боготу многочисленной связной командой, проживающей в городе.

Колумбийцы знали, где именно находятся три южных пригорода Буччинаско, Корсико и Ассаджо, облюбованные калабрийцами. Для выходцев с крайнего юга Италии эти пригороды стали тем же, чем в Нью-Йорке для русских является Брайтон-Бич, – родиной вдали от родины. Даже язык здесь был другим.

Убийцы приехали ночью. У них не было никаких иллюзий насчет калабрийцев. Никто и никогда не связывался с ними. Если они и воевали, то только между собой. Так называемая «вторая война „Ндрангеты“», продолжавшаяся с 1985 по 1999 год, оставила на улицах Калабрии и Милана свыше семисот трупов.

История Италии представляет собой сплошную череду войн и кровопролитий, и древняя брусчатка не раз становилась красной. Итальянцы боятся неаполитанской «Черной руки» и сицилийской мафии, но калабрийцам никто не осмеливается перечить. Так было до той ночи, когда в Милане появились колумбийцы.

У них было семнадцать домашних адресов. Перед ними стояла задача лишить змею головы и унести ноги, прежде чем будут подняты по тревоге сотни рядовых боевиков.

К утру канал Навильо был красным от крови. Пятнадцать из семнадцати главарей «Ндрангеты» были застигнуты у себя дома и умерли там. Шестеро колумбийцев взяли на себя «Ортомеркато», модный ночной клуб, который облюбовало молодое поколение. Спокойно пройдя

мимо дорогих «Феррари» и «Ламборгини», стоящих перед входом, колумбийцы уложили четырех «подручных» в дверях, вошли внутрь и открыли огонь длинными очередями, скосившими всех тех, кто пил у стойки и за четырьмя столиками.

Колумбийцы потеряли одного человека. Бармен в порыве самопожертвования выхватил из-под стойки револьвер и выстрелил. Он целился в коротышку, который, как ему показалось, командовал стрелявшими, и всадил ему пулю прямо в рот-бутончик. После чего сам подавился тремя выстрелами из пистолета-пулемета «МАК-10».

Еще до рассвета специальный отряд карабинеров на виа Ламармора был приведен в состояние повышенной готовности. Жители столицы итальянской торговли и моды проснулись от визга карет «Скорой помощи» и завывания полицейских сирен.

Закон джунглей и преступного мира гласит: король умер, да здравствует новый король. «Почетное общество» не умерло, и своим чередом война с Картелем должна была обрушиться страшной мстью на колумбийцев, как виновных, так и не имеющих никакого отношения к случившемуся. Но у картеля из Боготы был на руках козырной туз: хоть поток кокаина и усох до тоненького ручейка, ручеек этот по-прежнему находился под контролем дона Диего Эстебана.

Американские, мексиканские и европейские группировки могли попытаться найти новые источники в Перу и Боливии, но к западу от Венесуэлы дон Диего оставался единственным, с кем можно было иметь дело. И когда поставки возобновятся, товар получит только тот, кому он его пожелает отправить. Все европейские и американские банды жаждали стать этим избранником. А единственный способ доказать свою ценность в качестве нового монарха заключался в том, чтобы расправиться со всеми остальными претендентами на престол.

Шестерка остальных гигантов состояла из русских, сербов, турок, албанцев, неаполитанцев и сицилийцев. Латыши, литовцы, нигерийцы и уроженцы Ямайки не уступали им в жестокости и также жаждали вступить в дело, но их группировки были значительно малочисленнее. Им предстояло ждать, когда представится возможность заключить союз с новым монархом. Немецкие, французские, голландские и английские банды были просто клиентами и не входили в первую десятку.

Даже после миланской бойни оставшиеся европейские торговцы кокаином могли бы еще не начинать военные действия, но вот только Интернет не знает границ и проникает повсюду. Созданный Коброй неназванный источник, проследить который так и не удалось, обладающий, по-видимому, самой достоверной информацией о мире кокаина, опубликовал сведения, якобы полученные из Колумбии.

Предположительно утечка произошла из источника в разведывательном отделе уголовной полиции. Некий сотрудник заявил, что дон Диего Эстебан в частной беседе признал, что его следующим избранником станет абсолютный победитель сведения счетов в европейском преступном мире. На самом деле это была чистейшая ложь. Ничего подобного дон Диего не говорил. Но фальшивка спровоцировала начало войны между бандами, захлестнувшей континент.

Славяне в лице трех ведущих русских группировок и сербов образовали союз. Однако их ненавидели прибалты из Латвии и Литвы, которые объединились, чтобы вместе помогать врагам русских.

Албанцы, по вероисповеданию мусульмане, заключили союз с чеченской «Общиной» и турками. Ямайские «Арестанты» и нигерийцы – чернокожие, поэтому они также смогли работать вместе. В Италии сицилийцы и неаполитанцы, в прошлом заклятые враги, создали очень шаткий альянс, направленный против любых чужаков.

И полилась кровь.

Волна насилия захлестнула Европу так же, как до того Соединенные Штаты. Ни одно государство Европейского союза не осталось в стороне, хотя основную тяжесть приняли на себя крупнейшие из них.

Средства массовой информации тщетно пытались объяснить происходящее своим читателям, зрителям и слушателям. Банды воевали между собой на всем пространстве от Дублина до Варшавы. Невинные посетители с криками падали на пол в барах и ресторанах, когда автоматическое оружие начинало плевать свинцом.

В Лондоне гувернантка, гуляющая по Примроз-Хилл с детьми министра внутренних дел, наткнулась в кустах на труп. Обезглавленный. В Гамбурге, Франкфурте и Дармштадте растерзанные тела появлялись на улицах каждую ночь в течение целой недели. За одно утро во Фран-

ции из рек было выловлено четырнадцать трупов. Двое убитых были чернокожими, а у остальных характер зубных пломб однозначно свидетельствовал о том, что ставили их не французские стоматологи.

В перестрелках погибали не все. Приемные покои хирургических отделений всех европейских больниц были переполнены. Все разговоры об Афганистане, сомалийских пиратах, парниковых газах и разжиревших банках исчезли с первых полос газет. Кричащие заголовки были проникнуты бессильной яростью.

Полицейских начальников вызывали на ковер и строго отчитывали, после чего они сами отправлялись орать на своих подчиненных. Политики двадцати семи европейских парламентов, Конгресса в Вашингтоне и пятидесяти штатов пытались сохранять выразительную позу, однако их полное бессилие с каждым днем становилось все более очевидно избирателям.

Обратная политическая реакция началась в Соединенных Штатах, но Европа отстала недалеко. Телефонные линии всех американских мэров, членов палаты представителей и сенаторов были забиты звонками простых людей, или разъяренных, или напуганных. Средства массовой информации по двадцать раз на дню предоставляли слово все новым экспертам, которые с умным видом противоречили друг другу.

Полицейские начальники устраивали пресс-конференции, но под градом вопросов пристыженно бежали с них. Полиция сбилась с ног, и это относилось также к «Скорой помощи», моргам и судебно-медицинским экспертам. В трех крупных городах пришлось задействовать морозильники для мяса, чтобы принимать трупы, подобранные на улицах, вытащенные из изрешеченных пулями машин и выловленные из замерзших рек.

Похоже, никто не представлял себе, какой силой пугать, вызывать шок и отвращение у простых людей двух благополучных континентов обладает преступный мир, обезумевший от жестокости, порожденной алчностью.

Суммарный счет трупам перешагнул за пятую сотню, и это применительно к каждому континенту в отдельности. Убитых бандитов оплакивали разве что их родные и близкие, но от случайного огня гибли и невинные люди. В том числе и дети, что заставляло бульварные издания рыться в словарях в поисках новых гневных эпитетов.

И вот наконец один ученый-криминалист спокойно объяснил по телевизору, в чем причина гражданской войны, ввергшей в ужас тридцать государств. Он мягко указал на то, что в настоящее время наблюдается тотальный дефицит кокаина и волки перегрызлись между собой из-за жалких остатков.

Другие наркотики – метамфетамин, героин и прочие – не способны заполнить образовавшуюся брешь. По словам ученого, кокаин слишком долго был чрезвычайно доступен. Для широких слоев общества он из удовольствия превратился в необходимость. На нем были сколочены огромные состояния, и он сулил еще более несметные богатства. Индустрия с оборотом по пятьдесят миллиардов долларов в год на каждом из континентов умирает, и мы являемся свидетелями предсмертных судорог чудовища, которое слишком долго безнаказанно обитало среди нас. Словно громом пораженный ведущий поблагодарил профессора, покидающего студию.

После этого требования населения к правительствам изменились. В них стало меньше неопределенности. Они стали сводиться к следующему: решите эту проблему или уходите в отставку.

Кризис может поразить различные слои общества, но самый страшный тот, который вынуждает политиков покинуть свое тепленькое местечко. В начале марта в изящном особняке довоенной постройки в Александрии зазвонил телефон.

– Только не кладите трубку! – вместо приветствия закричал глава президентской администрации.

– У меня и в мыслях этого не было, мистер Сильвер, – сказал Поль Деверо.

Оба сохранили привычку употреблять вежливое обращение «мистер» в отношении друг друга, что практически не услышишь в современном Вашингтоне. Ни тот, ни другой не обладали даром дружелюбия, так зачем притворяться?

– Вы не могли бы... – любому другому подчиненному Джонатан Сильвер сказал бы «притащить свою задницу», но сейчас он сменил это на: ...Прибыть в Белый дом сегодня в шесть часов вечера? Вы понимаете, от чьего лица я говорю.

– С радостью, мистер Сильвер, – сказал Кобра и положил трубку.

Ничего радостного не предвидится. Деверо это прекрасно понимал. Но он также с самого начала сознавал, какой резонанс вызовет его деятельность.

Глава 16

Джонатан Сильвер имел репутацию человека самого крутого нрава в Западном крыле. Когда Поль Деверо вошел к нему в кабинет, он сразу же дал ему понять, что не собирается сдерживаться.

Схватив номер «Лос-Анджелес таймс», глава президентской администрации помахал им перед лицом своего пожилого посетителя.

– Это ваших рук дело?

Деверо взглянул на газету с отрешенностью энтомолога, смотрящего на личинку хорошо знакомого насекомого. Первую полосу занимали фотография и броский заголовок «Ад в ресторане». На фотографии был изображен зал ресторана, изрешеченный потоками пуль из двух пистолетов-пулеметов.

Из семи убитых, сообщалось в заметке, четверо к настоящему времени опознаны как ведущие фигуры преступного мира, один случайный посетитель, который столкнулся в дверях с входящими убийцами, и двое официантов.

– Лично я к этому непричастен, – сказал Деверо.

– Однако многие в Вашингтоне думают иначе.

– К чему вы клоните, мистер Сильвер?

– К тому, мистер Деверо, что ваш проклятый проект «Кобра», похоже, разжег междоусобную войну преступных группировок, превратившую нашу страну в место кровавого побоища, какое на протяжении последнего десятилетия мы наблюдали на севере Мексики. И этому необходимо положить конец.

– Вы позволите перейти прямо к делу?

– Будьте добры.

– Полтора года назад наш верховный главнокомандующий спросил у меня, возможно ли уничтожить кокаиновую индустрию, которая, выбившись из-под контроля, превратилась в национальное бедствие. Тщательно изучив вопрос, я ответил, что такое возможно – при соблюдении определенных условий и за определенную цену.

– Но вы ни словом не обмолвились о том, что по улицам трехсот городов потекут реки крови. Вы попросили два миллиарда долларов, и вы их получили.

– Это была только финансовая сторона вопроса.

– Вы ничего не сказали про возмущение в обществе.

– Потому что вы об этом не спрашивали. Послушайте, наша страна тратит ежегодно четырнадцать миллиардов долларов на бюджеты десятка государственных ведомств, однако результат нулевой. Почему? Потому что в одних только Соединенных Штатах, не считая Европы, кокаиновая индустрия стоит вчетверо больше. Неужели вы действительно полагаете, что производители кокаина переключатся на производство конфет, если только мы их об этом попросим? Неужели вы действительно полагаете, что американские банды, одни из самых жестоких в мире, без борьбы займутся кафе-морожеными?

– И все же это не повод превращать нашу страну в зону кровавой войны.

– А вот тут вы не правы. Девяносто процентов убитых – это психопаты на грани клинического сумасшествия. А число тех немногих невинных жертв, случайно попавших под огонь, не превышает количество погибших в авариях в рождественские каникулы.

– Но посмотрите, какую преисподнюю вы устроили. Нам всегда удавалось держать наших психопатов и больных в сточных канавах, в помойных ямах. Вы же выпустили их на центральную улицу. Именно там живет законопослушный гражданин, который ходит на выборы. А как раз в этом году президентские выборы. Через восемь месяцев человек, чей кабинет находится в конце коридора, попросит избирателей доверить ему страну еще на четыре года. И я, мистер Деверо, не собираюсь допустить, черт побери, чтобы они отказали ему в этой просьбе, потому что им страшно выходить из дома.

Как обычно, глава президентской администрации перешел на крик. За закрытой дверью молодые помощники напрягли слух, стараясь разобрать слова.

– Можете этого не опасаться, – сказал Деверо, сохраняя ледяное презрительное спокойствие. – Всего через месяц мы станем свидетелями буквально полного самоуничтожения преступного мира Америки – по крайней мере, он рухнет так, что не сможет возродиться при жизни этого поколения. И когда это станет очевидно, я не сомневаюсь, что люди поймут, какая тяжесть была снята с их плеч.

Поль Деверо не был политиком. В отличие от Джонатана Сильвера. Глава президентской администрации прекрасно понимал, что в политике реальность никому не нужна. Главное то, что кажется реальностью доверчивым массам. А эту кажущуюся реальность творят средства массовой информации. Покачав головой, Сильвер ткнул пальцем в газетную передовицу.

– Это не может продолжаться. Какой бы ни была конечная выгода. Это необходимо остановить, любой ценой. – Схватив со стола лист бумаги, лежавший текстом вниз, он швырнул его бывшему шпиону. – Вы знаете, что это такое?

– Не сомневаюсь, вы с радостью меня просветите.

– Это исполнительный указ президента. Вы ему подчинитесь?

– В отличие от вас, мистер Сильвер, я служил многим верховным главнокомандующим и всегда выполнял их приказы.

Услышав это язвительное замечание, глава президентской администрации покрылся красными пятнами.

– Что ж, хорошо. Очень хорошо. Потому что своим указом президент предписывает вам остановиться. Проект «Кобра» закончен. Завершен. И продолжения не будет. Указ вступает в силу с этого же часа. Вы должны вернуться в свой штаб и довести его до своих людей. Это понятно?

– Абсолютно.

Поль Деверо, он же Кобра сложил страницу, сунул ее в карман пиджака, развернулся и вышел. Он приказал водителю отвезти его к складу в Анакостии, где, поднявшись на последний этаж, показал президентский указ ошеломленному Кэлу Декстеру.

– Но мы ведь так близки к цели...

– Недостаточно близки. И ты был прав. Наша великая страна не моргнув глазом убивает миллион человек за своими пределами, однако едва только речь заходит всего об одном проценте этого числа, но только своих собственных бандитов, как все уже падают в обморок.

Как обычно, все детали я предоставляю тебе. Свяжись с кораблями-ловушками. «Балморал» подари британскому ВМФ, а «Чесапик» передай нашим «морским котикам». Быть может, он им пригодится для учений. Оба «Глобальных ястреба» вернешь летчикам. С моей благодарностью. Не сомневаюсь, у этих поразительных технологий большое будущее. Но только нам в этом будущем места нет. С нами полностью рассчитались. Можно оставить все это тебе? Вплоть до дешевой одежды на нижних этажах, которую теперь можно будет раздать бездомным?

– Ну а ты сам? В случае чего я смогу найти тебя дома?

Кобра задумался.

– Где-то еще неделю. После чего, возможно, мне придется немного попутешествовать. Уладить кое-какие мелочи. Ничего серьезного.

Дон Диего Эстебан гордился тем, что, хотя у него в поместье у отрогов Кордильер имелась собственная часовня, он ходил причащаться в церковь в соседнем городке.

Это давало ему возможность с величественной любезностью отвечать на почтительные приветствия крестьян и их укутанных в шали жен. Это давало ему возможность одарять лучезарной улыбкой босоногих детей, застывших в благоговейном почтении. Это давало ему возможность бросать на блюдо пожертвование, на которое приходской священник мог жить несколько месяцев.

Согласившись встретиться с американцем, который пожелал с ним увидеться, дон Диего выбрал именно эту церковь, однако прибыл он туда под надежной защитой. Это американец предложил встретиться в доме бога, которому они оба поклонялись, во время католического обряда, который оба соблюдали. К дону Диего еще никогда не обращались с такой странной просьбой, однако сама ее искренняя простота его заинтриговала.

Колумбийский идальго пришел первым. Его охрана тщательно обыскала все здание и вывела всех посторонних, включая священника. Диего Эстебан окунул два пальца в купель,

перекрестился и приблизился к алтарю. Выбрав первый ряд скамей, он опустился на колени, склонил голову и стал молиться.

Когда дон Диего поднялся на ноги, старая выгоревшая на солнце дверь у него за спиной скрипнула, снаружи ворвался поток горячего воздуха, после чего дверь с глухим стуком захлопнулась. Дон Диего знал, что в темноте затаились с оружием наготове его люди. Это было кошунство, но можно будет исповедаться и получить отпущение грехов. Мертвый же не может исповедаться.

Приблизившись сзади, гость также занял место в первом ряду, в шести шагах от дона Диего. И также перекрестился. Дон Диего искоса взглянул на него. Американец, худой, одних с ним лет, со спокойным аскетическим лицом, в безукоризненном кремовом костюме.

– Сеньор?

– Дон Диего Эстебан?

– Это я.

– Поль Деверо, из Вашингтона. Благодарю вас за то, что согласились меня принять.

– До меня дошли слухи. Очень смутные, ничего определенного. Но очень упорные. Слухи о человеке, которого зовут Кобра.

– Глупое прозвище. Но я к нему привык.

– Ваш испанский просто безупречен. Позвольте задать вам один вопрос.

– Разумеется.

– Почему бы мне просто вас не убить? У меня снаружи сотня вооруженных людей.

– Да, а у меня только пилот вертолета. Но, как мне кажется, у меня есть кое-что такое, что раньше принадлежало вам, и я могу это вернуть. Если мы придем к согласию. Однако мертвый я не смогу это сделать.

– Я знаю, что вы со мной сделали, сеньор Кобра. Вы нанесли мне огромный ущерб. Однако я вам не сделал никакого зла. Почему вы так со мной поступили?

– Потому что об этом меня попросила моя родина.

– Ну а теперь?

– Всю свою жизнь я служил двум повелителям. Своему богу и своей родине. Бог никогда меня не предавал.

– Но родина вас предала?

– Да.

– Почему?

– Потому что это уже не та родина, которой я присягал на верность в молодости. Она стала продажной и коррумпированной, слабой и в то же время заносчивой, принадлежащей жирным и глупым. Это уже не моя родина. Я больше не чувствую себя обязанным хранить ей верность.

– Я никогда не присягал ни одной стране, в том числе и этой. Потому что странами правят люди, и очень часто наименее достойные. У меня тоже два повелителя. Мой бог и мое состояние.

– И ради второго, дон Диего, вы убили многих людей.

Поль Деверо не сомневался в том, что человек, стоящий в нескольких шагах от него, был психопатом, и крайне опасным, несмотря на весь лоск и изящество.

– А вы, сеньор Кобра, разве вы не убивали ради своей родины? Причем неоднократно?

– Конечно. Так что, возможно, в конечном счете тут мы с вами схожи.

Психопатам нужно льстить. Деверо сознавал, что это сравнение польстит кокаиновому барону. Сравнением алчности с патриотизмом нельзя обидеть.

– Возможно, вы правы, сеньор. Какую часть моей собственности вы сохранили?

– Сто пятьдесят тонн.

– Пропало втрое больше.

– Большая часть была захвачена таможенной, береговой охраной и военными моряками и к настоящему времени предана огню. У меня осталась только треть.

– Она хранится в надежном месте?

– Надежнее не бывает. И война с вами окончена.

– Так. В этом и заключалось предательство.

– Вы очень проницательны, дон Диего.

Дон Диего задумался. Производство в джунглях можно развернуть на полную, перехваты в море снова уменьшатся, транспортировка по воздуху возобновится – можно начинать все заново.

Но нужен какой-то начальный запас, чтобы заполнить брешь, подкормить волков, положить конец войне. И ста пятидесяти тонн для этой цели будет достаточно.

– И ваша цена, сеньор?

– Я наконец должен уйти на покой. Но куда-нибудь далеко. Вилла на берегу моря. Под солнцем. Мои книги. Но так, чтобы официально я числился умершим. Это будет стоить недешево. Один миллиард американских долларов, если вам угодно.

– Моя собственность находится на корабле?

– Да.

– И вы назовете мне номера банковских счетов?

– Да. Вы скажете мне порт назначения?

– Разумеется.

– Так каков же будет ваш ответ, дон Диего?

– Полагаю, сеньор Кобра, мы заключили соглашение. Вы уйдете отсюда живым и невредимым. Деталими обменяетесь с моим помощником, он ждет на улице. А теперь я хочу помолиться в одиночестве. Ступайте с богом, сеньор.

Поль Деверо встал, перекрестился и вышел из церкви. Через час он уже был на авиабазе «Маламбо», откуда «Грумман» доставил его обратно в Вашингтон. На обнесенной высоким забором территории в сотне ярдов от того места, где маленький самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, команде обслуживания «Глобального ястреба» под кодовым именем «Мишель» как раз сообщили, что им следует собираться, так как через неделю пара тяжелых транспортных «Си-5» вернет их назад в Неваду.

Кэл Декстер не знал, куда пропал его шеф, и ни о чем не спрашивал. У него было задание: разобрать по камешкам структуру «Кобры».

Два корабля-ловушки отправились по домам, «Балморал» с британским экипажем в Лайм-Бей, графство Дорсет, а «Чесапик» – в Ньюпорт-Ньюс. Англичане, очень обрадовавшиеся подарку, решили использовать «Балморал» в борьбе с сомалийскими пиратами.

Две базы, с которых поднимались в воздух БСР, подготовили свои «Глобальные ястребы» для отправки обратно в Соединенные Штаты, однако у них осталось огромное количество информации, полученной в рамках Службы наблюдения за морскими просторами, которой определено предстояло сыграть свою роль в будущем, придя на смену гораздо более дорогостоящим самолетам-шпионам, управляемым людьми.

Пленники, все сто семь человек, были доставлены обратно с Орлиного острова, входящего в архипелаг Чагос, на борту транспортного «Си-130» американских ВВС. Каждому из них было позволено отправить краткое сообщение своим родным, которые пришли в неопишуемый восторг, так как считали их погибшими в море. Банковские счета, практически полностью истощенные, были объединены в один, для покрытия последних непредвиденных расходов, а центр связи, располагавшийся на последнем этаже склада в Анакостии, был сокращен в масштабах и переместился домой к Джереми Бишопу, который теперь управлялся со всем в одиночку. И тут Поль Деверо снова объявился. Выразив удовлетворение увиденным, он отвел Кэла Декстера в сторону.

– Тебе когда-нибудь приходилось слышать о Спиндрифт-Кее? – спросил Кобра. – В общем, это крошечный островок, по сути дела, коралловый атолл, в группе Багамских островов. Один из так называемых лишних островов. Необитаем, если не считать небольшого подразделения американских морских пехотинцев, которые проходят там курс выживания. Посреди Кея есть маленькая пальмовая рощица, и под сенью деревьев уложены многие ряды тюков. Сам можешь догадаться, что в них. Они должны быть уничтожены, все сто пятьдесят тонн. Я доверяю это дело тебе. Ты можешь себе представить совокупную стоимость всех этих тюков?

– Ну, можно прикинуть. Несколько миллиардов долларов.

– Совершенно верно. Я могу поручить это дело только тому, кому абсолютно доверяю. Канистры с бензином доставлены на место еще несколько недель назад. Тебе будет лучше всего добраться туда гидросамолетом из Нассау. Пожалуйста, отравляйся немедленно и сделай все, что нужно.

Кэл Декстер повидал в своей жизни многое, но только не гору стоимостью в миллиард, которую ему к тому же предстояло уничтожить. Даже одного тюка, который можно было бы уло-

жить в большой чемодан, хватило бы, чтобы до конца жизни больше не знать забот о деньгах. Декстер вылетел регулярным рейсом из Вашингтона в Нассау и поселился в гостинице «Передайз-Айленд». Вопрос дежурному администратору и один телефонный звонок обеспечили ему гидросамолет, готовый подняться в воздух завтра на рассвете.

До острова Спидрифт-Кей было чуть больше ста миль, и перелет занял час. В марте на Багамах уже тепло, и море, как обычно, принимает невероятный аквамариновый оттенок между островами, прозрачно-бледный над песчаными отмелями. Островок был настолько уединенным, что летчик дважды сверялся с навигатором, уточняя, что не сбился с курса.

Через час после вылета он сделал разворот и указал на море.

– Вот он, мистер, – крикнул летчик, перекрывая рев двигателя.

Декстер посмотрел вниз. Вид был прямо из туристической брошюры. Меньше одного квадратного километра, с рифом, окружающим бледно-голубую лагуну, попасть в которую можно через единственную брешь в кораллах. Темное пятно пальм в середине ничем не намекало на смертоносное сокровище, спрятанное под сочными листьями.

От сияющего белизной песчаного берега в море отходил убогий причал, к которому, по-видимому, приставало судно снабжения. Из накрытого маскировочной сеткой лагеря на берегу под пальмами появились две фигуры, уставившиеся вверх. Гидросамолет сделал круг, сбросил скорость и начал снижаться к поверхности воды.

– Высадите меня у пристани, – попросил Декстер.

– Не хотите даже ноги мочить? – усмехнулся летчик.

– Может быть, как-нибудь потом.

Декстер выбрался из кабины, шагнул на поплавок и уже с него перепрыгнул на пристань. Нырнув под крылом, он оказался лицом к лицу с суровым старшим сержантом. За спиной у стража острова был еще один морской пехотинец, и оба были вооружены пистолетами.

– Сэр, какое дело привело вас сюда?

Тон был безукоризненно вежливым, однако смысл слов не оставлял никаких сомнений. У тебя должна быть веская причина быть здесь, в противном случае больше ни шага вперед. Вместо ответа Декстер достал из внутреннего кармана куртки сложенное письмо.

– Пожалуйста, прочитайте это очень внимательно, старший сержант, и обратите внимание на подпись.

Когда ветеран-морпех прочитал документ, у него вытянулось лицо, и лишь долгие годы армейской дисциплины помогли ему скрыть свое изумление. Старшему сержанту много раз приходилось видеть портрет верховного главнокомандующего, но он даже подумать не мог, что когда-нибудь увидит собственноручный автограф президента Соединенных Штатов Америки. Декстер протянул руку, забирая письмо.

– Итак, старший сержант, у нас с вами один верховный главнокомандующий. Моя фамилия Декстер, я из Пентагона. Впрочем, это не имеет значения. Письмо козырной картой бьет меня, вас и даже министра обороны. И оно требует от вас содействия. Надеюсь, я его получу?

Вытянувшись в струнку, морской пехотинец уставился вдаль поверх головы Декстера.

– Так точно, сэр! – рявкнул он.

Летчик был нанят на целый день. Устроившись в тени под крылом, он стал ждать. Декстер и старший сержант прошли по пристани на берег. Там их встретили двенадцать крепких молодых парней, почерневших на солнце, которые на протяжении многих недель ловили рыбу, купались, слушали радио, читали книги и поддерживали себя в форме ежедневными упражнениями.

Декстер обратил внимание на канистры с бензином, составленные в тени. Он направился к деревьям. Рожица занимала не больше двух акров, и посередине через нее была проложена дорожка. По обе стороны от дорожки в тени пальм лежали тюки. Они были уложены приземистыми прямоугольными грудками, количеством около сотни, примерно по полторы тонны в каждой – девятимесячный улов двух рейдеров, скрытно орудовавших в море.

– Вам известно, что это такое? – спросил Декстер.

– Никак нет, сэр, – ответил старший сержант.

«Ни о чем не спрашивайте и ничего не говорите», но только чуточку в другом контексте.

– Это документы. Старые архивы. Но сверхсекретные. Вот почему президент не хочет, чтобы они когда-либо попали в руки врагов нашей родины. В Овальном кабинете решили, что лучше всего их уничтожить. Вот для чего бензин. Пожалуйста, попросите своих людей принести

канистры и облить все груды.

Для старшего сержанта упоминания о врагах родины оказалось более чем достаточно. Крикнув: «Так точно, сэр!», он поспешил обратно к берегу.

Декстер медленно прошелся по дорожке между пальмами. Начиная с прошлого июля, он уже видел несколько тюков, но ничего подобного этому. Позади появились морские пехотинцы с канистрами и принялись усердно поливать груды тюков. Декстер никогда не видел, как горит кокаин, но ему говорили, что наркотик легко воспламеняется, если его поджечь с помощью какой-нибудь горючей жидкости.

Вместо брелока у Декстера на связке ключей висел на цепочке швейцарский перочинный ножик, а поскольку он летел по официальному служебному паспорту, в международном аэропорту имени Даллеса ножик у него не отобрали. Из любопытства Декстер откинул короткое лезвие и проткнул ближайший тюк. А почему бы и нет? Он еще никогда не пробовал кокаин и, скорее всего, больше никогда его не попробует.

Острое лезвие прорезало мешковину и плотный полиэтилен и погрузилось в порошок. Когда Декстер вытащил нож, на кончике осталась горка белой пыли. Он повернулся спиной к морским пехотинцам, чтобы те не видели, что на самом деле содержится в «секретных документах».

Декстер слизнул белую горку с острия ножа. Подержал ее во рту, чтобы порошок, растворившись в слюне, достиг вкусовых рецепторов. Его ждало удивление. Вкус оказался знакомым.

Подойдя к другому тюку, Декстер проделал то же самое. Но только разрез был уже больше, и образец тоже больше. Затем еще и еще. Вернувшись молодым парнем из Вьетнама, уволившись из армии, Декстер учился на юридическом факультете Фордэмского университета в Нью-Йорке, и чтобы заработать на жизнь, ему приходилось браться за любую работу. Одной из них была работа грузчиком в бакалейной лавке. И он очень хорошо запомнил вкус пищевой соды.

Декстер успел разрезать на пробу еще десять различных тюков, прежде чем они были облиты бензином и воздух наполнился характерным резким запахом. Декстер в задумчивости вернулся на берег. Взяв пустую канистру, он уселся на нее и уставился на море. Через полчаса к нему подошел старший сержант.

– Задание выполнено, сэр.

– Поджигайте, – приказал Декстер.

Он услышал отрывистое приказание «Всем отойти в сторону», повторенное несколько раз, после чего раздался глухой хлопок воспламенившихся паров бензина, и над пальмовой рощей поднялся дым. В марте на Багамах дуют сильные ветры, и уверенный бриз превратил вспыхнувшее пламя в горнило.

Обернувшись, Декстер смотрел, как огонь пожирает пальмы и спрятанное под ними сокровище. Пилот гидросамолета вскочил на ноги, с разинутым ртом взирая на происходящее. Дюжина морских пехотинцев стояла в стороне, глядя на свою работу.

– Скажите, старший сержант...

– Да, сэр.

– Как к вам сюда попадали тюки с документами?

– На борту судна, сэр.

– Они были перевезены за один раз, одной партией?

– Никак нет, сэр. Судно приходило не меньше десятка раз. В течение всего того времени, что мы находимся здесь.

– Каждый раз одно и то же судно?

– Так точно, сэр. Одно и то же.

Разумеется. Было еще одно судно. Флотилия вспомогательных кораблей обслуживала «морских котиков» и британских спецназовцев в море, забирая отходы и пленных. Доставляя продовольствие и горючее. Однако конфискованный груз не отправлялся ни в Гибралтар, ни в Виргинию. Кобре нужны были упаковки с номерами партий и идентификационными кодами, чтобы обманывать Картель. Поэтому эти трофеи он оставлял себе. И хранил их, судя по всему, здесь.

– Какое судно?

– Небольшое, сэр. Независимый фрахт.

– Государственная принадлежность?

– Не могу сказать, сэр. На корме висел флаг. На нем что-то вроде двух запятых. Одна красная, другая синяя. И команда азиатская.

– Название?

Старший сержант наморщил лоб, стараясь вспомнить. Затем обернулся.

– Анджело!

Ему пришлось кричать, перекрывая гул пламени. Один из морских пехотинцев встрепетнулся и подбежал к командиру.

– Как называлась та посудина, что доставляла сюда тюки?

– «Дух моря», сэр. Такое название было у нее на корме. Выведенное новой белой краской.

– А под названием?

– Простите, сэр, что под названием?

– Под названием на корме обычно указывается порт приписки.

– А, да. Что-то на «Пу».

– Пусан?

– Оно самое, сэр, так точно. Пусан. Это все, сэр?

Декстер кивнул. Анджело бегом вернулся к своим товарищам. Поднявшись на ноги, Декстер прошел до конца пристани. Здесь он был совершенно один, и, если повезет, ему удастся поймать сигнал сотового телефона. Декстер мысленно похвалил себя за то, что оставил заряжаться аккумулятор на всю ночь. К огромному его облегчению, верный Джереми Бишоп, как обычно, сидел за своими компьютерами, пожалуй, единственным, что осталось от проекта «Кобра».

– Слушай, твоя моторизованная банка с сардинами может переводить на корейский язык? – спросил Декстер.

Ответ был однозначно четким.

– На любой мировой язык, если загрузить соответствующую программу. Ты сейчас где находишься?

– Неважно. Единственное средство связи у меня – этот сотовый. Как по-корейски будет «Дух моря» или «Морской дух»? И не сажай напрасно мой аккумулятор.

– Я перезвоню.

Телефон зазвонил через две минуты.

– У тебя под рукой есть бумага и ручка?

– Неважно. Говори.

– Хорошо. По-корейски это будет «Хей-Син». Диктую по буквам: Хорейс, Эрнст...

– Я знаю, как это пишется. Ты можешь разыскать одно судно? Небольшое. Называется или «Хей-Син», или «Дух моря». Плавает под южнокорейским флагом. Порт приписки Пусан.

– Перезвоню через две минуты.

Связь прервалась. Джереми Бишоп был верен своему слову. Ровно через две минуты раздался новый звонок.

– Я его нашел. Водоизмещение пять тысяч тонн, торговое судно общего назначения. Называется «Дух моря». Название зарегистрировано в этом году. Что это за судно?

– Где оно находится прямо сейчас?

– Жди.

Далеко в Анакостии Джереми Бишоп яростно застучал по клавиатуре. Затем он сказал:

– Торгового агента у него нет, в реестрах оно не значится. Может быть где угодно. Так, подожди-ка. У капитана есть электронная почта.

– Свяжись с ним и спроси, где он находится. Точные координаты. Курс и скорость.

Новая пауза. Аккумулятор телефона быстро садился.

– Я связался с капитаном по электронной почте. Задал ему вопросы. Он отказывается отвечать. Спрашивает, кто ты такой.

– Скажи, это Кобра.

Пауза.

– Капитан ведет себя очень вежливо, но настаивает на том, что ему необходим «пароль авторизации».

– Он имеет в виду код доступа. Передай ему: «ХЕЙ-СИН».

Когда Бишоп заговорил снова, в его голосе прозвучало уважение.

– Откуда ты это узнал? Я получил все, что ты хотел узнать. Будешь записывать?

– Карты у меня все равно с собой нет, черт побери. Просто скажи, где это, твою мать.

– Только не падай в обморок. В ста милях к востоку от Барбадоса, идет курсом 270 градусов со скоростью десять узлов. Мне поблагодарить капитана «Духа моря»?

– Да. А затем узнай, нет ли у нас между Барбадосом и Колумбией какого-нибудь военного корабля.

– Я тебе перезвоню.

К востоку от Барбадоса, курс строго на запад. Через цепочку Подветренных островов, мимо голландских Антильских островов и напрямик в территориальные воды Колумбии. Корейское судно находится так далеко на юге, что ждать его на Багамах бесполезно. Последний груз, принятый с борта «Балморала», оно уже доставило туда, куда было приказано. Триста миль; тридцать часов. Завтра днем. Джереми Бишоп перезвонил снова.

– Ничегошеньки. В Карибском море у нас ничего нет.

– А тот бразильский майор все еще на островах Зеленого Мыса?

– По счастливой случайности, да. Через два дня выпуск его учеников, поэтому по обоюдному соглашению майор Мендоса задержался на Фогу, чтобы их поздравить, после чего он сложит с себя полномочия и перегонит самолет. Но вот американских связистов уже отозвали. Они вернулись в Штаты.

– Ты можешь связать меня с Мендосой? И каким способом?

– Можно отправить ему письмо по электронной почте или послать текстовое сообщение на сотовый.

– Сделай и то, и другое. Мне нужен его номер телефона, и пусть он будет ровно через два часа ждать от меня звонка. Мне пора уходить. Я позвоню тебе из гостиницы, через час сорок. Обязательно раздобудь для меня номер Мендосы. Чао.

Декстер прошел к гидросамолету. В сгоревшей дотла пальмовой рожице умирали последние огоньки. От деревьев остались одни обугленные пеньки. С точки зрения экологии было совершено страшное преступление. Помахав рукой оставшимся на берегу морским пехотинцам, Декстер забрался в кабину самолета.

– В гавань Нассау, пожалуйста. И как можно быстрее.

Через полтора часа он уже был у себя в номере в гостинице, а еще через десять минут позвонил Бишопу.

– У меня все готово, – ответил радостный голос из Вашингтона, после чего продиктовал номер.

Не дожидаясь назначенного срока, Декстер позвонил. Ему ответили тотчас же.

– Майор Жуанью Мендоса?

– Да.

– Мы с вами не встречались, но это я на протяжении последних месяцев руководил вашими действиями. Первым делом позвольте от всего сердца поблагодарить и поздравить вас. Во-вторых, можно задать один вопрос?

– Да.

– Вы помните, что эти ублюдки сделали с вашим младшим братом?

Последовала долгая пауза. Если бы Мендоса обиделся, он бы просто окончил разговор. Наконец в трубке снова раздался глухой голос.

– Помню, очень хорошо. А что?

– Вы знаете, сколько граммов кокаина потребовалось, чтобы убить вашего брата?

– Совсем немного. Может быть, десять. И опять же, а что?

– Есть одна цель, которую я никак не смогу достать. Но вы сможете. Она идет с грузом в сто пятьдесят тонн чистого кокаина. Этого достаточно, чтобы убить человека сто миллионов раз. Речь идет о корабле. Вы сможете его потопить?

– Местонахождение и расстояние от Фогу?

– Беспилотных разведчиков в воздухе больше нет. На вашей базе не осталось американцев. Руководящего голоса из Невады не будет. Вам придется ориентироваться самостоятельно.

– В бразильских ВВС я летал на одноместных истребителях. Вот так. Диктуйте местонахождение цели.

Полдень в Нассау. Полдень на Барбадосе. Лететь на запад вместе с солнцем. Взлет и две

тысячи сто миль в пути, четыре часа. На околосвуковой скорости. В четыре часа дня еще будет светло. Шесть часов на десяти узлах для «Хей-Сина».

– В сорока морских милях к востоку от Барбадоса.

– Я не смогу вернуться обратно.

– Приземлитесь где-нибудь там. В Бриджтауне, на Барбадосе. На Сент-Люсии. На Тринидаде. Я решу все формальности.

– Назовите точные координаты. Градусы, минуты и секунды северной широты и западной долготы.

Декстер продиктовал название судна, его описание, сказал, под каким оно идет флагом, и назвал приблизительные координаты с поправкой на шесть часов курсом строго на запад.

– Вы это сможете? – спросил он. – Без штурмана, без направления по радио, без целеуказателя. Максимальная дальность. Сможете?

Казалось, он впервые обидел бразильского летчика.

– Сеньор, у меня есть самолет, есть навигатор GPS, есть глаза, есть солнце. Я летчик. Это мое ремесло.

И в трубке послышались гудки.

Глава 17

Прошло полчаса от того момента, как майор Жуанью Мендоса захлопнул свой сотовый телефон, до того, как он ощутил мощный толчок последних двух реактивных ускорителей, и старенький «Букканир» стремительно поднялся в воздух, направляясь на свое последнее задание.

Мендоса не отказался от предполетной подготовки ради того, чтобы цель успела преодолеть на каких-нибудь несколько миль меньше. Он проследил за тем, как наземная команда англичан залила в топливные баки «Букканира» полную дозу в двадцать три тысячи фунтов горючего, что давало максимальную дальность полета две тысячи двести морских миль.

Пушки были заряжены одними только бронебойными снарядами. Трассирующие снаряды при свете дня будут не нужны, не понадобятся и зажигательные, так как поджигать ничего не придется. Цель представляет собой сплошную сталь.

Пока шла подготовка, майор поработал с картами, рассчитал высоту и скорость, определяя время до цели по старинке, с картой и калькулятором. Карта, сложенная длинными узкими листами, в полете будет пристегнута ему к правому бедру.

По воле случая остров Фогу лежит практически точно на пятнадцатой параллели, как и Барбадос. Самолету предстояло держать курс 270 градусов, строго на запад. У Мендосы было точное указание местонахождения цели, которое два часа назад ему сообщил американец. Через четыре часа навигатор GPS с такой же точностью выдаст его собственное положение. Останется только сделать поправку на путь, пройденный целью за шесть часов, снизиться и начать охоту, бережно расходуя последние фунты горючего. После чего приземлиться в столице Барбадоса Бриджтауне, имея в баках только пары керосина. Все проще простого.

Майор Мендоса сложил свои немногие ценные вещи вместе с паспортом и небольшой суммой в долларах в маленькую сумку, которую запихнул между ногами. Затем попрощался с командой наземного обслуживания, поочередно обняв каждого англичанина.

Когда сработали реактивные ускорители, бразильский летчик, как всегда, ощутил толчок в спину, как будто его лягнул мул. Он держал штурвал ровно до тех пор, пока самолет не оказался над голубыми волнами, тронутыми каймой белой пены, после чего быстро набрал высоту.

Через считанные минуты «Букканир» уже был на пятнадцатой параллели и, направив нос строго на запад, поднялся на крейсерский эшелон тридцать пять тысяч футов и перевел двигатели на экономичный режим работы, позволяющий получить максимальную дальность полета. И дальше оставалось только смотреть, как навигатор отсчитывает оставшиеся позади мили.

Никаких ориентиров на всем пути между Фогу и Барбадосом нет. Бразильский летчик-ветеран видел под собой пушистые белоснежные кучевые облака, а в разрывах между ними далеко внизу – темную синеву Атлантики.

Через три часа полета Мендоса определил, что отстает от расчетного графика, поскольку приходилось делать поправку на сильный встречный ветер. Когда навигатор сообщил, что самолет находится в двухстах милях от предполагаемого положения цели, летчик сбросил мощность

двигателей и начал снижаться к поверхности океана. Он хотел оказаться на высоте пятисот футов в десяти милях за «Хей-Сином».

На высоте тысячи футов Мендоса перешел на горизонтальный полет и перевел двигатели на максимально экономичный режим работы. Теперь скорость отошла на второй план; бразильцу требовалось время на поиски, поскольку океан оставался пустынным, а из-за встречного ветра горючего было израсходовано значительно больше запланированного. Наконец Мендоса увидел впереди небольшое судно. Оно находилось справа от него, и ему оставалось до Барбадоса приблизительно шестьдесят морских миль. Заложив вираж, майор опустил нос «Букканира», чтобы облететь судно вокруг кормы, прочитать название и рассмотреть флаг.

Летя со скоростью триста узлов на высоте сто футов, Мендоса сначала увидел флаг. Он его не узнал. На самом деле это был флаг голландских Антильских островов. Моряки высыпали на корму, глядя на черное явление, с ревом пронесшееся мимо. Мендоса разглядел груз – обработанная древесина – и наконец прочитал название. «Принс Биллем». Это было голландское судно, доставлявшее доски на Кюрасао. Поднявшись на тысячу футов, майор проверил датчик топлива. Ничего хорошего.

Его местонахождение, определенное системой GPS, практически полностью совпадало с положением «Хей-Сина», которое судно занимало шесть часов назад. Других кораблей кроме голландского судна в море больше не было. Возможно, цель отклонилась от курса. Спрашивать американца, в тревоге грызущего ногти в Нассау, бесполезно. Рассудив, что судно с грузом кокаина впереди, Мендоса решил рискнуть и дал газу, держа курс 270 градусов. И он оказался прав.

В отличие от самолета, которому на высоте тридцать пять тысяч футов приходилось бороться с встречным ветром, «Хей-Син» шел по ветру, развивая скорость двенадцать узлов вместо десяти. Мендоса обнаружил его всего в тридцати милях от одной из курортных жемчужин Карибского моря. Пролет над кормой показал две капли, красную и синюю, флага Южной Кореи, и новое название «Дух моря». И снова на палубу выбежали маленькие фигурки, смотрящие в небо.

У майора Мендосы не было никакого желания убивать моряков. Он решил оторвать судно нос и корму. Развернув «Букканир», он набрал высоту и, описав широкую дугу, приблизился к цели с борта. Подняв предохранительную крышку с гашетки, бразильский летчик выполнил разворот и опустил нос самолета для входа в пики. Бомб у него не было, но пушки справятся с работой.

В конце далеких пятидесятых Королевскому ВМФ потребовался новый реактивный пикирующий бомбардировщик, чтобы бороться с советскими крейсерами класса «Свердлов». Был объявлен конкурс на лучший проект. Компания «Блэкберн» предложила свой «Букканир», и моряки заказали пробную партию. Первый вылет самолет совершил в 1962 году, и тогда английские моряки рассматривали его лишь как временную меру. «Букканир» же оставался в строю в 1991 году, воюя с Саддамом Хусейном, но уже на суше, в составе Королевских ВВС.

Компания «Блэкберн» создавала новый самолет в трудные для себя времена. Чтобы удержаться на плаву, ей приходилось выпускать кастрюли и сковородки. Как выяснилось впоследствии, это оказалось очень кстати. «Букканир» явился настоящим гением инженерной мысли. Не обладая внешней красотой, он получился прочным и универсальным. И очень надежным; два его двигателя «Спей» производства компании «Роллс-Ройс» никогда не выходили из строя.

В течение целого года майор Мендоса использовал самолет в качестве перехватчика и сбил семнадцать самолетов с кокаином, отправив на морское дно двадцать тонн белого порошка. Но сейчас, заходя в атаку на бреющем полете, ветеран «Букканир» вернулся к тому, для чего создавался изначально. И снова стал штурмовиком для борьбы с надводными кораблями.

Когда до цели оставалось восемьсот ярдов, Мендоса надавил большим пальцем на гашетку, проводя взглядом смертоносные потоки бронебойных снарядов калибра 30 миллиметров, устремившиеся к носовой части «Хей-Сина». К тому времени как бывший майор бразильских ВВС оторвал палец от гашетки, потянул штурвал на себя и с ревом пронесся над палубой, снаряды полностью оторвали судно нос.

Оно мгновенно остановилось, наткнувшись на стену морской воды, устремившейся в носовые отсеки. И тотчас же маленькие фигурки бросились к спасательной шлюпке, срывая с нее брезентовый чехол. Набрав высоту, «Букканир» выполнил новый разворот по пологой дуге, и пилот через стекло кабины осмотрел свою работу.

Второй удар был нанесен со стороны кормы. Майору Мендосе хотелось надеяться, что механик успел покинуть машинное отделение; оно находилось как раз в прицеле. Новый поток снарядов разорвал корму, кромсая руль, винты, два гребных вала и машину, превращая их в искореженные обломки.

Фигуркам на палубе удалось спустить шлюпку на воду, и они поспешно перебирались в нее. Кружа на высоте тысяча футов, летчик наблюдал за тем, как «Хей-Син» стремительно погружается, забирая воду носом и кормой. Убежденный в том, что с судном кончено и «Принс Биллем» подберет команду, майор Мендоса повернул в сторону Барбадоса. И тут правый «Спей», во время второго захода уже работавший на одних парах керосина, заглох.

Взгляд на датчик уровня топлива сообщил, что второй двигатель также работает на пределе. Мендоса использовал последние несколько фунтов керосина, чтобы набрать высоту, и к тому времени, как заглох левый «Спей», он успел вытащить «Букканир» на восемь тысяч футов. Как всегда, тишина после того, как заглохли оба двигателя, показалась абсолютной. Мендоса видел далеко впереди остров, однако о том, чтобы дотянуть до него, не могло быть и речи. Преодолеть такое расстояние, планируя с неработающими двигателями, было невозможно.

Прямо по курсу бразильский ветеран увидел на воде маленькое белое перышко, Л-образный бурун, оставленный маленькой рыбацкой шхуной. Он направил самолет в ту сторону, превращая высоту в скорость, пронесся на тысяче футов над рыбаками, удивленно задравшими головы вверх, затем потянул штурвал на себя, превращая скорость обратно в высоту, дернул рычаг катапульты и вылетел через отстрелившийся колпак кабины.

Господа Мартин и Бейкер знали свое дело.⁴³ Кресло унесло летчика вверх, прочь от обреченного бомбардировщика. Пневматический рычаг выпихнул его из стального кресла, безобидно упавшего в воду, и он повис в лучах клонящегося к закату солнца под парашютом. Через несколько минут Мендосу, кашляющего и выплевывающего воду, вытащили на корму шхуны «Бертран Моппи».

В двух милях впереди над морем взметнулся гейзер белой пены – это «Букканир» носом вперед нырнул в недра Атлантики. Над бразильским летчиком, лежащим между тремя дохлыми колючими пеламидами и парусником, склонились двое американских рыбаков.

– Приятель, с тобой все в порядке? – спросил один из них.

– Да, благодарю вас. Все отлично. Мне нужно связаться с одним человеком на Багамах.

– Никаких проблем, – ответил пожилой рыбак, как будто на него каждый день сваливаются с неба летчики бомбардировщиков морской авиации. – Можете воспользоваться моим сотовым.

Майора Мендосу арестовали в Бриджтауне, однако уже к вечеру сотрудник американского посольства добился его освобождения. С собой он принес смену одежды. Власти Барбадоса приняли версию об отказе двигателей самолета, поднявшегося в учебный полет с американского авианосца, на борту которого находился бразильский летчик, прикомандированный к ВМФ США. Американский дипломат, сам озадаченный полученным приказом, понимал, что это полная ерунда, однако дипломатов недаром учат лгать убедительно. На следующий день власти Барбадоса беспрепятственно отпустили бразильца домой.

Эпилог

Скромный маленький автомобиль въехал в небольшой городок Пеннингтон, штат Нью-Джерси, и водитель оглянулся вокруг, осматривая приметы своего дома, где он уже так давно не был.

К югу от перекрестка, обозначающего центр Пеннингтона, стоял белый деревянный дом с табличкой «Кэлвин Декстер, частный адвокат». Машина проехала мимо. Дом выглядел заброшенным, но водитель знал, что ему доставит удовольствие навести порядок, а затем можно будет посмотреть, осталась ли у него еще какая-нибудь юридическая практика.

На пересечении Главной улицы и Вест-Делавар-авеню, в самом сердце Пеннингтона,

⁴³ Имеются в виду Джеймс Мартин и Валентайн Бейкер, основатели компании «Мартин-Бейкер Эркафт», одного из пионеров и ведущего британского производителя катапультных кресел.

Декстер остановился, делая выбор между чашкой крепкого черного кофе в кафе и чем-нибудь более существенным в пиццерии напротив. Затем он увидел новый продовольственный магазин и вспомнил, что ему нужно закупить продукты домой. Декстер поставил на стоянку машину, купленную в комиссионном магазине неподалеку от аэропорта Ньюарка, где недавно совершил посадку его самолет, и вошел в магазин.

Набрав целую тележку, он подошел к кассе. За кассой сидел молодой парень, вероятно, студент, зарабатывающий на обучение в колледже, как когда-то приходилось поступать самому Декстеру.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Да, хорошо, что напомнили, – улыбнулся Декстер. – Не помешает захватить упаковку газировки.

– Холодильник прямо напротив. У нас как раз специальное предложение по коке.

Декстер нахмурился.

– Нет, я предпочитаю содовую.

Тревогу поднял приходской священник церкви Святой Марии на Саут-Ройял-стрит. Он был уверен в том, что его прихожанин находится в Александрии, поскольку встретил в универмаге его домработницу Мейзи с полной тележкой продуктов. Однако мистер Деверо пропустил две мессы подряд, чего с ним никогда не случалось. Поэтому после утреннего богослужения священник прошел пешком несколько сотен ярдов до изящного старого особняка на пересечении Саут-Ли и Саут-Фэрфакс.

К его удивлению, калитка, ведущая в обнесенный стеной садик, хотя вроде бы и закрытая, отворилась от легкого толчка. Это было странно. Мистер Деверо всегда отвечал по домофону и нажимал кнопку, дистанционно отпирающую замок.

Пройдя по дорожке, вымощенной розовым кирпичом, священник обнаружил, что входная дверь также открыта. Он побледнел и осенил себя крестным знаменем, увидев бедняжку Мейзи, которая в жизни никого не обидела, распростертую на полу прихожей, с аккуратной дырочкой от пули напротив сердца.

Священник уже собирался позвонить по сотовому и позвать на помощь, но тут увидел, что дверь в кабинет также приоткрыта. Дрожа от страха, он приблизился и заглянул внутрь.

Поль Деверо сидел за письменным столом, в кресле с высокой спинкой, которая поддерживала его тело и голову. Голова была запрокинута назад, остекленевшие глаза с легким удивлением смотрели невидящим взором в потолок. Впоследствии медицинская экспертиза установила, что он получил две пули в грудь, выпущенные в упор, и еще одну в висок – почерк профессиональных убийц.

Никто во всем Вашингтоне не понял, в чем дело. И только Кэл Декстер, узнавший о случившемся у себя дома из вечернего выпуска новостей по телевизору, догадался, что к чему. В этом не было ничего личного. Просто с доном Диего так поступать нельзя.